

Халдея с древнейших времен до возвышения Ассирии

Зенаид А. Рагозин

Chaldea: From the Earliest Times to the Rise of Assyria

Zénaïde A. Ragozin

Project Gutenberg

Электронная книга проекта "Проект Гутенберг" Халдея: От древнейших времен до возвышения Ассирии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Халдея: С древнейших времен до возвышения Ассирии

Автор: Зенаид А. Рагозин

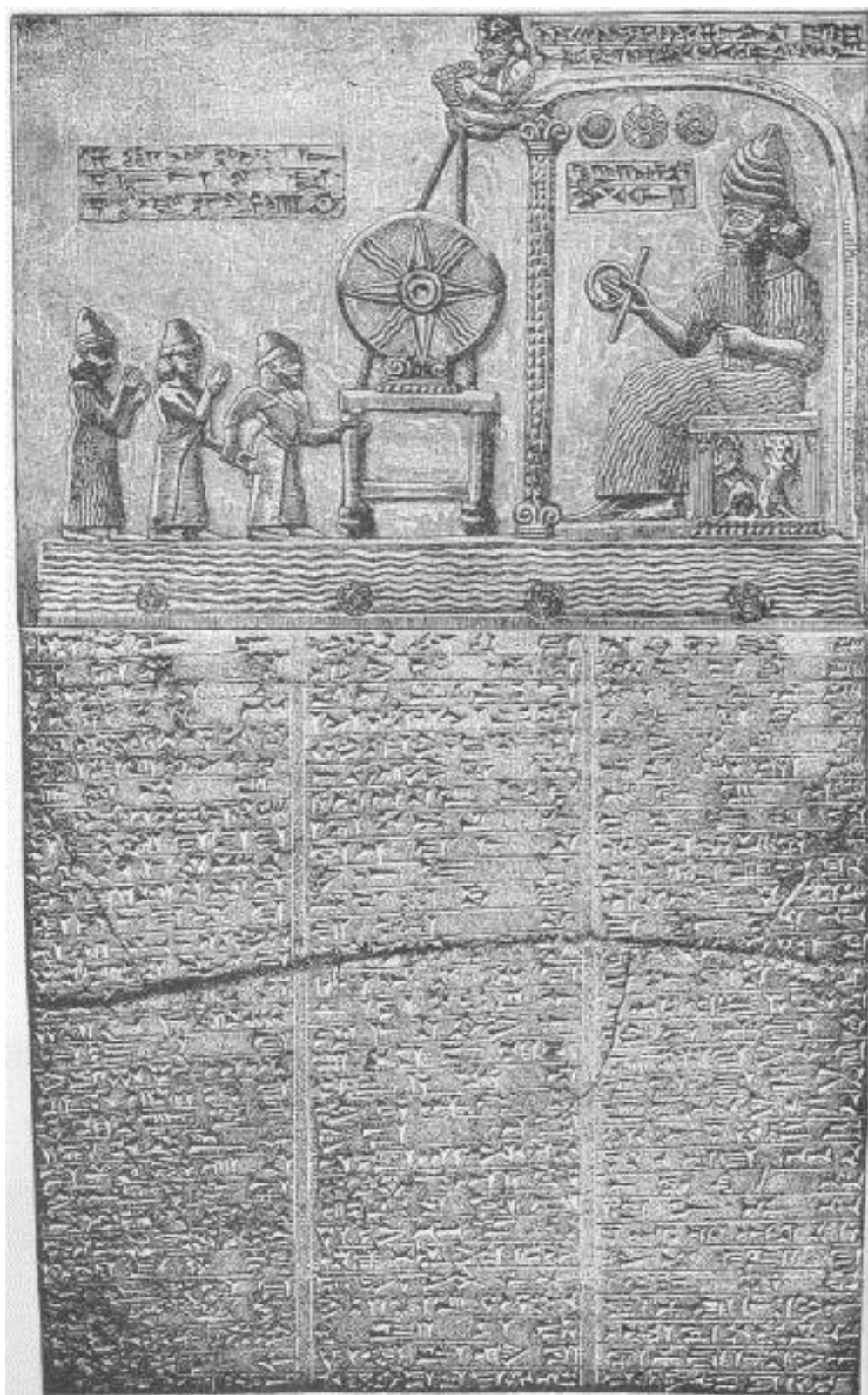
Дата выхода: 20 февраля 2008 [eBook #24654]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Тьерри Альберто, Браунфоксом и группой онлайн-распределенной корректуры проекта "Гутенберг".

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ХАЛДЕЯ: ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ВОЗВЫШЕНИЯ АССИРИИ ***

Электронный текст подготовлен Тьерри Альберто, Браунфоксом и Командой по распределенной корректуре проекта Гутенберг онлайн (<http://www.pgdp.net>)

ШАМАШ - БОГ СОЛНЦА. (Из храма Солнца в Сиппаре).

ХАЛДЕЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ВОЗВЫШЕНИЯ АССИРИИ (РАССМАТРИВАЕТСЯ КАК ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ)

ЗЕНАИДА А. РАГОЗИНА

ЧЛЕН ПАРИЖСКОГО ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, АМЕРИКАНСКОГО ВОСТОЧНОГО
ОБЩЕСТВА, ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ ПАРИЖСКОГО ВОСТОЧНОГО ОБЩЕСТВА, АВТОР КНИГ
"АССИРИЯ", "МЕДИА" И ДР.

"Он (Карлайл) говорит, что это часть его кредо, что история - это поэзия, если мы правильно
ее изложим" - Эмерсон.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ

Лондон

T. FISHER UNWIN

ПАТЕРНОСТЕР-СКВЕР

НЬЮ-ЙОРК: G. P. PUTNAM'S SONS

MDCCCXCIII

ЧЛЕНАМ КЛАССА, С ЛЮБОВЬЮ ВСПОМИНАЮЩИМ МНОГИЕ СЧАСТЛИВЫЕ ЧАСЫ, ЭТОТ И
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА С ЛЮБОВЬЮ НАДПИСАНЫ ИХ ДРУГОМ.

Автор.

Плантация Айдлуайлд,

Сан-Антонио.

КЛАССИФИЦИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

I.

СТРАНИЦА

исследователи

§ 1. Полное разрушение Ниневии.-§§ 2-4. Ксенофонт и "Отступление десяти тысяч". Греки проходят мимо развалин Калаха и Ниневии и не знают их.-§ 5. Проход Александра через Месопотамию.-§ 6. Арабское вторжение и правление.-§ 7. Турецкое правление и бесхозяйственность.-§ 8. Особенности природных условий Месопотамии.-§ 9. Фактически пустынное состояние страны.-§ 10. Равнины, усыпанные курганами. Их любопытный вид.-§ 11. Фрагменты произведений искусства среди мусора.-§ 12. Равнодушие и суеверие турок и арабов.-§ 13. Исключительная поглощенность европейских ученых классической древностью.-§ 14. Удручающий вид курганов по сравнению с другими развалинами.-§ 15. Рич, первый исследователь.-§ 16. Работа Ботты и отсутствие успеха.-§ 17. Великое открытие Ботты.-§ 18. Большой фурор, вызванный им.-§ 19. Первая экспедиция Лэйярда.

II.

Лэйярд и его работа

19-35

§ 1. Прибытие Лэйярда в Нимруд. Его волнение и мечты.-§ 2. Начало трудностей. Людоедский паша Моссула.-§ 3. Противодействие со стороны паши. Его злоба и коварство.-§ 4. Обнаружение гигантской головы. Испуг арабов, которые объявляют, что это Нимрод.-§ 5. Станные представления арабов о скульптурах.-§ 6. Жизнь Лэйярда в пустыне.-§ 7. Ужасная летняя жара.-§ 8. Песчаные бури и жаркие ураганы.-§ 9. Убогое жилище Лэйярда.-§ 10. Безуспешные попытки благоустройства.-§ 11. В чем состоит задача исследователя.-§ 12. Различные способы проведения раскопок.

III.

Руины

36-93

§ 1. Культура и искусство каждой страны определяются ее географическими условиями.-§ 2. Халдея испытывает абсолютный недостаток в дереве и камне.-§ 3. Большое количество грязи, пригодной для изготовления кирпичей; отсюда своеобразная архитектура Месопотамии. Древние руины до сих пор используются как карьеры для добычи кирпича для строительства. Торговля древними кирпичами в Хиллахе.-§ 4. Использование различных цементов.-§ 5. Строительство искусственных платформ.-§ 6. Руины зиккуратов; своеобразная форма и использование этого вида зданий.-§ 7. Рисунки, показывающие огромное количество труда, затраченного на эти сооружения.-§ 8. Халдейская архитектура, принятая без изменений ассирийцами.-§ 9. Камень, используемый для орнамента и облицовки стен. Водный транспорт в древние и современные времена.-§ 10. Внушительный вид дворцов.-§ 11. Реставрация дворца Сеннахериба Фергюссоном.-§ 12. Тротуары дворцовых залов.-§ 13. Ворота и скульптурные плиты вдоль стен. Фриз в расписных плитках.-§ 14. Пропорции дворцовых залов и кровли.-§ 15. Освещение залов.-§ 16. Причины страсти царей к строительству.-§ 17. Дренаж дворцов и платформ.-§ 18. Способы разрушения.-§ 19. Курганы как защита содержащихся в них руин. Засыпка раскопок.-§ 20. Отсутствие древних гробниц в Ассирии.-§ 21. Обилие и обширность кладбищ в Халдее.-§ 22. Варка (Эрех) - великий некрополь. Описание Лофтуса.-§ 23. "Гробы-кувшины".-§ 24. "Гробы с крышками-тарелками".-§ 25. Гробовые склепы.-§ 26. Гробы "в форме тапочка".-§ 27. Дренаж могильных курганов.-§ 28. Украшение стен расписными глиняными шишками.-§ 29. Открытия де Сарзека в Телль-Лохе.

IV.

§ 1. Цель создания книг.-§ 2. Книги не всегда были из бумаги.-§ 3. Всеобщая тяга к бессмертному имени.-§ 4. Недостаточность записей на различных материалах для письма. Всеобщая жажда знаний об отдаленном прошлом.-§ 5. Монументальные записи.-§ 6. Руины дворцов и храмов, гробницы и пещеры - книга прошлого.-§§ 7-8. Открытие Лэйярдом Королевской библиотеки в Ниневии.-§ 9. Работа Джорджа Смита в Британском музее.-§ 10. Его экспедиции в Ниневию, успех и смерть.-§ 11. Ценность библиотеки.-§§ 12-13. Содержание библиотеки.-§ 14. Скрижали.-§ 15. Цилиндры и таблички-основания.

ЧАЛДЕЯ.

I.

Кочевники и поселенцы. Четыре стадии культуры.

116-126

§ 1. Кочевники.-§ 2. Первые миграции.-§ 3. Пастушеская жизнь - вторая стадия.-§ 4. Сельскохозяйственная жизнь; зарождение государства.-§ 5. Строительство городов; царская власть.-§ 6. Последовательные миграции и их причины.-§ 7. Формирование наций.

II.

Великие расы.- Глава X. книги Бытия

127-142

§ 1. Шинар.-§ 2. Берос.-§ 3. Кто были поселенцы в Шинаре?-§ 4. Потоп, вероятно, не был всеобщим.-§§ 5-6. Благословенный род и проклятый, согласно Бытию.-§ 7. Генеалогическая форма гл. X Бытия.-§ 8. Эпонимы.-§ 9. Отсутствие некоторых белых рас в гл. X.-§ 10. Отсутствие черной расы.-§ 11. Отсутствие желтой расы. Характеристика туранцев.-§ 12. Китайцы.-§ 13. Кем были туранцы? Что стало с каинитами?-§ 14. Возможная идентичность тех и других.-§ 15. Поселенцы в Шинаре - туранцы.

III.

Туранская Халдея - Шумир и Аккад - зарождение религии

146-181

§ 1. Шумир и Аккад.-§ 2. Язык и название.-§ 3. Туранские миграции и традиции.-§ 4. Собрание священных текстов.-§ 5. "Религиозность" - отличительная черта человека. Ее первые побуждения и проявления.-§ 6. Магическая коллекция и работа о. Ленорманта.-§ 7. Теория мира Шумиро-Аккадов и их элементарные духи.-§ 8. Заклинание семи Маскимов.-§ 9. Злые духи.-§ 10. Арали.-§ 11. Колдуны.-§ 12. Колдовство и колдуны.-§ 13. Благодетельные духи, Ка.-§ 14. Меридуг.-§ 15. Амулет против злых чар.-§ 16. Болезни считаются злыми демонами.-§ 17. Талисманы. *Керубим*.-§ 18. Другие талисманы.-§ 19. Демон юго-западного ветра.-§ 20. Первые боги.-§ 21. *Уд*, солнце.-§ 22. *Нин-дар*, ночное солнце.-§ 23. *Гибиль*, огонь.-§ 24. Рассвет морального сознания.-§ 25. Совесть человека, овеществленная.-§§ 26-28. Покаянные псалмы.-§ 29. Общий характер туранских религий.

Приложение к главе III.

181-183

Поэтическая версия "Инкантации против семи Маскимов" профессора Л. Дайера.

IV.

Кушиты и семиты - ранняя халдейская история

184-228

§ 1. Оаннес - § 2. Были ли вторые поселенцы кушитами или семитами? Кушитская гипотеза. Древнейшие миграции.-§ 4. Эфиопы и египтяне.-§ 5. Ханаанеи.-§ 6. Возможная стоянка кушитов на островках Персидского залива.-§ 7. Колонизация Халдеи, возможно, кушитами.-§ 8. Неясность очень древней хронологии.-§ 9. Ранние даты.-§ 10. Непомерные цифры Бероза.-§ 11. Ранняя Халдея - рассадник народов.-§ 12. Кочевые семитские племена.-§ 13. Племя Арфаксада.-§ 14. Ур Халдейский.-§ 15. Ученые разделились между кушитской и семитской теориями.-§ 16. История начинается с семитской культуры.-§ 17. Жреческое правление. *Патесис*.-§§ 18-19. Шаррукин I (Саргон I) из Агадека.-§§ 20-21. Литературные труды второго Саргона.-§§ 22-23. Халдейский фольклор, афоризмы и песни.-§ 24. Открытие даты старшего Саргона - 3800 г. до н.э.-§ 25. Гудеа из Сир-гуллы и Ур-кеа из Ура.-§ 26. Преобладание Шумира. Ур-ка и его сын Дунги - первые цари "Шумира и Аккада" -§ 27. Их надписи и постройки. Вторжение эламитов.-§ 28. Элам.-§§ 29-31. Худур-Лагамар и Авраам.-§ 32. Суровость эламского правления.-§ 33. Возвышение Вавилона.-§ 34. Хаммурапи.-§ 35. Вторжение касситов.

V.

Вавилонская религия

229-257

§ 1. Вавилонский календарь.-§ 2. Астрономия, способствующая развитию религиозного чувства.-§ 3. Сабеизм.-§ 4. Жречество и астрология.-§ 5. Трансформация старой религии.-§ 6. Смутное зарождение монотеистической идеи. Божественные эманации.-§ 7. Верховная триада.-§ 8. Вторая триада.-§ 9. Пять планетарных божеств.-§§ 10-11. Двойственность природы. Мужское и женское начала. Богини.-§ 12. Двенадцать великих богов и их храмы.-§ 13. Храм Шамаша в Сиппаре и открытие г-на Рассама.-§ 14. Выживание старых туранских суеверий.-§ 15. Гадание, отрасль халдейской "науки".-§§ 16-17. Коллекция из ста табличек по гаданию. Образцы.-§ 18. Три класса "мудрецов". "Халдеи", в более поздние времена - слово, обозначающее "мага" и "астролога".-§ 19. Наше наследие от халдеев: солнечные часы, неделя, календарь, суббота.

VI.

Легенды и истории

258-293

§ 1. Космогонии разных народов.-§ 2. Древность Священных книг Вавилонии.-§ 3. Легенда об Оаннесе, рассказанная Беросом. Открытие Геоном Смитом таблицы творения. Смит, скрижалей сотворения и скрижалей потопа.-§§ 4-5. Халдейский рассказ о сотворении мира.-§ 6. Цилиндр с человеческой парой, деревом и змеей.-§ 7. Рассказ Бероса о сотворении мира.-§ 8. Священное дерево. Священность символа.-§ 9. Значение дерева- Символ. Космическое дерево.-§ 10. Связь символа дерева и зиккуратов с легендой о рае.-§ 11. Зиккурат Борсиппы.-§ 12. Его отождествляют с Вавилонской башней.-§§ 13-14. Особая ориентация зиккуратов.-§ 15. Следы легенд о священной роще или саде.-§ 16. Мумму-Тиамат, враг богов. Битва Бэла и Тиамат.-§ 17. Восстание семи злых духов, первоначально посланников богов.-§ 18. Великая башня и путаница языков.

VII.

Мифы. Герои и мифический эпос

§ 1. Определение слова миф.-§ 2. Герои.-§ 3. Героические века и героические мифы. Национальный эпос.-§ 4. Древнейший известный эпос.-§ 5. Рассказ Бероса о потопе.-§ 6. Гео. Смит обнаружил оригинальное халдейское повествование.-§ 7. Эпос, разделенный на книги или скрижали.-§ 8. Издубар - герой эпоса.-§ 9. Унижение Эреха в результате эламского завоевания. Сон Издубара.-§ 10. Провидец Кабани. Приглашение Издубара и его обещания.-§ 11. Послание, отправленное Кабани служанками Иштар. Его прибытие в Эрах.-§ 12. Победа Издубара и Кабани над тираном Хумбабой.-§ 13. Любовное послание Иштар. Ее отказ и гнев. Победа двух друзей над посланным ею быком.-§ 14. Месть Иштар. Путешествие Издубара к Устью Реки.-§ 15. Издубар переплывает Воды Смерти и получает исцеление от своего бессмертного предка Хасисадры.-§ 16. Возвращение Издубара в Эрах и оплакивание Кабани. Провидец переводится в число богов.-§ 17. Повествование о потопе в одиннадцатой скрижали эпоса Издубара.-§§ 18-21. Мифический и солнечный характер эпоса.-§ 22. Солнечный миф о прекрасном юноше, его ранняя смерть и воскрешение.-§§ 23-24. Думузи-Таммуз, муж Иштар. Праздник Думузи в июне.-§ 25. Спуск Иштар в страну мертвых.-§ 26. Универсальность солнечных и хтонических мифов.

VIII.

Религия и мифология.- Идолопоклонство и антропоморфизм.- Халдейские легенды и Книга Бытия.- Ретроспектива

§ 1. Определение мифологии и религии, как отличных друг от друга.-§§ 2-3. Примеры чистого религиозного чувства в поэзии Шумира и Аккада.-§ 4. Религия, часто заглушаемая мифологией.-§§ 5-6. Концепция бессмертия души, предложенная карьерой солнца.-§ 7. Это выражено в солнечных и хтонических мифах.-§ 8. Идолопоклонство.- § 9. Евреи, первоначально многобожники и идолопоклонники, возвращенные своими вождями к монотеизму.-§ 10. Их общение с племенами Ханаана, способствующее рецидивам.-§ 11. Междоусобные браки строго запрещены по этой причине.-§ 12. Поразительное сходство между Книгой Бытия и древними халдейскими легендами.-§ 13. Параллель между двумя рассказами о творении.-§ 14. Антропоморфизм, отличный от многобожия и идолопоклонства, но способствующий им обоим.-§§ 15-17. Продолжение параллели.-§§ 18-19. Ретроспектива.

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ, ПРОЧИТАННЫЕ ИЛИ ПРОСМОТРЕННЫЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ДАННОГО ТОМА.

Baer, Wilhelm. Der Vorgeschichtliche Mensch. 1 vol., Leipzig: 1874.

Baudissin, W. von. Studien zur Semitischen Religionsgeschichte. 2 vols.

Budge, E. A. Wallis. Вавилонская жизнь и история. ("Bypaths of Bible Knowledge" Series, V.) 1884. Лондон: The Religious Tract Society. 1 vol.

---- History of Esarhaddon. 1 vol.

Bunsen, Chr. Carl Jos. Gott in der Geschichte, oder Der Fortschritt des Glaubens an eine sittliche Weltordnung. 3 vols. Leipzig: 1857.

Кастрен, Александр. Kleinere Schriften. Санкт-Петербург: 1862. 1 том.

Кори. Ancient Fragments. London: 1876. 1 vol.

Delitzsch, Dr. Friedrich. Wo lag das Paradies? eine Biblisch-Assyriologische Studie. Leipzig: 1881. 1 vol.

---- Die Sprache der Kossäer. Leipzig: 1885 (или 1884?). 1 vol.

Duncker, Max. Geschichte des Alterthums. Leipzig: 1878. Том 1.

Fergusson, James. Восстановленные дворцы Ниневии и Персеполиса. 1 vol.

Happel, Julius. Die Altchinesische Reichsreligion, vom Standpunkte der Vergleichenden Religionsgeschichte. 46 страниц, Лейпциг: 1882.

Haupt, Paul. Der Keilinschriftliche Sintflutbericht, eine Episode des Babylonischen Nimrodepos. 36 страниц. Геттинген: 1881.

Hommel, Dr. Fritz. Geschichte Babyloniens und Assyriens (первая часть, 160 стр., 1885; и вторая часть, 160 стр., 1886). (Allgemeine Geschichte in einzelnen Darstellungen, Abtheilung 95 und 117.)

---- Die Vorsemitischen Kulturen in Ägypten und Babylonien. Leipzig: 1882 и 1883.

Лэйард, Остин Х. Открытия среди руин Ниневии и Вавилона. (Американское издание.) Нью-Йорк: 1853. 1 vol.

---- Nineveh and its Remains. London: 1849. 2 vols.

Lenormant, François. Les Premières Civilisations. Études d'Histoire et d'Archéologie. 1874. Париж: Maisonneuve et Cie. 2 vols.

---- Les Origines de l'Histoire, d'après la Bible et les Traditions des Peuples Orientaux. Paris: Maisonneuve et Cie. 3 vol. 1er vol. 1880; 2e vol. 1882; 3e vol. 1884.

---- La Genèse. Traduction d'après l'Hébreu. Paris: 1883. 1 vol.

---- Die Magie und Wahrsagekunst der Chaldäer. Jena, 1878. 1 vol.

---- Il Mito di Adone-Tammuz nei Documenti cuneiformi. 32 страницы. Firenze: 1879.

---- Sur le nom de Tammouz. (Extrait des Mémoires du Congrès international des Orientalistes.) 17 pages. Париж: 1873.

---- Руководство по древней истории Востока. Перевод Э. Шевалье. Американское издание. Филадельфия: 1871. 2 vols.

Лофтус. Chaldea and Susiana. 1 том. Лондон: 1857.

Lotz, Guilelmus. Quæstiones de Historia Sabbati. Lipsiae: 1883.

Maury, Alfred L. F. La Magie et l'Astrologie dans l'antiquité et en Moyen Age. Paris: 1877. 1 vol. Quatrième édition.

Maspero, G. Histoire Ancienne des Peuples de l'Orient. 3e édition, 1878. Paris: Hachette & Cie. 1 vol.

Ménant, Joachim. La Bibliothèque du Palais de Ninive. 1 том (Восточная Эльзевирская библиотека.) Париж: 1880.

Meyer, Eduard. Geschichte des Alterthums. Stuttgart: 1884. Том 1.

Мюллер, Макс. Лекции по науке о языке. 2 vols. Американское издание. New York: 1875.

Mürdter, F. Kurzgefasste Geschichte Babyioniens und Assyriens, mit besonderer Berücksichtigung des Alten Testaments. Mit Vorwort und Beigaben von Friedrich Delitzsch. Stuttgart: 1882. 1 vol.

Oppert, Jules. L'Immortalité de l'Ame chez les Chaldéens. 28 страниц. (Extrait des Annales de Philosophie Chrétienne, 1874.) Perrot et Chipiez.

Quatrefages, A. de. L'Espèce Humaine. Sixième édition. 1 vol. Paris: 1880.

Роулинсон, Джордж. The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World. London: 1865. 1 и 2 тома.

Records of the Past. Издано под эгидой Общества библейской археологии. Тома I. III. V. VII. IX. XI.

Сейс, А. Х. Свежий свет древних памятников. ("By-Paths of Bible Knowledge" Series, II.) 3d edition, 1885. London: 1 vol.

---- The Ancient Empires of the East. 1 vol. London, 1884.

---- Babylonian Literature. 1 vol. London, 1884.

Schrader, Eberhard. Keilinschriften und Geschichtsforschung. Giessen: 1878. 1 vol.

---- Die Keilinschriften und das Alte Testament. Giessen: 1883. 1 vol.

---- Istar's Höllenfahrt. 1 vol. Giessen: 1874.

---- Zur Frage nach dem Ursprung der Altbabylonischen Kultur. Berlin: 1884.

Smith, George. Assyria from the Earliest Times to the Fall of Nineveh. (Серия "Древняя история по памятникам".) Лондон: 1 том.

Тайлор, Эдвард Б. Первобытная культура. Второе американское издание. 2 vols. New York: 1877.

Zimmern, Heinrich. Babylonische Busspsalmen, umschrieben, übersetzt und erklärt. 17 страниц, 4to. Leipzig: 1885.

Многочисленные эссе сэра Генри Роулинсона, Фрида Делицша, Э. Шрадера и других, в переводе г-на Гео. Роулинсона в переводе Геродота, в "Библейском лексиконе Кальвера" и в различных периодических изданиях, таких как "Труды" и "Протоколы" "Общества библейской археологии", "Журнал протестантской теологии", "Зейтшрифт фюр Кейльшрифтфоршунг", "Археологическая газета" и др.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

		СТРАНИЦА
	ШАМАШ - БОГ СОЛНЦА. С таблички в Британском музее.	<i>Фронтиспис.</i>
1.	КЛИНОПИСНЫЕ СИМВОЛЫ <i>Ménant.</i>	10
2.	ХРАМ ÊА В ЭРИДХУ <i>Хоммель.</i>	23
3.	ВИД НА ЕВФРАТ ВОЗЛЕ ВАВИЛОНА <i>Вавилон.</i>	31
4.	КУРГАН ВАВИЛОНА <i>Опперт.</i>	33
5.	БРОНЗОВОЕ БЛЮДО <i>Перро и Чипес.</i>	35
6.	БРОНЗОВОЕ БЛЮДО (РИСУНОК КОВРА) <i>Перро и Чипес.</i>	37
7.	ЧАСТЬ БРОНЗОВОГО БЛЮДА <i>Перро и Чипес.</i>	39
8.	ВИД НА НЕББИ-ЮНУС <i>Бабелон.</i>	41
9.	ЗДАНИЕ ИЗ ОБОЖЖЕННОГО КИРПИЧА. <i>Перро и Чипес.</i>	43
10.	КУРГАН В ДЕВЯТИВЕ <i>Хоммель.</i>	45
11.	КУРГАН МУГЕЙР (ДРЕВНИЙ УР) <i>Тейлор.</i>	47
12.	СТЕНА ТЕРРАСЫ В ХОРСАБАДЕ <i>Перро и Чипес.</i>	49
13.	ПЛОТ, ПОДДЕРЖИВАЕМЫЙ НАДУТЫМИ ШКУРАМИ (ДРЕВНИЙ). <i>Каулен.</i>	51
14.	ПЛОТ С НАДУТЫМИ ШКУРАМИ (СОВРЕМЕННЫЙ) <i>Kaulen.</i>	51
15.	РАСКОПКИ В МУГЕЙРЕ (УР) <i>Хоммель.</i>	53
16.	ВОИНЫ, <i>Бабелон.</i>	55

	ПЛАВАЮЩИЕ НА НАДУТЫХ ШКУРАХ		
17.	ВИД НА КОЮНДЖИК	<i>Хоммель.</i>	57
18.	КАМЕННЫЙ ЛЕВ У ВХОДА В ХРАМ	<i>Перро и Чипес.</i>	59
19.	ДВОР ГАРЕМА В ХОРСАБАДЕ. ВОССТАНОВЛЕННЫ Й	<i>Перро и Чипес.</i>	61
20.	ОСНОВАНИЕ КРУГЛОЙ КОЛОННЫ	<i>Перро и Чипес.</i>	63
21.	ВИД ИЗНУТРИ НА КАМЕРУ ГАРЕМА	<i>Перро и Чипес.</i>	65
22, 23.	ЦВЕТНОЙ ФРИЗ ИЗ ЭМАЛИРОВАННЫХ ПЛИТОК	<i>Перро и Чипес.</i>	67
24.	ТРОТУАРНАЯ ПЛИТКА	<i>Перро и Чипес.</i>	69
25.	УЧАСТОК ДЕКОРАТИВНОГО ДВЕРНОГО ПРОЕМА, ХОРСАБАД	<i>Перро и Чипес.</i>	71
26.	КРЫЛАТЫЙ ЛЕВ С ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ГОЛОВОЙ	<i>Перро и Чипес.</i>	73
27.	КРЫЛАТЫЙ БЫК	<i>Перро и Чипес.</i>	75
28.	ЧЕЛОВЕК-ЛЕВ	<i>Перро и Чипес.</i>	77
29.	ФРАГМЕНТ ЭМАЛИРОВАННОГО КИРПИЧА	<i>Перро и Чипес.</i>	79
30.	ГОЛОВА БАРАНА ИЗ АЛЕБАСТРА	<i>Британский музей.</i>	81
31.	КОМОК ЧЕРНОГО ДЕРЕВА	<i>Перро и Чипес.</i>	81
32.	БРОНЗОВЫЕ ВИЛКА И ЛОЖКА	<i>Перро и Чипес.</i>	81
33.	АРМЯНСКАЯ ЛУВРА	<i>Ботта.</i>	83
34, 35.	СВОДЧАТЫЕ ВОДОСТОКИ	<i>Перро и Чипес.</i>	84
36.	ХАЛДЕЙСКАЯ БАНКА- ГРОБ	<i>Тейлор.</i>	85
37.	"КРЫШКА ДЛЯ ПОСУДЫ" ГРОБНИЦА В МУГЕЙРЕ.	<i>Тейлор.</i>	87
38.	ГРОБНИЦА С	<i>Тейлор.</i>	87

	"КРЫШКОЙ ДЛЯ ПОСУДЫ"		
39.	УСЫПАЛЬНИЦА В МУГЕЙРЕ	<i>Тейлор.</i>	89
40.	КАМЕННЫЕ КУВШИНЫ ИЗ МОГИЛ	<i>Хоммель.</i>	89
41.	СТОК В КУРГАНЕ	<i>Перро и Чипес.</i>	90
42.	СТЕНА С РИСУНКОМ ИЗ ТЕРРАКОТЫ	<i>Лофтус.</i>	91
43.	ТЕРРАКОТОВЫЙ КОНУС	<i>Лофтус.</i>	91
44.	ГОЛОВА ДРЕВНЕГО ХАЛДЕЯ	<i>Перро и Чипес.</i>	101
45.	ТО ЖЕ САМОЕ, ВИД В ПРОФИЛЬ	<i>Перро и Чипес.</i>	101
46.	КЛИНОПИСНАЯ НАДПИСЬ	<i>Perrot and Chipiez.</i>	107
47.	ГЛИНЯНАЯ ТАБЛИЧКА С НАДПИСЬЮ	<i>Smith's Chald. Gen.</i>	109
48.	ГЛИНЯНАЯ ТАБЛИЧКА В ФУТЛЯРЕ	<i>Hommel.</i>	111
49.	АНТИЧНАЯ БРОНЗОВАЯ ОПРАВА ЦИЛИНДРА	<i>Перро и Чипес.</i>	112
50.	ХАЛДЕЙСКИЙ ЦИЛИНДР И ОТТИСК	<i>Перро и Чипес.</i>	113
51.	АССИРИЙСКИЙ ЦИЛИНДР		113
52.	ПРИЗМА СЕННАХЕРИБА	<i>Британский музей.</i>	115
53.	ЦИЛИНДР С НАДПИСЬЮ ИЗ БОРСИПА	<i>Ménant.</i>	117
54.	СРАЖАЮЩИЕСЯ ДЕМОНЫ	<i>Британский музей.</i>	165
55.	ДЕМОН ЮГО-ЗАПАДНОГО ВЕТРА	<i>Перро и Чипес.</i>	169
56.	ГОЛОВА ДЕМОНА	<i>Британский музей.</i>	170
57.	OANNES	<i>Smith's Chald. Gen.</i>	187
58.	ЦИЛИНДР САРГОНА ИЗ АГАДЕКА	<i>Hommel.</i>	207

59.	СТАТУЯ ГУДЕА	<i>Hommel.</i>	217
60.	БЮСТ С ИМЕНЕМ НЕБО	<i>Британский музей.</i>	243
61.	ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ТАБЛИЧКИ С РАССКАЗОМ О ПОТОПЕ	<i>Smith's Chald. Gen.</i>	262
62.	ВАВИЛОНСКИЙ ЦИЛИНДР	<i>Smith's Chald. Gen.</i>	266
63.	ЖЕНСКИЕ КРЫЛАТЫЕ ФИГУРЫ И СВЯЩЕННЫЕ ДЕРЕВЬЯ	<i>Британский музей.</i>	269
64.	КРЫЛАТЫЕ ДУХИ ПЕРЕД СВЯЩЕННЫМ ДЕРЕВОМ	<i>Smith's Chald. Gen.</i>	270
65.	САРГОН АССИРИЙСКИЙ ПЕРЕД СВЯЩЕННЫМ ДЕРЕВОМ	<i>Перро и Чипес.</i>	271
66.	ОРЛИНОГОЛОВАЯ ФИГУРА ПЕРЕД СВЯЩЕННЫМ ДЕРЕВОМ	<i>Перро и Чипес.</i>	273
67.	ЧЕТЫРЕХКРЫЛАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ФИГУРА ПЕРЕД СВЯЩЕННЫМ ДЕРЕВОМ	<i>Перро и Чипес.</i>	275
68.	ХРАМ И ВИСЯЧИЕ САДЫ В КОЮНДЖИКЕ	<i>Британский музей.</i>	277
69.	ПЛАН ЗИККУРАТА	<i>Перро и Чипес.</i>	278
70.	ВОССТАНОВЛЕННЫ Й "ЗИККУРАТ"	<i>Перро и Чипес.</i>	279
71.	БИРС-НИМРУД	<i>Перро и Чипес.</i>	281
72, 73.	БЕЛЬ СРАЖАЕТСЯ С ДРАКОНОМ	<i>Перро и Чипес.</i>	289
74.	БИТВА МЕЖДУ БЕЛОМ И ДРАКОНОМ	<i>Smith's Chald. Gen.</i>	291
75.	ИЗДУБАР И ЛЕВ	<i>Smith's Chald. Gen.</i>	306
76.	ИЗДУБАР И ЛЕВ	<i>Британский музей.</i>	307
77.	IZDUBAR И ÊABÂNI	<i>Smith's Chald. Gen.</i>	309
78.	IZDUBAR И ЛЕВ	<i>Перро и Чипиз.</i>	310

79.	ЧЕЛОВЕК-
СКОРПИОН	<i>Smith's Chald. Gen.</i>	311
80.	КАМЕННЫЙ ПРЕДМЕТ
, НАЙДЕННЫЙ В АБУ-
ХАББЕ.		312

СТРАНЫ

ВОКРУГ ХАЛДЕИ.

ВВЕДЕНИЕ.

I.

МЕЗОПОТАМИЯ - КУРГАНЫ - ПЕРВЫЕ ИСКАТЕЛИ.

1. Примерно в 606 году до Рождества Христова Ниневия, великий город, была разрушена. Многие сотни лет она стояла в надменном великолепии, ее дворцы возвышались над Тигром и отражались в его быстрых водах; армия за армией выходила из ее ворот и возвращалась, нагруженная добычей из завоеванных стран; ее монархи ехали к месту жертвоприношения на колесницах, запряженных пленными царями. Но наконец пришло ее время. Народы собрались и окружили ее. Народная традиция рассказывает, как более двух лет длилась осада; как сама река поднималась и била по ее стенам; пока однажды огромное пламя не поднялось к небу; как последний из могущественного рода королей, слишком гордый, чтобы сдаться, спас таким образом себя, свои сокровища и свою столицу от позора рабства. На месте Ниневии больше никогда не возвышался город.

2. Прошло двести лет. Великие перемены произошли на земле. Персидские цари теперь правили Азией. Но и их величие клонилось к упадку, а семейные распри подрывали их власть. Один молодой принц восстал против своего старшего брата и решил вырвать у него корону главной силой. Для этого он собрал войско и призвал на помощь греческих наемников. Они пришли, 13 000 человек, во главе с храбрыми и прославленными полководцами, и выполнили свой долг перед ним, но их доблесть не смогла спасти его от поражения и смерти. Их собственный предводитель попал в засаду, и они начали отступление при самых печальных обстоятельствах и без особой надежды на спасение.

3. И все же им это удалось. Окруженные открытыми врагами и ложными друзьями, отслеживаемые и преследуемые, через песчаные пустоши и безлюдные горы, то изнывающие от жары, то оцепеневшие от холода, они наконец достигли солнечного и приветливого Геллеспонта. Это был долгий и изнурительный поход из Вавилона на Евфрате, возле которого произошла великая битва. Они могли бы не добиться успеха, если бы не выбрали себе великого и храброго полководца, Ксенофонта, благородного афинянина, чья слава ученого и писателя равна его славе воина и полководца. Немногие книги более интересны, чем оставленное им живое повествование о своих страданиях и страданиях своих товарищей в этой экспедиции, известной в истории как "Отступление десяти тысяч" - ведь именно до этого числа сократились первоначальные 13 000 человек в результате сражений, лишений и болезней. Столь культурный человек не мог не заметить, даже посреди опасности и под тяжестью забот, все, что было примечательного в чужих землях, которые он пересекал. Так, он рассказывает, как однажды его небольшая армия после форсированного марша ранним утром и схватки с легкими отрядами преследователей, отразив нападение и тем самым обеспечив себе короткий промежуток безопасности, двинулась дальше, пока не пришла к берегам Тигра. На этом месте, продолжает он, находился огромный пустынный город. Его стена была двадцать пять футов в ширину, сто футов в высоту и почти семь миль в окружности. Он был построен из кирпича с каменным подвалом высотой в двадцать футов. Рядом с городом возвышалась каменная пирамида, сто футов в ширину и двести в высоту. Ксенофонт добавляет, что этот город назывался Ларисса и что в древности его населяли медяне; что царь Персии, отняв власть у медян, осадил его, но никак не мог овладеть им, пока облако не заслонило солнце, жители оставили город и таким образом он был взят.

4. Примерно через восемнадцать миль (день пути) греки подошли к другому большому заброшенному городу, который Ксенофонт называет Меспила. У него была такая же, но еще более высокая стена. Этот город, рассказывает он, также был заселен медянами и взят царем Персии. Эти любопытные руины - все, что осталось от Калаха и Ниневии, двух ассирийских столиц. За двести лет люди, конечно, еще не потеряли память о существовании

и правлении Ниневии, но они ходили по тому самому месту, где она стояла, и не знали его, и называли ее руины бессмысленным греческим именем, передавая о ней предание, абсурдно составленное из правдивых и вымышленных деталей, перепутанных в неразрывную путаницу. Ведь Ниневия была столицей Ассирийской империи, а мидяне были одним из народов, которые напали на нее и разрушили. И хотя затмение солнца - (заслоняющее облако не могло означать ничего другого) - действительно произошло, вызвало большую путаницу и привело к важным результатам, это случилось в более поздний период и по совершенно другому поводу. Что касается "царя Персидского", то ни один из этих людей не имел никакого отношения к катастрофе Ниневии, поскольку в то время о персах еще не слышали как о могущественном народе, а их страна была лишь маленьким и незначительным княжеством, подчиненным Мидии. Так эффективно надменный город был сметен с лица земли!

5. Еще сто лет принесли другие, еще более значительные перемены. Персидская монархия последовала за империями, которые были до нее и пали перед Александром, юным героем Македонии. Когда флот завоевателя на легких греческих кораблях спускался по Евфрату к Вавилону, их продвижению часто мешали огромные каменные плотины, построенные поперек реки. Греки с огромным трудом убрали несколько из них, чтобы облегчить судоходство. То же самое они сделали и на нескольких других реках, не подозревая, что уничтожают последний остаток цивилизации великого народа, - ведь эти плотины служили для сохранения воды и распределения ее по многочисленным каналам, которые покрывали засушливые страны своей удобной сетью. Возможно, им говорили то, что в наши дни арабы рассказывают путешественникам, - что эти плотины были построены когда-то Нимродом, царем-охотником. Ведь некоторые из них сохранились до сих пор, показывая огромные квадратные камни, крепко соединенные железными скобами, над водой, пока река не вздулась от зимних дождей.

6. Более двадцати веков пронеслось с тех пор над необъятной долиной, получившей название Месопотамия - "Земля между реками", - и каждое из них приносило ей новые перемены, войны, бедствия, с редкими промежутками покоя и процветания. Благодаря своему расположению между Востоком и Западом, на самом пути марширующих армий и бродячих племен, она всегда была одним из великих мест мировых сражений. Примерно через тысячу лет после стремительного вторжения и недолгого завоевания Александра арабы захватили эту страну и поселились в ней, принеся с собой новую цивилизацию и новую религию, данную им их пророком Мухаммедом, которую они считали своей миссией нести, силой слова или меча, до самых пределов земли. Они даже основали там один из главных центров своей власти, и Багдад не сильно уступал по великолепию и могуществу древнему Вавилону.

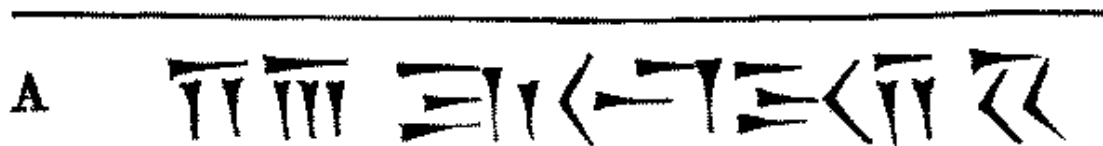
7. Порядок, законы и образование процветали в течение нескольких сотен лет, когда с Востока хлынули новые орды варварских народов, и один из них, турки, наконец утвердился на этой земле и остался. Они правят там и сейчас. Долина Тигра и Евфрата является провинцией Османской или Турецкой империи, столица которой находится в Константинополе; она управляется пашами, чиновниками, присланными турецким правительством, или "Возвышенной Портой", как ее обычно называют, и невежественное, деспотичное, изнурительное обращение, которому она подвергалась в течение нескольких сотен лет, довело ее до самой глубины запустения. Его богатства истощены, промышленность разрушена, процветающие города исчезли или сошли на нет. Даже Мосул, построенный арабами на правом берегу Тигра, напротив места, где когда-то стояла Ниневия, один из лучших их городов, знаменитый производством нежной

хлопчатобумажной ткани, которой он дал свое название - (*муслин, мусселин*), - потерял бы всякое значение, если бы не имел чести быть главным городом турецкого округа и прибежищем паши. А Багдад, хотя и остается столицей всей провинции, уже не более чем тень ее былой славы; и ее ткацкие станки больше не поставляют на рынки мира чудесные шали и ковры, золотые и серебряные ткани дивных рисунков.

8. Месопотамия - регион, который должен страдать от пренебрежения и неправильного управления даже больше, чем другие; ибо, хотя она богато одарена природой, она имеет своеобразную структуру, требующую постоянного ухода и разумного управления, чтобы приносить всю отдачу, на которую она способна. Эта забота должна заключаться главным образом в распределении вод двух великих рек и их притоков по всей земле с помощью сложной системы каналов, регулируемых полным и хорошо сохраняемым набором плотин и шлюзов, с другими более простыми механизмами для более отдаленных и мелких ответвлений. Ежегодные наводнения, вызываемые Тигром и Евфратом, которые весной выходят из берегов, недостаточны; от них выигрывает лишь узкая полоска земли с каждой стороны. В низинах по направлению к Персидскому заливу есть еще одно неудобство: поскольку страна там совершенно плоская, воды скапливаются и застаиваются, образуя огромные язвенные болота там, где должны быть богатые пастбища и пшеничные поля - и были в древние времена. Короче говоря, если оставить Верхнюю Месопотамию (древнюю Ассирию) на произвол судьбы, то она будет непродуктивной из-за бесплодности своей почвы, а Нижняя Месопотамия (древние Халдея и Вавилония), несмотря на свое необычайное плодородие, истощится из-за отсутствия дренажа.

9. Таково фактическое состояние некогда густонаселенной и процветающей долины, обусловленное принципами, по которым турецкие правители осуществляют свое правление. Они смотрят на свои отдаленные провинции как на источники доходов для государства и его чиновников. Но даже признавая это своей главной целью, они преследуют ее совершенно ошибочным и недальновидным способом. Народ просто и открыто грабят, и ни одна часть того, что у него отбирают, не идет ни на какие общественно полезные цели, такие как строительство дорог, ирригация, поощрение торговли и промышленности и т. п.; то, что не отправляется домой султану, идет в личные мешочки паши и его многочисленных подчиненных чиновников. Это все равно что взять молоко и не покормить корову. Как следствие, люди теряют интерес к работе любого рода, перестают стремиться к увеличению имущества, которым им не позволяют наслаждаться, и смиряются с полной нищетой с неподвижной апатией, которую очень больно наблюдать. Земля доведена до такой степени обеднения, что фактически уже не способна давать урожай, достаточный для оседлого населения. Она возделывается лишь на участках вдоль рек, где почва настолько плодородна благодаря ежегодным наводнениям, что приносит умеренную прибыль, почти не требующую затрат, и то в основном бродячими племенами арабов или курдов с гор на севере, которые разбивают свои палатки и покидают место, как только соберут свой небольшой урожай - если его не присвоили себе сначала некоторые из сборщиков налогов паши или бродячие партии бедуинов - разбойничьих племен из прилегающих сирийских и аравийских пустынь, которые, оседлав своих бесподобных лошадей, переносятся через открытую границу с такой же легкостью, как и сугробы песка пустыни, столь страшные для путешественников. Остальная часть страны предоставлена самой природе и там, где она не изрезана горами или скалистыми хребтами, имеет хорошо известную двойственную природу степных земель: пышная травянистая растительность в течение одной трети года и высушенная, засушливая пустошь в остальное время, за исключением зимних дождей и весенних паводков.

10. Дикая и пустынная картина! Впечатляющая в своем скорбном величии и хорошо подходящая для страны, которую можно назвать кладбищем империй и наций. Монотонность пейзажа не нарушалась бы, если бы не некоторые возвышенности и холмы странной и разнообразной формы, которые возникают, как бы, из равнины во всех направлениях; некоторые из них высокие и конической или пирамидальной формы, другие довольно обширные и довольно плоские на вершине, третьи снова длинные и низкие, и все они любопытно не соединены друг с другом или с какой-либо грядой холмов или гор. Это вдвойне поразительно в Нижней Месопотамии или Вавилонии, известной своей чрезмерной плоскостью. Немногочисленные постоянные деревни, состоящие из глинобитных или плетеных тростниковых хижин, обычно строятся на этих выступах, другие используются как места для захоронений, а на одном или другом иногда возвышается мечеть, магометанский молитвенный дом. Они радуют глаз в прекрасную весеннюю пору, когда на их вершинах расстилаются кукурузные поля, а их склоны, как и все окружающие равнины, покрыты самой густой и зеленой травой, оживленной бесчисленными цветами всех оттенков, пока поверхность земли не выглядит издали или с высоты такой же роскошной, как самый богатый персидский ковер. Но, приблизившись к этим холмам или курганам, неподготовленный путешественник может быть поражен некоторыми особенностями. Поскольку их материал довольно мягок и податлив, а зимние дожди льют с особой силой, их бока во многих местах изборозжены оврагами, прорытыми стремительными потоками дождевой воды. Эти потоки, конечно, смывают большую часть вещества и уносят его далеко на равнину, где оно лежит на поверхности в виде россыпи, совершенно отличной от почвы. Оказалось, что эти отходы состоят не из земли или песка, а из мусора, подобного тому, что лежит в кучах везде, где строят или сносят дом, и содержат бесчисленные фрагменты кирпича, керамики, камня, явно обработанные рукой и резцом; многие из этих фрагментов, кроме того, несут надписи сложными знаками, состоящими из одной любопытной фигуры в форме наконечника стрелы, используемой во всех возможных положениях и комбинациях, - например, так:

1.-

КЛИНООБРАЗНЫЕ ЗНАКИ.

11. В самих расщелинах или оврагах воды, счистив массу этого рыхлого мусора, обнажили целые стороны стен из цельного кирпича, иногда даже кусок человеческой головы или конечности, или угол скульптурной каменной плиты, всегда колоссального размера и смелого, поразительного исполнения. Все это говорит само за себя, и вывод напрашивается сам собой: эти возвышенности - не естественные холмы или бугры, а искусственные насыпи, кучи земли и строительных материалов, которые были когда-то насыпаны людьми, а затем, разрушившись и рассыпавшись в хлам от небрежения, скрыли в своих обширных боках все, что осталось от тех древних сооружений и произведений искусства, облеклись в зелень и обманчиво приняли все внешние признаки естественных холмов.

12. Арабы и не думали исследовать эти любопытные нагромождения. Магометанские народы, как правило, мало интересуются реликвиями древности; более того, они очень суеверны, и, поскольку их религиозный закон строго запрещает им изображать человеческие формы в живописи или скульптуре, чтобы не привести невежественных и заблуждающихся людей к мерзостям идолопоклонства, они смотрят на реликвии древней

скульптуры с подозрением, близким к страху, и связывают их с магией и колдовством. Поэтому они с благоговением, не лишенным ужаса, рассказывают путешественникам, что в курганах есть подземные ходы, в которых обитают не только дикие звери, но и злые духи - разве иногда в расщелинах не мерещились странные фигуры, высеченные из камня? Более осведомленные иностранцы уже давно предположили, что внутри этих курганов должны быть захоронены руины, сохранившиеся от великих городов былых времен. Их количество не вызывало возражений, ведь было хорошо известно, насколько густонаселенной была долина в дни своего великолепия, и что, помимо нескольких знаменитых городов, она могла похвастаться целым рядом более мелких, зачастую отделенных друг от друга расстоянием всего в несколько миль. Длинные низкие курганы, как справедливо полагают, представляли собой древние стены, а более высокие и обширные - дворцы и храмы. Арабы, хотя и совершенно невежественны в истории, сохранили в своей религии некоторые библейские предания, и так получилось, что среди этих обломков веков до сих пор сохранились некоторые библейские имена. Почти все, происхождение чего им неизвестно, они приписывают Нимроду; а меньший из двух курганов напротив Мосула, отмечающий место, где когда-то стояла сама Ниневия, они называют "курганом Ионы" и твердо верят, что венчающая его мечеть, окруженная сравнительно процветающей деревней, содержит могилу самого Ионы, пророка, посланного обличить и предупредить нечестивый город. Поскольку магометане почитают древнееврейских пророков, весь курган в их глазах считается священным.

13. Если путешественникам и были известны эти общие факты, касающиеся курганов, то прошло много лет, прежде чем их любопытство и интерес пробудились настолько, что заставили их приложить усилия и средства, чтобы раскопать их, чтобы выяснить, что же они на самом деле содержат. Вплоть до последних ста лет не только широкая публика, но даже высококультурные люди и выдающиеся ученые под словами "изучение древности" понимали не более чем изучение так называемой "*классической древности*", то есть языка, истории и литературы греков и римлян, а также руин, произведений искусства и всевозможных останков, оставленных этими двумя народами. Свои знания о других империях и народах они черпали у греческих и римских историков и писателей, не сомневаясь и не подвергая сомнению их утверждения, или, как мы говорим сейчас, не подвергая их критике. Более того, европейские студенты в своей поглощенности и преданности классическим исследованиям были слишком склонны следовать примеру своих любимых авторов и объединять весь остальной мир, насколько он был известен в древности, под общим и несколько презрительным названием "варвары", таким образом, придавая им лишь второстепенное значение и уступая в притязаниях на внимание.

14. Ситуация начала сильно меняться к концу прошлого века. Однако курганы Ассирии и Вавилонии по-прежнему страдали от того, что их тайна оставалась нераскрытой. Такое отсутствие интереса можно частично объяснить их особенностью. Они сильно отличаются от других руин. Ряд массивных столбов или величественных колонн, вырезанных на фоне ясного голубого неба, с пустыней вокруг или морем у ног, - сломанная арка или побитое надгробие, увитое плющом и развесистыми вьюнками, на фоне синих и пурпурных гор - это поразительные объекты, которые сначала привлекают внимание своей красотой, а затем приглашают к осмотру благодаря легкому подходу, который они предлагают. Но эти огромные, бесформенные кучи! Каких трудов стоит убрать хотя бы малую их часть! А когда это будет сделано, кто знает, окупит ли их содержимое затраченные усилия и средства?

15. Первым европейцем, чья любовь к познанию была достаточно сильна, чтобы заставить его пренебречь всеми подобными сомнениями и трудностями, был англичанин мистер Рич.

Он не был особенно успешен, и его исследования не были очень обширными, поскольку проводились исключительно на его личные средства; однако его имя всегда будут помнить с честью, поскольку он был *первым*, кто взялся за работу с киркой и лопатой, кто нанял людей для раскопок, кто измерил и описал некоторые из главных курганов на Евфрате, заложив тем самым основу для всех последующих и более плодотворных исследований в этом регионе. Это было в 1820 году, и мистер Рич был тогда политическим резидентом или представителем Ост-Индской компании в Багдаде. Он также попытался исследовать больший из двух курганов напротив Мосула, воодушевленный сообщением о том, что за короткое время до его прибытия там была обнаружена скульптура, изображающая людей и животных. К сожалению, ему не удалось раздобыть даже фрагмента этого сокровища, поскольку жители Мосула под влиянием своих *улемов* (докторов права), объявивших эти скульптуры "идолами неверных", в полном составе перешли через реку из города и с благочестивым видом разбили их на куски. Мистеру Ричу не посчастливилось самому наткнуться на такую находку, и после нескольких дальнейших попыток он покинул это место весьма удрученным. Он увез домой в Англию те немногие реликвии, которые ему удалось добыть. За неимением более важных, они были очень интересны и состояли из фрагментов надписей, керамики, гравированного камня, кирпичей и кусков кирпичей. После его смерти все эти предметы были помещены в Британский музей, где они составили основу нынешней благородной халдейско-ассирийской коллекции этого великого учреждения. В течение многих лет больше ничего не предпринималось, так что можно с буквальной правдой сказать, что до 1842 года "ящик площадью в три фута включал в себя все, что осталось не только от великого города Ниневии, но и от самого Вавилона!" [A]

16. Следующим на этом поприще был г-н Ботта, назначенный французским консулом в Мосуле в 1842 году. Он начал раскопки в конце того же года и, естественно, специально занялся более крупным из двух курганов напротив Мосула, названным Коюнджик, в честь небольшой деревни у его основания. Этот курган - Меспила Ксенофонта. Он с энтузиазмом принялся за дело и работал более трех месяцев, но постоянные разочарования уже начали приводить его в уныние, когда однажды крестьянин из отдаленной деревни случайно посмотрел на небольшую группу рабочих. Он очень развеселился, заметив, что каждый совершенно никчемный для него осколок алебаstra, кирпича или керамики был тщательно выловлен из мусора, очень нежно обработан и отложен в сторону, и со смехом заметил, что они могли бы лучше отплатить за свои труды, если бы попробовали курган, на котором была построена его деревня, потому что там постоянно попадались кучи такого мусора, когда они копали фундамент для своих домов.

17. К этому времени господин Ботта впал в довольно безнадежное настроение; однако он не посмел пренебречь намеком и послал несколько человек на указанный ему курган, который, как и деревня на его вершине, носил название Хорсабад. Его агент начал действовать с вершины. В кургане был пробит колодец, и вскоре рабочие добрались до вершины стены, которая, при дальнейшем раскапывании, оказалась выложена вдоль основания скульптурными плитами из какого-то мягкого вещества, очень похожего на гипс или известняк. Это открытие быстро привело мистера Ботту на место в лихорадочном возбуждении. Теперь он сам руководил работами, прорыл траншею снаружи прямо в кургане, широкую и глубокую, к месту, уже открытому сверху. Каково же было его изумление, когда он обнаружил, что попал в зал, полностью выложенный по всему периметру, за исключением тех мест, где указывал на дверные проемы, ведущие в другие помещения, скульптурными плитами, подобными той, что была обнаружена впервые, и изображающими сцены битв, осад и тому подобное. Он шел как во сне. Это был новый и удивительный мир, внезапно открывшийся перед ним. Ведь в этих скульптурах, очевидно, запечатлены деяния

строителя, какого-то могущественного завоевателя и короля. А те длинные и тесные линии, выгравированные в камне вдоль всех плит и имеющие тот же характер, что и короткие надписи на кирпичах, разбросанных по равнине, - они, несомненно, должны содержать текст к этим скульптурным иллюстрациям. Но кто их прочтет? Они не похожи ни на одну известную в мире письменность и могут навсегда остаться запечатанной книгой. Кто же был их строителем? К какой эпохе относятся эти сооружения? Какие из войн, о которых мы читаем, здесь изображены? Ни на один из этих вопросов, которые, должно быть, странно волновали его, господин Ботта не мог ответить в то время. Но не меньшей для него осталась и слава о том, что он первым из живых людей вошел во дворец ассирийского царя.

18. Отныне г-н Ботта посвятил себя исключительно кургану Хорсабад. Его открытие произвело огромную сенсацию в Европе. Ученое равнодушие не устояло перед таким неожиданным потрясением; отвращение было полным, и дух исследования и предприимчивости был пробужден, чтобы больше не дремать. Французский консул был обеспечен своим правительством достаточными средствами для проведения масштабных раскопок. Если первый успех можно считать просто большой удачей, то последующие, несомненно, были обусловлены умным, неустанным трудом и бесхитростной ученостью. Результаты этого мы видим в объемном труде Ботты "Памятники Нинива" [B] и в прекрасной ассирийской коллекции Лувра, в первом зале которой, как нельзя более справедливо, помещен портрет человека, чьим усилиям и преданности она обязана.

19. Великий английский исследователь Лэйард, в то время молодой и восторженный ученый, совершавший свои восточные путешествия, проезжая через Мосул в 1842 году, застал мистера Ботту за его первыми и бесперспективными попытками в Коюнджике, и впоследствии написал ему из Константинополя, увещевая его упорствовать и не терять надежды на успех. Он был одним из первых, кто узнал о поразительных новостях из Хорсабада, и сразу же решил осуществить свой давний проект - исследовать большой курган, известный у арабов под названием Нимруд и расположенный несколько ниже по течению Тигра, недалеко от слияния этой реки с одним из ее главных притоков, Забом. Сложность заключалась в получении необходимых средств. Ни попечители Британского музея, ни английское правительство поначалу не хотели нести столь значительные расходы на то, что все еще рассматривалось как весьма неопределенные шансы. Один частный джентльмен, сэр Стратфорд Каннинг, тогдашний английский министр в Константинополе, великодушно выступил вперед и объявил о своей готовности покрыть расходы в определенных пределах, в то время как власти дома должны были запрашивать и работать над этим. Таким образом, мистер Лэйард получил возможность начать работы на кургане, который он специально выбрал для себя, осенью 1845 года, в год, следующий за тем, когда Ботта окончательно открыл здание Хорсабада. Результаты его экспедиции были столь поразительно обширны и важны, а подробности его работы на ассирийских равнинах столь интересны и живописны, что они послужат достаточным материалом для отдельной главы.

ССЫЛКИ:

[A] Layard's "Discoveries at Nineveh", Introduction.

[B] В пяти огромных фолиантах, один из которых состоит из текста, два - из надписей и два - из иллюстраций. Из названия видно, что Ботта ошибочно считал обнаруженные им руины руинами самой Ниневии.

II.

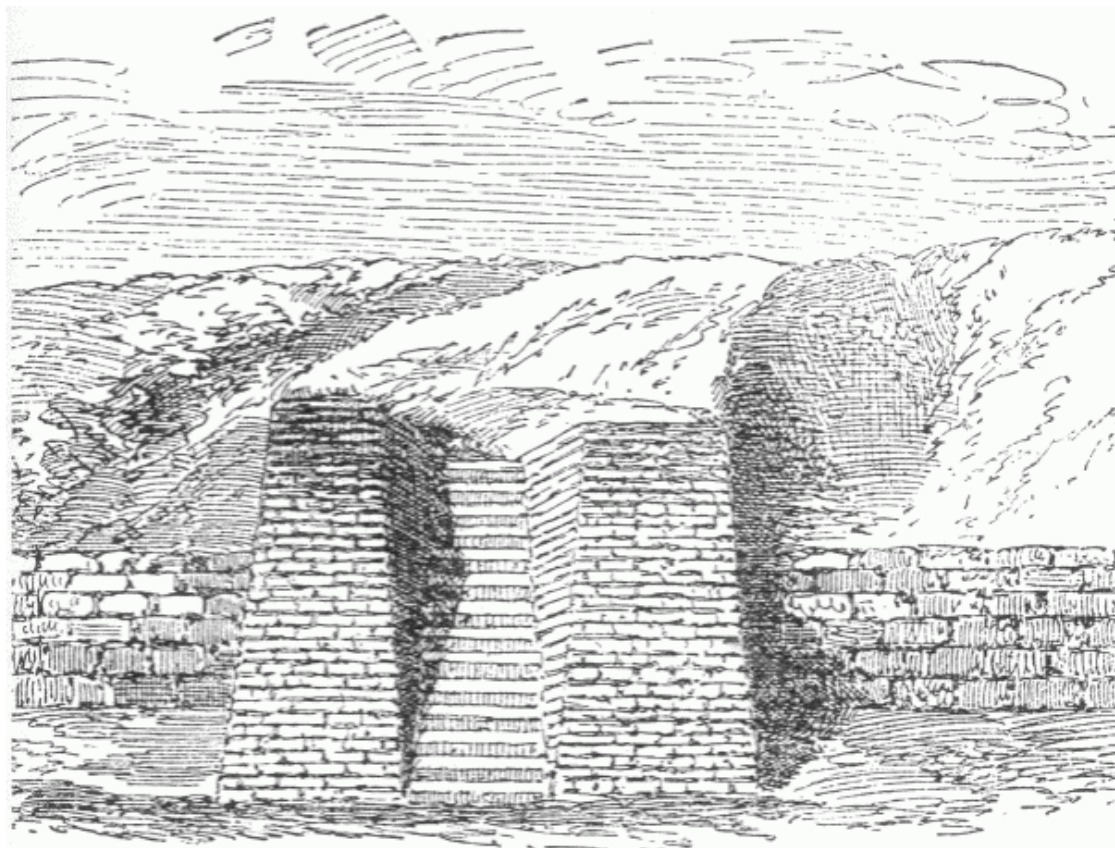
ЛАЙЯРД И ЕГО РАБОТА.

1. В первой половине ноября 1845 года мы видим энтузиаста и предприимчивого молодого ученого на сцене его будущих трудов и триумфов. Его первая ночь в пустыне, в разрушенной арабской деревне среди небольших курганов Нимруда, ярко описана им самим: "Ночью я спал мало. Лачуга, в которой мы укрылись, и ее обитатели не располагали к дремоте; но такие сцены и спутники были для меня не в новинку; их можно было бы забыть, если бы мой мозг был менее возбужден. Надежды, давно лелеемые, теперь должны были осуществиться или закончиться разочарованием. Передо мной проплывали видения подземных дворцов, гигантских чудовищ, скульптурных фигур и бесконечных надписей. Разрабатывая план за планом, как убрать землю и извлечь эти сокровища, я представлял себя блуждающим в лабиринте камер, из которых не мог найти выхода. Затем все было перезахоронено, и я стоял на покрытом травой кургане".

2. Хотя в конечном итоге эти надежды не были обречены на разочарование, им еще предстояло прерваться во многих отношениях, прежде чем видения той ночи стали реальностью. Ведь трудности, с которыми пришлось столкнуться Лэйярду в последующие месяцы, а также во время его второй экспедиции в 1848 году, были многочисленны и разнообразны. Материальные трудности, связанные с постоянным пребыванием в палаточном лагере в неблагоприятном климате, без простейших удобств, лихорадки и болезни, постоянно вызываемые зимними дождями и летней жарой, следует, пожалуй, отнести к числу наименьших, поскольку они имели свою компенсацию. Но не таково невежественное и недоброжелательное противодействие, открытое или скрытое, со стороны турецких властей. Это было зло, с которым никакая философия не могла его полностью примирить. Его опыт в этой области составляет забавную коллекцию. К счастью, первый из них оказался и самым худшим. Паша, которого он застал в Мосуле, по внешности и нраву больше походил на людоеда, чем на человека. Он был ужасом всей страны. Его жестокость и хитрость не знали границ. Когда он отправлял своих сборщиков налогов в их страшный обход, то обычно отстранял их от работы таким коротким и лаконичным наставлением: "Идите, разрушайте, ешьте!" (т.е. "грабь"), а для собственной выгоды возродил несколько видов взносов, которые были преданы забвению, особенно один, называемый "зубными деньгами" - "денежная компенсация, взимаемая со всех деревень, в которых останавливается человек такого ранга, за износ его зубов при пережевывании пищи, которую он снисходит до получения от жителей".

3. Письма, которыми был снабжен Лэйард, обеспечили ему благосклонный прием у этой любезной особы, которая позволила ему начать работы на большом кургане Нимруда с партией арабских рабочих, которых он нанял для этой цели. Через некоторое время паше стало известно, что в мусоре было найдено несколько фрагментов сусального золота, и он даже приобрел небольшую частицу в качестве образца. Он, как и арабский вождь, сразу же пришел к выводу, что английский путешественник копает спрятанные сокровища - цель, куда более понятная для них, чем раскопать и унести домой множество старых разбитых камней. Этот инцидент, возбудив алчность великого человека, мог бы заставить его прекратить дальнейшие поиски, если бы Лэйард, прекрасно понимавший, что сокровища такого рода вряд ли могут быть в изобилии в развалинах, не предложил сразу же, чтобы его превосходительство держал на кургане агента, который отвечал бы за все драгоценные металлы, которые могут быть обнаружены там во время раскопок. Паша не стал возражать, но через несколько дней объявил Лэйярду, что, к его большому сожалению, он считает своим долгом запретить продолжение работ, поскольку только что узнал, что землекопы нарушают мусульманское захоронение. Поскольку могилы истинно верующих магометан считаются очень священными и неприкосновенными, это стало бы роковым препятствием, если бы один из офицеров паши не сообщил Лэйярду, что могилы были *фиктивными*, что он и его люди тайно нанялись их делать и в течение двух ночей приносили камни для этой цели из окрестных деревень. "Мы разрушили больше гробниц истинных верующих, - сказал ага, - делая фиктивные, чем вы когда-либо могли осквернить. Мы убили наших лошадей и самих себя, перевозя эти проклятые камни". К счастью, паша, чьи проступки не могло терпеть даже турецкое правительство, был отозван около Рождества, и его сменил чиновник совершенно другой марки, человек, чья репутация справедливого и мягкого предшествовала ему, и его прибытие, соответственно, было встречено всеобщим ликованием. Операции на кургане в течение некоторого времени шли быстро и успешно. Но этот успех в одночасье породил новые трудности для наших исследователей.

4. Однажды, когда Лэйард возвращался к кургану с экскурсии, его встретили по дороге два араба, выехавшие навстречу на полной скорости, и издали в диком возбуждении крикнули ему: "Поспеш, о бей, поспеш к раскопщикам, ибо они нашли самого Нимрода". Это удивительно, но это правда! Мы видели его своими глазами. Нет Бога, кроме Бога!" Сильно озадаченный, он поспешил дальше и, спустившись в траншею, обнаружил, что рабочие откопали гигантскую голову, тело которой все еще было погружено в землю и мусор. Эта голова, прекрасно изваянная из алебаstra, добытого на соседних холмах, превосходила в росте самого высокого из присутствующих. Огромные черты лица в величественном покое, казалось, охраняли какую-то могущественную тайну и бросали вызов суетливому любопытству тех, кто смотрел на них с удивлением и страхом. "Один из рабочих, впервые увидев чудовище, бросил свою корзину и побежал в сторону Моссула так быстро, как только могли нести его ноги."

2.- ХРАМ ÈА В

ЭРИДХУ (АБУ-ШАХРЕЙН). ЧЕРНЫЕ ЛЕСТНИЦЫ.

(Хоммель.)

5. Арабы пришли толпами из окрестных лагерей; их с трудом удалось убедить в том, что изображение каменное, и они утверждали, что это дело рук не людей, а неверных великанов былых времен. Вскоре переполох охватил Мосул, где перепуганные рабочие, "входя бездыханными в базары, объявляли всем встречным, что явился Нимрод". Власти города были встревожены, собрались с мыслями и решили, что подобные идолопоклоннические действия являются оскорблением религии. В результате его друг Исмаил-Паша попросил Лэйярда приостановить работы на некоторое время, пока не уляжется волнение, и он счел за благо выполнить эту просьбу без колебаний, чтобы жители Мосула не вышли на улицы и не расправились с его драгоценной находкой так же, как они поступили со скульптурной фигурой в Коюнджике во времена Рича. Однако тревога длилась недолго. И арабы, и турки вскоре познакомились со странными творениями, которые постоянно появлялись из земли, и научились обсуждать их с большим спокойствием и серьезностью. Колоссальные быки и львы с крыльями и человеческими головами, которых было обнаружено несколько пар, причем некоторые из них находились в прекрасной сохранности, были особенно предметом удивления и догадок, которые обычно заканчивались проклятием "всем неверным и их творениям"; в итоге пришли к выводу, что "идолы" должны быть отправлены в Англию, чтобы украсить ворота во дворце королевы. А когда некоторые из этих гигантов, ныне хранящихся в Британском музее, с бесконечными усилиями и трудом были извлечены, чтобы спустить их в Тигр и сплавить по реке на плоту, изумлению простых друзей Лэйярда не было предела. В один из таких случаев арабский шейх, или вождь, чье племя взялось помочь перевезти одного из крылатых быков, открыл ему свое сердце. "Во имя Всевышнего, - сказал он, - скажи мне, о бей, что ты собираешься делать с этими камнями. Столько тысяч кошельков потрачено на такие вещи! Может ли быть, как вы говорите, что ваш народ научится на них мудрости? Или, как заявляет его почтение кади, они пойдут во дворец вашей королевы,

которая вместе с остальными неверующими поклоняется этим идолам? Что касается мудрости, то эти фигурки не научат вас делать лучшие ножи, или ножницы, или ситцы, а ведь именно в изготовлении этих вещей англичане проявляют свою мудрость".

6. Таков был общий взгляд на работу Лэйарда со стороны турок и арабов, от паши до самого скромного землекопа в его бригаде рабочих, и он редко чувствовал себя призванным играть роль научного миссионера, зная, что все подобные усилия будут лишь пустой тратой дыхания. Однако отсутствие интеллектуальной симпатии не мешало ему находить взаимопонимание с этими "рейнджерами пустыни". Примитивная жизнь, которую он вел среди них в течение стольких месяцев, любезное гостеприимство, которое он неизменно испытывал от их рук во время экскурсий, и визиты в различные бедуинские племена в перерывах между отдыхом, которые он был вынужден позволять себе время от времени, - все это одни из самых приятных воспоминаний о тех чудесных, похожих на сон годах. Он с любовью вспоминает о них и прослеживает их на многих страницах обеих своих книг [C] - страницах, которые, благодаря их живописной яркости, должны с удовольствием прочесть даже те, кто лишь слегка интересуется открытием погребенных дворцов и крылатых быков. Так и хочется оказаться рядом с ним в один из тех бесподобных вечеров, когда после долгого рабочего дня он сидел перед своей хижинкой в прохладном звездном свете, наблюдая за танцами, которыми эти неутомимые арабы, мужчины и женщины, развлекались глубокой ночью, в то время как лагерь был оживлен гулом голосов, а костры горели, чтобы приготовить простую еду. Так и хочется отправиться в одну из тех резвых прогулок по равнинам, так густо украшенным цветами, что они казались пестрыми, а "собаки, возвращаясь с охоты, выходили из длинной травы, окрашенной в красный, желтый или синий цвет, в зависимости от цветов, через которые они пробирались в последний раз" - радость арабской души, которая заставляла вождя, друга Лейарда, постоянно восклицать, "буйствуя в пышной траве и ароматном воздухе, когда его кобыла пробиралась через цветы:-"Какое наслаждение даровал нам Бог, равное этому? Это единственное, ради чего стоит жить". Что знают о настоящем счастье жители городов? Они никогда не видели ни травы, ни цветов! Да сжалятся над ними Господь!" Как восхитительно наблюдать, как почти изо дня в день меняются краски пустыни: белый цвет сменяется бледно-соломенным, красный - белым, синий - красным, сиреневый - синим, ярко-золотой - золотым, в зависимости от цветов, которыми она себя украшает! Вдали простирается великолепный ковер, усеянный черными шатрами арабов из верблюжьей шерсти, оживленный отарами овец и верблюдов, и целыми табунами лошадей благородной породы, которых вывозят из Мосула и оставляют пастись на свободе, в дни здорового бриза и благоухающих пастбищ.

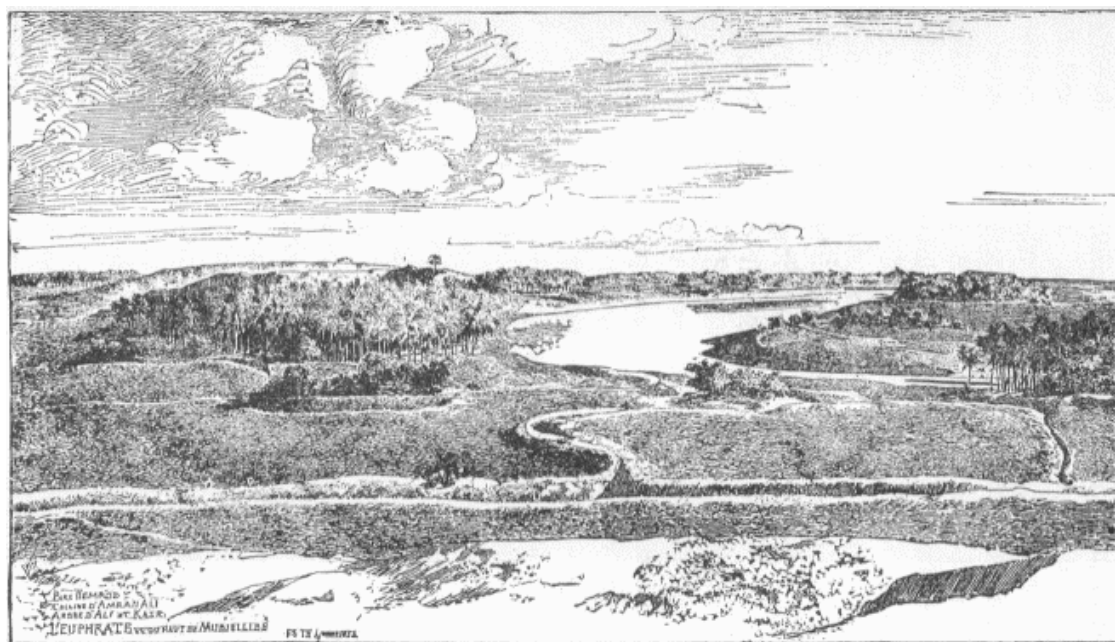
7. Вот вам и весна. Прекрасное, идеальное время года, но, к сожалению, столь же короткое, сколь и прекрасное, и слишком быстро сменяющееся ужасной жарой и долгой засухой лета, которое иногда наступает так внезапно, что едва успевает собрать урожай для немногих жителей деревни. Халдея или Нижняя Месопотамия в этом отношении еще хуже, чем высокие равнины Ассирии. Температура 120° в тени - не редкость в Багдаде; правда, в подвалах домов ее можно понизить до 100°, тщательно исключая малейший луч света, и именно там жители в основном проводят дни летом. Угнетение таково, что европейцы оказываются совершенно нелюдимыми и неприспособленными к какой-либо деятельности. "Верблюды болеют, а птицы так страдают от высокой температуры, что сидят в финиковых деревьях вокруг Багдада с открытыми ртами, пытаясь от желания подышать свежим воздухом". [D].

8. Но самая страшная особенность месопотамского лета - это частые и сильные песчаные бури, во время которых путешественники, помимо всех опасностей, связанных со снежными

бурями - быть заживо погребенными и сбиться с пути, - подвергаются опасности задохнуться не только от печного жара пустынного ветра, но и от непроницаемого песка, который кружится и несется перед ним, заполняя глаза, рот и ноздри лошади и всадника. Три мили от лагеря Лэйярда до кургана Нимруд должны были быть не просто приятной утренней зарядкой в такое время года, и хотя глубокие траншеи и колодцы обеспечивали сравнительно прохладное и восхитительное уединение, он вскоре обнаружил, что лихорадка - это цена, которую приходится платить за поправки, и неоднократно лежал с ней. "Зелень на равнине, - пишет он в одном месте, - погибла почти за день. Горячие ветры, налетавшие из пустыни, сжигали и уносили кустарники; стаи саранчи, омрачавшие воздух, уничтожали немногочисленные посевы и довершали разрушения, начатые солнечным зноем. Время от времени над страной проносились сильные вихри. Их можно было видеть, когда они приближались из пустыни, неся с собой тучи пыли и песка. Во время их прохождения, которое длилось обычно около часа, царил почти полная темнота, и ничто не могло противостоять их ярости. Возвращаясь однажды днем домой после такого шторма, я не обнаружил никаких следов своих жилищ: они были полностью унесены. Громоздкие деревянные каркасы были вынесены на берег и отброшены на расстояние около сотни ярдов; палатки исчезли, а моя мебель была разбросана по равнине".

9. К счастью, не потребовалось бы много труда, чтобы вернуть деревянные рамы на место и восстановить стены, покрытые тростником и глиной, а также крышу из тростника и ветвей - таковы были роскошные жилища, из которых Лэй Ард делил самое большое с различными домашними животными, от непосредственного общения с которыми его спасала тонкая перегородка; остальные жилища были отданы женам, детям и домашней птице его хозяина, его собственным слугам и различным хозяйственным нуждам. Но наступило время, когда даже это убогое жилье не могло быть использовано с комфортом. С наступлением летней жары хижины становились непригодными для жилья из-за тесноты и паразитов, которыми они кишели, а холщовая палатка, хотя и была гораздо предпочтительнее в плане проветривания и чистоты, не давала достаточного укрытия.

10. "В этой дилемме, - говорит Лэйард, - я приказал вырезать углубление в берегу реки, где он поднимался перпендикулярно от уреза воды. Загородив переднюю часть тростником и ветвями деревьев и покрыв все аналогичными материалами, я получил небольшую комнату. Однако меня сильно беспокоили скорпионы и другие пресмыкающиеся, которые выходили из земли, составлявшей стены моей квартиры, а летом - мошки и песчаные мухи, которые в спокойную ночь витали над рекой". Трудно оценить достоинства этого летнего убежища и зимнего жилища, амбициозно построенного из высушенных на солнце глинобитных кирпичей и покрытого прочными деревянными балками. Это внушительное жилище, в котором Лэйард провел последние месяцы своей первой зимы в Ассирии, должно было стать достаточной защитой от ветра и непогоды, после того как оно было должным образом покрыто грязью. К сожалению, сильный ливень обрушился до того, как строительство было полностью завершено, и так пропитал кирпичи, что они не успели высохнуть до следующей весны. "Следствием этого стало то, - с удовольствием замечает он, - что единственная зелень, которой я мог насладиться до возвращения в Европу, была создана моей собственной собственностью: стены внутри комнат были постоянно покрыты травой".

3.- ВИД НА

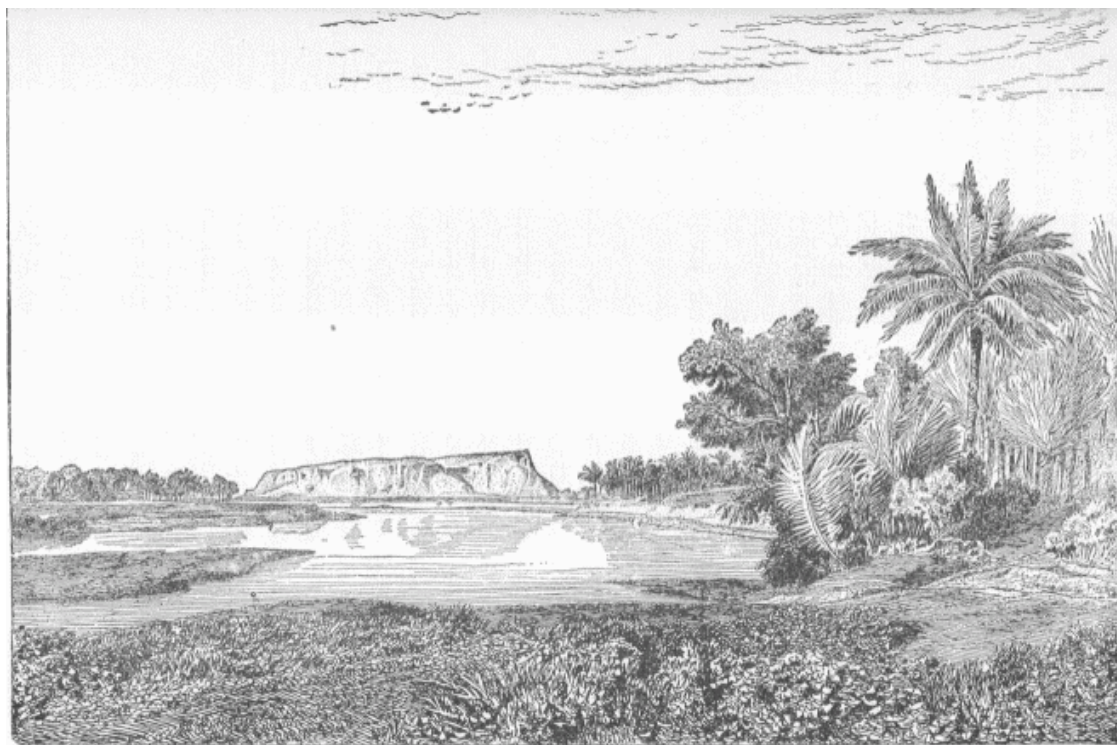
ЕВФРАТ У РАЗВАЛИН ВАВИЛОНА.

(Вавилон.)

11. Этих нескольких указаний достаточно, чтобы составить довольно ясное представление о том, что можно назвать "Удовольствиями и тяготами жизни исследователя в пустыне". Что касается самого произведения, то оно достаточно просто в изложении, хотя, должно быть, чрезвычайно утомительно и трудоемко в исполнении. Самый простой способ добраться до содержимого кургана - это убрать всю землю и мусор, вывезти их на телегах, - работа, которую наши искатели, несомненно, могли бы выполнить с большим трудом, если бы в их распоряжении было несколько десятков тысяч рабов и пленников, как у древних царей, построивших огромные сооружения, руины которых теперь нужно было раскопать. С сотней-другой наемных рабочих и весьма ограниченными средствами дело обстояло несколько иначе. В действительности задача сводилась к следующему: добиться как можно больших результатов при минимальных затратах труда и времени, и именно таким образом проводились подобные раскопки по плану, которому повсеместно следовали как наиболее практичному и прямому:

12. Траншеи, более или менее широкие, проводятся с разных сторон по направлению к центру кургана. Очевидно, что это самый надежный и короткий способ добраться до остатков стен, которые могут быть в нем заложены. Но даже эта предварительная операция должна выполняться с определенной долей осторожности и осмотрительности. Известно, что халдеи и ассирийцы строили свои дворцы и храмы не на ровной, естественной почве, а на искусственной платформе из кирпича и земли, высотой не менее тридцати футов. Эта платформа со всех сторон была облицована мощной стеной из полнотелого жженого кирпича, часто еще и обложенной камнем. Траншея, вырытая прямо с равнины в нижней части кургана, была бы, следовательно, напрасным трудом, так как она никогда не могла бы привести ни к чему, кроме той же глухой стены, за которой находится только твердая масса платформы. Поэтому раскопки начинаются на склоне кургана, на высоте, соответствующей предполагаемой высоте платформы, и ведутся прямо по его поверхности до тех пор, пока не будет достигнута стена - стена, принадлежащая одному из дворцов или храмов. Затем нужно следовать вдоль этой стены, пока не будет обнаружен пролом в ней, указывающий на вход или дверной проем. [E] Процесс рытья становится все более сложным, а иногда и опасным. Сверху через частые интервалы приходится прокладывать шахты, чтобы в длинный и узкий

коридор проникали воздух и свет; бока и свод подпирают балками, чтобы мягкая земляная масса не провалилась внутрь и не раздавила землекопов. Каждый совок земли убирается в корзины, которые передаются из рук в руки, пока не будут опустошены за пределами траншеи, или же опускаются пустыми и поднимаются полными по шахтам с помощью канатов и шкивов, чтобы быть опустошенными наверху. Когда дверной проем достигнут, он очищается толщины стены, которая очень велика; затем такой же туннель проводится по всей внутренней стороне стены, с величайшей осторожностью, чтобы не повредить скульптуры, которые обычно находятся вдоль нее, и которые, как это бывает, более или менее повреждены и потрескались, их верхние части иногда полностью уничтожены действием огня. Когда туннель проведен вдоль четырех сторон, каждый дверной проем или портал тщательно отмечен и расчищен, по измерениям, особенно по ширине, становится ясно, является ли исследованное пространство внутренним двором, залом или камерой. Если это последняя, то иногда она полностью расчищается сверху, и тогда в мусоре часто обнаруживаются ценные находки в виде различных мелких предметов. Одна из таких камер, вскрытая Лэйярдом в Коюнджике, оказалась идеальной шахтой сокровищ. В ней были обнаружены самые любопытные реликвии: множество шпилек и маленьких розочек из перламутра, слоновой кости и металла (такие использовались для украшения упряжи боевых коней), чаши, кубки и блюда из бронзы, [F] кроме того, котлы, щиты и другие предметы доспехов, даже стеклянные чаши, наконец, фрагменты царского трона - возможно, того самого трона, на котором восседал царь Сеннахериб, чтобы давать аудиенции или выносить приговоры, Ведь дворец в Коюнджике, где были найдены эти предметы, был построен этим монархом, так давно знакомым нам только по Библии, а скульптуры и надписи, покрывающие его стены, - это летопись его завоеваний за границей и правления дома.

4.- КУРГАН

БАБИЛА (РУИНЫ ВАВИЛОНА).

(Опперт.)

Описание вывоза колоссальных быков и львов, которые были отправлены в Англию и теперь благополучно хранятся в Британском музее, по праву должно было бы стать завершением главы, посвященной "Лэйярд и его работе". Но этой ссылки должно быть достаточно; яркое и увлекательное повествование следует читать в оригинале, так как отрывки слишком длинны для транскрипции и будут омрачены цитированием.

5.- БРОНЗОВОЕ

БЛЮДО.

ССЫЛКИ:

[C] "Ниневия и ее остатки" и "Открытия в Ниневии и Вавилоне".

[D] Rawlinson's "Five Great Monarchies of the Ancient World", Vol. I., Chap. II.

[E] См. рис. 15 на с. 53.

[F] См. рис. 5, 6 и 7.

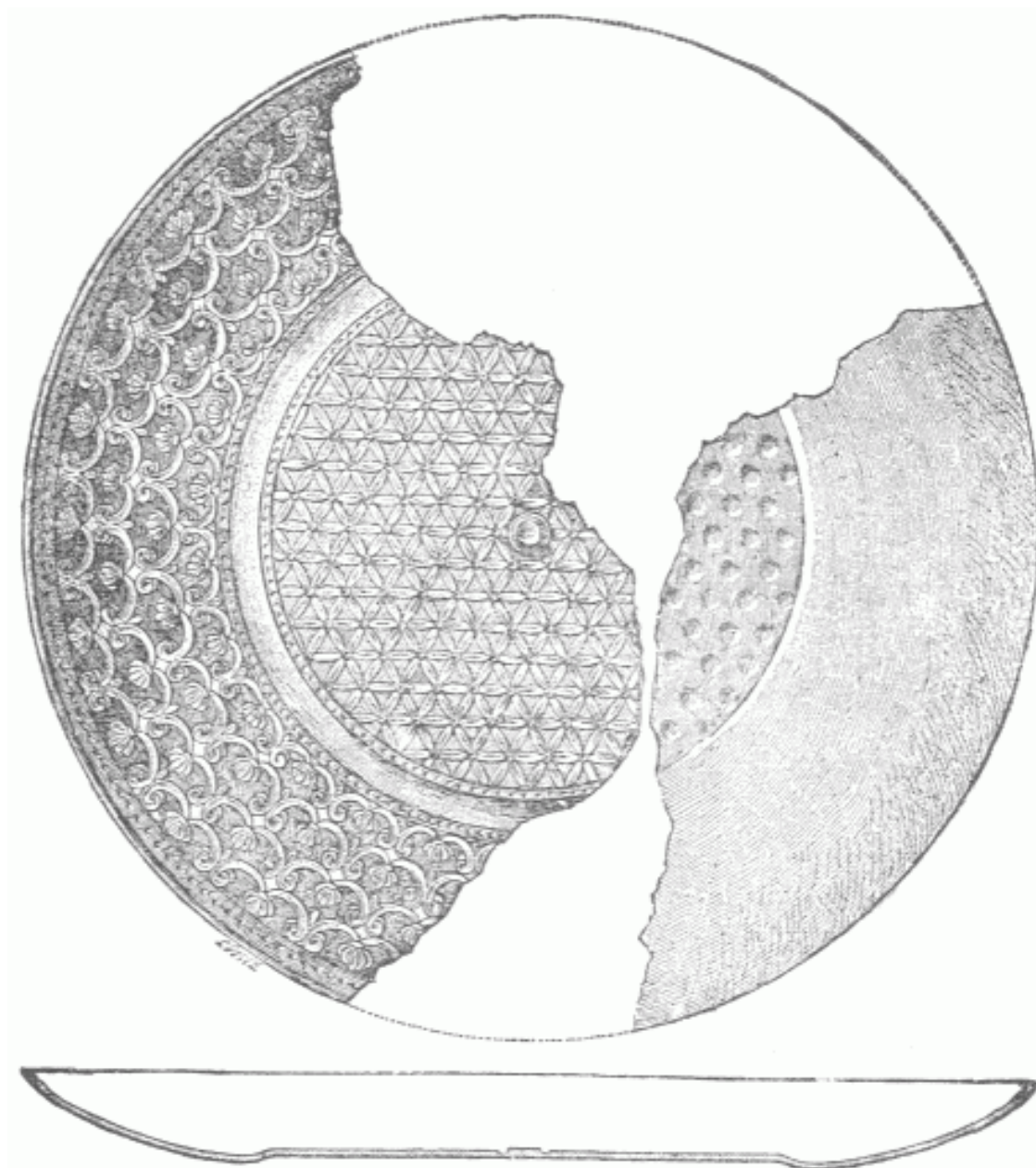

III.

ОСТРОВА.

"И сказали они друг другу: пойдем, сделаем кирпич, и обожжем их основательно. И был у них кирпич для камня и слизь для раствора" - Быт. xi. 3.

1. Давно установленный и общепризнанный принцип гласит, что каждая страна *создает* свой народ. То есть образ жизни и интеллектуальная культура народа формируются под влиянием особенностей земли, на которой он проживает; или, другими словами, люди могут жить только так, как это соответствует особенностям их родной страны. Люди, поселившиеся на морском берегу, будут вести иную жизнь, развивать иные качества ума и тела, чем владельцы обширных внутренних пастбищ или суровых горных крепостей. Все они будут по-разному одеваться, есть разную пищу, заниматься разными делами. Сами их жилища и общественные здания будут иметь совершенно разный вид в зависимости от материала, который будет у них под рукой в наибольшем изобилии, будь то камень, дерево или любое другое вещество, подходящее для этой цели. Таким образом, каждая страна создаст свой особый стиль искусства, определяемый главным образом ее природными богатствами. От них архитектура, искусство строителя, будет зависеть даже больше, чем от чего-либо другого.

БЛЮДО (КОВРОВЫЙ УЗОР).

6.- БРОНЗОВОЕ

2. Казалось бы, Халдея или Нижняя Месопотамия, рассматриваемая с этой точки зрения, вообще не могла породить никакой архитектуры, поскольку, на первый взгляд, она абсолютно лишена строительных материалов любого рода. Вся земля здесь аллювиальная, то есть постепенно, в течение тысяч лет, сформировавшаяся из богатого ила, отложенного двумя реками, когда они растекались по обширным болотистым равнинам в конце своего течения. Такая почва, когда она затвердевает до достаточной консистенции, является лучшей из всех для возделывания и большим источником богатства, чем рудники с самой драгоценной рудой; но на ней не растут деревья и в ней нет камня. Люди, которых необычайное плодородие этого региона впервые собланило поселиться в низинах к Персидскому заливу, не нашли ничего подходящего для строительства своих простых жилищ - ничего, кроме тростника огромных размеров, который рос там, как и сейчас, в величайшем изобилии. Эти тростники "покрывают болота в летнее время, поднимаясь часто до высоты четырнадцати или пятнадцати футов". Арабы, живущие на болотах, строят свои дома из этого материала, связывая стебли вместе и сгибая их в арки, чтобы сделать каркас

своих зданий; в то время как для формирования стен они растягивают от арки до арки циновки из листьев." [G]

7.- СЕКЦИЯ

БРОНЗОВОГО БЛЮДА.

3. Нет сомнений, что из таких жилищ состояли деревни и города первых поселенцев. Они давали вполне достаточное убежище в очень мягкие зимы этого региона и, будучи покрыты слоем грязи, которая вскоре высыхала и затвердевала на солнце, могли предотвратить даже сильные дожди того времени. Но они никак не подходили для более амбициозных и величественных целей. Ни дворцы царей, ни храмы богов не могли быть построены из гнутого тростника. Нужно было найти что-то более прочное, какой-то материал, из которого можно было бы строить сооружения любого размера и формы. Глиняное покрытие хижин, естественно, наводило на мысль о таком материале. Нельзя ли из этой же грязи или глины, запасы которой всегда были под рукой, сформовать лепешки ровного размера и, оставив их сушиться на солнце, сложить из них стены нужной высоты и толщины? И вот люди начали делать кирпичи. Оказалось, что глина значительно улучшает свою консистенцию, если смешать ее с мелко нарезанной соломой - еще одним материалом, которого в стране, изобилующей пшеницей и другими зерновыми, было неограниченное количество. Но даже при таком улучшении высушенные на солнце кирпичи не выдерживали воздействия многих сезонов дождей или жаркого лета, а имели склонность крошиться при пересыхании или размокать и растворяться в грязи, если слишком долго подвергались воздействию дождя. Все эти недостатки устранялись простым способом - обжигом кирпичей в печах или духовках, который придавал им твердость и прочность камня. Но поскольку стоимость высушенного в печи кирпича, естественно, намного выше, чем стоимость исходного сырого, последний продолжали использовать в гораздо больших количествах; стены возводились исключительно из него и защищались лишь внешней оболочкой из твердого обожженного кирпича. Эти кирпичи были намного дороже и должны были служить вечно, поэтому их приготовлению уделялось большое внимание; отбиралась лучшая глина, и на них ставилась печать с именем и титулом короля, по приказу которого строился дворец или храм, для которого они должны были использоваться. Это очень помогло в идентификации различных руин и определении их дат, по крайней мере, приблизительно. Как и следовало ожидать, образцы разных периодов заметно отличаются друг от друга. Если на некоторых кирпичах с

именем царя, жившего около 3000 г. до н. э., надпись некрасивая и едва разборчивая, да и форма грубая, а материал очень плохой, то кирпичи более позднего вавилонского периода (600 г. до н. э.) красивы и аккуратно сделаны. Что касается качества, то все исследователи сходятся во мнении, что оно полностью соответствует качеству лучших современных английских кирпичей. Превосходство этих кирпичей для строительных целей - факт настолько известный, что вот уже две тысячи лет - со времен разрушения Вавилона - его стены, храмы и дворцы используются в качестве каменоломен для строительства городов и деревень. Маленький городок Хилла, расположенный ближе всего к месту древней столицы, почти полностью построен из кирпича одного-единственного кургана - Касра - некогда великолепного и прославленного дворца Навуходоносора, чье имя и титулы украшают стены самых скромных арабских и турецких жилищ. Все остальные курганы используются аналогичным образом, и ценная шахта еще далеко не исчерпана, поэтому и по сей день она обеспечивает оживленную и процветающую торговлю. В то время как группа рабочих постоянно занята выкапыванием кирпичей, другая занята их транспортировкой в Хиллу; там их переправляют на Евфрат и везут в любое место, где есть спрос на строительные материалы, часто даже грузят на ослов в том или ином месте высадки и отправляют за много миль вглубь страны; некоторые доставляют вплоть до Багдада, где они используются уже много веков. То же самое делается везде, где есть курганы и руины. И Лэйард, и его преемники позволяли своим арабским рабочим строить собственные временные дома из древних кирпичей, лишь внимательно наблюдая за ними, чтобы те не разбили какую-нибудь ценную реликвию в процессе работы или не использовали некоторые из самых красивых и хорошо сохранившихся образцов.

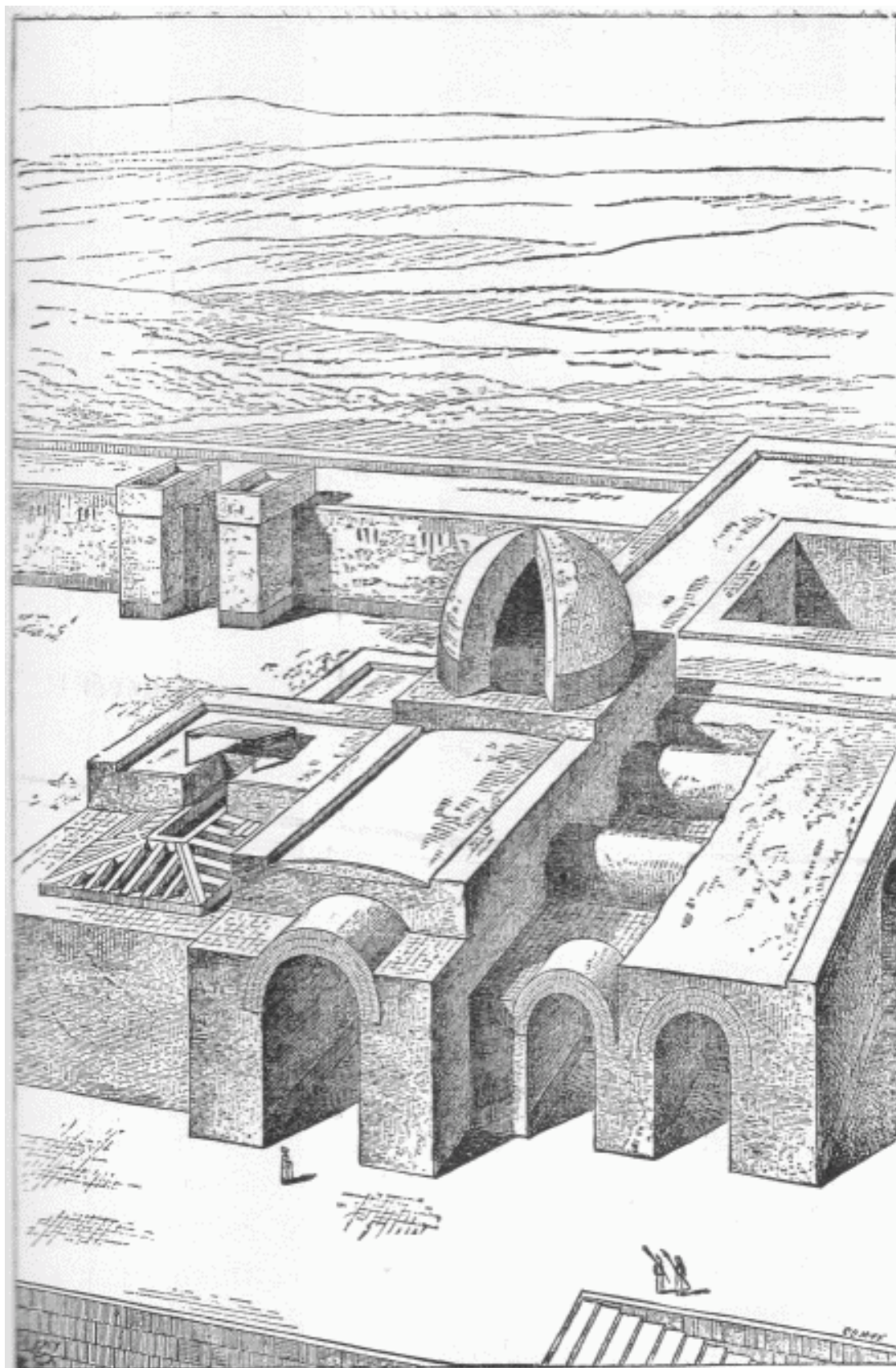

8.- ВИД НА

НЕББИ ЮНУС

4. Ни одна конструкция из кирпичей, как сырых, так и высушенных в печи, не может иметь достаточной прочности без помощи какого-либо цемента, чтобы они прочно сцеплялись друг с другом. Этот материал в низинах Халдеи и Вавилонии также имеется в достаточном количестве и разного качества. Если в ранних постройках использовалась липкая красная глина или суглинок, смешанный с измельченной соломой, то в более поздний период вместо него стали использовать битум или смолу, которая, будучи нанесенной горячей, так прочно прилипает к кирпичам, что при попытке достать фрагмент цемента от них отламываются куски. Этот ценный материал был принесен водой из города Ис на Евфрате (сейчас он

называется Хит), где и по сей день действуют обильные источники битума. Кальциевая земля, т.е. земля, сильно смешанная с известью, была очень обильна к западу от нижнего Евфрата, к аравийской границе, и вавилоняне последних времен научились делать из нее белый раствор, который по легкости и прочности никогда не был превзойден.

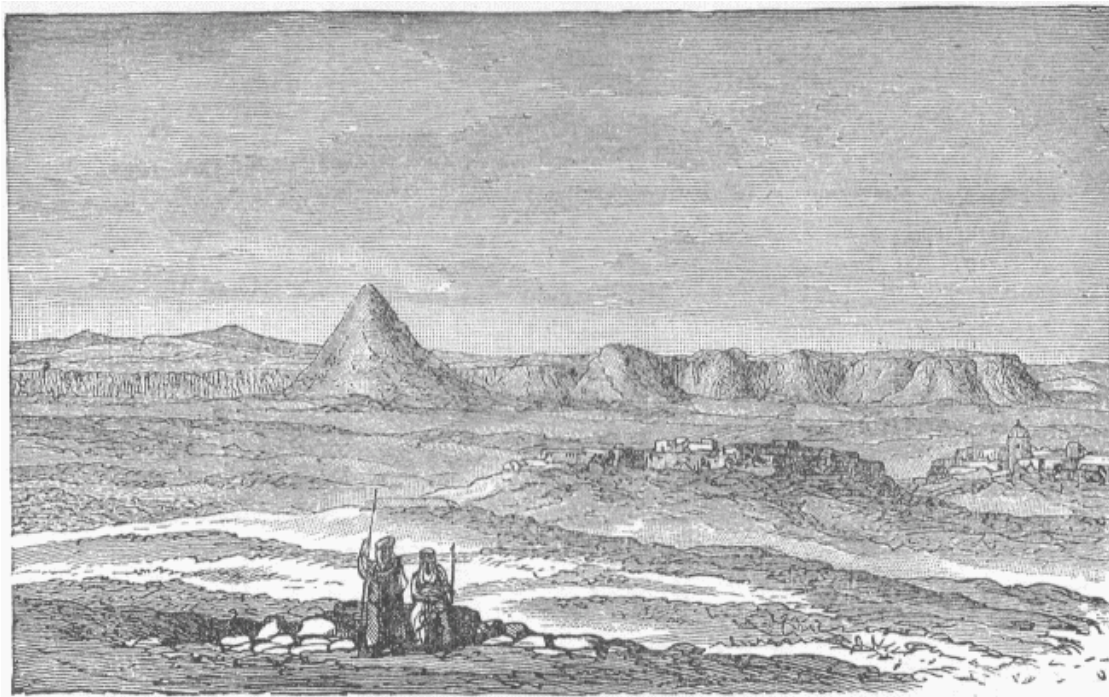

9.-

СТРОИТЕЛЬСТВО ИЗ ОБОЖЖЕННОГО КИРПИЧА (СОВРЕМЕННОЕ).

(Перро и Чипес.)

5. Если все необходимые материалы для простых, но прочных построек можно было достать на месте или в непосредственной близости, то следующим важным моментом был выбор подходящего места для возведения этих сооружений, которые должны были служить целям обороны, а также поклонения и королевского величия. Обычно выбирали скалистую возвышенность, недоступную с одной или нескольких сторон, или хотя бы холм, несколько возвышающийся над окружающей равниной. Но в Халдее дело обстояло иначе. Там, насколько хватает глаз, ни малейшей волнистости не нарушает мертвой ровности земли. И все же здесь, как нигде, возвышенность была желательна, хотя бы как защита от нездоровых выделений обширных болот и от нестерпимого роя агрессивных и ядовитых насекомых, которые населяют весь речной регион в течение долгого летнего сезона. Безопасность от нападений многочисленных бродячих племен, которые разбрелись по стране во всех направлениях еще до того, как она была окончательно заселена и организована, также была не на последнем месте. Поэтому то, в чем отказала природа, пришлось восполнять хитростью и трудом человека. Были построены искусственные холмы или платформы, огромных размеров и большой высоты - от тридцати до пятидесяти, а то и шестидесяти футов, и на их плоских вершинах возвышались здания. Иногда эти платформы поддерживали только один дворец, иногда, как в случае с огромными курганами Коюнджика и Нимруда в Ассирии, на их поверхности хватало места для нескольких, построенных сменявшими друг друга царями. Конечно, такие огромные курганы не могли быть полностью выполнены в сплошной кладке, даже из грубого кирпича. Они обычно смешивались с землей и разного рода мусором в более или менее регулярных, чередующихся слоях, а кирпичи укладывались в глину. Но внешняя облицовка во всех случаях была выполнена из обожженного кирпича. Платформа главного кургана, обозначающего место древнего Ура (теперь он называется Мугейр), [Н] облицована стеной толщиной в десять футов из красного обожженного кирпича, скрепленного битумом. В Ассирии, где камень не был дефицитом, стороны платформы еще чаще "защищались массивной каменной кладкой, выложенной перпендикулярно из естественного грунта на высоту, несколько превышающую высоту платформы, и либо равниной в верхней части, либо увенчанной каменными бойницами, вырубленными в градинах" [I].

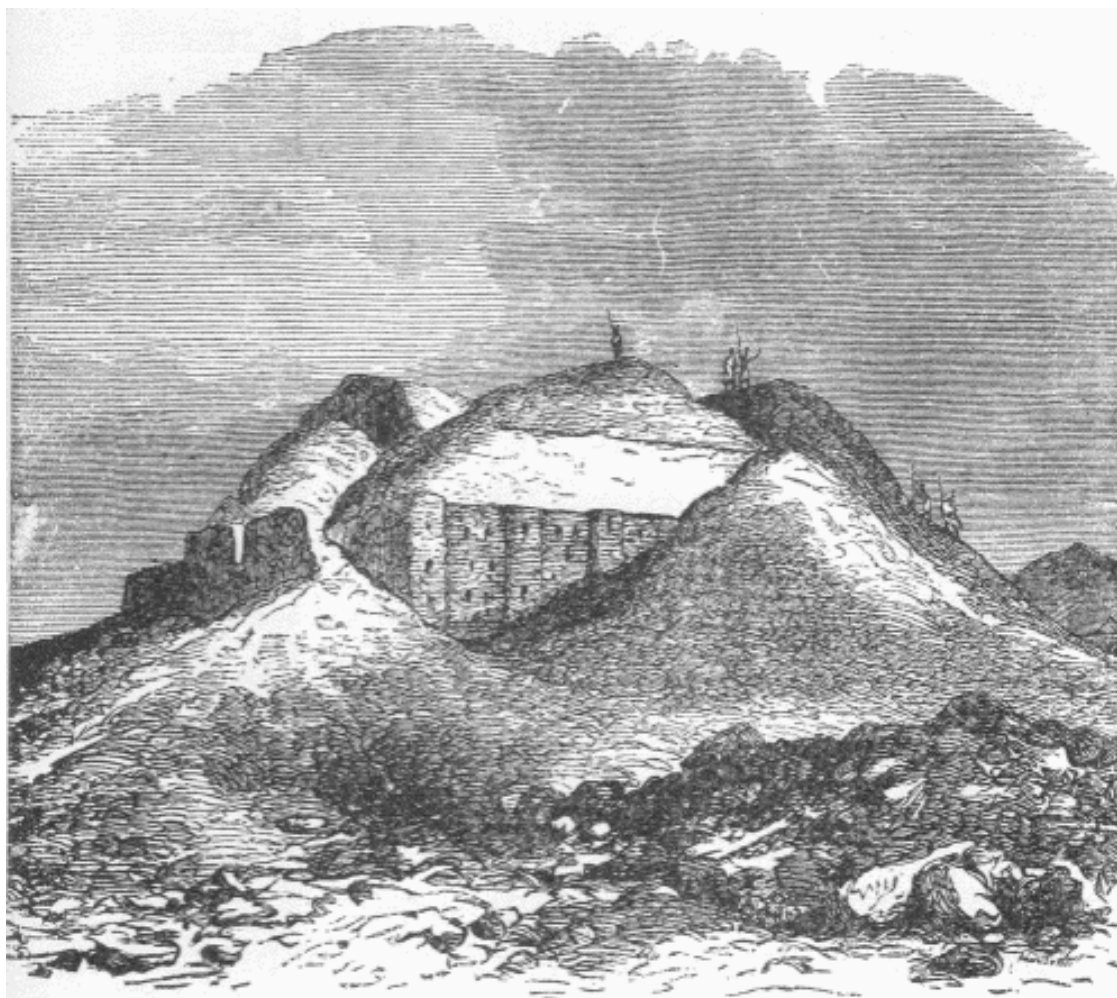

10.- КУРГАН

НИМРУД.

(Hommel.)

6. Некоторые курганы значительно выше остальных и имеют своеобразную форму, почти как у пирамиды, то есть заканчиваются точкой, от которой стремительно уходят вниз со всех сторон. Таков пирамидальный курган Нимруда, который Лэйард описывает как поразительный и живописный объект при приближении к руинам с любой точки равнины. [J] Таков же еще более живописный курган Борсип (ныне Бирс Нимруд) близ Вавилона, самый крупный такого рода. [K] Эти курганы - остатки своеобразных сооружений, называемых зиккуратами, состоящих из нескольких платформ, нагроможденных одна на другую, каждая квадратной формы и несколько меньше предыдущей; самая верхняя платформа поддерживала храм или святилище, которое с помощью этих средств было поднято намного выше человеческих жилищ, постоянное напоминание, не менее красноречивое, чем увещание в некоторых из наших религиозных служб: "Возвысьте сердца ваши!". Из этих устремленных в небо башен, которые также использовались в качестве обсерваторий халдеями, великими любителями звездного неба, башня Борсипа, состоявшая когда-то из семи ступеней, является самой высокой; ее перпендикулярная высота составляет более 150 футов.

11.- КУРГАН

МУГЕЙР (ДРЕВНИЙ УР).

7. Очевидно, что эти искусственные холмы могли быть возведены только при невероятных затратах труда. Тщательные измерения нескольких основных курганов позволили исследователям произвести точный расчет количества труда, затраченного на возведение каждого из них. Результат поражает, даже если человек готов к чему-то грандиозному. Великий курган Коюнджик, представляющий собой дворцы самой Ниневии, занимает площадь в сто акров и достигает высоты 95 футов в своей наивысшей точке. Чтобы насыпать такую груду кирпича и земли, "потребовались бы совместные усилия 10 000 человек в течение двенадцати лет или 20 000 человек в течение шести лет" [L] После этого только можно было приступить к строительству дворцов. Курган Небби-Юнус, который еще не был раскопан, занимает площадь в сорок акров и является более высоким и крутым, чем его сосед: "его возведение дало бы полную занятость 10 000 мужчин в течение пяти с половиной лет". Очевидно, что никто, кроме монархов-завоевателей, которые ежегодно брали тысячи пленных в сражениях и уводили в плен часть населения каждой покоренной ими страны, не мог нанять такие толпы рабочих на свои постройки - и не один раз, а постоянно, поскольку, похоже, у ассирийских царей было делом чести, чтобы каждый строил для себя новый дворец.

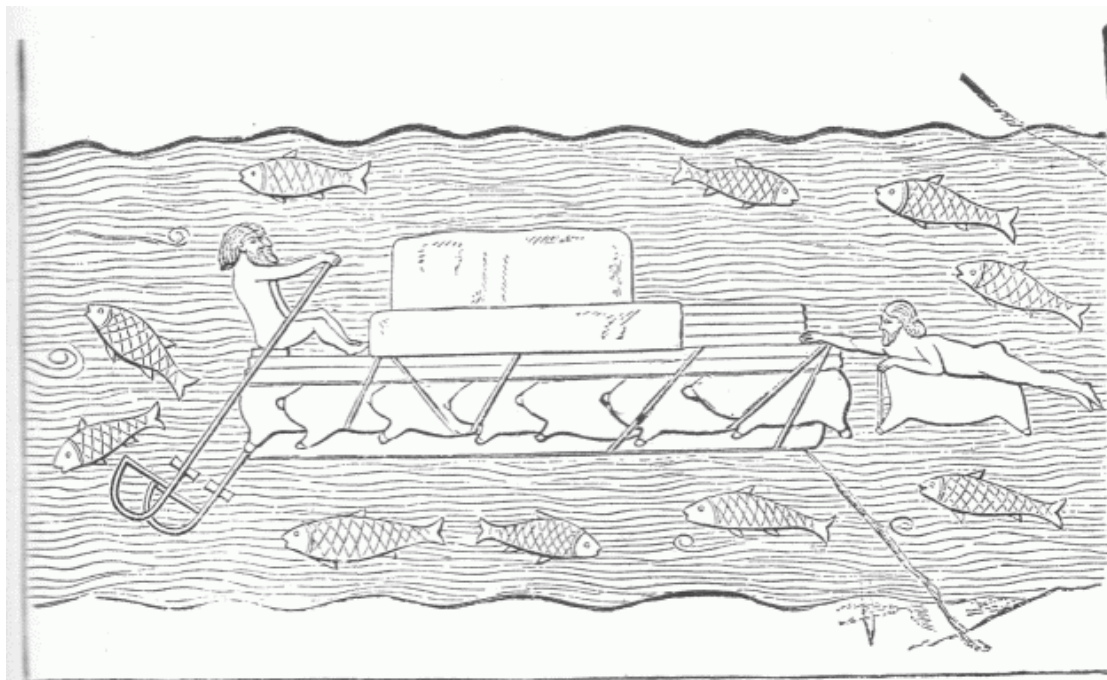

12.- ТЕРРАСОВАЯ

СТЕНА В ХОРСАБАДЕ.

(Перро и Чипиз.)

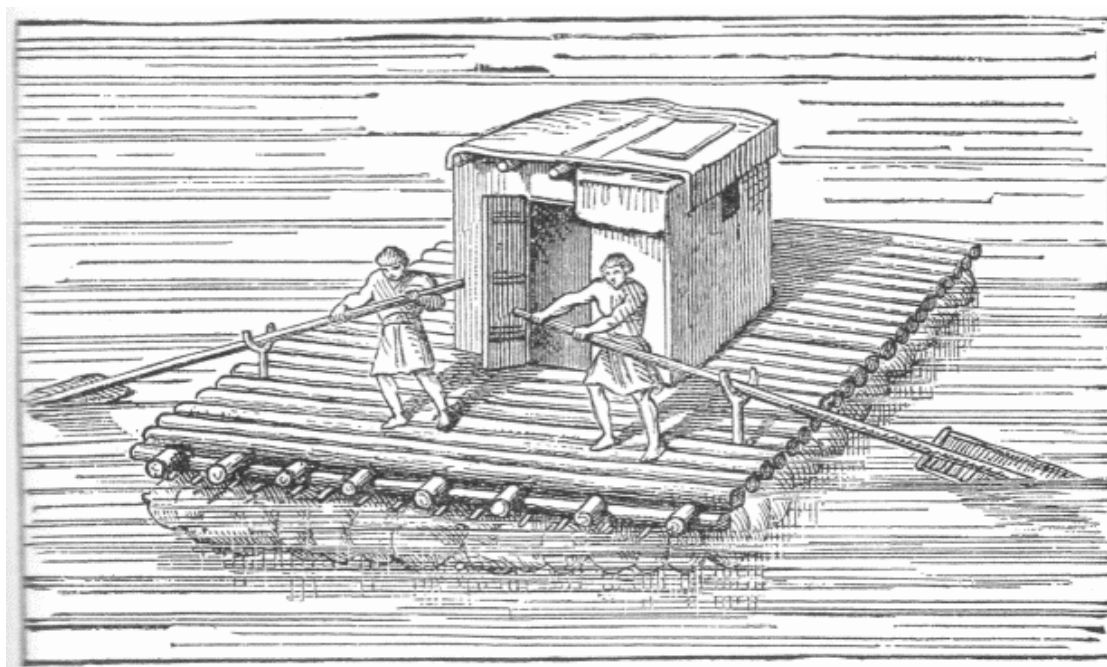
8. Рассматривая характер земли вдоль верхнего течения Тигра, где жили ассирийцы, нельзя не задаться вопросом, почему они продолжали возводить курганы и использовать в своих постройках только кирпичи. В природе страны для этого нет никаких причин. Города Ассирии - Ниневия (Коюнджик), Кала (Нимруд), Арбела, Дур-Шаррукин (Хорсабад) - были построены посреди холмистой местности, изобилующей различными сортами камня, от мягкого известняка до твердого базальта; некоторые из них действительно стояли на скалистом грунте, а их рвы были частично прорублены в скале. Если бы им понадобился камень лучшего качества, они могли бы добыть его в горном массиве Загрос, который окаймляет всю Ассирию на востоке, отделяя ее от Мидии. Однако они так и не воспользовались этими ресурсами, которые должны были привести к большим улучшениям в их архитектуре, и почти полностью оставили использование камня для декоративных целей. Это, во всяком случае, свидетельствует о том, что ассирийцы не отличались изобретательским гением. Они забрели на север с низменных территорий, где жили на протяжении веков в составе халдейского народа. Отделившись от него и отправившись основывать свои города, они взяли с собой определенные искусства и ремесленные приемы, усвоенные на старой родине, и даже не подумали внести в них какие-либо изменения. Похоже, им даже не приходило в голову, что, выбрав для своих зданий естественное скалистое возвышение, они избегут необходимости строить искусственную платформу и сэкономят огромное количество труда и времени.

ПОДДЕРЖИВАЕМЫЙ НАДУТЫМИ ШКУРАМИ. (ДРЕВНИЙ.)

(Каулен.)

13.- ПЛОТ,

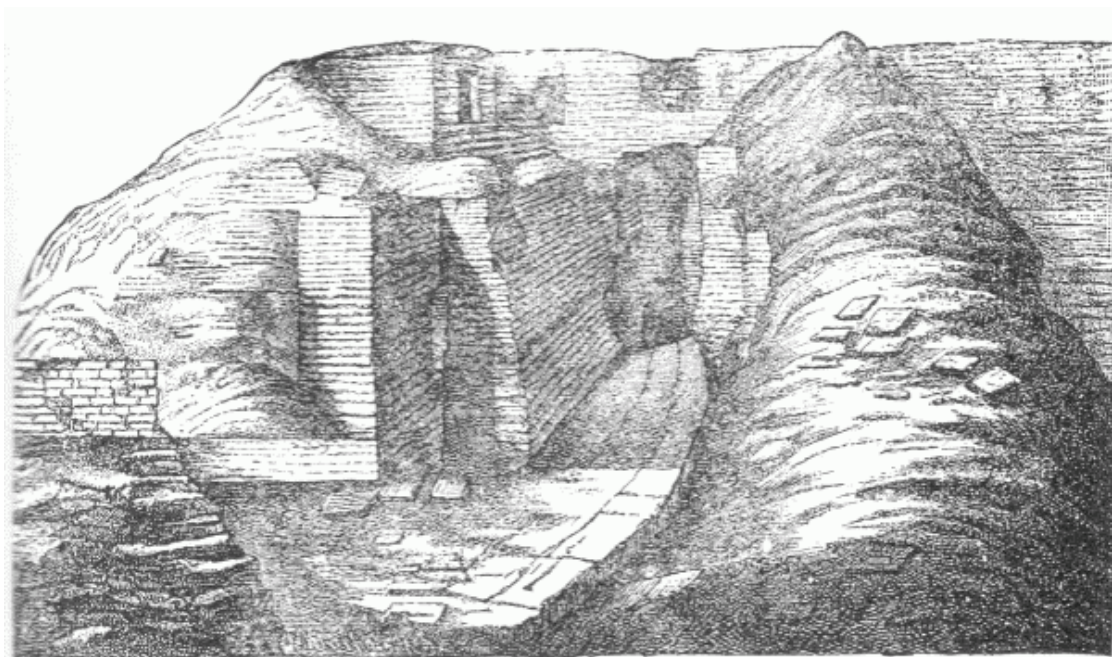
ПОДДЕРЖИВАЕМЫЙ НАДУТЫМИ ШКУРАМИ. (MODERN.)

(Каулен.)

14.- ПЛОТ,

9. То, что они использовали камень для одного практического применения - внешней облицовки своих стен и платформ, - мы уже видели. Блоки должны были быть вырублены в горах Загроса и привезены по воде - по реке Заб или другой реке, которая, вытекая из этих гор, впадает в Тигр. На некоторых скульптурах этот процесс представлен с совершенной ясностью. Изображение на рис. 13 представляет большой интерес, так как демонстрирует особый способ транспортировки, - плоты, плавающие на надутых шкурах, - который в настоящее время используется так же широко и постоянно, как и три тысячи лет назад, а возможно, и больше, в тех же местах. Когда Лэйард захотел отправить быков и львов,

которых он перевез из Нимруда и Коюнджика вниз по Тигру в Багдад и Бусру (или Бассору), чтобы затем отправить их в Европу, он прибегнул к этому средству передвижения, поскольку ни одно другое не известно для подобных целей. Вот как он описывает это примитивное, но гениальное приспособление: "Шкуры взрослых овец и коз, снятые с минимальным количеством разрезов, высушиваются и подготавливаются, при этом оставляется одно отверстие, через которое в легкие поступает воздух. Из тополиных брусьев, веток деревьев и тростника сооружают каркас по размеру предполагаемого плота, к которому привязывают надутые шкуры с помощью веток осины. После этого плот полностью готов, его переносят на воду и спускают на воду. При этом необходимо следить за тем, чтобы шкуры располагались горлышком вверх, чтобы в случае, если какая-либо из них лопнет или потребует наполнения, ее можно было легко достать. На каркас складывают тюки с товарами и имущество, принадлежащее купцам и путешественникам..... Плотогоны приводят в движение эти грубые суда с помощью длинных шестов, к концам которых прикреплены несколько кусков расщепленного тростника. (См. рис. 14.) ... Во время половодья весной или после сильных дождей небольшие плоты могут проплыть от Мосула до Багдада примерно за восемьдесят четыре часа, но более крупные обычно совершают путешествие за шесть или семь дней. Летом, когда река маловодна, они часто добираются до места назначения почти за месяц. После разгрузки их разбивают на части, а балки, древесину и сучья продают с большой выгодой. Шкуры моют, а затем натирают препаратом, чтобы они не трескались и не гнили. Затем их возвращают либо на плечах плотогонов, либо на ослах в Мосул и Текрит, где обычно живут люди, занимающиеся судоходством по Тигру". Многочисленные скульптуры показывают нам, что подобные шкуры также использовались пловцами, которые катались на них в воде, вероятно, когда намеревались проплыть большее расстояние, чем могли бы преодолеть без посторонней помощи. (См. рис. 16.)

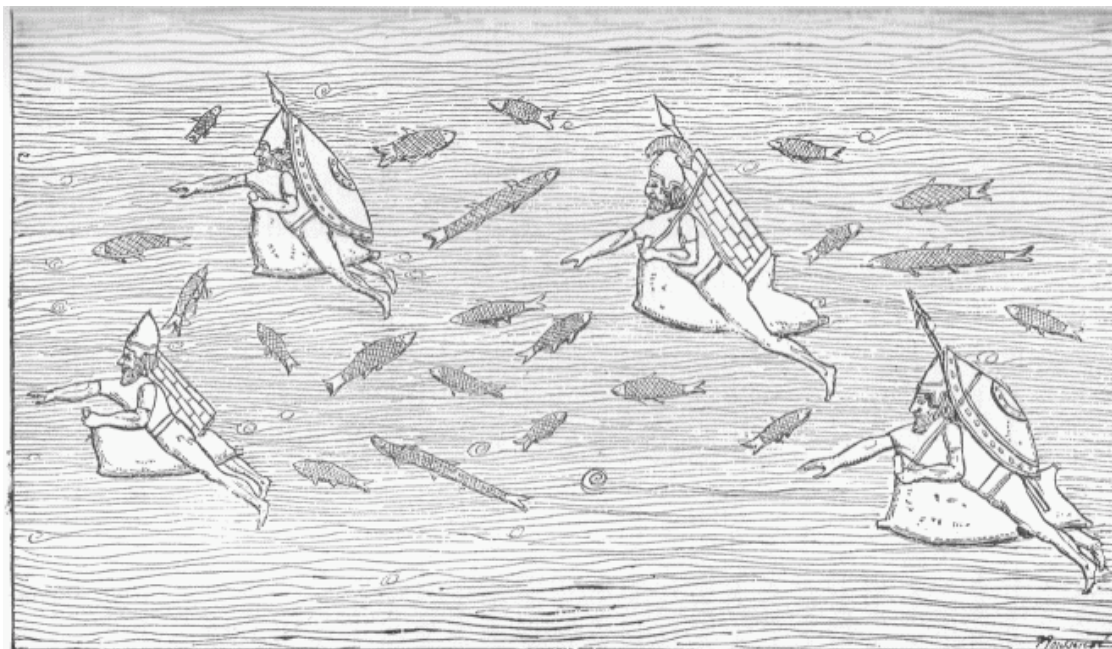

15.- РАСКОПКИ

В МУГЕЙРЕ (УР).

10. Наше воображение стремится воссоздать эти гигантские сваи в том виде, в каком они должны были поразить зрителя своей громадой, к которым с равнины вели несколько лестниц и по крайней мере один подъем по достаточно пологому склону, чтобы обеспечить удобный доступ для лошадей и колесниц. Каким внушительным объектом должен был быть, например, дворец Сеннахериба, на краю своей крепостной платформы (курган Коюнджик), возвышающийся прямо над водами Тигра, прозванного на древнем языке "Стрелой" за

быстроту течения, в золотом и багровом великолепии восточного заката! Хотя из-за однообразия и громоздкости использованного материала об архитектурной красоте очертаний не могло быть и речи, общий эффект должен был быть грандиозным и величественным, чему способствовала тщательная орнаментация, которой была украшена каждая часть здания. К сожалению, работа по реконструкции почти полностью возложена на воображение, которому мало помогают бесформенные кучи, в которые время превратило эти древние, могучие залы.

16.- ВОИНЫ,

ПЛЫВУЩИЕ НА НАДУТЫХ ШКУРАХ.

(Бабелон.)

11. Фергюссон, английский исследователь и ученый, чьи работы по предметам, связанным с искусством и особенно архитектурой, занимают высокое место, попытался восстановить дворец Сеннахериба таким, каким он, по его мнению, должен был быть, исходя из подсказок, полученных в результате раскопок. Он создал поразительную и очень эффектную картину, в которой, однако, целая половина является просто предположением. Вся нижняя часть - выложенная камнем стена платформы, широкие лестницы, эспланада, красиво вымощенная узорчатыми плитами, нижняя часть дворца с его корпусом из скульптурных плит и порталами, охраняемыми крылатыми быками - строго соответствует положительным фактам, полученным в результате раскопок. В отношении остального нет никаких авторитетов. Мы даже не знаем точно, существовал ли вообще второй этаж в ассирийских дворцах. Во всяком случае, следов внутренних лестниц не обнаружено, а верхняя часть стен даже первого этажа регулярно либо разрушалась, либо уничтожалась огнем. Что касается колонн, то невозможно определить, насколько они могли использоваться и каким образом. Те, что использовались, как правило, были только из дерева - стволов больших деревьев, обтесанных и сглаженных - и, следовательно, все остатки их исчезли, хотя были найдены некоторые круглые основания колонн из камня. [M] Те же замечания относятся к восстановлению двора ассирийского дворца, также выполненному Фергюссоном, в то время как восстановление дворцового зала, выполненное Лэйярдом, не выдерживает такого же упрека и является просто результатом фактических открытий. Поэтому, не останавливаясь долго на рассмотрении более или менее бездоказательных догадок, давайте лучше попытаемся воспроизвести в своем сознании четкое представление о том, как выглядел зал

аудиенций ассирийского царя, исходя из того, что мы можем назвать позитивным знанием. Мы увидим, что наши материалы помогут нам создать яркую и достоверную картину.

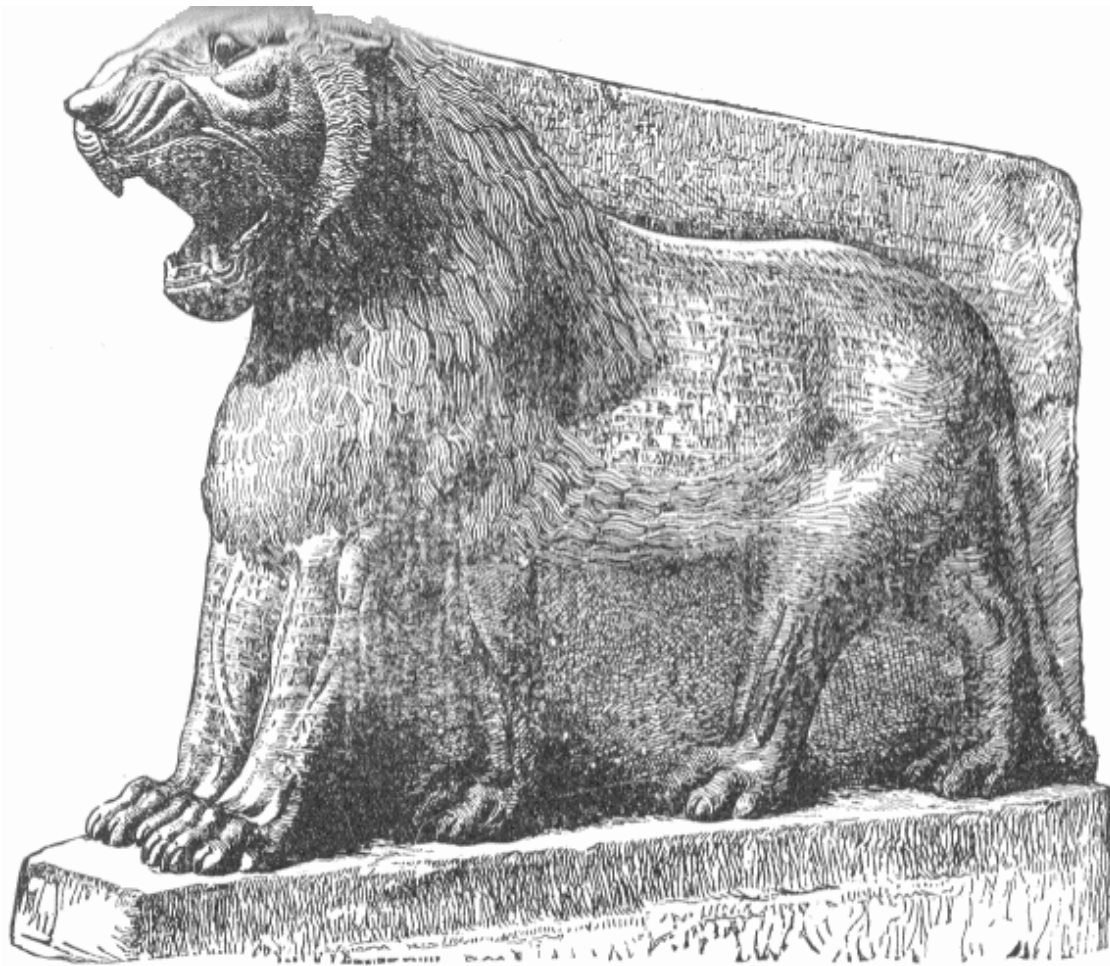

17.- ВИД НА

КОЮНДЖИК.

(Хоммель.)

12. При входе в такой зал первое, что бросается в глаза, - это мостовая, либо из больших алебастровых плит, искусно вырезанных в изящных узорах, а также арочные дверные проемы, ведущие в соседние комнаты (см. рис. 24 и 25, стр. 69 и 71), либо из больших алебастровых плит, покрытых рядами надписей, причем знаки были глубоко выгравированы и затем залиты расплавленным металлическим веществом, похожим на латунь или бронзу, что придавало всему полу вид покрытого позолоченными надписями, а странные формы клинописи делали все это похожим на замысловатый и причудливый рисунок.

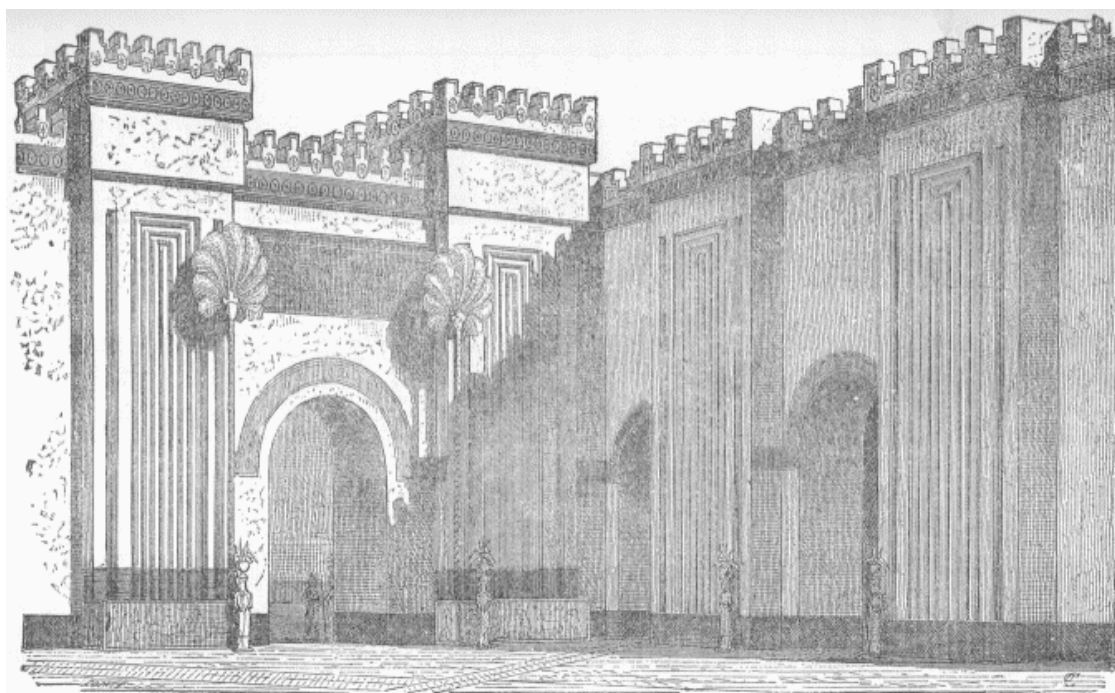
18.- КАМЕННЫЙ

ЛЕВ У ВХОДА В ХРАМ. НИМРУД.

(Перро и Чипес.)

13. Далее наш взгляд завораживают колоссальные крылатые быки и львы с человеческими головами, которые попарно несут молчаливую вахту у каждого из порталов, и мы с удивлением замечаем, что художники дали им по одной дополнительной ноге, в результате чего все число стало не четыре, а пять. Это было сделано не случайно, а с очень хорошо просчитанной художественной целью - придать чудовищу нужное количество ног, независимо от того, смотрит ли зритель на него спереди или в профиль, поскольку в обоих случаях одна из трех передних ног скрыта остальными. При виде спереди животное стоит, а при взгляде сбоку кажется шагающим. (См. рис. 18 и 27, с. 59 и 75.) Стены были достойны этих величественных хранителей дверей. Грубая кирпичная кладка исчезала на высоте двенадцати-пятнадцати футов от земли под скульптурными плитами из мягкого сероватого алебастра, которые были плотно приложены к стене и скреплены крепкими железными скобами. Иногда на одной плите был изображен один сюжет или одна гигантская фигура царя или божества; часто один и тот же сюжет занимал несколько плит, а нередко продолжался вдоль всей стены. В этом случае линии, начатые на одной плите, продолжались на следующей с такой идеальной плавностью, так абсолютно без разрывов, что можно сделать вывод, что плиты были изваяны *после того, как* их поставили на место, а не до этого. Следы краски показывают, что цвет в определенной степени использовался для оживления этих изображений, вероятно, не слишком обильно и с некоторой дискриминацией. Так, цвет во многих местах присутствует на глазах, бровях, волосах, сандалиях, драпировках, митре или высоком головном уборе царей, на упряжи лошадей и частях колесниц, на цветах, которые несут

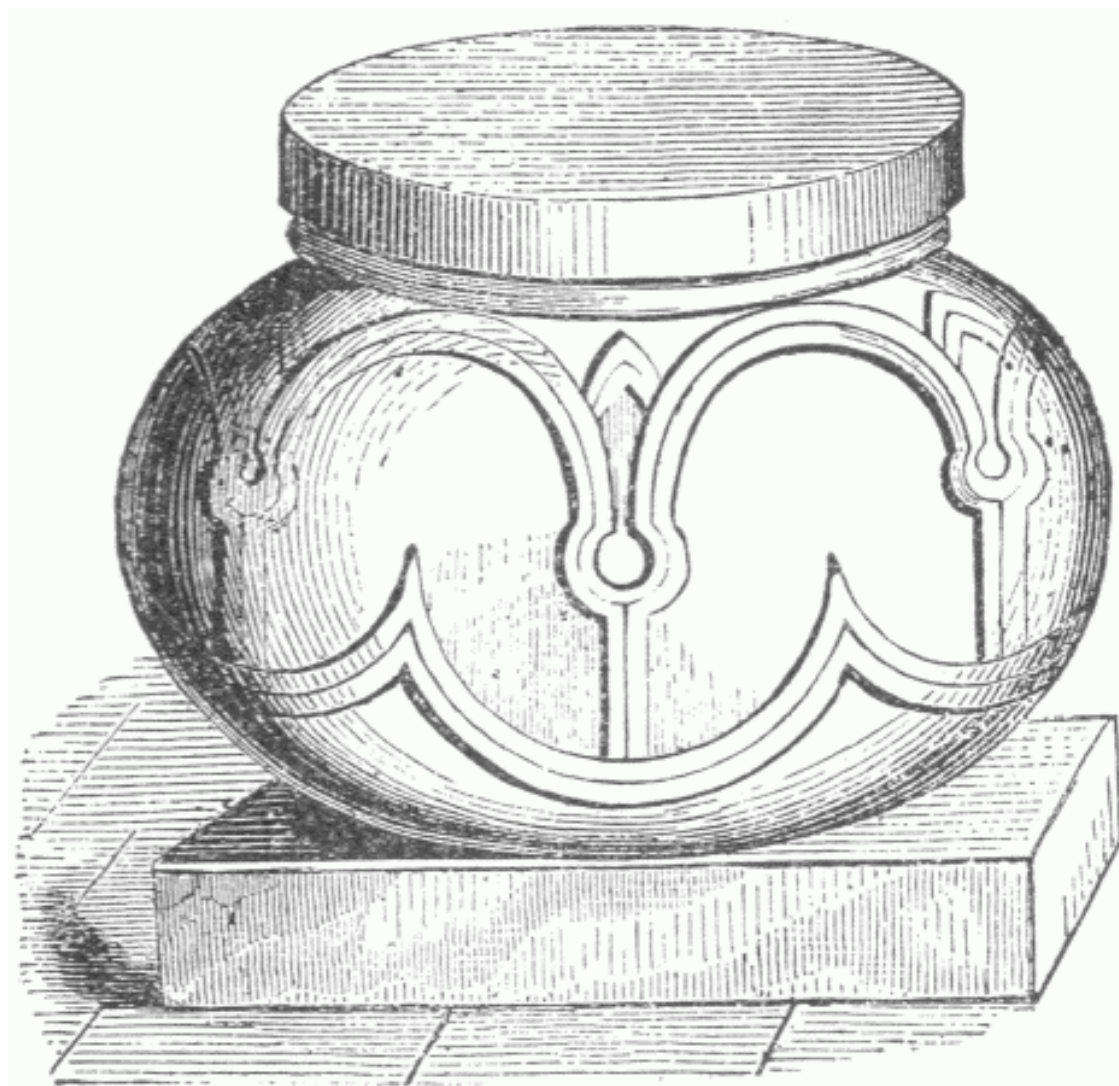
сопровождающие, а иногда и на деревьях. Там, где изображена осада, пламя, вырывающееся из окон и крыш, кажется, всегда было окрашено в красный цвет. Однако есть основания полагать, что цвет на скульптуры наносился скупой, и поэтому они должны были представлять приятный контраст с богатством орнамента, который шел вдоль стен непосредственно над ними и состоял из твердых обожженных кирпичей большого размера, раскрашенных и покрытых глазурью в огне, образующих непрерывный фриз шириной от трех до пяти футов. Иногда роспись представляла человеческие фигуры и различные сцены, иногда крылатые фигуры божеств или фантастических животных, - в этом случае она обычно была ограничена сверху и снизу простым, но изящным бегущим узором; или же она полностью состояла из более или менее сложного непрерывного паттерна, как на рис. 22, 23 или 25, эти последние символические композиции с религиозным значением. (См. также рис. 21, "Вид интерьера" и т.д.) Любопытно, что остатки, в основном очень незначительные фрагменты, которые были обнаружены в различных руинах, показывают, что эти красиво отделанные глазурованные плитки демонстрировали те же цвета, которые сегодня так популярны у нас для всех видов декоративных целей: чаще всего использовались темный и бледно-желтый, белый и кремовый цвета, нежный бледно-зеленый, иногда оранжевый и бледно-сиреневый, очень мало синего и красного; оливково-зеленый и коричневый - любимые цвета для грунта. "Время от времени встречаются насыщенный синий и яркий красный, обычно вместе; но эти положительные оттенки встречаются редко, и вкус ассирийцев, по-видимому, заставлял их предпочитать для узорчатых стен бледные и тусклые оттенки..... Общий тон их раскраски спокойный, если не сказать мрачный. Здесь нет стремления к блестящим эффектам. Ассирийский художник стремится порадовать изяществом форм и гармонией оттенков, а не поразить демонстрацией ярких и сильно контрастирующих цветов. [N] "

19.- ДВОР

ГАРЕМА В ХОРСАБАДЕ (РЕСТАВРАЦИЯ).

(Перро и Чипес.)

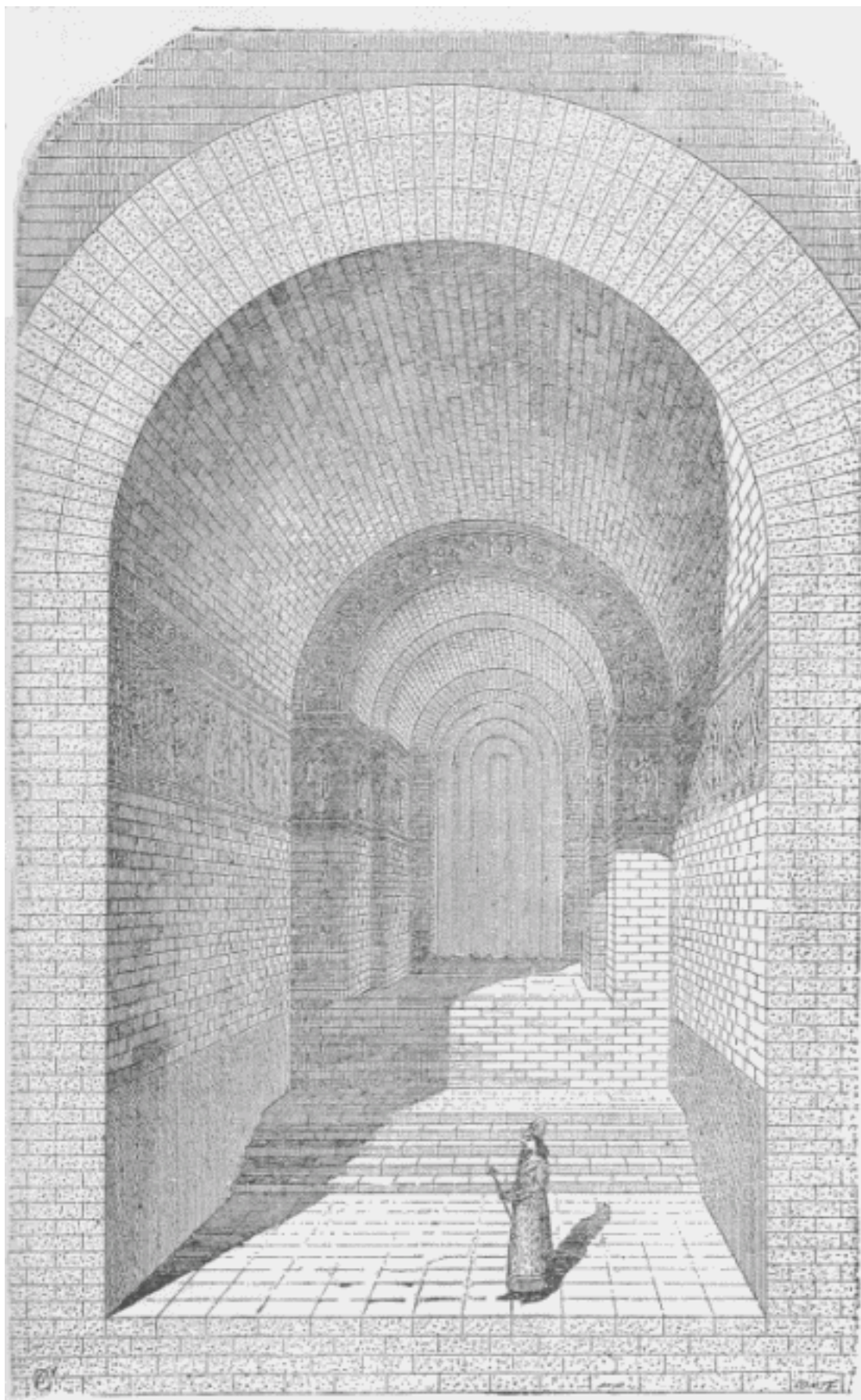

20.-КРУГЛЫЙ

СТОЛЬ-ОСНОВАНИЕ.

14. Задавались вопросы: как крыли эти залы и как они освещались? Вопросы, которые вызвали много дискуссий и на которые вряд ли можно дать положительный ответ, поскольку ни в одном случае не сохранилась верхняя часть стен или какая-либо часть кровли. Тем не менее, своеобразная форма и размеры дворцовых залов далеко не всегда позволяют говорить о косвенных доказательствах в этом деле. Они неизменно длинные и узкие, пропорции некоторых из них настолько поразительны, что больше напоминают коридоры, чем апартаменты, что, кстати, должно было значительно ухудшить их архитектурную красоту: они были в три или четыре раза длиннее, чем в ширину, и даже больше. Большой зал дворца Асшур-назир-пала на платформе кургана Нимруд (раскопанный Лэйярдом, который называет его, исходя из его положения, "северо-западным дворцом") имеет длину 160 футов при ширине не более 40. Из пяти залов Хорсабадского дворца самый большой имеет размеры 116 футов на 33, самый маленький - 87 на 25, а самый внушительный по размерам из всех еще открытых, большой зал Сеннахериба в Коюнджике, имеет длину 180 футов при ширине 40. Вряд ли можно предположить, что старые строители, которые в других вопросах проявили столько художественного вкуса, должны были выбрать такую однообразную и неудовлетворительную форму для своих государственных апартаментов, если только их не удерживало от этого какое-то непреодолимое несовершенство имевшихся в их распоряжении средств. О том, что они умели использовать пропорции, более приятные для общего эффекта, свидетельствуют внутренние открытые дворы, которых было несколько в каждом дворце и которые по форме и размерам очень похожи на те, что есть в наших замках и дворцах, - почти квадратные (около 180 футов или 120 футов в каждую сторону) или

слегка продолговатые: 93 фута на 84, 124 фута на 90, 150 футов на 125. Только два корта склоняются к длинной и узкой форме: один - 250 футов на 150, а другой - 220 на 100. Но даже это сильно отличается от тех галерей, похожих на пассаж. Единственное, что полностью объясняет эту неудобную особенность всех королевских залов, - это сложность обеспечения их крышей. Невозможно сделать плоскую крышу из одних кирпичей, и хотя ассирийцы умели строить арки, они использовали их только для очень узких сводов или над воротами и дверями, и не могли реализовать этот принцип в сколько-нибудь широких масштабах. Единственный очевидный выход состоял в том, чтобы просто перекрыть ширину зала деревянными балками или стропилами. Ни одно дерево, даже высоченный кедр Ливана или высокий кипарис Востока, не даст стропила одинаковой толщины от конца до конца длиной более 40 футов, а то и больше. От этой необходимости никуда не деться, и поэтому вопрос был поставлен перед художниками в отрыве от их собственных желаний. Этим объясняется и то огромное значение, которое все ассирийские завоеватели придавали хорошей древесине. Ее часто требовали в качестве дани, ничто не могло быть более приемлемым в качестве подарка, и часто предпринимались экспедиции в далекие горные районы Ливана с целью заготовки. Трудности с кровлей, естественно, отпадают в небольших помещениях, использовавшихся, вероятно, как спальные и жилые комнаты, и, соответственно, они свободно варьируются от продолговатых до квадратных; последние обычно составляют около 25 футов в каждую сторону, иногда меньше, но никогда не больше. Таких палат во дворце было очень много; во дворце Сеннахериба в Коюнджике было обнаружено шестьдесят восемь, и большая часть здания, напомним, еще не полностью исследована. Некоторые из них были так же богато украшены, как и большие залы, другие облицованы простыми плитами или оштукатурены, а третьи вообще не имели украшений и представляли собой грубый кирпич. Эти различия, вероятно, указывают на разницу в ранге в царском доме тех, кому предназначались эти апартаменты.

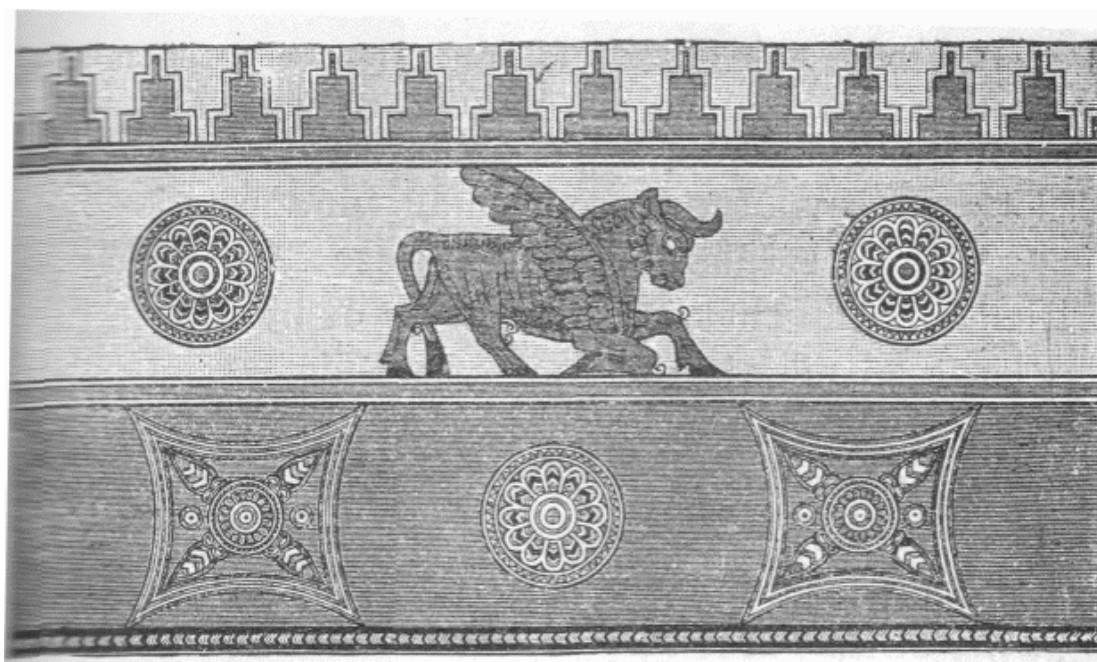
ВИД ОДНОЙ ИЗ ПАЛАТ ГАРЕМА В ХОРСАБАДЕ (ВОССТАНОВЛЕНО).

(Перро и Чипес.)

21.- ВНУТРЕННИЙ

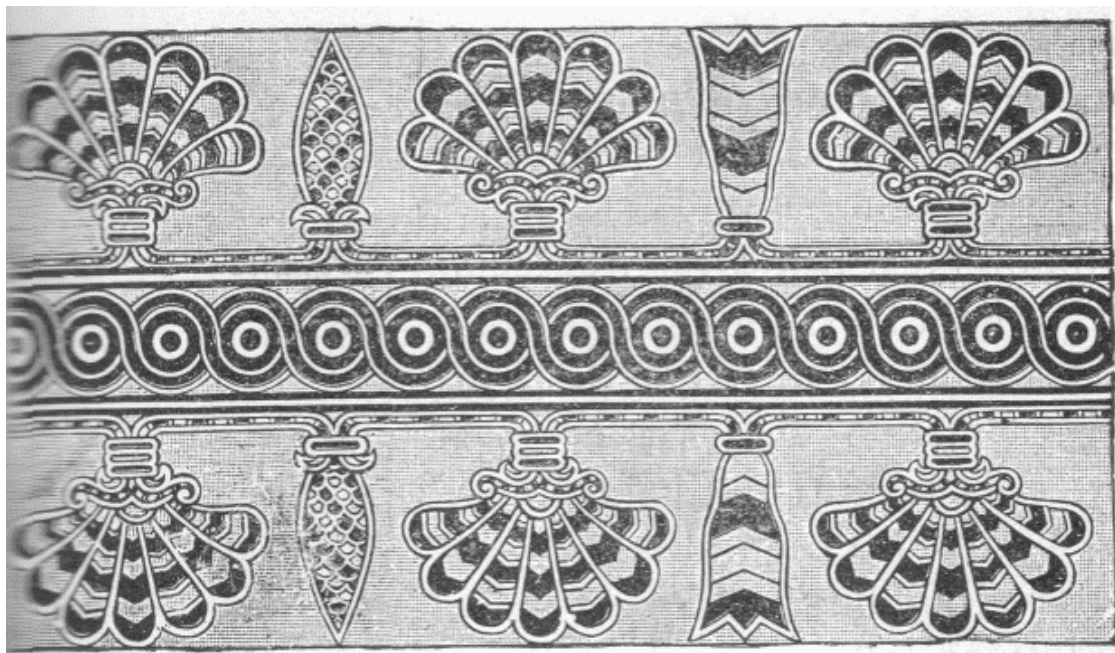
15. Вопрос о свете обсуждался выдающимися исследователями - Лайярдом, Ботта, Фергюссоном - еще более подробно и с большим проявлением изобретательности, чем вопрос о кровле.

Результаты этих дискуссий можно кратко подытожить следующим образом: Мы можем считать само собой разумеющимся, что залы были достаточно освещены, ведь строители не стали бы прилагать к ним столь щедрый художественный труд, если бы не хотели, чтобы их работа была видна во всех ее деталях и с максимальной пользой. Этого можно было добиться только одним из трех способов, или двумя комбинированными: либо с помощью многочисленных маленьких окон, пробитых через равные промежутки над фризом из эмалированного кирпича, между ним и крышей, - либо с помощью одного большого отверстия в крыше из дерева, как предложил Лэйард в своей собственной реставрации, либо с помощью меньших отверстий, расположенных через более частые интервалы. Это последнее приспособление широко используется сейчас в армянских домах, и Ботта, который называет его *жалюзи*, дает его чертеж. [O] Это очень изобретательно, и имеет то преимущество, что не пропускает слишком большую массу солнечного света и тепла, и легко закрывается коврами или толстыми войлочными коврами, чтобы исключить дождь. Второй способ, хотя и самый грандиозный по эффекту, не дает ни одного из этих преимуществ и вызывает возражения главным образом из-за дождя, который, проливаясь потоками, как это бывает в этих странах неделями подряд, очень скоро повредит кирпичный пол и превратит его в грязь, не говоря уже о неудобствах, связанных с непригодностью государственных квартир для использования в течение неопределенного времени. Небольшие боковые окна, расположенные под крышей, вряд ли давали бы достаточно света сами по себе. Кто знает, может быть, они были объединены с системой *жалюзи*, и таким образом в итоге получилось нечто очень удовлетворительное.

ФРИЗ ИЗ ЭМАЛИРОВАННЫХ ПЛИТОК.

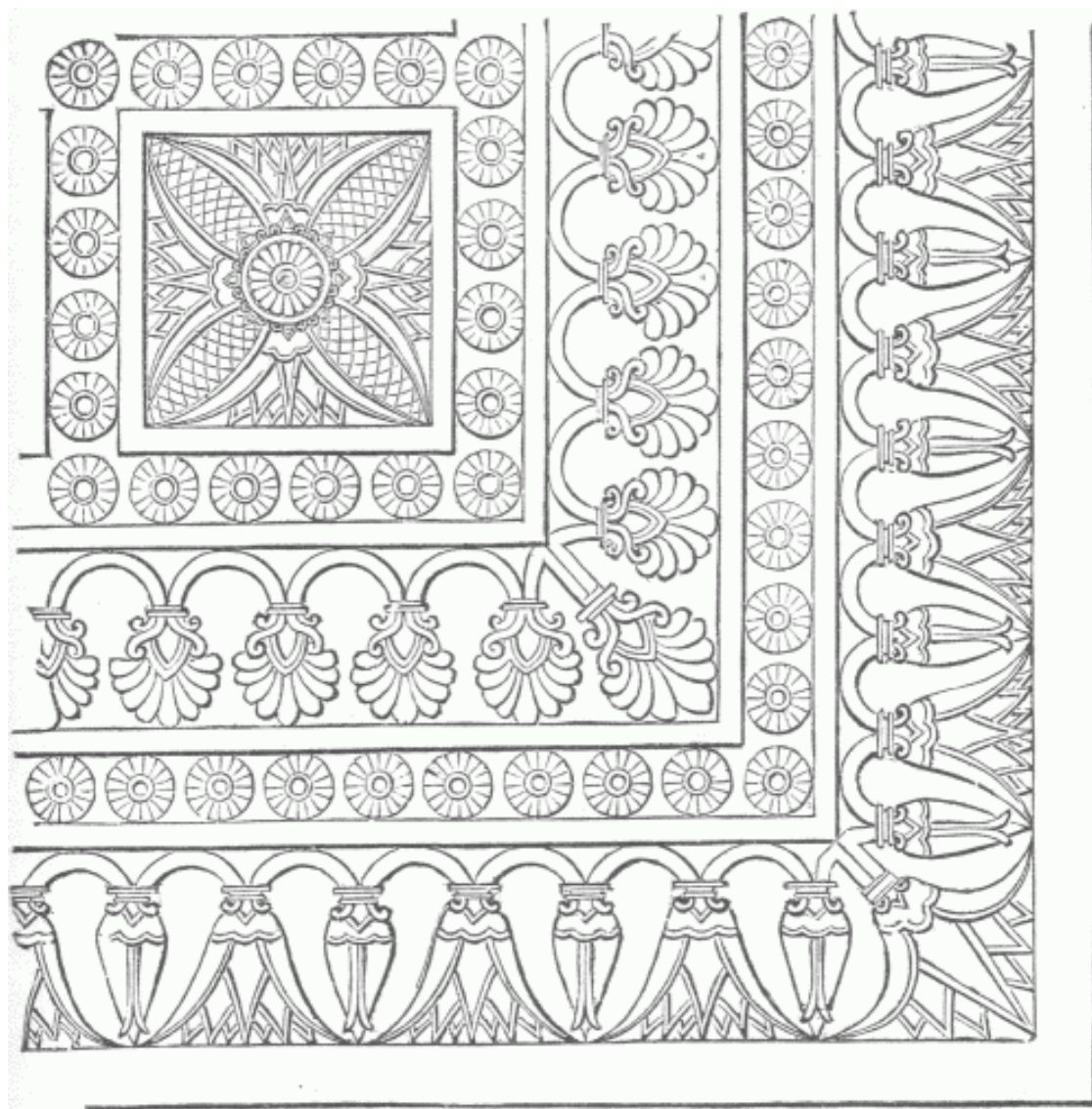
22.- ЦВЕТНОЙ

23.- ЦВЕТНОЙ

ФРИЗ ИЗ ЭМАЛИРОВАННЫХ ПЛИТОК.

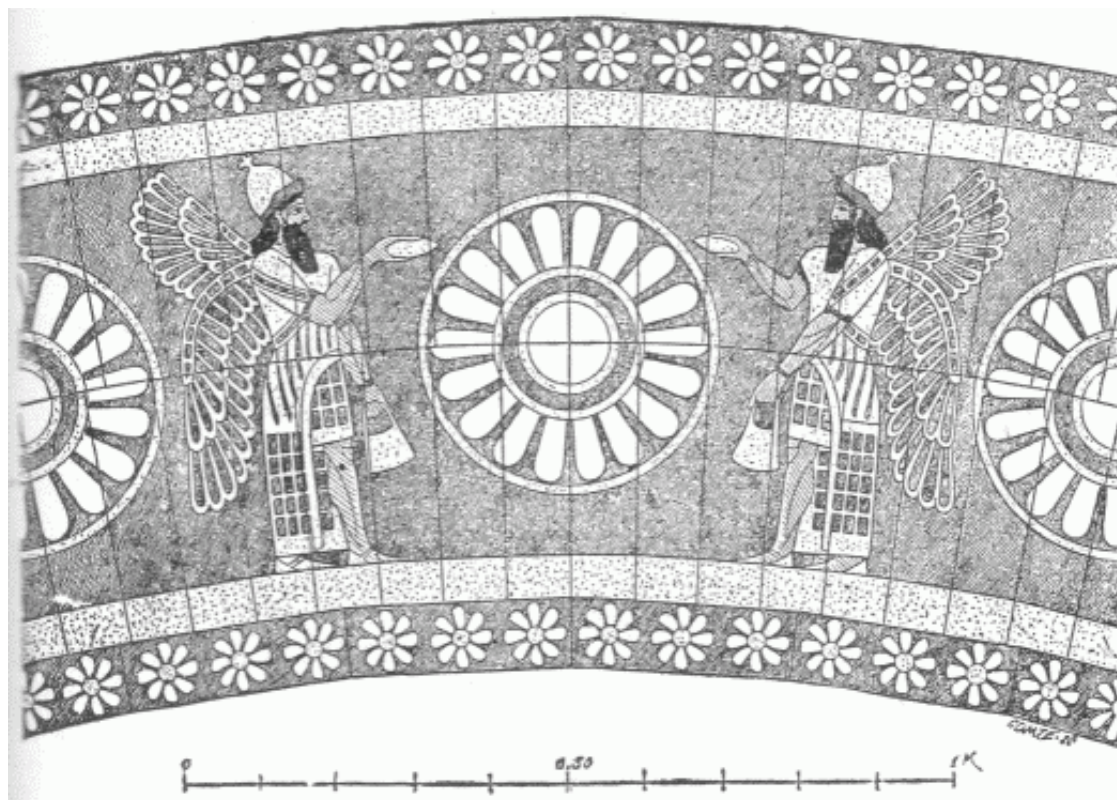
16. Цари Халдеи, Вавилонии и Ассирии, похоже, были абсолютно одержимы манией строительства. Едва ли кто-то из них не оставил надписей, рассказывающих о том, как он возвел тот или иной дворец, тот или иной храм в том или ином городе, часто во многих городах. Лишь немногие довольствовались ремонтом зданий, оставленных их предшественниками. В этом легко убедиться, ведь они всегда упоминают все, что сделали в этой области. Тщеславие, которое, похоже, вместе с любовью к добыче было почти главной страстью, конечно, в значительной степени объясняет это. Но есть и другие причины, главной из которых была очень скоропортящаяся природа построек, несмотря на всю их тяжесть. Будучи сделаны из сравнительно мягкого и податливого материала, их вес приводил к тому, что курганы в одних местах оседали и выпирали по бокам, в других образовывали щели и, конечно, нарушали равновесие толстой, но рыхлой кладки возведенных поверх них стен. От этих случайностей не могла защитить ни внешняя оболочка из камня или жженого кирпича, ни даже мощные контрфорсы, которые с ранних времен использовались для поддержки громоздких свай: давление изнутри было слишком велико, чтобы ему можно было противостоять.

24.-

ТРОТУАРНАЯ ПЛИТА.

17. Внешний фактор тоже действовал, уверенно и неуклонно разрушая здание: долгие, обильные зимние дожди. Сырой кирпич, подвергаясь воздействию влаги, легко растворяется в своем первоначальном элементе - грязи; даже обожженный кирпич не выдерживает длительного воздействия сильной влаги, а мы знаем, что курганы наполовину состояли из рыхлого мусора. Как только они пропитались влагой, ничто не могло удержать эти огромные массы от растворения. Строители прекрасно понимали эту опасность и боролись с ней в меру своих сил с помощью очень искусно придуманной и великолепно выполненной системы дренажа, проведенной через курганы во всех направлениях и выливающей скопившиеся воды на равнину из устьев, красиво построенных в форме арочных сводов.^[P] Под полом большинства залов были обнаружены стоки, идущие вдоль центра, затем отходящие к каналу в одном из углов, который отводил содержимое в один из главных каналов.

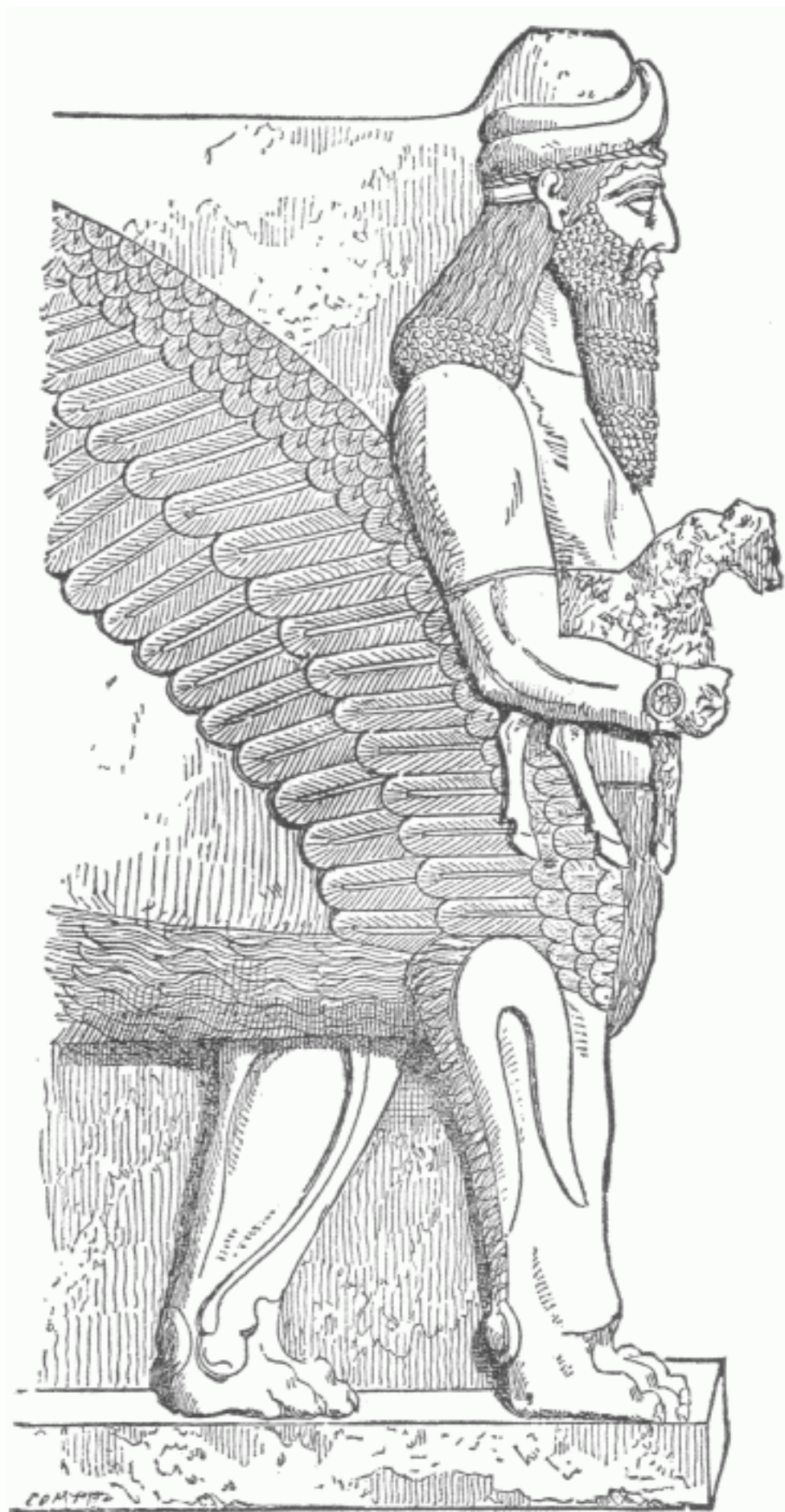

25.- СЕКЦИЯ
ДЕКОРАТИВНОГО ДВЕРНОГО ПРОЕМА (ЭМАЛИРОВАННЫЙ КИРПИЧ ИЛИ ПЛИТКА). ХОРСАБАД.

(Перро и Чипес.)

18. Но все эти меры предосторожности в конечном итоге оказывались малоэффективными, так что зачастую царю было проще и дешевле построить новый дворец, чем продолжать ремонтировать и подпирать старый, который, так сказать, разваливался на куски под руками рабочих. Неудивительно, что иногда, когда приходилось отказываться от старого особняка как от безнадежного, его начинали сносить, чтобы вывезти камень и использовать его в собственных постройках, вероятно, не столько из соображений бережливости, сколько для того, чтобы ускорить работу, ведь добыча камня в каменоломнях и транспортировка по реке всегда были длительными операциями. Это объясняет, почему в некоторых более поздних дворцах были найдены плиты, повернутые скульптурной стороной к сырой кирпичной стене, а другой стороной выровненные и подготовленные для художника, или со стертыми скульптурами, или сложенные в кучу у стены, готовые к установке. Характер повреждений, из-за которых древние здания разрушались и теряли форму, очень точно описан в надписи вавилонского царя Навуходоносора, в которой он рассказывает о том, как построил Зиккурат Борсипа на месте древнего сооружения, которое он отремонтировал, насколько это было возможно. Вот что он говорит: "Храм семи сфер, башня Борсипа, которую построил прежний царь... но не достроил ее верхнюю часть, с отдаленных времен пришла в упадок. Каналы для отвода воды не были предусмотрены должным образом; дожди и бури размывали ее кирпичи; кирпичи крыши потрескались; кирпичи здания были размывы в груды мусора". Все это в достаточной степени объясняет своеобразный вид месопотамских руин. Какому бы разрушению ни подверглись здания, естественному или насильственному, от рук завоевателей, от воздействия огня или погодных условий, верхняя часть пострадала бы первой, но она не исчезла бы из-за природы материала, который не является горючим. Сырые кирпичи по всей огромной толщине стен, будучи тщательно разрыхленными, вытесненными, высохшими или пропитанными насквозь, потеряли бы свою консистенцию и рухнули вниз, во дворы и залы, завалив их мягким мусором, в который они превратились, а излишки скатились бы по бокам и образовали те ровные склоны, которые издавна так

обманчиво имитируют естественные холмы. Время, накапливая песок из пустыни и частицы плодородной земли, делает остальное и одевает курганы в зеленую и цветущую одежду, которая радует глаз араба.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ГОЛОВОЙ.

26.- КРЫЛАТЫЙ ЛЕВ С

(Перро и Чипес.)

19. Именно на этот способ разрушения ассирийские цари ссылаются в своих летописях постоянно повторяющейся фразой: "Я разрушил их города, я одолел их, я сжег их в огне, *я сделал из них кучи*". Как бы ни было трудно добраться до сокровищ, заложенных в этих "кучах", не стоит унывать, ведь своей сохранностью они полностью обязаны мягким массам земли, песка и рыхлого мусора, которые со всех сторон защищали их от контакта с воздухом, дождем и невежественными грабителями, сохраняя их так же надежно - если не сказать прозрачно - как грецкий орех в куске засахаренного сахара. Исследователи знают это настолько хорошо, что, покидая руины, закончив на время свою работу, они обязательно заполняют все раскопанные пространства тем самым мусором, который был извлечен из них ценой стольких трудов и времени. Есть что-то впечатляющее и благоговейное в том, чтобы заново захоронить мощи тех погибших веков и народов, для которых таинственный мрак их самовозведенных гробниц становится лучше, чем блики широкого, любопытного дневного света. Когда Лейард перед отъездом, после очередного блуждания с друзьями по всем траншеям, туннелям и переходам Нимрудского кургана, чтобы в последний раз взглянуть на чудеса, на которые до него никто не смотрел, снова оказался на голой платформе и приказал рабочим снова накрыть их, он был сильно тронут контрастом: "Мы тщетно оглядываемся вокруг, - говорит он, - в поисках каких-либо следов чудесных останков, которые мы только что видели, и наполовину склонны верить, что нам приснился сон, или мы слушали какую-то сказку из восточной романтики. Некоторые, кто в будущем ступит на это место, когда над ассирийскими дворцами снова вырастет трава, действительно могут заподозрить, что я рассказывал о видении".

27.- КРЫЛАТЫЙ

БЫК.

(Перро и Чипес.)

20. Любопытно, что в Ассирии руины говорят нам только о живых, а от мертвых не остается и следа. Можно подумать, что люди там вообще никогда не умирали. Однако хорошо известно, что все народы уделяли погребению своих мертвых и украшению их последнего пристанища не меньше внимания, чем строительству своих жилищ, а некоторые даже больше, например, египтяне. Этому любовному почитанию мертвых история обязана половиной своих открытий; более того, у нас почти не было бы достоверной информации о самых древних расах, живших до изобретения письменности, если бы не их гробницы и вещи, которые мы в них находим. Поэтому очень странно, что ничего подобного не было найдено в Ассирии, стране, которая стояла на столь высоком уровне культуры. Ведь усыпальницы, которые в таком количестве находят в некоторых курганах на определенной глубине, принадлежат, как показывает само их расположение, более поздним расам, в основном даже современным туркам и арабам. Эта особенность настолько озадачивает, что ученые почти склоняются к предположению, что ассирийцы либо избавлялись от своих мертвецов каким-то неизвестным нам способом, либо отвозили их куда-то хоронить. Последняя догадка, хотя и не лишена оснований, как мы увидим, не подкреплена никакими положительными фактами, и поэтому никогда всерьез не обсуждалась. Вопрос просто остается открытым, пока что-нибудь не прольет на него свет.

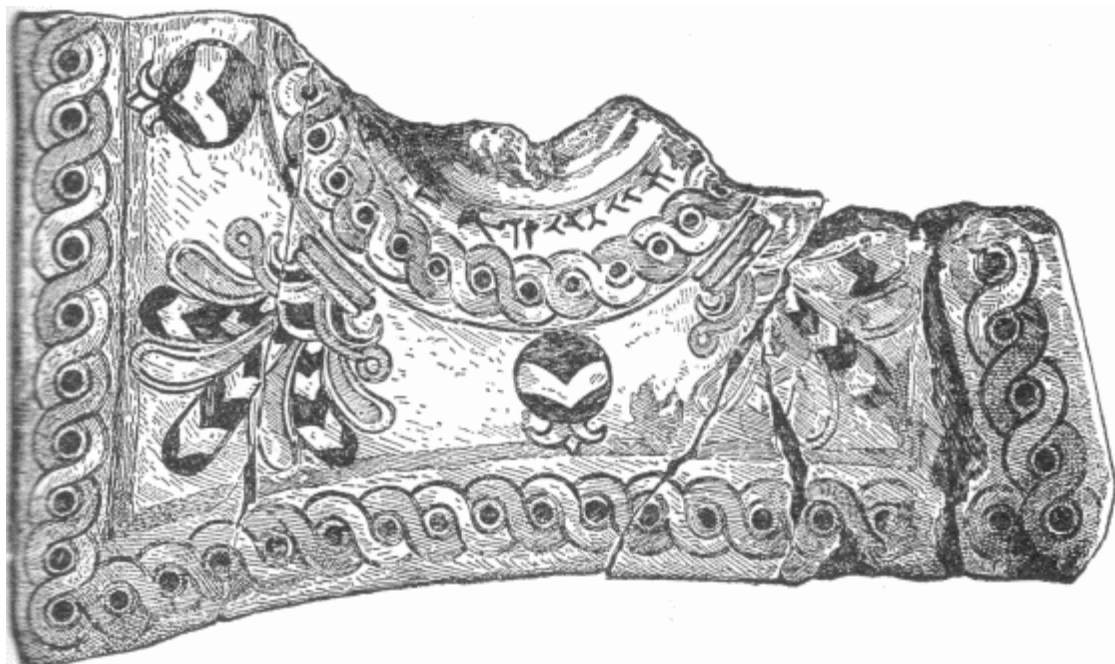

28.- ЧЕЛОВЕК-

ЛЕВ.

(Перро и Чипес.)

21. В Вавилонии все наоборот. Она не может похвастаться красивыми руинами или скульптурами. Платформы и главные стены многих дворцов и храмов были известны по именам, выбитым на кирпичах, и цилиндрам, найденным в фундаментах, но они представляют собой лишь бесформенные массы, с которых исчезли все следы художественной работы. В качестве компенсации можно сказать, что нет ни одной страны в мире, где было бы обнаружено такое количество и такие обширные кладбища. Похоже, что земля Халдеи - возможно, потому, что она была колыбелью народов, которые впоследствии достигли величия, таких как ассирийцы и евреи, - считалась местом особой святости у своих жителей, а также, вероятно, у соседних стран, что объясняет манию, которая, похоже, преобладала на протяжении стольких веков, хоронить там мертвых в неслыханном количестве. Как ни странно, некоторые его части и сейчас считаются священными в том же смысле. В Кербеле и Неджифе (несколько западнее Вавилона) есть святилища, куда каждый караван паломников привозит из Персии сотни мертвых тел в обитых войлоком гробах для погребения. Их везут на верблюдах и лошадях. На каждом боку животного раскачивается гроб, бесцеремонно подбиваемый босыми пятками всадника. Эти гробы, как и товары, остаются без груза на ночь, а иногда и на несколько дней в ханах или караван-сараях (закрытых местах для стоянки), где люди и звери отдыхают вместе. В этом тропическом климате легко представить себе результаты. Отчасти именно этому отвратительному обычаю следует приписать огромную смертность в караванах, пятая часть которых в здоровое время года оставляет свои кости в пустыне. Как бы то ни было, гигантские размеры халдейских захоронений поражали даже древнегреческих путешественников, а некоторые из них утверждали, что в Халдее хоронили ассирийских царей. Если цари, то почему бы не более знатные и богатые из их подданных? Транспортировка по рекам не представляла никаких трудностей. Однако, как уже отмечалось, все это лишь предположения.

29.- ФРАГМЕНТ

ЭМАЛИРОВАННОГО КИРПИЧА.

(Перро и Чипес.)

22. Среди халдейских городов Эрех (ныне Warka) с давних времен считался одним из самых святых. В нем было множество чрезвычайно древних храмов и коллегия ученых жрецов, а вокруг него постепенно образовался огромный "город мертвых" или Некрополь. Английский исследователь Лофтус в 1854-5 годах специально обратил на него свое внимание, и его рассказ поражает. Прежде всего, его поразило величественное запустение этого места. Варка и несколько других курганов возвышаются на слегка приподнятом участке пустыни, над уровнем ежегодных наводнений, и доступны только с ноября по март, поскольку все остальное время окружающая равнина - это либо озеро, либо болото. "Пустынность и одиночество Варки, - говорит Лофтус, - поражают даже больше, чем картина, которая предстает перед нами в самом Вавилоне. На многие мили вокруг нет никакой жизни. Ни одна река не скользит в величии у основания его курганов; ни одна зеленая финиковая роща не расцветает рядом с его руинами. Шакал и гиена, кажется, избегают унылого вида его гробниц. Царь птиц никогда не парит над пустырем. Ни травинка, ни насекомое не находят здесь своего существования. Один лишь дряхлый лишайник, прилипший к обветренной поверхности битого кирпича, кажется, славится своим вселенским господством над этими бесплодными стенами. Из всех пустынных картин, которые я когда-либо видел, та, что в Варке, несравненно превосходит все". Конечно, в данном случае нельзя сказать, что внешность обманлива, ведь все это пространство и многое другое - кладбище, да еще какое! "Трудно, - снова говорит Лофтус, - передать что-либо похожее на правильное представление о горах человеческих останков, которые здесь совершенно поражают зрителя. За исключением лишь треугольного пространства между тремя основными руинами, вся остальная часть платформы, все пространство между стенами и неизвестное пространство пустыни за ними, повсюду заполнены костями и могилами мертвых. Вероятно, в мире нет другого места, которое могло бы сравниться с Варкой в этом отношении". Следует добавить, что гробы не просто лежат один рядом с другим, а слоями, на глубине 30-60 футов. Разные эпохи демонстрируют разные способы захоронения, среди которых наиболее примечательны следующие четыре.

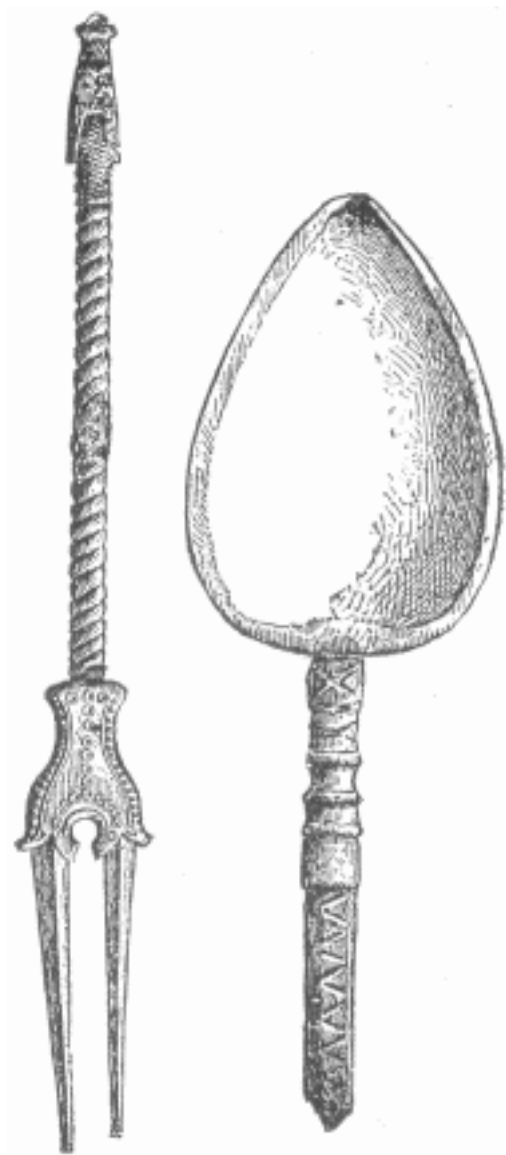
30.- ГОЛОВА РАМА В АЛЕБАСТРЕ.

(Британский музей.)

31.- РАСЧЕСКА ИЗ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА.

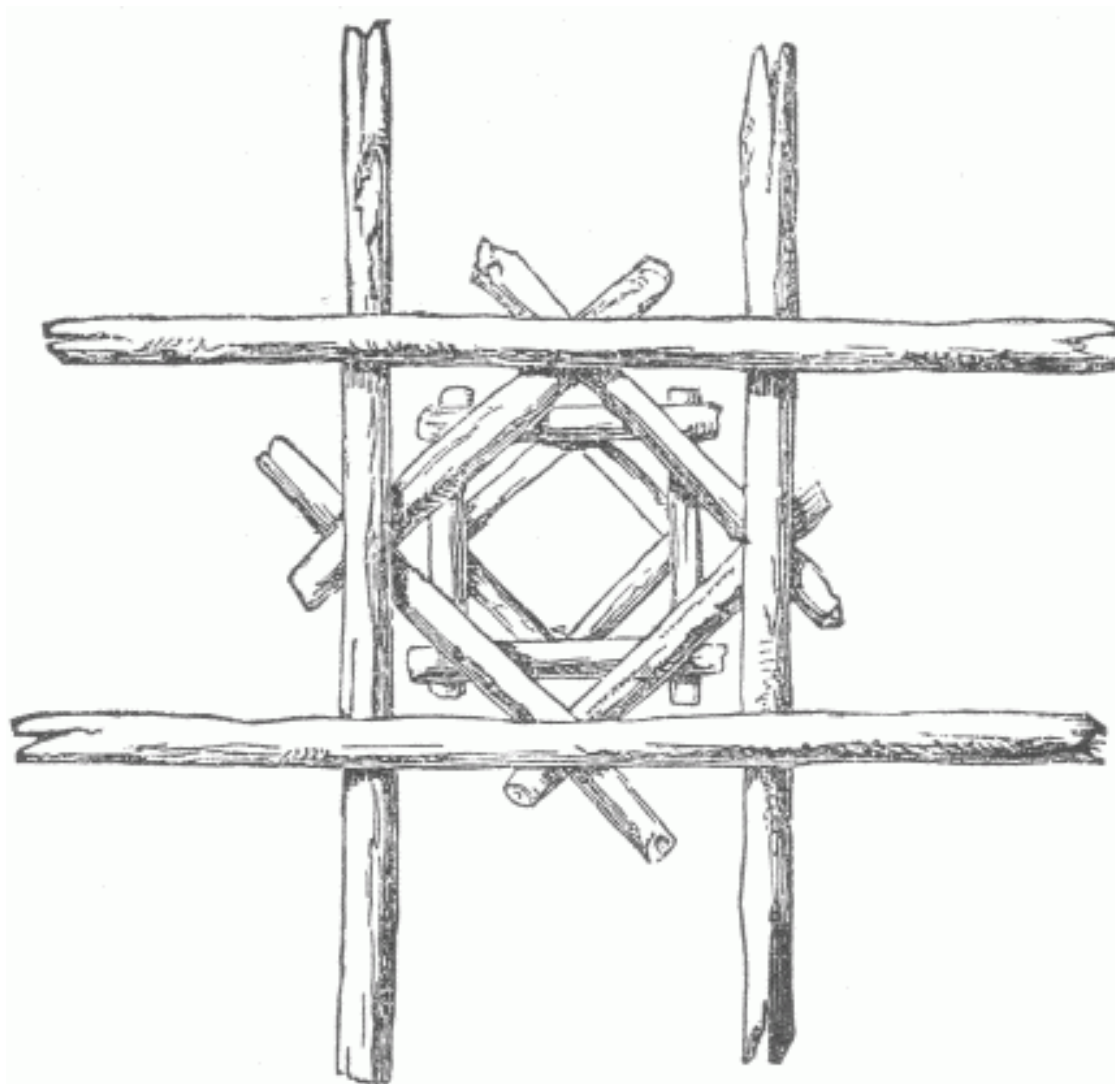
(Перро и Чипес.)

32.- БРОНЗОВЫЕ ВИЛКА И ЛОЖКА.

(Перро и Чипес.)

23. Пожалуй, самая красивая форма гроба - это гроб из двух глиняных кувшинов (*а* и *б*), которые точно подходят друг к другу или один слегка вставляется в другой, при этом место соединения герметично покрыто битумом (*г*, *д*). Тело в такой гроб можно положить только со слегка согнутыми коленями. В одном конце (*с*) имеется отверстие для выхода газов, которые образуются при разложении тела и которые в противном случае могли бы разорвать банку, - эта мера предосторожности, вероятно, подсказана опытом (рис. 36). Иногда имеется только один кувшин гораздо большего размера, но такой же формы, с аналогичной крышкой, также пропитанной битумом, или же горлышко закрывается кирпичами. Это, по сути, национальный способ захоронения, возможно, самый древний из всех, однако он сохранился до очень позднего времени. Следует отметить, что именно такой формы кувшины для воды сейчас носят по улицам Багдада и знакомы каждому путешественнику.

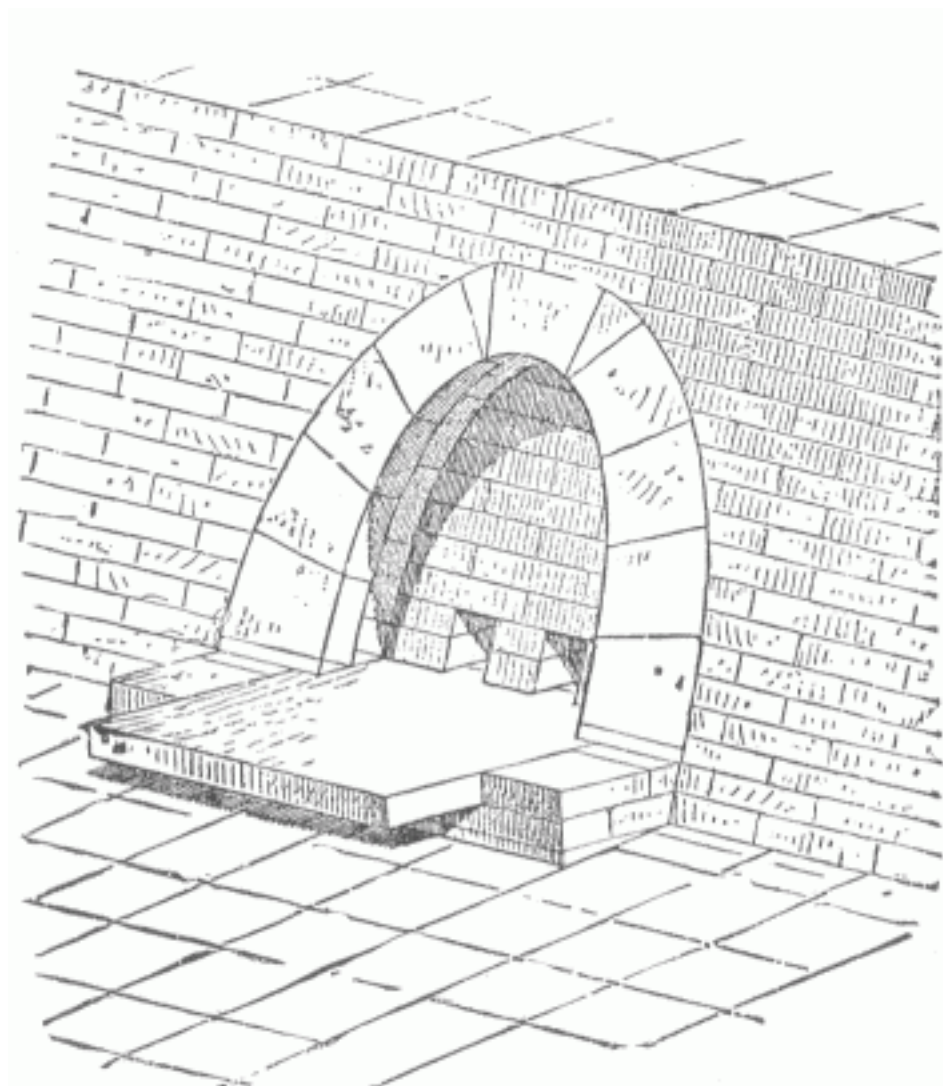

33.- АРМЯНСКИЙ

ЖАЛЮЗИ.

(Botta.)

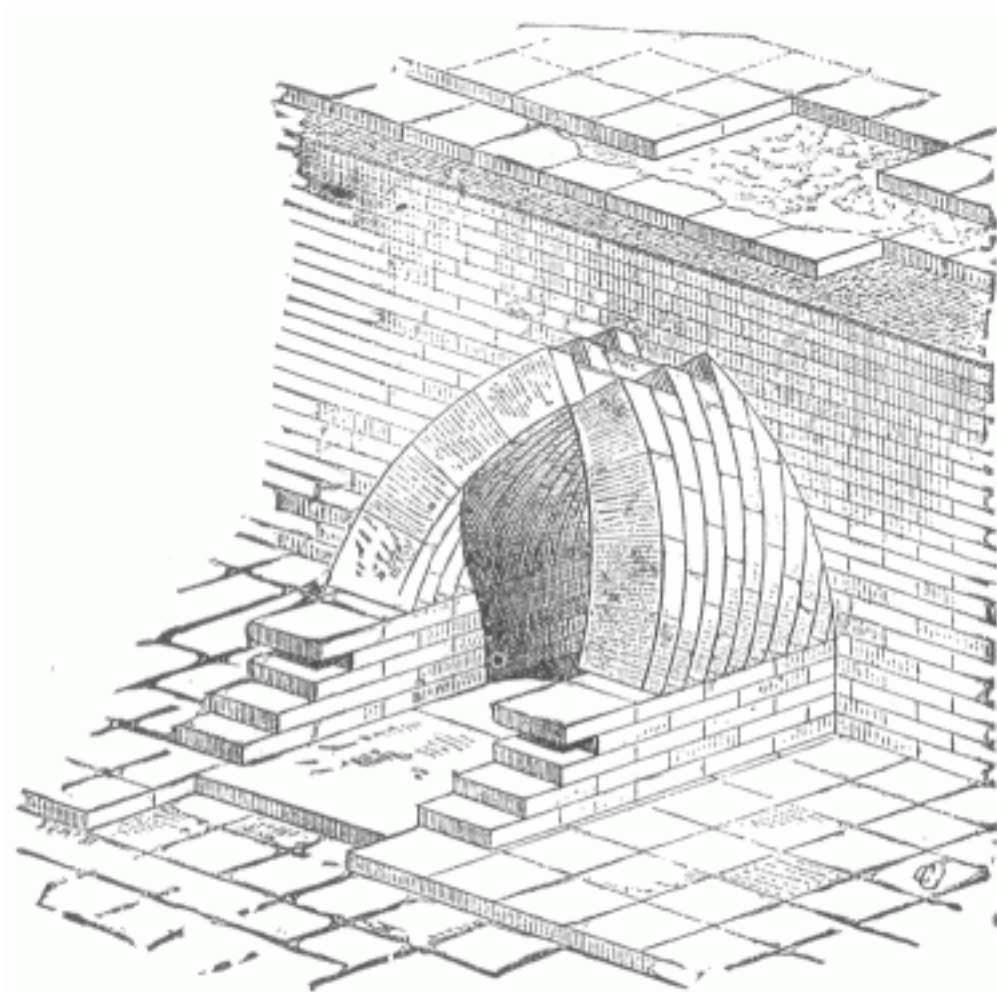
24. Не менее оригинален и так называемый "гроб с крышкой- блюдом", также очень древний и национальный. Иллюстрации в достаточной мере показывают его форму и устройство. [Q] В этих гробах иногда находят два скелета, что свидетельствует о том, что после смерти вдовы или вдовца его открывали, чтобы положить только что умершего рядом с предыдущим. Крышка цельная - очень достойное достижение гончарного искусства. В Мугейре (древний Ур) был найден курган, полностью заполненный подобными гробами.

34.- СВОДЧАТЫЕ

ВОДОСТОКИ. (ХОРСАБАД.)

(Перро и Чипес.)

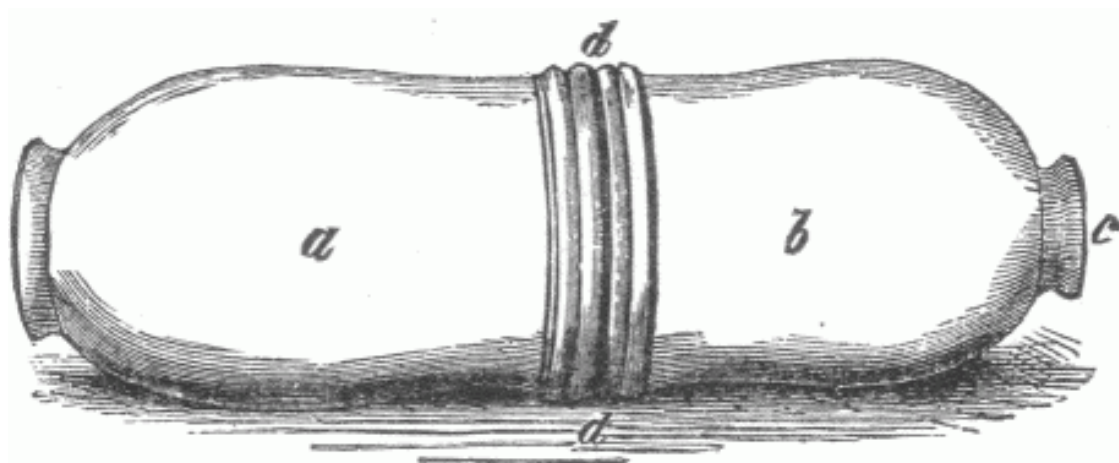

35.- СВОДЧАТЫЙ

ДРЕНАЖ. (ХОРСАБАД.)

(Перро и Чипес.)

25. Гораздо более сложным, а потому, вероятно, предназначенным для знатных и богатых людей, является усыпальница из кирпича высотой почти в рост человека. [R] В этих усыпальницах, как и в предыдущих, череп top всегда находится в одном и том же положении, очевидно, продиктованном какими-то религиозными представлениями. Голова лежит на большом кирпиче, обычно прикрытом куском материи или ковриком. В рваных лохмотьях, которые иногда еще сохранились, не раз узнавали дорогие вышивки и бахрому из золотой ткани, а на некоторых женских скелетах сохранились красивые головы с волосами, собранными в тонкие сетки. Тело лежит на тростниковой циновке, на левом боку, правая рука вытянута так, чтобы достать кончиками пальцев до чаши, обычно из меди или бронзы, а иногда тонкой работы, обычно помещенной на ладонь левой руки. Вокруг расставлены различные предметы-блюда, в некоторых из которых найдены остатки пищи, например финиковые косточки, - кувшины для воды, лампы и т. д. Некоторые скелеты носят золотые и серебряные браслеты на запястьях и лодыжках. Эти склепы, очевидно, были семейными усыпальницами, так как в них обычно находят несколько скелетов; в одном из них их было не менее одиннадцати. (Рис. 39, с. 89.)

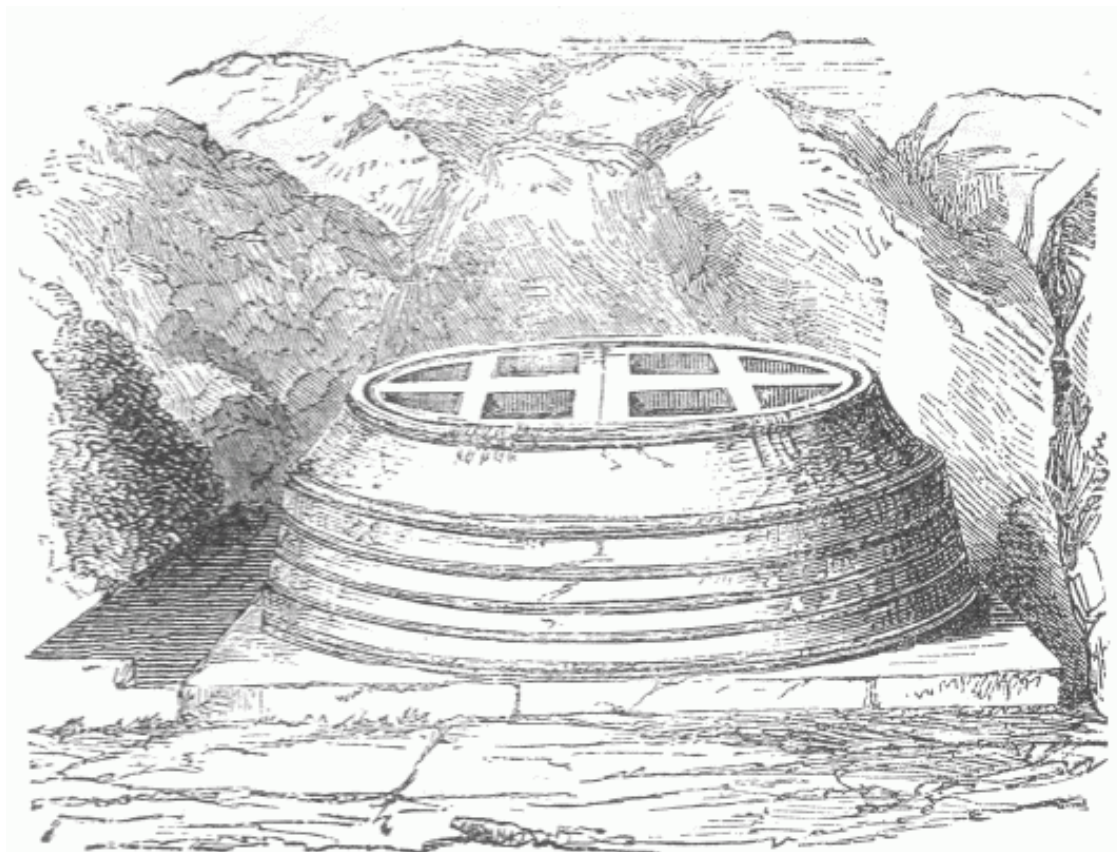

36.-

ХАЛДЕЙСКИЙ КУВШИН-ГРОБ.

(Тейлор.)

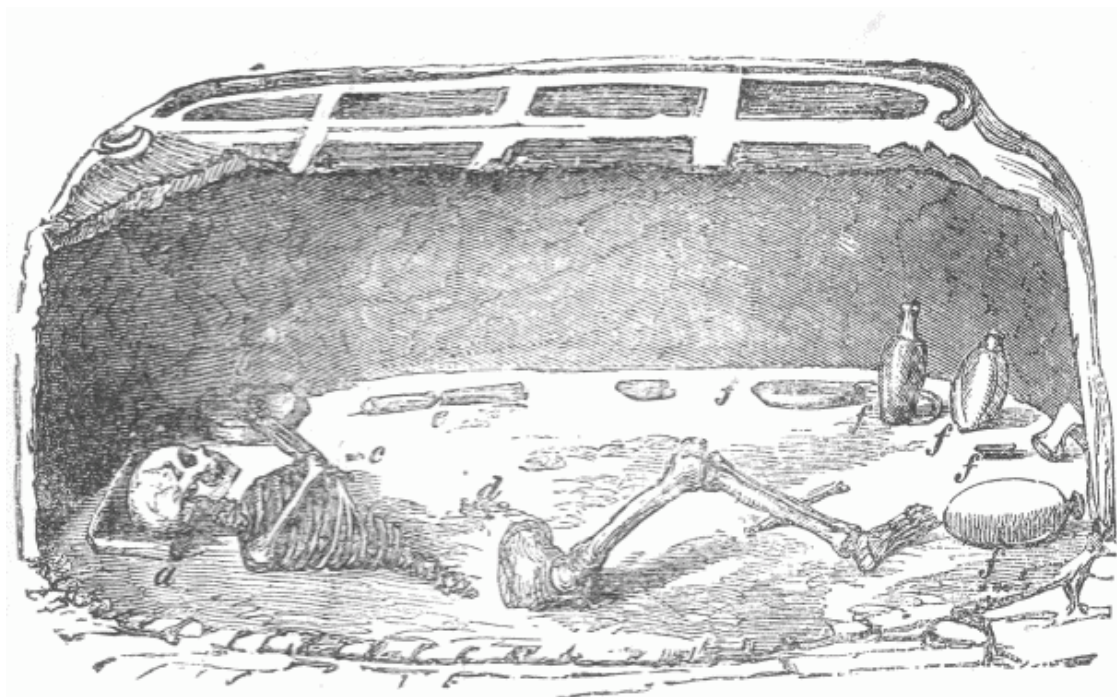
26. Все эти способы захоронения очень древние и специфически халдейские. Но есть еще один, который относится к более поздним временам, даже к первым векам после Рождества Христова, и использовался другой иноземной расой, парфянами, одними из тех, кто поочередно приходил и завоевывал страну, оставался там некоторое время, а затем исчезал. Эти гробы, благодаря их любопытной форме, известны под названием "тапочкообразные". Они покрыты глазурью, зеленой снаружи и голубой внутри, но сделаны очень плохо: бедная глина, смешанная с соломой, и обожжены лишь наполовину, поэтому очень хрупкие. Считается, что их ставили на место пустыми, затем клали тело, опускали крышку, а заботу о том, чтобы засыпать их песком, оставляли на волю ветра. Крышка крепится тем же раствором, который используется в кирпичной кладке вокруг гроба, если для него было сделано такое вместилище; но чаще всего они лежат насыпанные, разделенные лишь тонкими слоями рыхлого песка. Есть курганы, которые, можно сказать, обложены ими: где бы вы ни начали копать траншею, узкие концы торчат с обеих сторон. В этих гробах также хоронили различные предметы, иногда ценные. Арабы знают это; они роются в песке руками, разбивают гробы копьями и роются в них в поисках добычи. В результате достать целый гроб крайне сложно. Однако Лофтусу удалось отправить несколько гробов в Британский музей, предварительно обклеив их несколькими слоями плотной бумаги, без этой меры предосторожности они не выдержали бы транспортировки.

37.- ГРОБНИЦА С

"КРЫШКОЙ для ПОСУДЫ" в МУГЕЙРЕ.

(Тейлор.)

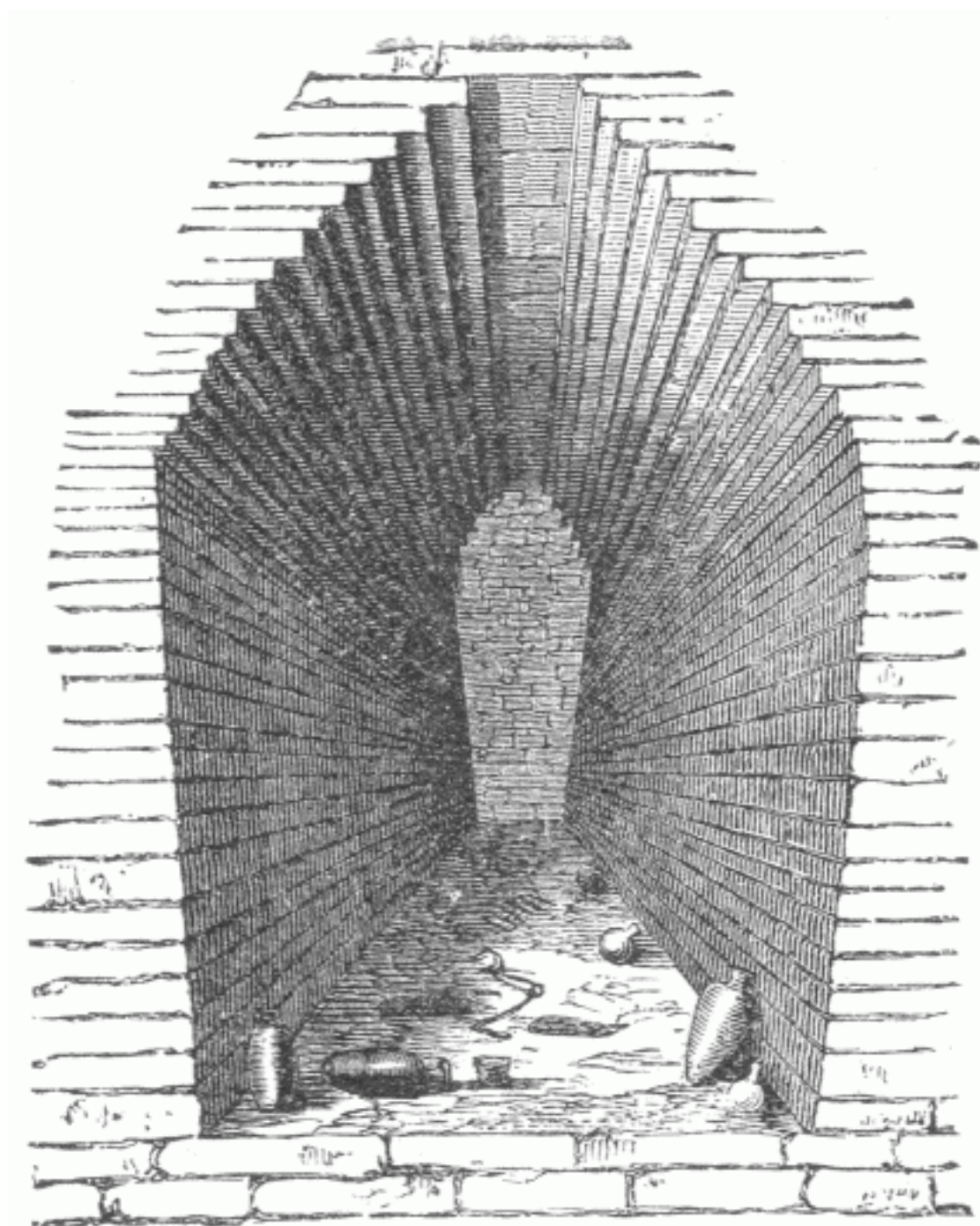
38.- ГРОБНИЦА С

"ТАРЕЛКОЙ".

(Тейлор.)

27. В целом, древнехалдейские усыпальницы трех первых видов отличаются большей аккуратностью и опрятностью. Они не только отделены кирпичными перегородками по бокам, а

также сверху и снизу тонким слоем кирпичной кладки, но и с особой тщательностью защищены от сырости. Могильные курганы насквозь, сверху донизу, пронизаны дренажными трубами или шахтами, состоящими из ряда колец, прочно соединенных между собой битумом, диаметром около одного фута. Эти кольца сделаны из обожженной глины. Верхнее имеет форму воронки, конец которой вставлен в перфорированный кирпич и снабжен небольшими отверстиями для проникновения влаги. Помимо всего этого, шахты, погруженные попарно, окружены битой керамикой. Насколько изобретательной и практичной была эта система, можно судить по тому, что и гробы, и их содержимое были найдены в состоянии идеальной сухости и сохранности. (Рис. 41, стр. 90.)

СЕПУЛЬЧАТЫЙ СВОД В МУГЕЙРЕ.

(Тейлор.)

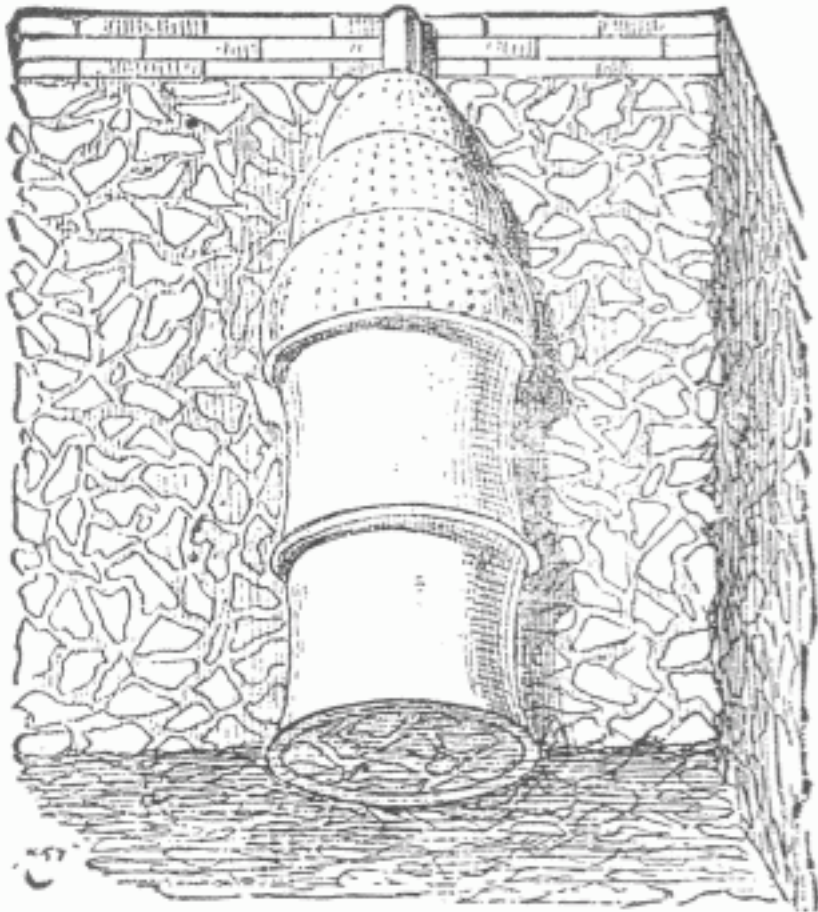

40.- КАМЕННЫЕ

КУВШИНЫ ИЗ МОГИЛ. (ЛАРСАМ.)

(Хоммель.)

28. На самом деле халдеи, если они и не смогли достичь такого совершенства, как ассирийцы, в скульптуре из плит, поскольку не имели камня ни дома, ни в пределах досягаемости, похоже, извлекли большее разнообразие архитектурных украшений из этого своего неисчерпаемого материала - обожженной глины или терракоты. Мы видим пример этого в остатках - к сожалению, очень маленьких - некоторых стен, принадлежащих тому же городу Эрех. На одном из курганов Лофтус был озадачен большим количеством маленьких терракотовых конусов, целых и разрозненных, валявшихся на земле. Толстый плоский конец их был окрашен в красный, черный или белый цвет. Каково же было его изумление, когда он наткнулся на кусок стены (около семи футов в высоту и не более тридцати в длину), который показал ему, каково было их назначение. Они были сгруппированы в разнообразные узоры, чтобы украсить всю стену, будучи воткнуты своим тонким концом в слой мягкой глины, которой она была обмазана для этой цели. Еще более оригинальным и даже довольно непонятным является настенное украшение, состоящее из нескольких полос, каждая из которых состоит из трех рядов маленьких горшочков или чашек - около четырех дюймов в диаметре, воткнутых в мягкое глиняное покрытие таким же образом, разумеется, с вывернутым наружу горлышком! Лофтус нашел такую стену, но, к сожалению, не дал ее изображения. (Рис. 43 и 44.)

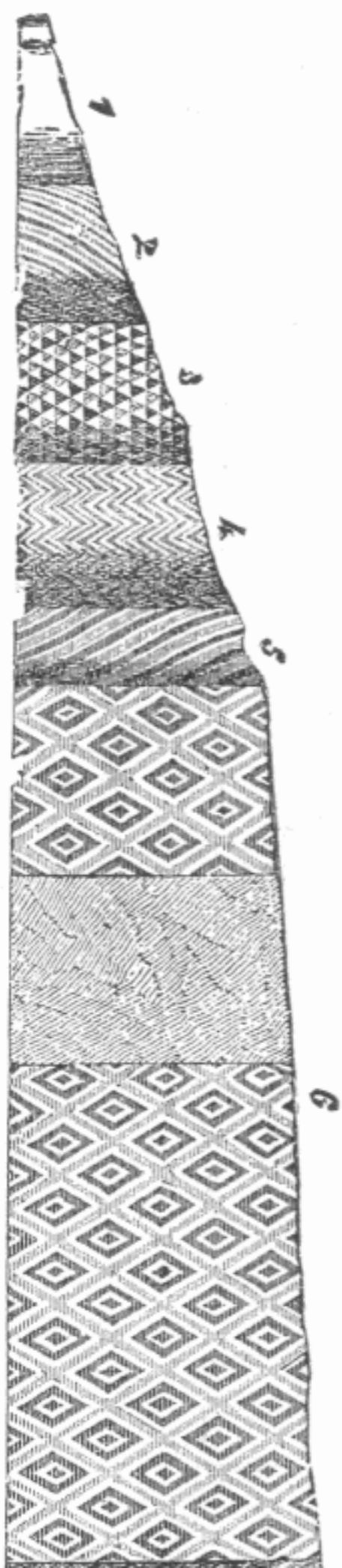

41.- ДРЕНАЖ В КУРГАНЕ.

(Перро и Чипес.)

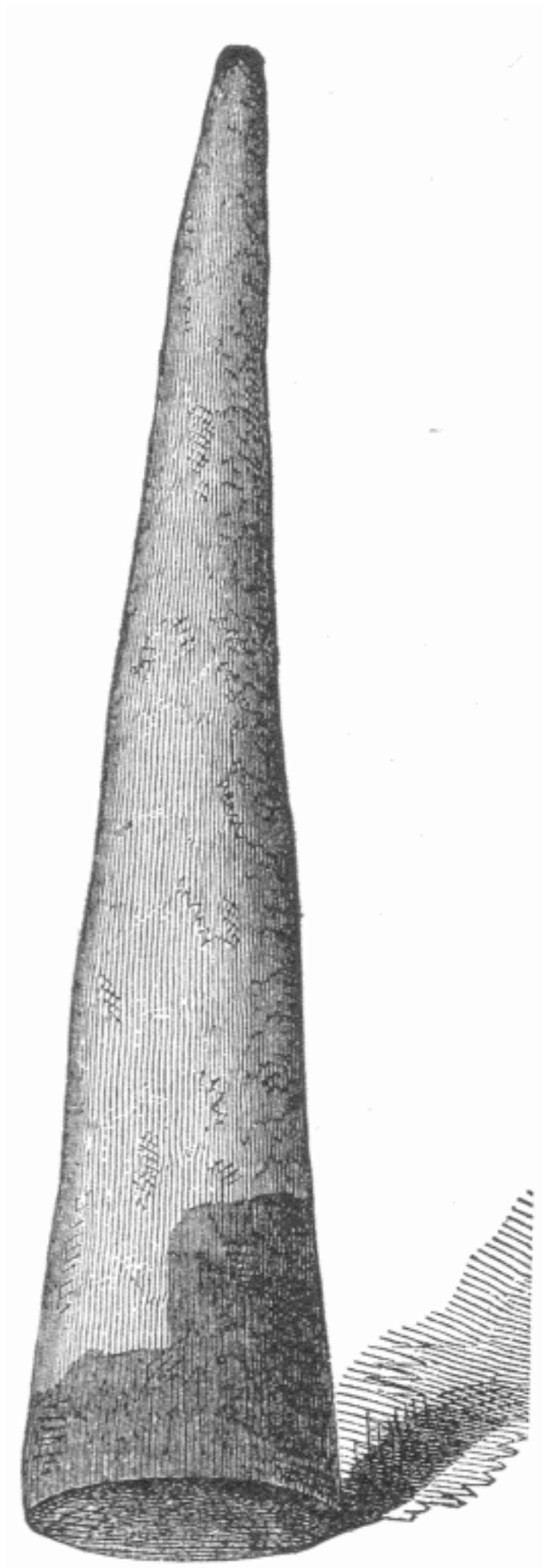
29. Что касается древневавилонского, а точнее халдейского, искусства скульптуры, то последнее слово на эту тему еще не сказано. С каждым годом в мире происходит множество открытий, которые постоянно приводят к самым неожиданным выводам. Так, долгое время считалось общепризнанным фактом, что в Ассирии было очень мало статуй, а в Вавилонии - вообще нет, когда несколько лет назад (1881 г.) французский исследователь г-н Э. де Сарсек, французский консул в Басре, привез домой девять великолепных статуй из темного, почти черного камня, твердого, как гранит, называемого диоритом.^[S] К сожалению, все они без голов; но, как бы компенсируя это увечье, одна голова была найдена отдельно, - бритая и покрытая тюрбаном, прекрасно сохранившаяся и замечательной работы, сам рисунок тюрбана достаточно прост, чтобы быть воспроизведенным любым современным ткацким станком. ^[T] Эти большие призы сопровождалось множеством небольших произведений искусства, представляющих людей и животных, высокохудожественного дизайна и некоторых из них изысканной отделки исполнения. Эта поразительная находка, результат нескольких лет неустанной работы, украшающая сейчас ассирийские залы Лувра в Париже, происходит из одного из вавилонских курганов, который не был открыт ранее, руин могущественного храма в месте, которое сейчас называется Телль-Лох и предположительно является местом Сир-бурла, или Сир-гулла, одного из древнейших городов Халдеи. Эта "коллекция Сарсека", как ее принято называть, не только полностью разрушает представления, сложившиеся о древнехалдейском искусстве, но и имеет огромное историческое значение благодаря надписям, которые покрывают заднюю часть каждой статуи (не говоря уже о цилиндрах и других мелких предметах) и которые, в сочетании с памятниками других руин, позволяют ученым хотя бы приблизительно определить дату расцвета города и правителей, оставивших столь необычные памятники своих

художественных даров. Одни относят их к 4500 году до нашей эры, другие - к 4000. Какой бы чрезмерной ни была такая оценка на первый взгляд, она не является ничем не подкрепленной фантазией, но доказательства сходятся со многих сторон, чтобы показать, что строители и скульпторы Сир-Гуллы ни в коем случае не могли жить и работать намного позже 4000 г. до н.э. Невозможно в нескольких строках указать все моменты, догадки, сложные вопросы, на которые это открытие проливает свет более или менее прямо, более или менее решительно; они возникают постоянно по мере изучения тех отдаленных эпох, и пройдут годы, прежде чем материалы, предоставленные коллекцией Сарзека, будут исчерпаны во всех их аспектах.

ВАРКЕ (ЭРЕХ).

(Лофтус.)

43.- ТЕРРАКОТОВЫЙ КОНУС, НАТУРАЛЬНЫЙ

РАЗМЕР.

(Лофтус.)

ССЫЛКИ:

[G] Rawlinson's "Five Monarchies", Vol. I., p. 46.

[H] Ур Халдейский, из которого вышел Авраам.

[I] Rawlinson's "Five Monarchies", Vol. I., p. 349.

[J] Рисунок 10.

[K] Рисунок 71, с. 281.

[L] Rawlinson's "Five Monarchies", Vol. I., pp. 317 and 318.

[M] См. рис. 20, с. 63. Есть только одно исключение - случай недавнего исследования, во время которого был обнаружен один единственный сломанный вал колонны.

[N] G. Rawlinson's "Five Monarchies", Vol. I., pp. 467, 468.

[O] См. рис. 33, с. 83.

[P] Рис. 34 и 35, с. 84.

[Q] Рис. 37 и 38, с. 87.

[R] Рис. 39, с. 89.

[S] См. рис. 59, с. 217.

[T] См. рис. 44 и 45, с. 101.

IV.

КНИГА ПРОШЛОГО - БИБЛИОТЕКА НИНЕВИИ.

1. Когда мы хотим узнать о великих деяниях прошлых веков и о могущественных людях, давно умерших, мы открываем книгу и читаем. Когда мы хотим оставить поколениям, которые придут через много лет после нас, запись о том, что было сделано нами самими или в наше время, мы берем перо, чернила и бумагу и пишем книгу. То, что мы написали, затем печатается, издается несколькими сотнями или тысячами экземпляров, в зависимости от

обстоятельств, и быстро попадает во все страны мира, населенные людьми, которые с детства приучены думать и учиться. Таким образом, мы можем быть уверены, что информацию, которую мы старались сохранить, можно будет получить через несколько лет или столетий после того, как мы прекратим свое существование, причем это не потребует больших усилий, чем приобретение книги на полках книжного магазина, государственной или частной библиотеки. Все это очень просто. И нет ни одного маленького ребенка, который не знал бы книгу по внешнему виду и даже не имел бы довольно правильного представления о том, как книга сделана и для чего она нужна.

2. Но книги не всегда имеют столь привычную для нас форму и материал. Металл, камень, кирпич, стены и колонны, да что там, сами скалы, созданные самой природой, могут быть книгами, передающими информацию так же просто, как наши тома бумажных листов, испещренных письменными или печатными строками. Нужно только знать, как их читать, а необходимые знания и навыки можно приобрести с помощью столь же простых процессов, как и искусство обычного чтения и письма, хотя и ценой несколько больших затрат времени и сил.

3. Есть две естественные тяги, которые настойчиво заявляют о себе в каждом уме, не поглощенном ежедневным трудом ради хлеба насущного и заботами о том, как его добыть: это желание, с одной стороны, узнать, как жили и что делали люди, жившие до нас, а с другой - передать свое имя и память о своих делах тем, кто придет после нас. Мы не удовлетворены нашей нынешней жизнью; мы хотим растянуть ее как назад, так и вперед - жить как в прошлом, так и в будущем. Это любопытство и эти амбиции - лишь части того стремления к бессмертию, которое никогда не отсутствовало ни в одной человеческой душе. В наш век они удовлетворяются главным образом с помощью книг; более того, именно они изначально были основной причиной, по которой книги вообще начали создавать. И как легко удовлетворить эту тягу в наше время, когда письменные принадлежности стали такими же обычными, как еда, и гораздо дешевле, а чтение можно получить бесплатно или почти бесплатно! Ведь за несколько долларов писатель получает столько бумаги, сколько может израсходовать за год, а публичные библиотеки, библиотеки-распределители, библиотеки колледжей и читальные залы делают учебу скорее делом любви и упорства, чем денег.

4. Если бы бумагоделательная машина и печатный станок были единственным материальным подспорьем в наших исследованиях прошлого, то эти исследования очень скоро прекратились бы, поскольку печать была изобретена в Европе всего четыреста лет назад, а бумага не производилась уже более шестисот лет. Правда, до бумаги для письма использовались и другие материалы: кора деревьев, шкуры животных - (пергамент), хитроумно обработанные волокна растений - (папирус, библос), даже деревянные таблички, покрытые тонким слоем воска, на которых заостренным инструментом или "стилом" выгравированы символы, - и эти приспособления сохранили для нас записи, которые насчитывают многие сотни лет после появления бумаги. Но наше любопытство, когда оно однажды возбуждено, ненасытно, и область в двадцать, или тридцать, или сорок веков кажется ему лишь узким полем. Если заглянуть в прошлое настолько далеко - а никакие рукописные сведения не позволяют заглянуть намного дальше, - мы увидим мир, удивительно похожий на тот, что есть сейчас. С некоторыми различиями в одежде, манерах и гораздо большими - в объеме знаний, мы видим, что люди живут почти так же, как мы, и разыгрывают почти те же сцены: народы живут семьями, сгруппированными в городах, управляются законами или правят монархи, занимаются торговлей и войнами, расширяют свои границы путем завоеваний, преуспевают во всех видах полезных и декоративных искусств. Только мы замечаем, что более обширные регионы неизвестны, более обширные

части земли с их населением не исследованы, чем в наши дни. Напрашивается вывод, что столь сложная и совершенная организация общественной и частной жизни, состояние общества, предполагающее столько открытий и столь длительную практику в мышлении и ремеслах, не могли быть ранней стадией существования. Перед нами открываются далекие перспективы прошлого, гораздо более обширного, чем тот отрезок, который пока открыт нашему взору, и мы жаждем пронзить манящий мрак. Там, в этом мраке, скрываются истоки рас, чьими высокими достижениями мы восхищаемся, подражаем и во многом превосходим; там, если бы мы только могли послать луч света во тьму веков, мы должны найти решение бесчисленных вопросов, которые напрашиваются сами собой: Откуда появились эти расы? Какова была ранняя история других рас, с которыми мы видим, что они спорят, враждуют, торгуют? Когда они научились своим искусствам, песням, формам поклонения? Но здесь наш верный проводник, рукописная литература, покидает нас; мы вступаем в период, когда еще не был изобретен ни один из древних заменителей бумаги. Но тогда были камни. Их не нужно было изобретать - только обтесывать и сглаживать для резца.

5. К счастью для нас, люди и двадцать пять, и сорок, и пятьдесят веков назад были движимы теми же чувствами, теми же стремлениями, что и сейчас, и среди этих стремлений страстное желание увековечить свои имена и память о своих деяниях всегда было одним из самых сильных. Это желание они связывали с двумя великими и святыми в их глазах вещами: религией и властью своих королей, и делали их подчиненными. Поэтому они строили из кирпича и камня, с почти неисчислимыми затратами времени, человеческого труда и человеческих жизней, дворцы и храмы. На эти огромные громады они расточали несметные сокровища, а также все ресурсы своей изобретательности и мастерства в искусстве и орнаменте; Они смотрели на них с ликующей гордостью не только потому, что считали их, по их обширности и великолепию, подходящими местами для общественного поклонения и жилищами, достойными их королей, но и потому, что эти сооружения, в своем возвышающемся величии, в своей массивной прочности, справедливо бросали вызов времени и пережили народы, которые их возвели, и которые, таким образом, были уверены, что оставят после себя следы своего существования, воспоминания о своем величии. То, что несколько изуродованных, разобранных, поросших мхом или занесенных песком фрагментов этих могучих зданий однажды станут *единственным* следом, единственным памятником правления и наций, которые затем уйдут навсегда, даже в небытие и забвение, Вряд ли это предвидели надменные завоеватели, заполнявшие эти залы своим деспотическим присутствием и входившие в эти освященные ворота в пышности триумфа, чтобы воздать должное кровавым победам и воинским подвигам, которые возвышали их души до гордыни, до ощущения себя наполовину божественными. Не сомневаясь в том, что эти стены, эти столбы, эти ворота будут стоять до самых последних веков, они доверяли им то, что было наиболее ценным для их честолюбия, - запись своих деяний, прославление своих имен, используя эти каменные поверхности как множество чистых страниц, которые они покрывали рядами дивных символов, тщательно выгравированных или высеченных, и даже нарисованными или изваянными изображениями своих собственных лиц и сцен, в войне или мире, в которых они были лидерами и актерами.

6. Таким образом, на всех точках земного шара, где некогда великие и процветающие народы занимали свое место, а затем уступили его другим народам или подверглись полному опустошению - в Египте, в Индии, в Персии, в долине Тигра и Евфрата, на песчаных, ныне пустынных равнинах Сирии, в некогда многолюдных местах обитания древнего Рима и Греции, - путешественник встречает скопления великих руин, возвышенных в своем полном запустении, со странной, суровой красотой, витающей вокруг их побитых непогодой гигантских валов и карнизов, окутанных жалкой тишиной запустения, но не немых, ибо их

изображенные лица красноречиво повествуют о жизни и действии, вверенных им много тысяч лет назад. Иногда это естественная скала, вырубленная и сглаженная на высоте, достаточной для того, чтобы защитить ее от бездумной разрушительной руки насмешливых захватчиков, на которой король более глубокого склада ума, более других помнящий о законе, обрекающем все творения людей на распад, выгравировал историю основных событий своего правления теми любопытными символами, которые на протяжении веков были загадкой и тайной. Многие гробницы, помимо останков знаменитых или богатых умерших, для которых они были воздвигнуты по столь же экстравагантной цене и с таким же искусством, как и для живых, содержат полное описание рода их обитателя, его жизни, его привычек и занятий, с молитвами и обращениями к божествам его расы и описанием или изображением религиозных церемоний. Или же стены пещер, естественных или вырубленных в скале в целях укрытия или сокрытия, предоставляют исследователю еще несколько глав из старой, старой истории, интерес к которой не ослабевает. Эту историю человек писал сам, терпеливо, кропотливо, на каждой поверхности, на которой мог начертать слова и линии, с тех пор как познакомился с искусством выражать свои мысли в видимых знаках, - и поэтому каждый такой сохранившийся памятник можно поистине назвать блуждающим листком, наполовину чудом сохранившимся для нас, из великой Книги прошлого, расшифровка которой была задачей ученых на протяжении веков, и особенно в последние восемьдесят лет, чтобы научить других читать.

44.- ГОЛОВА ДРЕВНЕГО ХАЛДЕЯ.

ИЗ ТЕЛЛ-ЛОХА (СИР-ГУЛЛА). КОЛЛЕКЦИЯ САРЗЕКА.

(Перро и Чипес.)

45.- ТО ЖЕ, ВИД В

ПРОФИЛЬ.

7. В этой почтенной книге стены ассирийских дворцов с их бесконечными рядами надписей, рассказывающих из года в год на протяжении веков историю царей, которые их построили, - это множество бесценных страниц, а скульптуры, сопровождающие эти летописи, - иллюстрации, придающие жизнь и реальность тому, что в противном случае было бы сухими и непривлекательными записями. Но среди мусора и пыли двадцати пяти веков обнаружилось еще большее чудо: коллекция литературных и научных трудов, религиозных трактатов, частных и государственных документов, хранящихся в специально построенных для их хранения помещениях, расположенных в восхитительном порядке, короче говоря - библиотека. Истинно и буквально библиотека, в том смысле, в котором мы используем это слово. И не единственная, и не первая за многие сотни лет, хотя тома здесь необычного вида и мало похожи на привычные нам.

8. Когда Лэйард во второй раз работал среди руин вдоль Тигра, он посвятил большую часть своего труда большому кургану Коюнджик, в котором были отчетливо видны остатки двух роскошных дворцов, один из которых был царской резиденцией Сеннахериба, а другой - его внука Асшурбанипала, жившего примерно за 650 лет до Рождества Христова - двух самых могущественных завоевателей и самых величественных государей восточного мира. В последнем дворце он наткнулся на две сравнительно небольшие палаты, пол которых был сплошь усеян фрагментами - одни значительного размера, другие очень маленькие - кирпичей или, скорее, табличек из обожженной глины, покрытых с обеих сторон клинописью. Это был слой высотой более фута, образовавшийся, видимо, в результате обрушения верхней части здания. Таблички, сложенные в порядке вдоль стен, возможно, в верхнем этаже - если, как многие считают, он был, - должны были беспорядочно выпасть в квартиру и разбиться при падении. И все же, как бы невероятно это ни казалось, некоторые

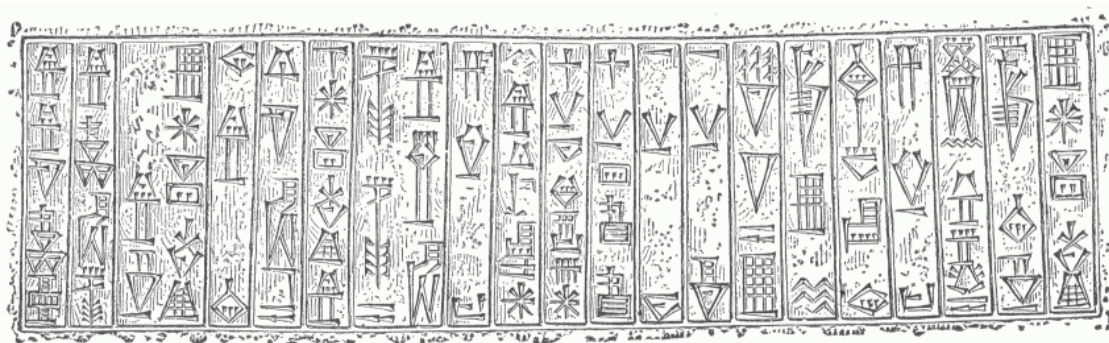
из них были найдены целыми. Лейард заполнил фрагментами множество ящиков и отправил их в Британский музей, прекрасно понимая их возможную историческую ценность.

9. Там они пролежали долгие годы, беспорядочно нагроможденные, представляя собой сокровища, от которых у ученых рот разевался, но которые ужасали их количеством труда, более того, настоящей каторги, необходимой только для их просеивания и сортировки, даже до того, как можно было начать изучение их содержимого. В конце концов молодой и амбициозный археолог Джордж Смит, сотрудник Британского музея, взялся за эту долгую и утомительную работу. Изначально он был не ученым, а гравером, и его наняли гравировать на дереве клинописные тексты для великолепного атласа, изданного Британским музеем под названием "Клинописные надписи Западной Азии". Наделенный быстрым и пытливым умом, Смит не довольствовался, как большинство его коллег, добросовестным и художественным, но лишь техническим воспроизведением; он хотел знать, *что* делает, и изучил язык надписей. Когда он взялся за сортировку фрагментов, то надеялся отличиться в этой новой области и оказать существенную услугу науке, которая его увлекла. И он не обманулся в своих надеждах. Ему удалось найти и соединить большое количество фрагментов, принадлежащих друг другу, и таким образом восстановить страницы письма, где то тут, то там была повреждена строка, стерто слово, оборван угол, часто отсутствовала большая часть, но все же оставалось достаточно, чтобы сформировать непрерывный и читаемый текст. В некоторых случаях обнаруживалось, что существует более одной копии той или иной работы или документа, и тогда иногда части, которые были безнадежно повреждены в одной копии, оказывались целыми или почти целыми в другой.

10. Результаты, достигнутые этим терпеливым чаническим процессом, были просто поразительными. И когда он, наконец, восстановил таким образом серию из двенадцати табличек, содержащих целую поэму величайшей древности и высочайшего интереса, повод показался достаточно важным, чтобы предприимчивые владельцы *London Daily Telegraph* отправили молодого студента возобновить раскопки и попытаться завершить некоторые недостающие звенья. Ведь из некоторых восстановленных им табличек среди фрагментов Британского музея можно было найти только части. Конечно же, он отправился прямо в архивные палаты в Коюнджике, снова открыл их и очистил от очередной порции ценного содержимого, среди которого ему несказанно повезло найти те самые фрагменты, которых не хватало в его коллекции. Радостный, он дважды возвращался в Англию со своими сокровищами и надеялся отправиться в третью подобную экспедицию. У него были основания чувствовать себя бодро; он уже прославил свое имя несколькими работами, которые значительно обогатили любимую науку, и разве не было у него впереди полжизни, чтобы продолжить работу, которую мало кто мог сделать так же хорошо? Увы, он еще не знал, что его карьера будет внезапно прервана отвратительным и жестоким врагом: он умер от чумы в Сирии в 1876 году - всего тридцати шести лет от роду. Он был верен себе до конца. Его дневник, в котором он сделал несколько записей даже за несколько дней до смерти, показывает, что в последний момент, когда он знал о своей опасности и быстро терял надежду, его разум был поделен между мыслями о семье и о работе. Следующие строки, почти последние, написанные им внятно, глубоко трогательны в своей простой, единодушной искренности: "Не очень хорошо. Если бы доктор был рядом, я бы поправился, но он не приехал, очень сомнительный случай; если фатально, прощайте... *Моя работа была полностью направлена на науку, которую я изучаю.....* В моей коллекции есть большое поле для исследований. Я намеревался разработать его, но теперь желаю, чтобы мои древности и заметки были открыты для всех студентов. Я тщательно выполнил свой долг. Я не боюсь перемен, но хочу жить для своей семьи. Возможно, все еще будет хорошо". Смерть Джорджа Смита была большой потерей, о которой не перестают сожалеть его братья-ученые

всех стран. Но теперь работа продолжается энергично и умело. Драгоценные тексты сортируются, собираются и классифицируются, а их тщательно отобранная коллекция воспроизводится с помощью фотографа и гравера, так что, если оригиналы когда-нибудь будут утеряны или уничтожены (что маловероятно), Музей действительно потеряет одну из своих самых ценных редкостей, но наука ничего не потеряет.

11. Выдающийся французский ученый-ассириолог Жоаким Менан в своей очаровательной книжке *"Библиотека дворца Нинив"* приводит следующие живописные строки: "Если мы подумаем, что эти записи были сделаны на веществе, которое ни огонь, ни вода не могут уничтожить, мы легко поймем, как те, кто писал их таким образом тридцать или сорок веков назад, считали, что памятники их истории будут в безопасности на все будущие времена, - гораздо в большей безопасности, чем хрупкие листы, которые печатные издания разбрасывают с такой невероятной плодовитостью..... Из всех народов, завещавших нам письменные свидетельства о своей прошлой жизни, мы можем утверждать, что ни один не оставил более нетленных памятников, чем Ассирия и Халдея. Их число уже велико, и оно ежедневно увеличивается за счет новых открытий. Невозможно предугадать, что ждет нас в будущем в этом отношении; но уже сейчас мы можем оценить весь материал, которым мы владеем..... Число табличек только из Ниневийской библиотеки переваливает за десять тысяч..... Если мы сравним эти тексты с теми, что оставили нам другие народы, то легко убедимся, что история ассиро-халдейской цивилизации скоро станет одной из самых известных в древности. Она обладает мощной притягательной силой для нас, ведь мы знаем, что жизнь еврейского народа связана с историей Ниневии и Вавилона....".

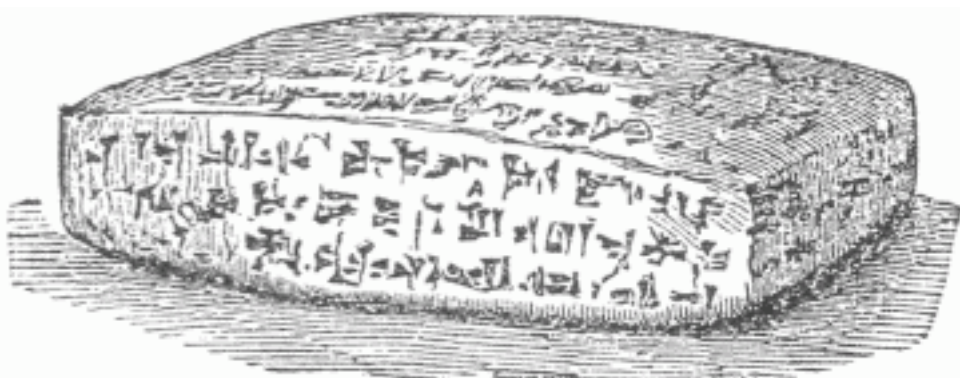
46.-

КЛИНООБРАЗНАЯ НАДПИСЬ. (АРХАИЧНЫЕ СИМВОЛЫ.)

(Перро и Чипес.)

12. Из этого видно, что на протяжении всех последующих страниц нам постоянно придется обращаться к содержимому царской библиотеки Асшурбанипала. Поэтому в этом месте мы должны отказаться от подробного описания книг, ограничившись общим обзором тем, которые в них рассматривались. Главными из них были религия и наука. Под "наукой" мы должны понимать главным образом математику и астрономию, две отрасли, в которых древние халдеи достигли большого совершенства и оставили нам многие из наших собственных наиболее фундаментальных понятий и практик, как мы увидим позже. К научным трудам следует также отнести астрологические работы, то есть работы о влиянии небесных тел на судьбу людей в зависимости от их положения и сочетания, ибо астрология считалась настоящей наукой не только у халдеев, но и у гораздо более поздних народов; также справочники по географии, в действительности представляющие собой лишь перечни морей, гор и рек, народов и городов, известных в то время, и, наконец, списки растений и животных с очень грубой и неполной попыткой какой-то классификации. История

представлена очень скудно; похоже, что она в основном ограничивалась надписями на великих стенах и некоторыми другими объектами, о которых мы расскажем далее. Но - чего мы меньше всего ожидали - грамматики, словари, школьные книги для чтения занимают видное место. Причина в том, что к моменту основания этой библиотеки язык, на котором были написаны почтенные книги древних мудрецов, не только уже не употреблялся, но и был на века забыт всеми, кроме священников и тех, кто сделал ученость своим главным занятием, так что его нужно было преподавать так же, как преподают в наших колледжах так называемые "мертвые языки", латынь и греческий. Это было тем более необходимо, что молитвы должны были читаться на древнем аккадском языке, который считался более священным - точно так же, как в католических странах простых людей даже сейчас заставляют учить и произносить молитвы на латыни, хотя они не понимают ни слова на этом языке. Древние аккадские тексты в основном копировались с современным ассирийским переводом, либо подстрочным, либо подстрочным, что оказало огромную услугу тем, кто сейчас расшифровывает таблички.

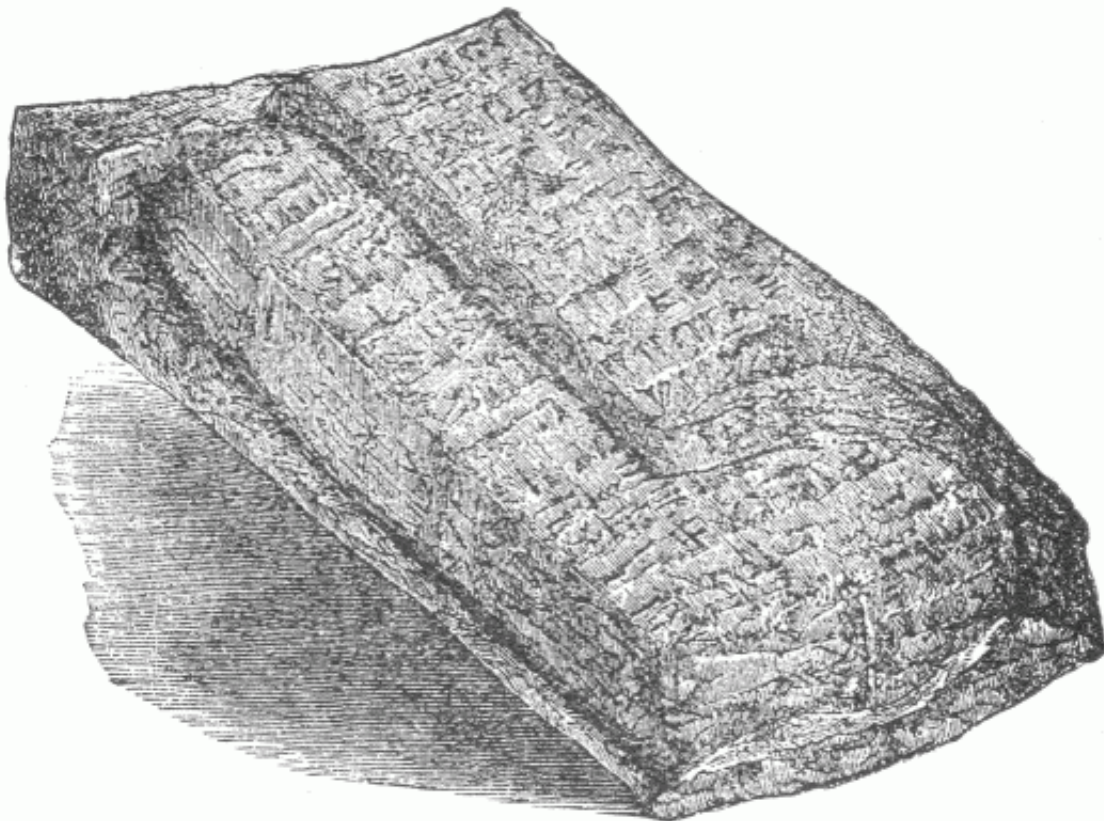

47.- ГЛИНЯНАЯ ТАБЛИЧКА

С НАДПИСЬЮ.

(Smith's "Assyria".)

13. Вот и все, что можно назвать классическим и справочным отделом библиотеки. Он не более важен, чем документальный отдел или собственно Архив, где хранились документы и акты всех видов, как государственные, так и частные. Здесь, рядом с трактатами, королевскими указами и депешами, списками дани, отчетами генералов и губернаторов, а также теми, что ежедневно присылали смотрители королевских обсерваторий, мы находим бесчисленное множество частных документов: купчие, должным образом подписанные, засвидетельствованные и скрепленные печатью, на землю, дома, рабов - любую собственность, - на деньги, взятые в долг, закладные, с указанием процентов, контракты всех видов. Наиболее примечательным из частных документов является тот, который называют "завещанием царя Сеннахериба", в котором он поручает некоторое ценное личное имущество жрецам храма Нево, чтобы они хранили его любимого сына, - будет ли оно передано после его (царя) смерти или в другое время, не указано.

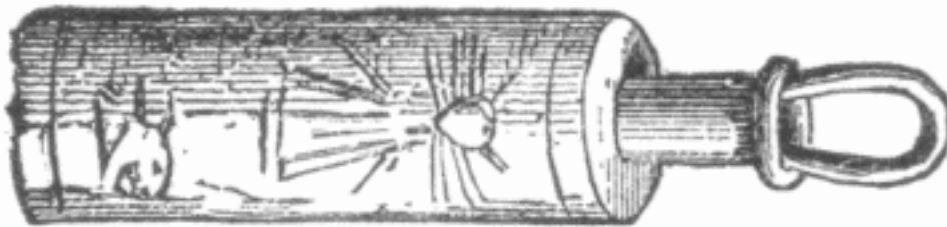
48.- ГЛИНЯНАЯ

ТАБЛИЧКА В ФУТЛЯРЕ.

(Хоммель.)

14. Требуется некоторое усилие, чтобы запомнить природу и внешний вид вещей, которые мы должны представлять себе, когда говорим об ассирийских "книгах". На рисунке выше (рис. 47) изображен "том" в идеальном состоянии. Но такие встречаются крайне редко. Лэйард в первом описании своей поразительной "находки" говорит: "Они (таблички) были разных размеров; самые большие были плоскими и имели размеры девять дюймов на шесть с половиной; меньшие были слегка выпуклыми, а некоторые не превышали дюйма в длину, с одной или двумя строками письма. Клинописные знаки на большинстве из них были необычайно четкими и хорошо выраженными, но в некоторых случаях настолько мелкими, что без увеличительного стекла их было не разобрать". Любопытно, что среди руин были найдены стеклянные линзы, которые, возможно, использовались для этой цели. Также были найдены образцы тех самых инструментов, которые использовались для нанесения клинописных знаков, и их форма в достаточной степени объясняет особую форму этих знаков, которой подражали граверы на камне. Это маленький железный стержень (или *стило*, как древние называли такие инструменты) - не острый, но *треугольный* на конце: ▽. Слегка надавливая этим концом на лепешку из мягкой влажной глины, которую держали в левой руке, можно было получить знак не иначе как в форме клина ▴, направление которого определялось поворотом запястья, представляя инструмент в разных положениях. Когда одна сторона таблички была заполнена, нужно было заполнить другую. Если она была маленькой, достаточно было перевернуть ее, продолжая удерживать края между большим и третьим пальцами левой руки. Если же скрижаль была большой и ее нужно было положить на стол для письма, то готовая сторона прижималась к твердой поверхности, а глина, будучи мягкой, стирала написанное. От этого предохранялись приемом, столь же гениальным, сколь и простым. В линиях то тут, то там оставались пустые места, в которые втыкали маленькие колышки, похожие на спички. На них скрижаль опиралась при переворачивании, а также во

время выпекания в печи. На многих сохранившихся табличках можно увидеть небольшие отверстия или углубления, куда втыкались колышки. Однако следует отметить, что эти отверстия встречаются не только на больших табличках и не на всех больших табличках. Когда планшет был заполнен, ему давали высохнуть, а затем обычно, но не всегда, запекали. За последние несколько лет в Вавилонии было найдено несколько тысяч непропеченных табличек, которые рассыпались в пыль под пальцами нашедших. Тогда было предложено запечь те из них, которые вообще могли выдержать обращение. Эксперимент удался, и множество ценных документов были таким образом сохранены и перевезены в великое хранилище Британского музея. Скрижали покрыты письменами с обеих сторон и очень точно классифицированы и пронумерованы, если они являются частью серии, в этом случае все они одинаковой формы и размера. Поэма, обнаруженная Джорджем Смитом, записана на двенадцати табличках, каждая из которых представляет собой отдельную книгу или главу целого. Более чем на семидесяти табличках содержится астрономический труд. Первая из них начинается со слов: *"Когда боги Ану и..."*. Эти слова воспринимаются как название всей серии. На каждой табличке имеется надпись: Первая, вторая, третья табличка *"Когда боги Ану и..."*. Чтобы предотвратить всякую возможность путаницы, последняя строка одной таблички повторяется как первая строка следующей - мода, которую мы все еще видим в старых книгах, где последнее слово или два внизу страницы повторяются вверху следующей.

49.- АНТИЧНАЯ

БРОНЗОВАЯ ОПРАВА ЦИЛИНДРА.

(Перро и Чипес.)

50.-

ХАЛДЕЙСКИЙ ЦИЛИНДР И ОТТИСК.

(Перро и Чипес.)

51.-

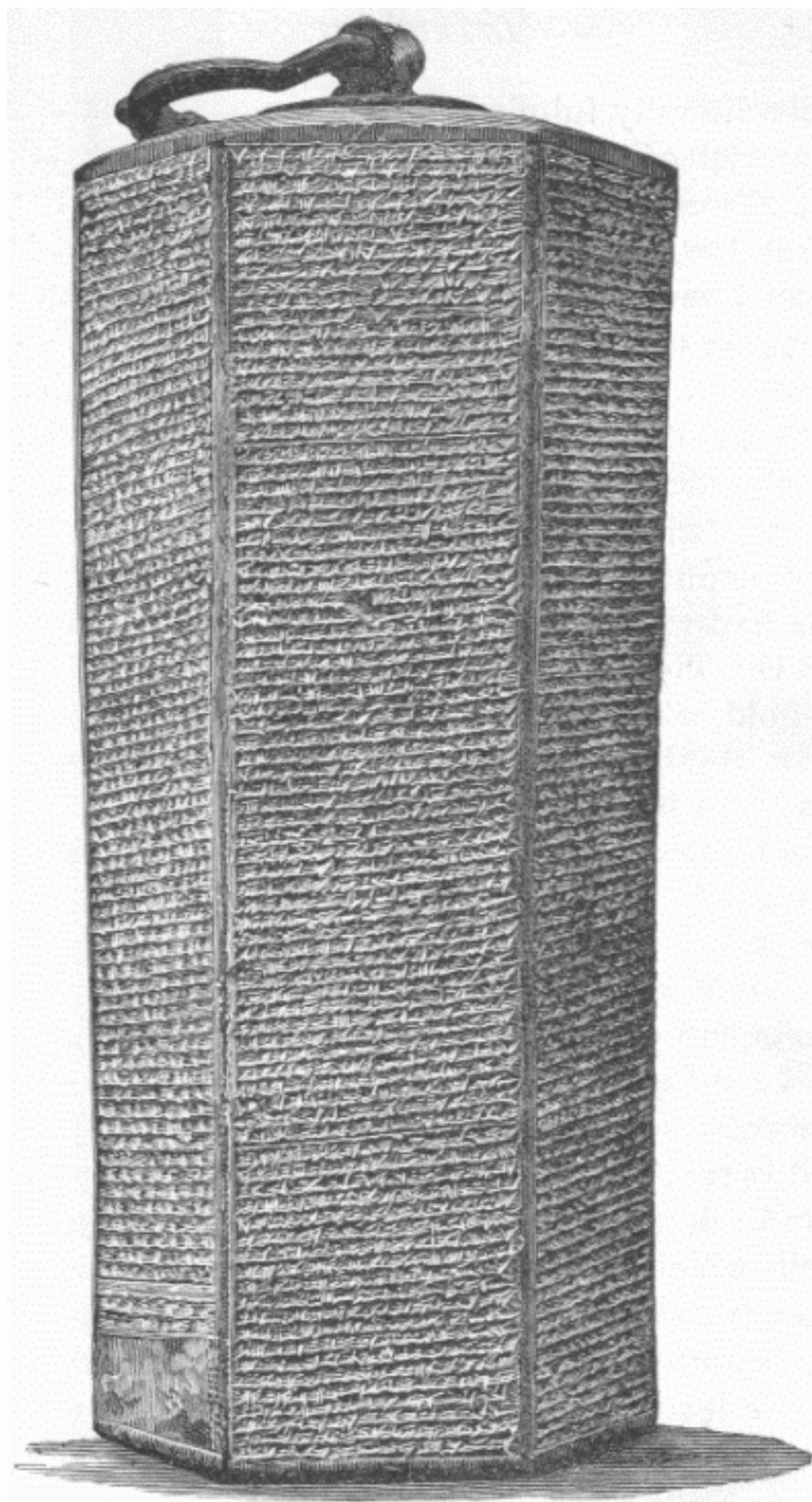
АССИРИЙСКИЙ ЦИЛИНДР.

(Perrot and Chipiez.)

15. Глиняные таблички древних халдеев отличаются от ассирийских любопытной особенностью: они иногда заключены в футляр из того же материала, с точно такой же надписью и печатями, как на внутренней табличке, даже более тщательно выполненными. [U] Это, очевидно, своего рода дубликат документа, сделанный в расчете на то, что внешняя может быть повреждена, а внутренняя запись останется. Ряды цифр по всей табличке оттиснуты на ней печатями, называемыми по их форме цилиндрами, которые прокатывались по мягкой влажной глине. Эти цилиндры, как правило, были из какого-нибудь ценного твердого камня - яшмы, аметиста, сердолика, оникса, агата и т.д., - и использовались как печати, как позже, так и сейчас. Они встречаются в огромном количестве, будучи из-за своей твердости практически неразрушимыми. Обычно их просверливали насквозь, и через отверстие пропускали либо веревку, чтобы носить их на себе, либо металлическую ось, чтобы легче было их катить. [V] В Британском музее хранится большая и ценнейшая коллекция цилиндров для печатей. Их размер варьируется от четверти дюйма до двух дюймов или чуть больше. Но цилиндры делали и из обожженной глины, и более крупных размеров, и тогда они служили для другой цели - для исторических документов. Их находят в фундаментах дворцов и храмов, в основном в четырех углах, в небольших нишах или камерах, как правило, сделанных путем вытесывания одного или нескольких кирпичей. Эти крошечные памятники имеют высоту от нескольких дюймов до полуфута, редко больше; иногда они имеют форму призмы с несколькими гранями (чаще всего шестью), иногда - бочонка, и покрыты компактными и мельчайшими письменами, для разбора которых часто требуется увеличительное стекло. Благодаря своему укрытому положению эти необычные записи обычно очень хорошо сохраняются. Хотя их первоначальное предназначение - рассказать, кем и с какой целью было возведено здание, они часто продолжают давать полный, хотя и сжатый отчет о правлении соответствующих королей, чтобы, если верхнее строение с выгравированными летописями будет разрушено превратностями войны или в ходе естественного распада, сохранился какой-то памятник об их деяниях - предвидение, которое в нескольких случаях было буквально исполнено. Иногда способ и материал этих записей были еще более причудливыми. В Хорсабаде, в самой внутренней части постройки, был найден большой каменный сундук, в который было вложено несколько табличек с

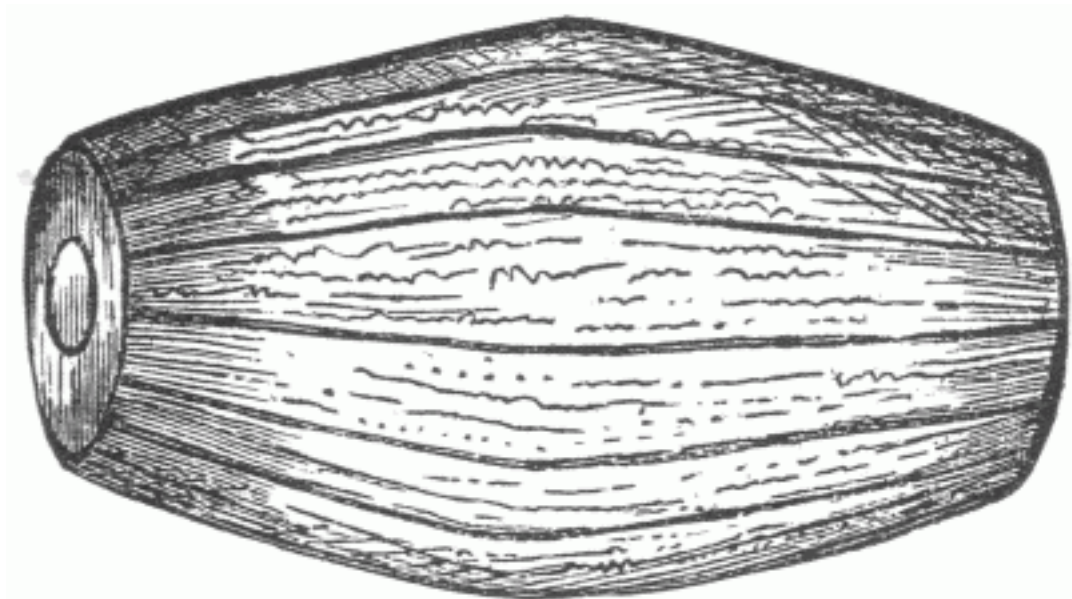
надписями из различных материалов. "... В этом единственном сохранившемся образце ассирийского фундамента были найдены одна маленькая золотая табличка, одна из серебра, другие из меди, свинца и олова; шестой текст был выгравирован на алебастре, а седьмой документ был написан на самом ларце." [W] К сожалению, более тяжелая часть этой замечательной находки была отправлена с коллекцией, которая затонула на Тигре и была потеряна. Уцелели только небольшие пластины из золота, серебра, меди и олова (антимоний, как теперь считают ученые), надписи на которых были прочитаны и переведены. Все они почти в одинаковых выражениях повествуют об основании и возведении нового города и дворца знаменитым царем и завоевателем, которого обычно (хотя и не совсем правильно) называют Саргоном, и три из них заканчиваются просьбой к царям, его преемникам, поддерживать здание в хорошем состоянии, с молитвой об их благополучии, если они это сделают, и тяжелым проклятием, если они не справятся с этой обязанностью: "Кто изменит дела рук моих, разрушит мои постройки, снесет стены, которые я воздвиг, - пусть Асшур, Нинэб, Раман и великие боги, которые там обитают, вырвут имя его и семя его из земли и пусть он сидит связанный у ног врага своего." Большинство надписей заканчивается подобными призывами, ибо, по словам Ménañt: "не простая прихоть побуждала царей Ассирии строить так усердно. В те времена у дворцов было предназначение, которого они уже не имеют в наше время. Дворец был не только жилищем царской власти, как гласят надписи, но и Книгой, которую каждый государь начинал при вступлении на престол и в которой он должен был записать историю своего правления." [X]

И каждую такую книгу из кирпича и камня мы можем с совершенной правдой назвать главой или томом великой Книги Прошлого, чьи листы разбросаны по лицу земли.

52.- ПРИЗМА

СЕННАХЕРИБА. ТАКЖЕ НАЗЫВАЕТСЯ "ЦИЛИНДР ТЕЙЛОРА".

53.- ЦИЛИНДР С

НАДПИСЬЮ ИЗ БОРСИПА.

ССЫЛКИ:

[U] См. рис. 48, с. 111.

[V] См. выше, рис. 49 и 50.

[W] Д-р Юлиус Опперт, "Записи прошлого", т. XI, с. 31.

[X] "Les Écritures Cunéiformes", Joachim Ménant: стр. 198 (2-е издание, 1864).

СОСЕДНИЕ СТРАНЫ

ХАЛДЕЯ И

ИСТОРИЯ ХАЛДЕИ.

I.

КОЧЕВНИКИ И ПОСЕЛЕНЦЫ. ЧЕТЫРЕ СТАДИИ КУЛЬТУРЫ.

1. Люди, чем бы они ни занимались, могут жить только одним из двух способов: они могут оставаться на месте или переходить из одного места в другое. При нынешнем состоянии мира мы, как правило, делаем понемногу и то, и другое. Есть какое-то место - город, деревня или ферма, - где у нас есть дом и работа. Но время от времени мы отправляемся в другие места, в гости или по делам, или путешествуем в течение определенного времени на большие расстояния и во многие места, чтобы получить образование и удовольствие. И все же обычно есть какое-то место, которое мы считаем домом и в которое возвращаемся. Бродяжничество или скитания не являются нашим естественным или постоянным состоянием. Но есть расы, для которых это так. Арабы-бедуины - главная и самая известная из таких рас. Кто не читал с восторгом рассказы об их дикой жизни в пустынях Аравии и Северной Африки, полной приключений и романтики, - об их чудесных, бесценных лошадях, которые для них как собственные дети, - об их благородных качествах, храбрости, гостеприимстве, щедрости, так странно сочетающихся с любовью к добыче и страстью к грабительским экспедициям? Они действительно благородная раса, и не их выбор, а их страна сделала их грабителями и скитальцами - кочевниками, как называют такие странствующие расы в истории и географии. Они не могут построить города на песке пустыни, а небольшие участки пастбищ и пальмовых рощ, поддерживаемые свежестью и зеленью одиночными источниками и называемые "оазисами", находятся слишком далеко друг от друга, слишком удалены от постоянно заселенных регионов, чтобы там можно было комфортно поселиться. На юге Аравии и вдоль морского побережья, где земля плодородна и привлекательна, они живут так же, как и другие народы, и когда тысячу лет назад арабы завоевали обширные и богатые страны как в Европе и Азии, так и в Африке, они не только стали образцовыми земледельцами, но и построили одни из лучших городов в мире, имели мудрые и строго соблюдаемые законы и занимали лидирующие позиции в литературе и науке. Совсем другое дело - разрозненные кочевые племена, которые до сих пор кочуют по степям Восточной России, Сибири и Средней Азии. Они далеко не так одарены, как арабы, но, вероятно, быстро бы занялись земледелием, если бы не то, что их богатство составляют отары овец и жеребцы лошадей, которым требуются пастбища, столь обильные в травянистых степях, и с которыми они вынуждены переходить с одного места, когда оно оголяется, на другое, и еще на другое, неся с собой свои войлочные палатки и простую утварь, живя молоком своих кобыл и мясом своих овец. Племена краснокожих индейцев на далеком Западе представляют еще один аспект кочевой жизни - это охотник, свирепый и совершенно неприрученный, самый простой и дикий из всех.

2. В целом, однако, кочевая жизнь на сегодняшний день является исключением. Большинство народов, которые не являются дикарями, живут в домах, а не в переносных палатках, в городах, а не в лагерях, и образуют компактные, прочно связанные сообщества, а не свободные наборы племен, то дружественных, то враждебных друг другу. Но так было не всегда. Были времена, когда оседлая жизнь была исключением, а кочевая - правилом. И чем древнее были времена, тем меньше становилось постоянных общин, тем многочисленнее были бродячие племена. Ведь странствия в поисках лучших мест, должно быть, были одним из первых побуждений разумного человечества. Даже когда у людей не было другого убежища, кроме пещер, не было другого занятия, кроме охоты на животных, чья плоть была их пищей и в чьи шкуры они одевались, они часто уходили семьями или отрядами, либо спасаясь от гигантских диких зверей, которые в свое время населяли землю гуще, чем люди,

либо просто потому, что число первоначальных обитателей пещер стало слишком большим, чтобы пещера могла их вместить. Последнее, должно быть, было вполне обычным явлением: семьи оставались вместе, пока им не переставало хватать места, или ссорились, когда расходились. Те, кто уходил, никогда больше не видели места и сородичей, которые они покинули, хотя и уносили с собой воспоминания о том и другом, о тех немногих простых искусствах, которым они там научились, и об обычаях, которым их обучили. Они останавливались в каком-нибудь удобном месте, чтобы через некоторое время повторить тот же процесс - и так снова и снова.

3. Как была завоевана первая лошадь, приручена и умиротворена первая дикая собака? Как впервые удалось уговорить скот давать человеку свое молоко, зависеть от его заботы и следовать за его движениями? Кто скажет? Как бы то ни было, несомненно, что переход от дикого, нерегулярного и почти обязательно незаконного существования охотника к более мягким занятиям пастушеской жизни должен был сопровождаться большими изменениями в нравах и характере. Чувство собственности, одно из главных движущих сил хорошо отрегулированного общества, должно было быстро развиваться с приобретением быстро растущего богатства в виде овец и лошадей - основного имущества кочевых рас. Но это был не тот вид собственности, который побуждал к оседлости или объединению в тесные общины; совсем наоборот. Большим стадам нужны обширные пастбища. Кроме того, желательно держать их отдельно, чтобы избежать путаницы и споров о колодцах и источниках, этих редких сокровищах степей, которые могут истощиться или высохнуть, и которые, следовательно, один владелец стада вряд ли разделит с другим, даже если тот будет принадлежать к его роду и расе. Книга Бытия, которая дает нам столь верное и живое представление о кочевой пастушеской жизни древних народов в рассказе о странствиях Авраама и других еврейских патриархов, предварительный такой случай в ссоре между пастухами Авраама и его племянника Лота, которая привела к их разлуке. Вот что сказал Авраам Лоту: "Не вся ли земля пред тобою? Отделись, молю тебя, от меня: если ты возьмешь левую руку, то я пойду направо; или если ты отойдешь к правой руке, то я пойду к левой." [Y] Так и об Исаве сказано, что он "ушел в страну от лица брата своего Иакова, ибо богатства их было больше, чем они могли жить вместе, и земля, в которой они были странниками, не могла вынести их из-за скота их." [Z] Такую возможность предоставляли эти огромные равнины, еще не захваченные ни одним народом в отдельности, что должно было часто предотвращать раздоры и кровопролитие, но прекращалось с того момента, когда какое-нибудь племя, уставшее от скитаний или соблазнившееся каким-нибудь более чем обычно привлекательным местом, оседало на нем, выделяя его и всю страну вокруг него, насколько хватало его сил, в свою собственность. Даже сейчас на Востоке существует нечто очень похожее на этот способ оккупации. В Турецкой империи, во многих местах малонаселенной, есть большие участки пустынной земли, иногда очень плодородной, которые считаются ничьей собственностью и признаются принадлежащими, законно и навсегда, первому человеку, который завладеет ими, при условии, что он будет их обрабатывать. Правительство не требует за эту землю никакой покупной цены, но взимает с нее налоги, как только она находит владельца и начинает приносить урожай.

4. Жизнь пастуха-кочевника, как и охотника, необычайно свободна, свободна и от ограничений, и, сравнительно, от труда. Ведь следить за стадами и ухаживать за ними - занятие не слишком трудоемкое, и никакая власть не всегда может дотянуться или сильно повлиять на людей, которые сегодня здесь, а завтра в другом месте. Поэтому только с третьей стадии человеческого существования, сельскохозяйственной, начинается

цивилизация, которая не может существовать без постоянного дома и власти. Фермерская усадьба - это начало государства, как очаг или камин - начало семьи. Различные работы на полях, в доме и на молочной ферме требуют большого количества рабочих рук и хорошо отрегулированного распределения работы, что позволяет удерживать несколько поколений семьи поселенца вместе, на одной ферме. Совместная жизнь делает абсолютно необходимым наличие свода простых правил для управления домом, чтобы предотвращать споры, поддерживать порядок и гармонию и решать вопросы взаимных прав и обязанностей. Кто должен устанавливать и обеспечивать выполнение этих правил, как не глава семьи, основатель рода - патриарх? И когда семья становится слишком многочисленной, чтобы прежняя усадьба могла ее удержать, и часть ее вынуждена покинуть ее, чтобы найти себе новый дом, она не уходит, как в первобытные времена кочевников, на произвол судьбы и не рвет все связи, а селится рядом на части семейной земли или новый участок земли, расположенный несколько дальше, но все же в пределах досягаемости. В первом случае земля, бывшая общей собственностью, разбивается на участки, которые, хотя и принадлежат в большей степени тем, кто отделяется от старого рода, не выходят при этом из-под власти патриарха. Теперь уже несколько усадеб образуют деревню, а позднее - несколько деревень; но узы родства, традиции и обычаи религиозно сохраняются, как и подчинение общему главе рода, власть которого все более возрастает по мере увеличения численности и площади общины, по мере усложнения отношений, собственности, наследования, требуя все новых законов и более строгого правления, - пока он не становится не столько отцом, сколько царем. Затем, естественно, происходят столкновения с соседними аналогичными поселениями, дружественными или враждебными, которые приводят к союзам или ссорам, торговле или войне, и вот мы имеем полное государство, с внутренней организацией и внешней политикой.

5. Эта стадия культуры в своем высшем развитии сочетается с четвертой и последней - градостроительством и городской жизнью, когда люди одной расы, сознающие общее происхождение, но практически незнакомые друг с другом, образуют поселения в больших масштабах, которые, будучи обнесены стенами, становятся местами убежища и обороны, центрами торговли, промышленности и управления. Ведь когда общество становится очень многочисленным, а его потребности умножаются благодаря постоянному совершенствованию и росту культуры, каждая семья уже не может производить все необходимые ей вещи, и часть населения посвящает себя производству и искусствам - занятиям, которыми лучше всего заниматься в городах, а другая часть продолжает возделывать землю и разводить скот, причем эти два вида продукции - природная и созданная хитрыми руками и мозгами - обмениваются одна на другую, или, когда изобрели монету, обмениваются с помощью этого более удобного средства. Таким же образом, когда задача управления становится слишком многогранной и сложной для одного человека, бывший патриарх, а ныне король, вынужден окружить себя помощниками - либо старейшинами рода, либо людьми по собственному выбору - и отправить других в разные места, чтобы они правили от его имени и под его властью. Город, в котором проживает король и его ближайшие министры и офицеры, естественно, становится самым важным - столицей государства.

6. Из этого отнюдь не следует, что народ, однажды поселившись, никогда не покидает своей страны. Инстинкт миграции или скитания никогда не угасал - наша собственная любовь к путешествиям в достаточной степени доказывает это, и в глубокой древности нередко большие племена, даже части наций, вновь отправлялись на поиски новых мест и основывали новые города. К этому их вынуждали либо постепенная перенаселенность старой страны, либо междоусобные распри, либо вторжение новых кочевых племен иной

расы, которые гнали старых поселенцев, чтобы завладеть их поселениями, истребляли их, если они сопротивлялись, и приводили тех, кто оставался, к невыносимому подчинению. Такие вторжения, конечно, могли бы быть осуществлены с теми же результатами регулярными армиями, возглавляемыми королями и генералами из какой-нибудь другой оседлой и организованной страны. Альтернатива между рабством и эмиграцией, должно быть, предлагалась часто, и выбору в пользу последнего не в малой степени способствовал врожденный дух авантюризма, искушаемый столькими неисследованными регионами, какие были в те далекие века.

7. Так зарождались все народы. Другого быть не может. И есть еще одно наблюдение, которое вряд ли когда-нибудь окажется неверным. Оно заключается в том, что, как бы далеко мы ни уходили в прошлое, всегда можно доказать, что люди, населяющие любую страну на заре традиций, пришли откуда-то еще и не были первыми. Каждая стая кочевников или искателей приключений, которые либо проходят через страну, либо останавливаются и селятся в ней, всегда находит ее уже занятой. Теперь же старое население почти никогда не уничтожалось полностью и не вытеснялось пришлыми. Часть, по крайней мере, оставалась, как низшая или подчиненная раса, но со временем смешивалась с ними, в основном путем межродовых браков. И опять же, если новоприбывшие были миролюбивы и места хватало - а в ранние времена так обычно и было - им часто позволяли образовать отдельные поселения и поселиться на этой земле; тогда они либо оставались в подчиненном состоянии, либо, если они были более тонкой и одаренной расой, быстро брали верх, обучая старых поселенцев своим искусствам и идеям, своим манерам и законам. Если новое поселение было создано путем завоевания, то все было просто и коротко: завоеватели, хотя и менее многочисленные, сразу же утверждали себя в качестве хозяев и формировали правящее дворянство, аристократию, а старые владельцы земли, по крайней мере те, кто не решил эмигрировать, становились тем, что можно назвать "простым народом", обязанным нести службу и платить дань или налоги своим самозванным хозяевам. Каждая страна в разное время переживала все эти способы вторжения, так что можно сказать, что каждая нация формировалась постепенно, в последовательных слоях, так сказать, и часто из очень разных элементов, которые в конце концов либо сливались, либо отдалялись друг от друга, в зависимости от обстоятельств.

Ранняя история Халдеи является особенно хорошей иллюстрацией всего, что только что было сказано.

ССЫЛКИ:

[Y] Genesis, xiii. 7-11.

[Z] Бытие, xxxvi. 6-7.

II.

ВЕЛИКИЕ РАСЫ - ГЛАВА X. КНИГИ "БЫТИЕ".

1. Библия говорит (Бытие, xi. 2): "И когда они шли на восток, то нашли равнину в земле Шинар; и поселились там".

Шинар - или, правильнее, Шинейр - это то, что можно назвать собственно Вавилонией, та часть Месопотамии, где находился Вавилон, и к югу от него, почти до Персидского залива. "Они" - это потомки Ноя, жившие уже после Потопа. Они нашли равнину и поселились там, но они не нашли всю землю пустынной; она была заселена задолго до них. Как давно? Для столь отдаленных эпох точная оценка времени в годах не имеет смысла.

2. Какой народ нашли потомки Ноя в земле, в которую они пришли с Востока? Казалось бы, простой вопрос, но на него нельзя было ответить даже пятнадцать-шестнадцать лет назад, а когда ответ впервые был предложен неожиданными открытиями, сделанными в царской библиотеке в Ниневии, он чрезвычайно поразил первооткрывателей. Единственным известным на тот момент указанием на эту тему было следующее, полученное от халдейского писателя позднего периода: "Первоначально в Вавилоне" (то есть в земле Вавилонской, а не в самом городе) было "множество людей иноземного происхождения, которые поселились в Халдее". Об этом рассказывает Берос, ученый священник Вавилона, живший сразу после завоевания страны Александром Македонским и во времена правления греков (несколько позже 300 года до н. э.). Он написал историю страны с древнейших времен, в которой изложил древнейшие предания о ее происхождении. Поскольку он писал свою книгу на греческом языке, вероятно, его целью было познакомить новых хозяев с историей и религией земли и народа, которыми они пришли править. К сожалению, труд был утерян - как и многие ценные работы, пока не было печати, а книги существовали лишь в нескольких рукописных копиях, - и мы знаем о нем лишь несколько коротких фрагментов, процитированных более поздними авторами, в чье время история Бероза была еще доступна. Приведенные выше строки содержатся в одном из таких фрагментов и, естественно, вызывают вопрос: кто были эти люди чужой расы, пришедшие откуда-то из других мест и поселившиеся в Халдее в незапамятные времена?

3. Ясно одно: они не принадлежали ни к одной из рас, перечисленных в Библии как произошедшие от Ноя, но, вероятно, к одной из гораздо более древних, которая не была включена в Потоп.

4. Ибо в настоящее время начинает приходить довольно общее понимание того, что Потоп, возможно, не был абсолютно всеобщим, а распространился на страны, *которые знали Евреи*, которые составляли *их* мир, и что не буквально все живые существа, кроме тех, которые, как сообщается, были в ковчеге, могли погибнуть в нем. Из-за небрежной привычки читать VI-IX главы Бытия без обращения к текстам других глав той же Книги, стало общепринятым понимать ее именно так, буквально. Однако доказательства отнюдь не столь

позитивны. Этот вопрос считался открытым для глубоких исследователей еще в древности и свободно обсуждался как самими иудеями, так и отцами ранней христианской церкви. Ниже приведены утверждения, содержащиеся в Книге Бытия; нам остается только извлечь их из разных мест и соединить.

5. Когда Каин убил своего брата Авеля, Бог изгнал его из *земли*, принявшей кровь его брата, и наложил на него проклятие: "беглецом и бродягой будешь в *земле*" - используя другое слово, чем в первый раз, которое означает землю вообще (*ééréç*), в противоположность земле (*adâmâh*), или плодородной земле к востоку от Эдема, в которой жили Адам и Ева после своего изгнания. Затем Каин отправился еще дальше на восток и поселился в земле, которая называлась "земля Нод", *то есть* "странствование" или "изгнание". У него был сын Енох, в честь которого он назвал построенный им город - первый город, - и потомки. Из них пятый, Ламех, человек свирепый и беззаконный, имел трех сыновей, двое из которых, Иавал и Иувал, вели пастушеский и кочевой образ жизни, а третий, Тубалкаин, изобрел применение металлам: он был "ковачом всякого режущего орудия из меди и железа". Вот что рассказывает гл. IV книги Бытия о Каине, его преступлении, изгнании и ближайшем потомстве. После этого о них больше ничего не слышно. Тем временем у Адама появляется третий сын, родившийся после потери двух первых, которого он называет Сиф (правильнее *Шем*). Потомки этого сына перечислены в гл. V.; список заканчивается Ноем. Это параллельные расы: проклятые и блаженные, отверженные Богом и любимые Богом, те, кто "уходит от лица Господня", и те, кто "призывает имя Господне" и "ходит с Богом". Из последней расы последний, Ной, - "человек праведный, совершенный в роде своем" и "обрел милость в очах Господних".

6. Далее следует повествование о потопе (гл. VI-VIII), завете Бога с Ноем и повторном заселении земли его потомством (гл. IX). Наконец, в гл. X. приводится список поколений трех сыновей Ноя - Шема, Хама и Иафета; "от них разделились народы на земле после потопа".

7. Эта десятая глава Бытия - самый древний и самый важный документ, касающийся происхождения рас и народов, и включает в себя всех тех, с кем евреи в ходе своей ранней истории имели дело, по крайней мере всех тех, кто принадлежал к великому белому делению человечества. Но чтобы правильно понять и оценить его ценность и значение, не следует забывать, что каждое имя в списке - это имя расы, народа или племени, а не человека. У восточных народов - а также у древних европейских народов - было принято выражать таким образом родственные связи народов между собой и их различия. Как для краткости, так и для наглядности такие исторические генеалогии очень удобны. Они, должно быть, возникли в результате действия, наиболее естественного в эпоху невежества, которое заключается в том, что племя объясняет свое собственное имя, принимая как должное, что оно было именем его основателя. Так, имя ассирийцев на самом деле Асхур. Почему? Если бы им задали этот вопрос, они бы ответили, что их царство было основано тем, кого звали Асхур. Другой знаменитый народ, арамейцы, предположительно, называется так потому, что основателя их царства звали Арам; евреи называют себя по имени столь же предполагаемого предка, Гебера. Эти три народа, а также еще несколько, в том числе арабы, говорили на настолько похожих языках, что легко понимали друг друга, и в целом имели много общих черт во внешности и характере. Как это объяснить? Тем, что их основатели, Ассур, Арам, Хебер и т. д., были сыновьями или потомками одного великого главы или прародителя, Шема, сына Ноя. Это своего рода притча, которая становится предельно ясной, как только человек получает к ней ключ, когда нет ничего проще, чем перевести ее в наши собственные трезвые, позитивные формы речи. Приведенная выше часть генеалогии будет звучать так: Большая часть человечества отличается некоторыми чертами, более или

менее свойственными ей самой; это одна из нескольких великих рас, которая уже более ста лет называется семитской, (лучше шемитской) расой, расой Шема. Эта раса состоит из множества различных племен и народов, которые прошли каждый свой путь, имеют каждое свое имя и историю, говорят на диалектах одного и того же первоначального языка и сохранили множество общих идей, обычаев и черт характера, - что свидетельствует о том, что когда-то эта раса была единой и жила вместе, а затем, по мере увеличения численности, распалась на части, из которых некоторые превратились в великие и знаменитые народы, а некоторые остались сравнительно незначительными племенами. То же самое относится и к подразделениям великой белой расы (самой белой из всех), к которой принадлежат почти все европейские народы и которая олицетворяется в Библии под именем Иафета, третьего сына Ноя, - и к подразделениям третьей великой расы, также изначально белой, которая распалась на очень многие части, как великие народы, так и разрозненные племена, все из которых проявляют явное сходство друг с другом. Библия тщательно описывает имена всех этих народов и объединяет их под именем второго сына Ноя, Хама, которого она называет их общим прародителем.

8. То, что генеалогии гл. X Бытия следует понимать именно в этом смысле, давно признано учеными и церковниками. Святой Августин, один из величайших отцов ранней церкви, прямо говорит, что имена в ней представляют "народы, а не людей". [AA] С другой стороны, в них есть и буквальная правда: если все человечество происходит от одной человеческой пары, то у каждой его части обязательно должен был быть какой-то один конкретный отец или предок, только в столь отдаленном прошлом, что его индивидуальность или реальное имя не могли быть запомнены, когда каждый народ, как уже отмечалось выше, естественно дал ему свое имя. Многие из этих имен по своей природе показывают, что они не могли принадлежать отдельным людям. Некоторые из них имеют множественное число, например Мизраим, "египтяне"; некоторые имеют артикль: "аморей, хивит"; одно даже является названием города: Сидон назван "первенцем Ханаана"; Сидон долгое время был величайшим морским городом хананеев, который имел неоспоримое превосходство над остальными, и поэтому он "первенец". Это название означает "рыболовство" - подходящее для города на море, который, конечно же, сначала был поселением рыбаков. На самом деле "Ханаан" - это название обширного региона, населенного множеством народов и племен, отличающихся друг от друга во многих отношениях, но явно принадлежавших к одной расе, поэтому они и называются "сынами Ханаана", причем Ханаан олицетворяется в общем предке, указанном как один из четырех сыновей Хама. Современная наука для удобства ввела специальное слово для обозначения таких вымышленных персонажей, придуманных для того, чтобы объяснить название нации, племени или города и в то же время подытожить, так сказать, его индивидуальность: они называются эпонимами. Слово это греческое и означает "тот, от кого или для кого кто-то или что-то названо", "однофамилец". Не лишним будет сказать, что, хотя народная традиция всегда утверждает, что одноименный предок или основатель города дал свое имя семье, роду или городу, на самом деле неизменно происходит обратное: имя рода или города переходит к нему. Или, другими словами, эпоним - это только имя, превращенное в традиционное лицо с помощью смелой и яркой поэтической фигуры речи, которая, если принять ее за таковую, делает начала политической истории удивительно простыми и легкими для восприятия и классификации.

9. И все же, каким бы полным и правильным ни был список гл. X., в тех пределах, которые установил для себя автор, он отнюдь не исчерпывает народы земли. Причина пропусков, однако, легко объяснима. Среди потомков Иафета действительно упоминаются греки (под именем Яван, которое следует произносить как *Яван*, и некоторые из его сыновей), но ни один из других древних народов Европы - германцев, итальянцев, кельтов и т. д., - которые

также принадлежали к этой расе, как и мы, их потомки. Но тогда, во время написания гл. X., эти страны, в силу своей удаленности, находились за пределами мира, в котором жили Евреи, так сказать, за их горизонтом. Они либо не знали их вовсе, либо, не имея к ним никакого отношения, не принимали их в расчет. Ни в том, ни в другом случае им не нашлось бы места в большом списке. То же самое можно сказать и о другой значительной части той же расы, обитавшей к востоку и югу от евреев, - индусах (белых завоевателей Индии) и персах. Правда, было время, когда последние не только вступали в контакт с евреями, но и были их хозяевами; но либо это произошло после написания гл. X, либо персы были отождествлены писателями с родственным народом, ближайшим соседом персов, который процветал гораздо раньше и во многом повлиял на страны к западу от него; этим народом были меды, которые под именем Мадай упоминаются как один из сыновей Иафета, вместе с Яваном-греком.

10. Более заметным и более значимым, чем эти частичные пропуски, является решимость, с которой авторы гл. X. последовательно игнорируют все те подразделения человечества, которые не принадлежат ни к одной из трех великих *белых* рас. Ни черная, ни желтая расы вообще не упоминаются; они остаются вне поля зрения еврейского братства народов. Однако евреи, прожившие три или четыре сотни лет в Египте, несомненно, научились там узнавать настоящих негров, поскольку египтяне постоянно воевали с чистокровными черными племенами на юге и юго-западе и приводили тысячи черных пленников, которых заставляли работать на их великих стройках и в их каменных каменоломнях. Но эти люди были слишком варварскими и лишенными всякой культуры и политического значения, чтобы принимать их во внимание. Кроме того, евреи не могли знать об огромных пространствах земли, занятых черной расой, поскольку большая часть Африки была тогда неизвестна миру, как и острова к югу от Индии, как и Австралия с ее островами - все места обитания различных представителей этой расы.

11. То же самое нельзя сказать о Желтой расе. Правда, ее главные представители, народы дальнего Востока Азии - китайцы, монголы и мандхузы, - не могли быть известны Евреям в любой период древности, но было более чем достаточно представителей этой расы, которые не могли быть им неизвестны. [AB] Ибо это была одновременно очень древняя и чрезвычайно многочисленная раса, которая рано распространилась по большей части земли и в свое время, вероятно, сравнялась по численности с остальным человечеством. Она, по-видимому, всегда распадалась на множество племен и народов, которые было удобно объединить под общим названием туранцев, от очень древнего имени Тур или Тура, которое дало им белое население Персии и Центральной Азии и которое до сих пор сохранилось в имени одной из их главных выживших ветвей - турок. У всех представителей этой великой семьи были очень яркие общие черты, самая необычная из которых - неспособность достичь высочайшей культуры, бесконечно прогрессировать, постоянно совершенствоваться. Станный закон их бытия, кажется, приговорил их к остановке, когда они достигли определенной, не очень продвинутой стадии. Так их речь осталась крайне несовершенной. Они говорили, и такие туранские народы, которые существуют сейчас, все еще говорят на языках, которые, как бы они ни различались, все имеют эту особенность, что они состоят либо полностью из монослогов (самая рудиментарная форма речи), либо из монослогов, собранных в слова самым жестким, самым громоздким образом, засунутых вместе, как бы, без ничего, чтобы соединить их, поэтому этот вид языка был назван *агглютинативным*. Китайский язык относится к первому классу языков, "моносиллабических", турецкий - ко второму, "агглютинативному". Далее, туранцы, вероятно, первыми изобрели письменность, но никогда не шли в этом искусстве дальше одного знака для каждого отдельного слова - (таково китайское письмо с его сорока тысячами знаков или

около того, столько же, сколько слов в языке) - или, самое большее, знака для каждого слога. У них были прекрасные зачатки поэзии, но и в этом они никогда не выходили за рамки зачатков. Они также, вероятно, первыми построили города, но не обладали качествами, необходимыми для организации общества, создания государства на прочном и долговечном фундаменте. Когда-то они занимали всю Западную Азию, жили там целую вечность, прежде чем ее заняла какая-либо другая раса, - пятнадцать сотен лет, согласно весьма достоверной традиции, - и назывались древними "старейшими из людей"; но они исчезают и о них больше не слышно, как только на землю приходят белые завоеватели; они гонят туранцев перед собой, или приводят их в полное подчинение, или смешиваются с ними, но, силой своей собственной одаренной природы, сохраняют господствующее положение, так что остальные теряют всякое отдельное существование. Так было повсюду. Ибо куда бы ни приходили племена трех библейских рас, они в большинстве случаев наталкивались на предшествовавшее им туранское население. В настоящее время существует огромное количество туранских племен, более или менее многочисленных - киргизы, башкиры, осетики, тунгузы и др. и т.д. - разбросанных по просторам Сибири и Восточной России, где они кочуют по своему усмотрению со своими стадами и табунами лошадей, изредка оседая на землю, - фрагментарные остатки расы, которая до последнего времени сохраняла свои первоначальные особенности и недостатки, чей день прошел, которая давно перестала совершенствоваться, если только она не ассимилируется с более высокой белой расой и не перенимает ее культуру, когда все, чего ей не хватало, восполняется благородным элементом, который смешивается с ней, как в случае с венграми, одной из самых высокодуховных и талантливых наций Европы, первоначально происходившей из туранской семьи. То же самое, в меньшей степени, можно сказать и о финнах - коренных жителях русского княжества Финляндия.

12. Все это ни в коем случае не свидетельствует о том, что Желтая раса всегда была лишена прекрасных способностей и оригинального гения. Совсем наоборот; ведь если белые расы повсюду вступали в дело цивилизации, брали его из своих рук и доводили до совершенства, на которое они были неспособны, все равно они, туранцы, повсюду *начинали* это дело, именно их изобретения подхватывали и совершенствовали другие: а мы должны помнить, что совершенствовать гораздо легче, чем изобретать. Только есть странное ограничение их силы прогресса и недостаток естественной утонченности, которые как стена окружают их. Даже китайцы, которые, на первый взгляд, являются блестящим исключением, при ближайшем рассмотрении оказываются не такими. Правда, они основали и организовали великую империю, которая существует до сих пор; у них обширная литература, они сделали самые важные изобретения - печать, изготовление бумаги из тряпок, использование компаса, пороха - за много веков до того, как европейские народы сделали их в свою очередь. Однако последние делают все эти вещи гораздо лучше; они усовершенствовали эти, на их взгляд, новые изобретения за пару сотен лет больше, чем китайцы за тысячу. На самом деле прошло уже много веков с тех пор, как китайцы вообще перестали что-либо совершенствовать. Их язык и письменность по-детски несовершенны, хотя и являются самыми древними из существующих. В управлении государством, в формах общественной жизни, в своих идеях в целом они следуют правилам, установленным для них три тысячи лет назад или более того, и отступать от которых хоть на волосок было бы кощунством. Поскольку они всегда упорно сопротивлялись иностранному влиянию и дошли до того, что попытались фактически возвести материальные стены между собой и остальным миром, их империя представляет собой совершенно справедливый образец того, что может сделать Желтая раса, если будет предоставлена сама себе, и столько же того, что она *не может* сделать, и теперь они на протяжении веков представляют собой это уникальное явление - великую нацию в тупике.

13. Все это, очевидно, приводит нас к очень интересному и наводящему на размышления вопросу: что же представляет собой эта великая раса, которую мы повсеместно находим у самых истоков истории, так что не только древняя традиция называет их "древнейшими из людей", но и современная наука все больше и больше склоняется к тому же мнению? Откуда она взялась? Как они не вошли в великую семью народов, о которой гл. X Бытия дает столь ясную и всеобъемлющую схему? Параллельно с этим вопросом возникает другой: что стало с потомством Каина? Что, прежде всего, с потомками тех трех сыновей Ламеха, которых автор Бытия явно ставит перед нами как глав народов и считает достаточно важными, чтобы указать, каковы были их занятия? (Почему мы никогда больше не слышим об этой половине человечества, отделенной в самом начале от другой половины - о родословной проклятого сына и благословенного и благосклонного сына? И не может ли ответ на эту серию вопросов быть ответом и на первую серию?)

14. Что касается второй серии, то здесь ответ очевиден и решителен. Потомки Каина неизбежно оказались за пределами еврейского мира. Проклятие Божье, в результате которого их праотец, как сказано, ушел "от лица Господня", сразу и навсегда отделило их от потомства благочестивого сына, от тех, кто "ходил с Богом". Автор книги Бытия рассказывает нам, что они жили в "земле изгнания" и размножались, а затем отбрасывает их. Ибо что общего может быть у избранных, народа Божьего, или даже у других народов, которые заблудились, которых неоднократно наказывали, но чьи семейные узы с праведным родом так и не были полностью разорваны, - что общего может быть у них с изгнанниками, беглецами, безвозвратно проклятыми? Они не в счет, они не принадлежали к человечеству. Что может быть вероятнее, чем то, что, будучи исключенными из всех других повествований, они не должны быть включены в повествование о Потопе? И в таком случае, кто же они, как не та древнейшая раса, выделяющаяся своим цветом и рядом поразительных особенностей, которая повсюду предшествовала своим белым собратьям, но неизменно вытеснялась ими и не была предназначена для главенства на земле? Это предположение было высказано людьми великого гения, и если оно смелое, то все еще имеет много оснований для поддержки; если оно подтвердится, то разрешит многие загадки, прольет сильный и неожиданный свет на многие неясные моменты. Сама древность желтой расы прекрасно согласуется с библейским повествованием, ведь из двух библейских братьев Каин был старшим. И завет, возложенный на эту расу: "Беглецом и бродягой будешь ты на земле", не отменялся во все века. Где бы ни были чистые туранцы - они кочевники. И когда, пятнадцать сотен лет назад и позже, бесчисленные стаи варварских народов наводняли Европу, приходя с востока, и сметали все на своем пути, туранские орды можно было узнать главным образом по тому, что они разрушали, сжигали, опустошали и уходили, исчезали: тогда как другие, после того как обращались со страной столь же дико, обычно оседали в ней и основывали государства, большинство из которых существуют и сейчас - ведь французы, немцы, англичане, русские - все мы происходим от кого-то из тех варварских захватчиков. И это также полностью объясняет, как получилось, что, хотя евреи и их предки - скажем, семиты в целом - повсюду встречали туранцев на своем пути, более того, жили с ними в одних и тех же землях, священный историк полностью игнорирует их, как в Быт. xi. 2.

15. Ибо это были туранцы, достигшие для них действительно высокого уровня культуры, которые населяли землю Шинар, когда "они" - потомки Ноя, - путешествуя по Востоку, нашли ту равнину, где они жили много лет.

ССЫЛКИ:

[AA] "*Gentes non homines.*" (*De Civitate Dei*, XVII., 3.)

[AB] Если, как было предположено, "земля Синима" в Ис. xlix., 12, означает Китай, то такое одиночное, случайное и неконкретное упоминание страны, название которой могло быть неопределенно использовано для выражения самого отдаленного Востока, не может лишить законной силы схему, которой так явно и настойчиво придерживались при составлении гл. X.

III.

ТУРАНСКАЯ ХАЛДЕЯ - ШУМИР И АККАД - ЗАРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИИ.

1. Не один Берос говорит о "множестве людей чужой расы", которые колонизировали Халдею "в начале". То, что население страны всегда было смешанным, было общепризнанным фактом на протяжении всей античности, но этот факт был известен смутно, без подробностей. На этот вопрос, как и на многие другие, открытия, сделанные в царской библиотеке Ниневии, пролили неожиданный и долгожданный свет. Самое первое, так сказать предварительное, изучение табличек показало, что среди них есть документы на двух совершенно разных языках, один из которых, очевидно, принадлежал более древнему населению Халдеи. Другой, более поздний язык, обычно называемый ассирийским, поскольку на нем говорили и ассирийцы, был очень похож на иврит, и понимание его достигалось сравнительно легко. Что касается более древнего языка, то здесь не было абсолютно никаких подсказок. Единственное предположение, которое можно было сделать с уверенностью, - это то, что на нем, должно быть, говорил двойной народ, называемый народом Шумира и Аккада, потому что позднейшие цари Вавилона в своих надписях всегда называли себя "царями Шумира и Аккада", титул, который ассирийские государи, временами завоевывавшие Халдею, тоже не преминули перенять. Но кто и что это были за люди, возможно, так и осталось бы невыясненным, если бы не счастливая находка словарей и грамматик, которые, снабженные ассирийскими переводами текстов, послужили нашим современным ученым, как и ассирийским студентам 3000 лет назад, для расшифровки и понимания древнейшего языка Халдеи. Конечно, это была колоссальная работа, сопряженная с трудностями, для преодоления которых требовались почти яростная решимость и сверхчеловеческое терпение. Но каждый сделанный шаг был настолько вознагражден полученными результатами, что рвение тружеников никогда не ослабевало, а проведенная реконструкция, хотя и далекая от завершения, уже позволяет нам составить очень наглядное и реалистичное представление о тех первых поселенцах Месопотамской низменности, их характере, религии и занятиях.

2. Язык, который таким странным образом появился на свет, очень скоро был признан отчетливо тем особым и примитивным типом - частично односложные слова, частично слова, грубо собранные вместе, - который был описан в предыдущей главе как характерный для туранской расы и который известен в науке под общим названием *агглютинативный*, то есть "склеенный или слипшийся", без изменения слов, либо путем склонения или спряжения. Шумирцы и аккадцы, таким образом, были одним и тем же туранским народом, а разница в названии была лишь географической. Шумир - это Южная или Нижняя Халдея, страна к Персидскому заливу и вокруг него, та самая земля Шинар, о которой говорится в Бытие xi. 2. Действительно, "Шинар" - это лишь способ, которым евреи произносили и писали древнее название Нижней Халдеи. Аккад - это Северная или Верхняя Халдея. Наиболее правильным и безопасным от недоразумений является название народа Шумиро-Аккад и его языка - Шумиро-Аккадский; но для краткости первое название часто опускается, и многие говорят просто "аккадцы" и "аккадский язык". Однако очевидно, что царский титул должен был объединять оба имени, которые вместе представляли всю страну Халдею. В последнее время было обнаружено, что шумиро-аккадцы говорили на двух слегка различающихся диалектах одного и того же языка, причем шумирский, скорее всего, был более древним из них, так как культура и завоевания, по-видимому, неуклонно продвигались на север от Персидского залива.

3. То, что сами аккадцы пришли откуда-то из других мест, явствует из нескольких обстоятельств, хотя в стране нет ни малейших признаков или следов какого-либо народа, который они могли бы найти. Они принесли сюда самые первые и самые необходимые зачатки цивилизации, искусство письма и обработки металлов; вероятно, именно они начали рыть каналы, без которых земля, несмотря на ее сказочное плодородие, всегда должна быть болотистой пустошью, и начали делать кирпичи и строить из них здания. Основанием для вывода о том, что они спустились с гор, служит тот факт, что название "Аккад" означает "горы" или "нагорье" - имя, которое они не могли получить в мертвых равнинах Нижней Халдеи, но должны были сохранить как реликвию более древнего дома. Вполне возможно, что эта родина находилась в соседней дикой и горной стране Шушан (Сузиана на картах), первое известное население которой также было туранским. Эти предположения уводят нас в прошлое, где нет ни малейшего положительного факта. Но даже это, должно быть, было лишь станцией в миграции этой расы из гораздо более северного центра. Их письменность, даже после того, как они веками жили в почти тропической стране, где пальмы росли огромными рощами, почти лесами, а львы были обычной дичью, столь же многочисленной, как тигры в джунглях Бенгалии, не содержала никаких знаков для обозначения того или другого, в то время как она была хорошо снабжена знаками металлов, от которых в Халдее, конечно, не осталось и следа, и всем, что связано с их обработкой. Поскольку хребет Алтай, великая сибирская цепь, всегда славился своими богатыми рудниками со всеми возможными металлическими рудами, а долины Алтая, как известно, были гнездами, из которых бесчисленные туранские племена разбегались на север и юг, и в которых многие живут и по сей день, ведя свой кочевой образ жизни, нет ничего экстравагантного в предположении, что *там*, возможно, находилась первоначальная точка отправления наших Аккадов. Действительно, алтайцы настолько неразрывно связаны с происхождением большинства туранских народов, что многие ученые предпочитают называть всю желтую расу, со всеми ее градациями цвета, "алтайцами". На это же указывают и их собственные традиции. Некоторые из них имеют красивую легенду о своего рода рае, уединенной долине где-то в Алтае, приятной и орошаемой множеством ручьев, где их предки либо жили изначально, либо куда они были провидчески направлены, чтобы спастись от всеобщей резни. Долина была сплошь окружена высокими скалами, крутыми и бездорожными, так что, когда через несколько сотен лет она уже не могла вместить столько

жителей, те стали искать выход и не нашли. Тогда один из них, который был кузнецом, обнаружил, что скалы почти полностью состоят из железа. По его совету развели огромный костер и привели в действие множество мощных мехов, с помощью которых *проложили* путь через скалы. Это предание, кстати, подтверждает замечание о том, что изобретение металлургии изначально принадлежит Желтой расе на самых ранних стадиях ее развития, и странно согласуется с именем библейского Тубалкейна, "ковача всех режущих инструментов из меди и железа". То, что аккадцы обладали этим отличительным достижением своей расы, более того, становится весьма вероятным благодаря различным изделиям и украшениям из золота, латуни и железа, которые постоянно находят в самых древних гробницах.

4. Но бесконечно самым ценным приобретением, ставшим для нас результатом неожиданного открытия этого этапа далекой древности, является удивительно обширная коллекция молитв, обращений и других священных текстов, на основе которых мы можем с большой долей вероятности реконструировать самую примитивную религию в мире - такой, несомненно, была религия аккадцев. Поскольку ясное и достоверное представление о первом проявлении религиозного инстинкта в человеке было именно тем, чего не хватало до сих пор, чтобы мы могли проследить его развитие от первых, грубейших попыток выражения до высочайших стремлений и благороднейших форм поклонения, ценность этого открытия невозможно переоценить. Кроме того, оно вводит нас в такой странный и фантастический мир, который не сможет превзойти ни один самый изобретательный вымысел.

5. Инстинкт религии - "религиозность", как его еще называют, - является врожденным для человека; как и способность говорить, он принадлежит человеку, и только человеку, из всех живых существ. Настолько, что современная наука приходит к признанию этих двух способностей в качестве отличительных характеристик, которые выделяют человека из всего остального творения. Если раньше все существующее на земле делилось на три больших класса или царства: "минеральное царство", "растительное царство" и "животное царство", в которое входил и человек, то теперь предлагается возвести человеческую расу со всеми ее разновидностями в отдельное "царство" именно по этой причине: у человека есть все, что есть у животных, и еще две вещи, которых у них нет - речь и религиозность, которые предполагают способность абстрактно мыслить, наблюдать и делать общие выводы, исключительно и исключительно человеческие. Теперь самые первые наблюдения за человеком на самой примитивной стадии его существования обязательно должны были пробудить в нем двоякое сознание - сознание силы и сознание беспомощности. Он мог многое. Маленький по размеру, слабый по силе, лишенный естественной одежды и оружия, остро чувствительный к боли и атмосферным изменениям, как и все высшие натуры, он мог убивать и приручать огромных и сильных животных, которые имели преимущество перед ним во всем этом, чья численность и свирепость грозили ему на каждом шагу уничтожением, от которого, казалось бы, единственным спасением было постоянное бегство и прятки. Он мог заставить землю добывать для него более вкусную пищу, чем для других существ, живущих на ее дарах. Он мог приказывать служить огню, грозному гостю с небес. Победоносно шагая от одного достижения к другому, постоянно расширяя сферу своих действий и изобретений, человек не мог не преисполниться законной гордости. Но, с другой стороны, он видел себя окруженным вещами, которые он не мог ни учесть, ни подчинить, которые оказывали на его благополучие сильнейшее влияние, благоприятное или враждебное, но которые были совершенно непостижимы и неподвластны ему. То же самое солнце, под которым созревал его урожай, иногда испепеляло его; дождь, который охлаждал и удобрял его поле, иногда заливал его; горячие ветры иссушали его и его скот; в болотах таились болезни и смерть. Все это и многое, многое другое, очевидно, было Силами, которые могли принести ему большую пользу или причинить большой вред, а он не мог сделать ни того, ни другого, чтобы их. Эти

вещи существовали, он ощущал их действие каждый день своей жизни, следовательно, они были для него живыми существами, живыми так же, как и он сам, обладающими волей, доброй или злой. Короче говоря, для первобытного человека все в природе было живым, обладающим индивидуальной жизнью, как для маленького ребенка, который не стал бы бить стул, о который он стукнулся, а потом целовать его, чтобы подружиться, если бы не думал, что это живое и чувствующее существо, как он сам. Возникшее таким образом чувство зависимости и абсолютной беспомощности должно было с лихвой уравновесить чувство гордости и уверенности в себе. Человек чувствовал себя помещенным в мир, где ему было уготовано жить и получать свою долю благ, но который не управлялся им, - в мир духов. Духи вокруг него, над ним, под ним - что он мог сделать, кроме как смириться, признать свою зависимость и молить о том, чтобы его пощадили? Ведь если эти духи существовали и были достаточно заинтересованы в нем, чтобы делать ему добро или зло, они могли слышать его и могли быть тронуты его мольбой. Следующим естественным шагом было установление различия между такими духами, которые приносили только вред, были злыми сами по себе, и теми, чье действие было в целом благотворным и лишь в редких случаях разрушительным, что столь же естественно привело к восприятию божественного неудовольствия как причины таких ужасных проявлений и поиску средств для его предотвращения или умилоствления. В то время как страх и отвращение были уделом первых духов, по сути злых, любовь и благодарность были преобладающими чувствами, внушаемыми последними, - чувствами, которые, вместе с постоянно присутствующим сознанием зависимости, составляют самую суть религии, так же как хвала и поклонение - попытки выразить их в осязаемой форме.

6. Именно об этой самой примитивной, материальной и бесспорной стадии развития религиозного чувства рассказывает значительная часть шумиро-аккадских документов из царской библиотеки в Ниневии с такой силой и полнотой, что, сколько бы ни оставалось места для неопределенности в деталях, в целом это действительно больше, чем предположение. Многие, несомненно, еще будут открыты, многое будет сделано, но это послужит лишь заполнением эскиза, очертания которого уже сейчас достаточно фиксированы и достоверны. Материалы для этой важнейшей реконструкции почти полностью содержатся в обширной коллекции из двухсот табличек, составляющих один последовательный труд в трех книгах, более пятидесяти из которых были отсеяны из кучи мусора в Британском музее и впервые расшифрованы сэром Генри Роулинсоном, одним из величайших, поскольку он был первооткрывателем в этой области, и Джорджем Смитом, о достижениях и слишком ранней смерти которого говорилось в одной из предыдущих глав. Из трех книг, на которые разделена коллекция, одна посвящена "злым духам", другая - болезням, а третья содержит гимны и молитвы - последняя коллекция демонстрирует признаки более позднего и высокого развития. Из этих материалов недавно умерший французский ученый, г-н Франсуа Ленорман, чье имя в течение последних пятнадцати лет жизни стояло в авангарде этой отрасли восточных исследований, первым воссоздал полную картину в книге, не очень объемной, но которая должна навсегда остаться краеугольным камнем в истории человеческой культуры. Эта книга станет нашим путеводителем в том странном мире, в который мы сейчас вступаем. [\[AC\]](#)

7. Для людей Шумира и Аккада вселенная была населена Духами, которых они распределяли по различным сферам и регионам. Ибо у них сложилось весьма продуманное и умное, хотя и своеобразное представление о том, каким, по их мнению, должен быть мир. По гениальному выражению одного греческого писателя I века н. э., они представляли его в форме перевернутой круглой лодки или чаши, толщина которой представляла смесь суши и воды (*kī-a*), которую мы называем земной корой, а пустота под этой обитаемой корой представлялась бездонной ямой или пропастью (*ge*), в которой обитали многие силы. Над

выпуклой поверхностью земли (*kî-a*) простиралось небо (*ана*), которое делилось на две области: высшее небо или твердь, которая, с неподвижными звездами, неподвижно прикрепленными к ней, вращалась, как вокруг оси или стержня, вокруг огромной высокой горы, которая соединяла ее с землей как столб и была расположена где-то на крайнем северо-востоке - некоторые говорят, на севере - и нижнее небо, где планеты - своего рода великолепные животные, семь в количестве, благотворной природы - вечно странствовали по своему определенному пути. Им противостояли семь злых демонов, иногда называемых "Семь огненных призраков". Но над всеми ними, выше по рангу и сильнее по силе, стоит Дух (*Зи*) небес (*ана*), Зи-ана, или, как часто говорят, просто Ана - "Небо". Между нижним небом и поверхностью земли находится атмосферная область, царство Има или Мермера, Ветра, где он гонит облака, вызывает бури и откуда он изливает дождь, который хранится в великом резервуаре Ана, в небесном Океане. Что касается земного Океана, то он представляется в виде широкой реки или водной полосы, текущей по краю воображаемой перевернутой чаши; в его водах обитает Ка (чье имя означает "Дом вод"), великий Дух Земли и Вод (*Zi-kî-a*), либо в виде рыбы, откуда его часто называют "Ка-рыба" или "Возвышенная рыба", либо на великолепном корабле, с которым он путешествует вокруг земли, охраняя и защищая ее. О второстепенных духах земли (*ануннаках*) мало говорят, разве что в теле, как о своего рода воинстве или легионе. Тем более ужасны семь духов бездны, Маскимы, о которых сказано, что, хотя их местопребывание находится в глубинах земли, их голос звучит и на высотах: они по своему желанию обитают в безбрежном пространстве, "не пользуясь добрым именем ни на небе, ни на земле". Их величайшее наслаждение - нарушать упорядоченный ход природы, вызывать землетрясения, наводнения, опустошительные бури. Хотя Бездна - их место рождения и сфера обитания, они не покорны ее владыке и правителю Мул-ге ("Владыке Бездны"). В этом они похожи на своих братьев с нижних небес, которые не признают верховенство Ана и называются "духами мятежа", потому что, будучи изначально посланниками Ана, они однажды "тайно замыслили злое дело", восстали против небесных сил, заслонили Луну и практически сбросили его со своего места. Но Маскима все больше боятся и ненавидят, как явствует из следующего описания, прославившегося своей подлинной поэтической силой:

8. "Их семь! Их семь!" - "Семь их в глубинах Океана, семь их, возмутителей лица Небесного" - "Они возникают из глубин Океана, из потаенных мест, - они распространяются, как силки" - "Мужчины они не мужчины, женщины они не женщины" - "Жены у них нет, дети у них не рождаются".-Порядка они не знают, ни благодеяний; молитвы и мольбы они не слышат; - паразиты, выросшие в недрах гор - кони Ка - они тронотосцы богов - они сидят на дорогах и делают их небезопасными; - изверги! изверги! - их семь, их семь, их семь!

"Дух Неба (*Зи-ана*, *Ана*), да будут они призваны!

"Дух Земли (*Zi-kî-a*, *Êa*), да будут они призваны!"

9. Кроме этих обычных наборов злых духов в семерках - семь является таинственным и освященным числом - есть еще несметное количество демонов, которые нападают на человека во всех возможных формах, которые всегда начеку, чтобы причинить ему вред, не только телесный, но и моральный, в виде гражданских распри и семейных раздоров; Смятение - вот их работа; это они "крадут дитя из колен отца", "изгоняют сына из дома отца его", лишают жену благословения на детей; они украли дни с небес, которые сделали злыми днями, не приносящими ничего, кроме несчастья и беды, - и ничто не может их уберечь: "Они падают, как дождь с неба, они возникают из земли, - они крадутся из дома в дом, - двери не останавливают их, засовы не закрывают их, - они вползают в двери, как змеи, они врываются на крышу, как ветры". Разнообразны их места обитания: вершины гор, ядовитые болота у

моря, но особенно пустыня. Болезни - одни из самых страшных среди этой ужасной группы, и первые среди них Намтар или Диббара, демон моровой язвы, Идпа (лихорадка) и некая таинственная болезнь головы, которая должна быть безумием, о которой говорят, что она угнетает голову и держит ее крепко, как тиара (тяжелый головной убор) или "как темная тюрьма", и делает ее запутанной, что "она подобна сильной буре; никто не знает, откуда она приходит, и какова ее цель".

10. Все эти злые существа очень правильно объединить под общим названием "порождения Бездны", порождения нижнего мира, мира мертвых. Ведь невидимый мир под обитаемой землей естественным образом задумывался как место обитания ушедших духов после смерти. Для характеристики низкого уровня нравственных представлений, которого Шумиро-Аккады достигли на этой стадии своего развития, весьма примечательно, что, хотя они никогда не признавали, что умершие перестают существовать, очень мало свидетельств того, что они представляли себе какое-либо счастливое состояние для них после смерти, даже в качестве награды за праведную жизнь, или, с другой стороны, обращались к будущему состоянию для наказания за совершенные в этом мире преступления, но беспорядочно отправляли своих умерших в Арали, самый мрачный регион, который называют "опорой хаоса" или, выражаясь не менее туманно и с таинственным благоговением, "Великой землей" (*Kî-gal*), "Великим городом" (*Urugal*), "просторным жилищем", "где они блуждают в темноте", - регион, которым правит женское божество, называемое разными именами, но чаще всего "Владычицей Великой Земли" (*Nin-kî-gal*) или "Владычицей Бездны" (*Nin-ge*), которую скорее можно понимать как олицетворенную Смерть, что Намтар (Мор) - ее главный служитель. Шумиро-аккады, похоже, смутно догадывались, что связь с таким количеством злых существ, чьим родным домом был Арали, должна превратить даже человеческих духов в существ почти столь же вредных, поскольку один или два отрывка, похоже, подразумевают, что они боялись призраков, по крайней мере, в одном случае угрожают отправить мертвых обратно в верхний мир, как самое страшное бедствие, которое может быть нанесено.

11. Как будто всех этих ужасов было недостаточно, чтобы превратить жизнь в тяжелое бремя, шумиро-аккадцы верили в колдунов, злых людей, которые умели заставлять силы зла исполнять свои желания и таким образом могли по своему желанию причинять смерть, болезни или бедствия. Это можно было сделать разными способами - взглядом, произнесением определенных слов, напитками из трав, приготовленными в определенных условиях и церемониях. Кроме того, способностью причинять вред иногда обладали даже невинные люди, которые наносили его неумышленно своим взглядом - ведь действие "дурного глаза" не всегда зависело от воли самого человека.

12. Существование в таких условиях должно было быть столь же невыносимым, как и для бедных детей, которых глупые няньки запугивают верой в людоедов и страхом перед темными комнатами, если бы не существовало реальных или воображаемых средств защиты от этой массы ужасных существ, всегда готовых обрушиться на несчастное человечество всевозможными необъяснимыми способами и ни по какой другой причине, кроме их собственного отвратительного удовольствия творить зло. Эта защита не могла заключаться ни в рациональных мерах, продиктованных знанием законов физической природы, поскольку они не имели ни малейшего представления об этих законах; ни в молитвах и умиловительных жертвах, поскольку одним из самых отвратительных качеств демонов было, как мы видели, то, что они "не знали благодеяний" и "не слышали молитв и прошений". Значит, если их нельзя уговорить, их нужно принудить. Это кажется очень самонадеянным предположением, но оно строго соответствует человеческому инстинкту. Очень верно

сказано [AD], что "человек настолько осознал, что призван осуществлять власть над силами природы, что, как только он вступал в какие-либо отношения с ними, он пытался подчинить их своей воле. Только вместо того, чтобы изучать явления, постигать их законы и применять их к своим нуждам, он вообразил, что может с помощью особых практик и освященных форм заставить физических агентов природы служить его желаниям и целям..... Эта претензия имела корни в том представлении, которое античность сформировала о природных явлениях. Она не видела в них следствия неизменных и необходимых законов, всегда действующих и всегда подлежащих расчету, а полагала, что они зависят от произвольной и изменчивой воли духов и божеств, которых она ставила на место физических агентов". Отсюда следует, что в религии, населяющей вселенную духами, большая часть которых - злые, магия, то есть колдовство с помощью слов и обрядов, заклинаний, должна занимать место поклонения, а служители такой религии - не жрецы, а колдуны и чародеи. Именно о таком положении вещей свидетельствует большая коллекция текстов, обнаруженная сэром Г. Роулинсоном и Г. Смитом. В них содержатся формы для вызывания всех видов демонов, вплоть до злых снов и кошмаров, причем цель большинства таких вызываний - прогнать их из человеческих жилищ и вернуть туда, где им самое место - в глубь пустыни, на недоступные горные вершины и вообще во все отдаленные, пустынные и необитаемые места, где они могут бродить по своему усмотрению и никому не причинять вреда.

13. Однако есть и молитвы о защите и помощи, обращенные к существам, считающимся по сути добрыми и благодетельными, - шаг, знаменующий большой прогресс в нравственном чувстве и религиозном сознании людей. Такими существами - богами, фактически - были, прежде всего, Ана и Ка, которых мы видели в заклинании Семи Маскимов как "Дух Неба" и "Дух Земли". К последнему особенно часто обращаются как к неизменному прибежищу для плохо используемых и напуганных смертных. Он представляется как обладатель всех знаний и мудрости, которые он использует только для того, чтобы дружить и защищать. Его обычное местопребывание - глубины (отсюда его имя - К-а, "Дом вод"), но иногда он путешествует вокруг Земли на великолепном корабле. Само его имя наводит ужас на злых существ. Он знает слова, заклинания, которые сокрушат их силу и заставят повиноваться. Поэтому к нему люди обращались в своей нужде с безграничным доверием. Не в силах справиться с таинственными опасностями и ловушками, которые, как им казалось, окружали их со всех сторон, не зная, как победить злых существ, которые, как им казалось, преследовали их с отвратительной злобой и беспричинной ненавистью, они обратились к Ка. Он должен знать. Его нужно спросить, и он расскажет.

14. Но, словно решив, что Ка - существо слишком могущественное и возвышенное, чтобы к нему можно было легко обращаться и часто беспокоить, шумиро-аккадцы вообразили благодетельного духа Меридуга (правильнее Мирри-Дугга), названного сыном Ка и Дамкины (имя Земли). Единственное предназначение Меридуга - быть посредником между своим отцом и страдающим человечеством. Именно он передает Ка просьбу просителя, излагает его нужду, иногда в очень трогательных словах, и просит узнать средство лечения - если беда в болезни - или противодействующее заклинание, если жертва попала в колдовские сети. Ка рассказывает об этом своему сыну, который затем должен открыть секрет выбранному инструменту помощи - конечно, жрецу-колдуну, или, лучше, прорицателю. Поскольку большинство заклинаний строится по этому принципу, они очень однообразны по форме, хотя часто оживляются предполагаемым диалогом между отцом и сыном. Вот один из самых занимательных образцов. Он занимает целую табличку, но, к сожалению, многие строки безнадежно пострадали, и их приходится опускать. Текст начинается так:

"Болезнь головы вышла из Бездны, из жилища Владыки Бездны".

Далее следуют симптомы и описание неспособности страдальца помочь себе. Затем "Меридуг взирал на его страдания. Он вошел в жилище своего отца Ка и сказал ему:

"Отец мой, Болезнь Головы вышла из Бездны".

"Во второй раз он сказал ему:

"Что он должен делать против нее, человек не знает. Как ему найти исцеление?

"Ка ответил своему сыну Меридугу:

"Сын мой, как ты не знаешь? Чему мне учить тебя? То, что знаю я, знаешь и ты. Подойди же сюда, сын мой Меридуг. Возьми ведро, наполни его водой из устья рек; надели эту воду твоей возвышенной волшебной силой; окропи ею человека, сына своего бога, ... оберни его голову, ... и на шоссе вылей ее. Пусть рассеется безумие! Пусть болезнь головы исчезнет, как ночной призрак. Пусть слово Ка изгонит его! Да исцелит его Дамкина".

15. Другой диалог того же рода, в котором Ка советуется о средствах разрушения власти Маскима, заканчивается тем, что он сообщает, что

"Белый кедр - это дерево, которое разрушает пагубную силу Маскима".

На самом деле белый кедр считался непогрешимой защитой от всех заклинаний и злых сил. Любое действие или церемония, описанные в заклинании, должны быть выполнены, даже если слова произнесены. Есть и длинное заклинание, возможно, самое хорошо сохранившееся из всех, которое должен произнести страдалец, находящийся под действием злых чар, и из которого ясно, что слова должны сопровождать действия, совершаемые заклинателем. Она разделена на параллельные стихи, первый из которых звучит следующим образом:

"Как этот лук очищается от кожицы, так и с ним будет снято заклятие. Горящий огонь поглотит его; он не будет больше посажен в ряд, ... земля не примет его корня, его головка не будет содержать семени, и солнце не будет заботиться о нем; - он не будет принесен в жертву на празднике бога или царя.-Человек, наложивший злые чары, его старший сын, его жена, - чары, причитания, проступки, написанные заклинания, богохульства, грехи, - зло, которое в моем теле, в моей плоти, в моих язвах, - пусть все они будут уничтожены, как этот лук, и пусть горящий огонь поглотит их в этот день! Пусть злые чары уйдут далеко, и пусть я снова увижу свет!"

Затем аналогичным образом описывается уничтожение финика:

"Он не вернется на ветку, с которой был сорван".

Развязывание узла:

"Его нити не вернутся к стеблю, который их произвел".

Разрывание шерсти:

"Она не вернется к спине своей овцы".

Разрывание какой-то вещи, и после каждого действия второй стих:

"Человек, который произнес заклинание" и т. д.

повторяется.

16. Остается только надеяться, что подобные методы лечения оказывали воздействие на болезнь, ведь ничего другого они не получали. Болезни воспринимались как личные демоны, вселяющиеся в тело человека по собственной воле или по принуждению могущественных колдунов, а болезни, соответственно, как разновидность одержимости, и очевидно, что единственное, что можно было сделать, - это изгнать демона или снять заклятие с помощью благодетельного Ка и его сына. Если такое вмешательство оказывалось бесполезным, больному ничего не оставалось, как выздороветь, насколько это было возможно, или умереть. Вот почему в Халдее никогда не существовало медицинской науки в собственном смысле слова, даже за три-четыре сотни лет до нашей эры, и греческие путешественники, посетившие Вавилон, должно быть, были не мало шокированы найденным там обычаем выносить безнадежно больных людей из домов вместе с их кроватями и выставлять их на улицу, когда любой прохожий мог подойти к ним, расспросить о болезни и предложить какое-нибудь средство - которое обязательно должно было быть испробовано в качестве последнего шанса. К этому необычному эксперименту, разумеется, прибегали только после того, как все известные формы колдовства были испробованы и оказались неэффективными.

17. Вера в то, что определенные слова и наговоры могут разрушить власть демонов или колдунов, естественно, привела к мысли, что постоянное ношение таких наговоров, написанных на каком-либо предмете или веществе, должно служить постоянной защитой от них; с другой стороны, слова призыва к благодетельным духам и изображения, изображающие их, носимые таким же образом, должны привлечь к владельцу защиту и благословение этих духов. Отсюда страсть к талисманам. Они были разных видов: полоски ткани с написанными на них магическими словами, которые прикреплялись к телу, одежде или предметам домашней мебели, были очень распространены; но небольшие изделия из глины или твердого камня пользовались большей популярностью из-за своей прочности. Поскольку дома могли быть одержимы злыми духами так же, как и отдельные люди, талисманы помещали в разные их части для защиты, и это верование было настолько устойчивым, что в ассирийских дворцах под порогами находили небольшие глиняные фигурки богов - как во дворце Хорсабада, изображенном Боттой, - помещенные туда "для того, чтобы отгонять от него злодеев и врагов". Таким образом, было обнаружено, что многие скульптуры, украшавшие ассирийские дворцы и храмы, имели талисманную природу. Так, крылатые быки, установленные у ворот, были не чем иным, как изображениями аккадского класса духов-хранителей - *кирубу*, ивритских *керубимов*, из которых мы сделали *херувимов*, *херувимов* - *которые* должны были следить за входами, даже за входом в Арали, а некоторые скульптуры, на которых демоны в форме отвратительных чудовищ сражаются друг с другом, являются, так сказать, каменными проклятиями, которые, если перевести их словами, означали бы: "Пусть злые демоны остаются снаружи, пусть нападают и сражаются друг с другом" - ведь в таком случае им явно будет недосуг нападать на обитателей жилища. О том, что эти скульптуры действительно считались талисманами и должны были оберегать обитателей дома от бед, убедительно свидетельствует то, как они упоминаются в нескольких надписях, вплоть до очень позднего времени. Так, Эсархаддон, один из последних царей Ассирии (около 700 г. до н.э.), описывая построенный им роскошный дворец, говорит: "Я поставил в его воротах быков и колоссов, которые, по их велению, обращаются против нечестивых; они охраняют стопы, заставляя мир идти по пути царя, их создателя".

54.-

СРАЖАЮЩИЕСЯ ДЕМОНЫ.

(Из Британского музея.)

18. Цилиндрические печати с надписями и выгравированными фигурами в большинстве случаев также были талисманами подобного рода; должно быть, поэтому их так много находят в могилах, привязанными к запястью умершего человека на веревочке - очевидно,

для защиты от нечисти, с которой должен был встретиться дух покойного. Магическую силу всем талисманам придавали, конечно же, слова, которые произносил над ними заклинатель с соблюдением необходимых церемоний. Одно из таких длинных заклинаний сохранилось полностью. Оно призвано придать талисману силу удерживать демонов от всех частей жилища, которые по отдельности перечисляются, с указанием последствий для демонов, которые осмелятся вторгнуться: те, кто ворует в водосточные трубы, снимает болты или петли, будут разбиты, как глиняный кувшин, раздавлены, как глина; тем, кто переступает через деревянный каркас дома, подрезают крылья; тем, кто вытягивает шею в окно, окно опускается и перерезает горло. Самым оригинальным в этой категории суеверий было то, которое, по мнению Ленорманта, заключалось в представлении о том, что все эти демоны имеют настолько уродливую форму и лик, что должны в ужасе разбежаться, если только увидят свое собственное подобие. В качестве иллюстрации этого принципа он приводит заклинание против "злого Намтара". Оно начинается с весьма наглядного описания ужасного демона, который, по его словам, "берет человека в плен, как врага", "сжигает его, как пламя", "сворачивает его вдвое, как связку", "нападает на человека, хотя у него нет ни рук, ни ног, как петля". Далее следует обычный диалог между Ка и Меридугом (в идентичных словах, приведенных выше), и Ка в конце концов раскрывает рецепт: "Подойди сюда, сын мой Меридуг. Возьми грязь из океана и замеси из нее подобие его (Намтара). Положи человека, после того как ты очистишь его; положи изображение на его голый живот, надели его моей магической силой и поверни его лицом на запад, чтобы злой Намтар, обитающий в его теле, мог найти себе другую обитель. Аминь." Идея в том, что Намтар, увидев свое собственное подобие, в ужасе убежит от него!

ЮГО-ЗАПАДНОГО ВЕТРА.

55.- ДЕМОН

(Перро и Чипес.)

19. К этому же классу относится небольшая бронзовая статуэтка, которую можно увидеть в Лувре. Г-н Ленорман описывает ее следующим образом: "Это изображение ужасного демона, стоящего, с телом собаки, когтями орла, руками, заканчивающимися лапами льва, хвостом скорпиона, головой скелета, но с глазами, рогами козла, и с четырьмя большими крыльями сзади, развернутыми. Кольцо, расположенное на затылке, служило для подвешивания фигуры. Вдоль спины идет надпись на аккадском языке, сообщающая, что это милое создание - демон юго-западного ветра, и его следует ставить у двери или окна. Ведь в Халдее юго-западный ветер приходит из пустынь Аравии, его обжигающее дыхание поглощает все и производит те же опустошения, что и симун в Африке. Поэтому именно этот талисман встречается чаще всего. В наших музеях хранится множество других фигурок демонов, использовавшихся в качестве талисманов для отпугивания злых духов, которых они должны были представлять. Одна из них имеет голову козла на непропорционально длинной шее; другая изображает голову гиены с огромной открытой пастью на теле медведя с львиными лапами". Исходя из принципа, что от одержимости лучше всего защищает присутствие благожелательных духов, экзорцизмы - то есть формы колдовства, призванные изгнать злых демонов из человека или жилища, - обычно сопровождаются просьбой к добрым духам войти в то или иное место вместо изгнанных злых. Высшая сила, которая разрушает все заклинания, талисманы, колдовские обряды, как бы то ни было, предположительно заключена в великом, божественном имени, возможно, имени самого Ка. Во всяком случае, это тайна самого Ка. Ведь даже в диалогах с Меридугом, когда его просят об этой высшей помощи в отчаянных случаях, предполагается, что он лишь передает ее своему сыну, чтобы тот использовал ее против упрямых демонов и тем самым сокрушил их силу, но она не дается, так что демонам лишь угрожают ею, но на самом деле она не произносится во время заклинаний.

56.- ГОЛОВА ДЕМОНА

20. Не без помощи Ка выполнял свою гигантскую задачу по защите и исцелению. Вместе с ним часто обращаются с воззваниями к нескольким другим духам, считающимся по сути добрыми божественными существами, чье благотворное влияние ощущается во многих отношениях. Таков Им, Штормовой Ветер с сопутствующими ему живительными дождями; таковы очищающие и полезные Воды, реки и источники, питающие землю; прежде всего, таковы Солнце и Огонь, а также Луна, объекты двойного почитания и благодарности, поскольку они рассеивают тьму ночи, которую Шумиро-Аккады ненавидели и боялись чрезмерно, как время, когда злые демоны наиболее сильны и власть плохих людей для плетения смертельных заклинаний наиболее велика. Третья книга Собрания магических текстов почти полностью состоит из гимнов этим божествам, а также Ка и Меридугу, которые свидетельствуют о несколько более поздней стадии религиозного развития народа, о поэтической красоте некоторых фрагментов, и особенно о более чистом чувстве обожания и более высоком восприятии морального добра, которые отсутствуют в самых древних заклинаниях.

21. В полдень, когда солнце достигает высшей точки своего небесного пути, земля лежит перед ним без тени; все вещи, хорошие или плохие, проявляются; его лучи, рассеяв недружелюбный мрак, проникают в каждый уголок, высвечивая все гадкое, что прячется и таится; злодей трусит и избегает его всеоткрывающего великолепия и, чтобы совершить свои проклятые дела, ждет возвращения своего темного сообщника, ночи. Поэтому неудивительно, что для шумиро-аккадцев Уд, Солнце во всей своей полуденной славе, был героем-защитником, источником правды и справедливости, "верховным судьей на небе и на земле", который "отличает ложь от правды", знает истину, которая находится в душе

человека. Гимны Уду, которые удалось расшифровать, полны прекрасных образов. Возьмем, к примеру, следующие:-

"О Солнце, [AE] я зывал к тебе на светлых небесах. В тени кедра ты" (т.е. это ты заставляешь кедр отбрасывать свою тень, священную и благоприятную, как и само дерево). "Ноги твои на вершинах -.... Страны желали Тебя, они жаждали Твоего прихода, о Господь! Твой лучезарный свет озаряет все страны..... Ты заставляешь ложь исчезнуть, Ты уничтожаешь вредное влияние предзнаменований, знамений, заклинаний, снов и злых явлений; Ты обращаешь злые козни в счастливое русло....".

Это и правда, и прекрасно сказано. Ибо какой самый заядлый верующий в призраки и явления хоть раз не боялся их при дневном свете? А последний штрих свидетельствует о большом нравственном чувстве и наблюдении за таинственными действиями благодетельной силы, которая часто не просто побеждает зло, но даже обращает его в добро. Великолепная поэзия содержится в следующем фрагменте, описывающем великолепие восхода солнца: - "O Sun!

"О Солнце! Ты вышло из-за небес, ты отодвинуло засовы блестящих небес, - да, небесные врата. О Солнце! Над землей ты подняло голову! О Солнце! Ты покрыло неизмеримое пространство небес и стран!"

В другом гимне описывается, как при появлении Солнца в блестящих порталах небес и во время его продвижения к их вершине все великие боги обращаются к его свету, все добрые духи неба и земли взирают на его лицо, окружают его с радостью и благоговением и сопровождают его в торжественном шествии. Нужно только переложить все эти фрагменты в изящный стих, чтобы из них получилась поэма, которая будет считаться прекрасной даже в наши дни, когда мы с самого детства учимся отличать хорошую поэзию от плохой, вырастая, как и мы, на лучших произведениях всех веков и всех стран.

22. Когда солнце исчезло на западе, стремительно погружаясь в самую гущу тьмы, шумиро-аккадцы не сочли его ни спящим, ни бездействующим, а, напротив, продолжающим заниматься своим вечным делом. Под именем Нин-дар он путешествует по мрачным регионам, управляемым Мул-ге, и, поскольку его сущность - *свет*, он сражается с силами тьмы в их собственном доме, пока не выходит из него утром победоносным героем. Нин-дар также является хранителем скрытых сокровищ земли - металлов и драгоценных камней, потому что, по гениальному замечанию г-на Ленорманта, "они, как и он, только и ждут момента появления из земли, чтобы излучать яркое сияние". Это сияние драгоценных камней, похожее на концентрацию света в чистом виде, вероятно, было причиной их широкого использования в качестве талисманов, так же как их твердость и долговечность.

23. Но пока Солнце совершает свое ночное подземное путешествие, люди оставались бы жертвой смертельных ужасов в верхнем мире, лишенные света, их главной защиты от злого отродья тьмы, если бы не его заместитель, Огонь, который по своей природе также является существом света и, как таковой, другом людей, чьи пути и жилища он отпугивает не только диких зверей и врагов, вооруженных открытым насилием, но и гораздо более опасные сонмы невидимых врагов, как демонов, так и заклинаний, наложенных злыми колдунами. Именно в этом качестве защитника в основном вызывают бога Гибилу (Огонь). В одном очень полном гимне к нему обращаются следующим образом

"Ты, отгоняющий злых Маскимов, способствующий благополучию жизни, поражающий ужасом грудь нечестивцев, - Огонь, уничтожитель врагов, страшное оружие, отгоняющее мор".

Последний атрибут свидетельствует о том, что Шумиро-Аккады обратили внимание на гигиенические свойства огня, который действительно помогает рассеивать миазмы благодаря сильной вентиляции, которую создает большое пламя. Так, в сравнительно позднюю эпоху, около 400 лет до н.э., в греческом городе Афины разразилась страшная чума, и Гиппократ, врач великого гения и славы, которого называют "отцом медицины", пытался уменьшить заразу, поддерживая огромные костры, постоянно пылающие в разных точках города. Именно эта верная идея заставила людей обращаться к Гибилу как к тому, кто очищает дела человека. Его также часто называют "защитником жилища, семьи", восхваляют за то, что он "создал свет в доме тьмы" и принес мир всему творению. Помимо этих претензий на признательность, Гибил имел особое значение в жизни народа, отданного металлургии, главным агентом которой является огонь: "Это ты", - говорится в одном из гимнов, - "смешиваешь олово и медь, это ты очищаешь серебро и золото". При смешивании олова и меди получается бронза, первый металл, из которого стали делать оружие и инструменты, в большинстве случаев задолго до железа, которое гораздо труднее обрабатывать, а поскольку качество металла зависит от правильного смешивания двух ингредиентов, вполне естественно, что для этой операции специально призывалась помощь бога Огня. Но огонь - это не только великая сила на земле, он также, в виде молнии, является одной из самых страшных и таинственных сил неба, и поэтому его иногда называют сыном Ана (Неба), или, более окольным путем, "Герой, сын Океана" - имеется в виду небесный Океан, великоеместилище дождей, из которого, кажется, вырывается молния, когда она вспыхивает сквозь сильные ливни южной грозы. В каком бы облике он ни появлялся и какие бы функции ни выполнял, Гибил приветствуют как неизменно благодетельное и дружелюбное существо.

24. Когда чувство беспомощности, навязанное человеку его положением среди природы, принимает форму благоговения и зависимости от существ, которых он считает по сути добрыми, непосредственным следствием этого становятся гораздо более благородная религия и гораздо более высокий нравственный тон. Эта концепция абсолютной доброты возникла из наблюдения, что некоторые существа или духи, такие как солнце, огонь, гроза, хотя и обладают способностью приносить как пользу, так и вред, используют ее почти исключительно на благо людей. Если эти добрые существа время от времени насылают на людей катастрофу или бедствие, - если Солнце палит поля или Гроза захлестывает их, если благотворный Северный ветер сметает хижину и ломает деревья, - то это должно быть в гневе, в знак недовольства, в наказание. Чем же человек мог вызвать недовольство добрых и благодетельных существ? Очевидно, тем, что не уподобляется им, творит не добро, а зло. А что такое зло? То, что противоречит природе добрых духов: причинение зла и вреда людям, совершение грехов и нечестивых поступков. Поэтому, чтобы не вызвать гнев этих добрых, но могущественных духов, столь страшных в своих проявлениях, необходимо стараться угодить им, а это можно сделать, только уподобившись им, - быть добрым или, по крайней мере, стремиться быть таковым, а когда искушение, невежество, страсть или слабость воли склоняют человека к проступку, признаться в нем, выразить сожаление о содеянном и намерение больше не преступать, чтобы получить прощение и быть избавленным. Таким образом, праведная жизнь, молитва и покаяние являются верными средствами для получения божественной благосклонности или милости. Очевидно, что религия, из которой естественным образом вытекают такие уроки, является большим улучшением по сравнению с верой в существ, которые без разбора делают добро или зло, более того, предпочитают

делать зло, верой, которая не может научить различию между моральным добром и злом, рациональному распределению наград и наказаний, а следовательно, привить чувство долга и ответственности, без которых добро в принципе невозможно, а надежное состояние общества недостижимо.

25. Эта более высокая и, следовательно, более поздняя стадия нравственного и религиозного развития очень ощутима в третьей книге "Волшебного сборника". С осознанием абсолютного добра пробуждается совесть, которая говорит с такой настойчивостью и властью, что Шумиро-Аккад в простоте своего ума искренне воображает, что это голос личного и отдельного божества, духа-хранителя, принадлежащего каждому человеку, живущего в нем и живущего его жизнью. Это бог - иногда даже божественная пара, оба "бог и богиня, чистые духи", - который защищает его с самого рождения, но не защищен от чар колдунов и нападений демонов, и даже может быть вынужден творить зло в человеке, отданном под его опеку, и часто называется поэтому "сыном своего бога", как мы видели выше, в заклинании против болезни головы. Колдовство или экзорцизм, изгоняющий демона, конечно же, возвращает духа-хранителя к его собственной благотворной природе, а пациента - не только к телесному благополучию, но и к душевному спокойствию. Именно этого хочется, когда молитва об исцелении больного или одержимого заканчивается словами: "Да будет он снова отдан в милостивые руки своего Бога!". Поэтому, когда человек представляется говорящим со "своим богом" и исповедующим ему свои грехи и беды, это лишь способ выразить то молчаливое самообщение души, в котором она анализирует свои недостатки, принимает благие решения и молится об освобождении от невыносимого бремени греха. В сборнике есть несколько прекраснейших молитв такого рода. Их называют "Покаянными псалмами", поскольку они поразительно похожи на некоторые из тех псалмов, в которых царь Давид исповедует свои беззакония и смиряется перед Господом. Сходство распространяется как на дух, так и на форму, почти на слова. Если поэт постарше в своих духовных поисках обращается к "своему богу и богине", к высшему, лучшему "я", которое он ощущает в себе и считает божественным - к своей Совести, вместо Единого Бога и Господа, его чувство не менее искренне, его обращение не менее чисто и доверительно. Он признается в своем проступке, но призывает к невежеству и просит о милости. Вот несколько основных стихов, из которых каждый повторяется дважды, один раз обращаясь к "богу моему", а второй раз - к "богине моей". Псалом называется: "Жалобы кающегося сердца. Всего шестьдесят пять стихов".

26. "Господь мой, да утихнет гнев сердца его! Пусть глупец достигнет понимания! Бог, который знает неизвестное, да будет примирен! Богиня, которая знает неизвестное, да будет примиренной! - Я ем пищу гнева и пью воды мучений..... О мой бог, мои проступки очень велики, очень велики мои грехи.... Я преступаю и не знаю этого. Я грешу, и не знаю этого. Я питаюсь проступками, и не знаю этого. Я блуждаю по ложным путям, и не знаю этого.- Господь, в гневе сердца Своего, поверг меня в смятение..... Я лежу на земле, и никто не протягивает ко мне руки. Я молчу и плачу, и никто не берет меня за руку. Я кричу, и никто не слышит меня. Я измучен, угнетен, и никто не освобождает меня..... Мой бог, познавший неведомое, будь милостив!... Богиня моя, ведающая неведомое, будь милосердна!... Доколе, о мой бог?... Доколе, о моя богиня?... Господи, ты не отвергнешь раба твоего. Среди бурных вод приди мне на помощь, возьми меня за руку! Я совершаю грехи - обрати их в блаженство! Я совершаю проступки - пусть ветер унесет их! Моих хулений очень много - разорви их, как одежду!... Бог, знающий неведомое, [AF] грехов моих семь раз по семь, - прости грехи мои!..."

27. Религиозное чувство, однажды пробужденное до такой степени, не удивляется тому, что в некоторых заклинаниях беда или болезнь, которые раньше воспринимались как

беспричинное посещение, начинают рассматриваться в свете божественной кары, даже если страдальцем является сам король. Это хорошо видно из заключительного отрывка гимна Солнцу, в котором именно заклинатель говорит от имени больного, преподнося подношение: - "О Солнце, не оставь меня в покое.

"О Солнце, не оставь без внимания мои воздетые руки! - Съешь его пищу, не отказываясь от его жертвы, верни ему его бога, чтобы он был опорой для его руки! - Пусть его грех, по твоему приказу, будет прощен ему, его проступок будет забыт! - Пусть его беда покинет его! Да оправится он от болезни своей! - Даруй королю новые жизненные силы.... Сопровождай короля, который лежит у ног твоих! И меня, фокусника, твоего почтительного слугу!"

28. Есть еще один гимн того же рода, не менее замечательный по художественному и регулярному построению, чем по красоте чувства и дикции. Кающийся произносит пять двойных строк, а священник добавляет еще две, как бы одобряя молитву и подкрепляя ее весом своей собственной святости. Это дает очень регулярные строфы, из которых, к сожалению, хорошо сохранились только две:...

Кающийся: "Я, раб Твой, полный воздыханий, взываю к Тебе. Кто опечален грехом, его горячую мольбу Ты принимаешь. Если ты смотришь на человека с жалостью, он жив. Владычица всех, повелительница человечества! Милосердный, к кому хорошо обращаться, кто принимает воздыхания!" *Жрец:* "Пока его бог и его богиня гневаются на него, он взывает к тебе. Обрати на него свой лик, возьми его за руку".

Кающийся: "Кроме тебя, нет божества, которое могло бы вести в праведности. Призри на меня, прими мои воздыхания. Скажи: долго ли еще? И пусть сердце твое успокоится. Когда же, Владычица, отвратится от меня лик Твой? Я стону, как голубь, и питаюсь вздохами".
Священник: "Сердце его полно скорбей и бед, полно воздыханий. Слезы он проливает и раздражается причитаниями." [AG]

29. Таков неполный очерк этой странной и примитивной религии, религии народа, о существовании которого не подозревали еще двадцать пять лет назад, но который, наряду с египтянами и китайцами, претендует на звание одного из древнейших на земле и, по всей вероятности, был старше их обоих. Это открытие - одно из самых важных завоеваний современной науки, и не только потому, что оно само по себе очень интересно, но и потому, что оно проливает свет на бесчисленные доселе неясные моменты в истории древнего мира, а также на многие любопытные факты, дошедшие до наших дней. Так, многочисленные туранские племена, существующие в полностью или наполовину кочевом состоянии на огромных равнинах Восточной и Юго-Восточной России, в лесах и пустошах Сибири, в степях и нагорьях Центральной Азии, не имеют сейчас иной религии, кроме религии старых Шумиро-Аккадов, в ее самой ранней и материальной форме. Для них все является духом или имеет свой собственный дух; у них нет ни культа, ни морального учения, а только колдовство, колдуны, а не жрецы. Эти люди называются *шаманами* и имеют большое влияние среди племен. Более развитые и культурные туранцы, подобно монголам и мандхузам, отдают предпочтение одному великому духу перед всеми остальными и называют этот дух, который они считают абсолютно добрым, милосердным и справедливым, "Небом", подобно тому как шумиро-аккады взывали к "Ане". Это была и остается древнейшей национальной религией китайцев. Они говорят "Небо" там, где мы сказали бы "Бог", и с той же идеей любовного обожания и благоговейного страха, что не мешает им вызывать дух каждого холма, реки, ветра или леса, причисляя к этому сонму и души усопших. Это явно соответствует второй и более высокой стадии аккадской религии и знаменует собой крайний предел, которого

Желтая раса смогла достичь в духовной жизни. Правда, большая часть китайцев сейчас исповедует другую религию; они буддисты; в то время как турки и подавляющее большинство татар, монголов и мандхузов, не говоря уже о других менее значимых группах, являются мусульманами. Но и буддизм, и магометанство - это чужие религии, которые они заимствовали, переняли, а не выработали сами. Здесь мы также сталкиваемся с тем роковым законом ограничения, который во все века, кажется, говорил людям с желтой кожей и высокими скулами: "Так далеко ты пойдешь, и не дальше". Так было и в Халдее. Работа по цивилизации и духовному развитию, начатая народом Шумира и Аккада, вскоре была вырвана из их рук и продолжена новыми людьми с востока, потомками Ноя, которые "нашли равнину в земле Шинар и поселились на ней".

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ III.

Профессор Луис Дайер из Гарвардского университета попытался перевести на английский язык знаменитое заклинание Семи Маскимов. Результатом эксперимента стал перевод, наиболее верный *ful* по духу и основным чертам, если не всегда буквальный; и с его любезного разрешения мы предлагаем его нашим читателям.

ОЧАРОВАНИЕ.

I.

Семь их, их семь; В пещерах океана они обитают, Они одеты в небесные молнии, Об их росте глубокие воды могут рассказать; Семь их, их семь.

II.

Широк их путь и широк их ход, Где семена разрушения они сеют, Над вершинами холмов, где они ступают, Чтоб ровные дороги внизу замостить, - Широк их путь и широк их ход.

III.

Не мужчины они и не женщины, Ибо в ярости они сметают с лица земли, И не женились ни на одной жене, кроме ветра, И не рождали детей, кроме боли, - Не мужчины они и не женщины.

IV.

Страха нет в них, ни трепета; Ни мольбы они не слушают, ни молитвы, Ибо не знают ни сострадания, ни закона, И глухи к воплям отчаянья, - Страха нет в них, ни трепета.

V.

Прокляты они, прокляты они, Враги великого имени мудрого Ка; Вихрем все рассеяно на путях вспышки их пламени, - Прокляты они, прокляты они.

VI.

Дух Неба, о, помоги! Помоги, о, Дух Земли! Их семь, трижды сказано, что их семь; Для богов они - носители тронов, Но для людей они - сеятели бед, Авторы печалей и стонов. Их семь, трижды сказано, их семь. Дух Неба, о, помоги! Помоги, о, Дух Земли!

FOOTNOTES:

[AC] "La Magie et la Divination chez les Chaldéens", 1874-5. Немецкий перевод, 1878.

[AD] Alfred Maury, "La Magie et l'Astrologie dans l'Antiquité et au Moyen-âge." Introduction, p. 1.

[AE] "Уд" не является собственным именем, но является названием солнца на языке Шумира и Аккада, его можно перевести как "Солнце" с большой буквы.

[AF] Другой и более поздний переводчик переводит эту строку: "Бог, знающий, которого я не знал". Какой бы вариант ни был правильным, мысль прекрасна и глубока.

[AG] Этот гимн приводится Х. Циммерном в качестве текста к диссертации о языке и грамматике.

IV.

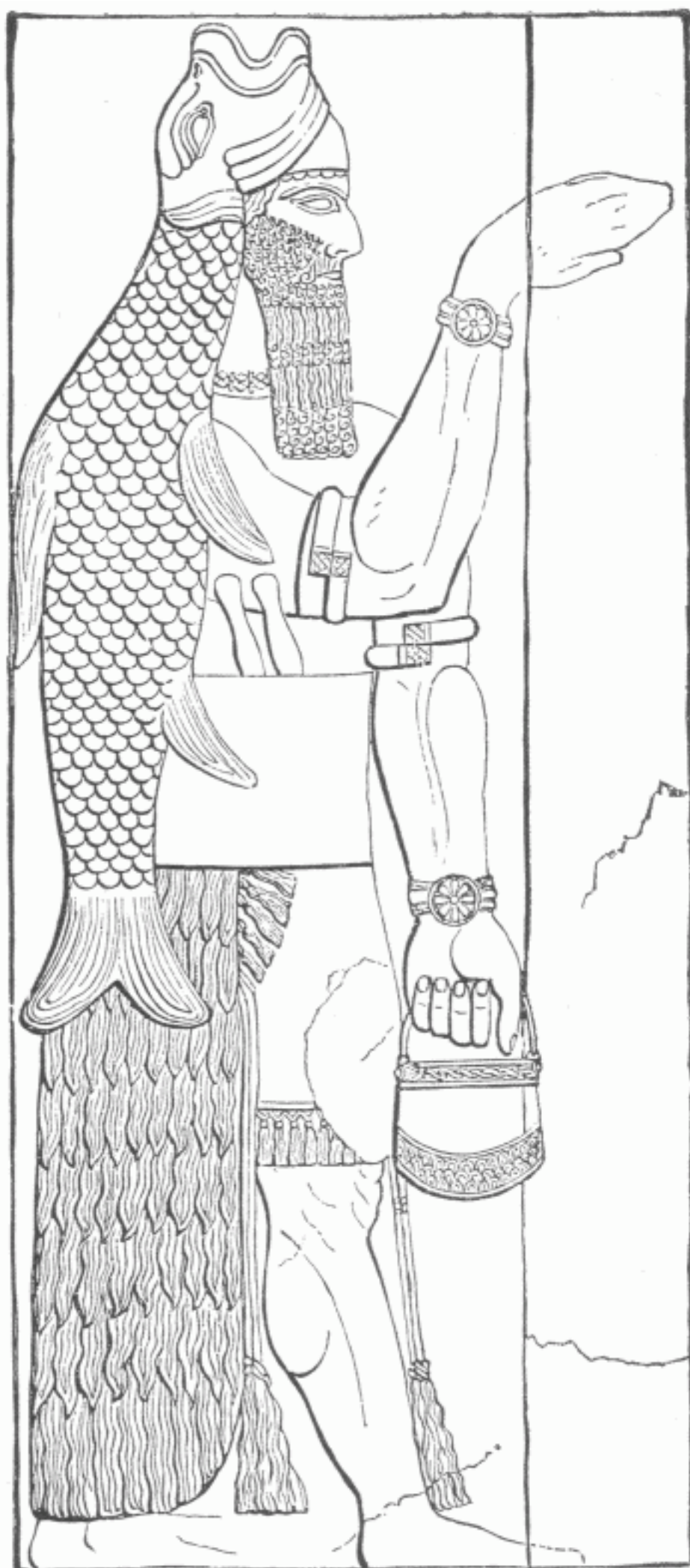
КУШИТЫ И СЕМИТЫ - РАННЯЯ ХАЛДЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ.

1. Мы только что убедились, что гимны и молитвы, составляющие третью часть великого "Магического сборника", действительно знаменуют собой более поздний и высокий этап в религиозных представлениях туранских поселенцев Халдеи, народа Шумира и Аккада. Это усовершенствование не было полностью обусловлено процессом естественного развития, но в значительной степени влиянием той другой и более благородной расы, которая пришла с Востока. Когда жреческий историк Вавилона Берос называет более древнее население "людьми чужой расы", это потому, что он сам принадлежал к той второй расе, которая осталась в стране, привнесла свою собственную превосходную культуру и утверждала свое превосходство до конца существования Вавилона. Национальные легенды сохранили память об этом важном событии, которое они представляют как прямое божественное откровение. Считалось, что Ка, сам мудрый, явился людям и научил их человеческим и божественным вещам. Беросус достоверно передает легенду, но, похоже, передает имя бога "Ка-Хан" ("Ка-рыба") под искаженной греческой формой Оаннес. Вот повествование, из которого мы уже знаем первую строку:

"Изначально в Вавилоне было множество людей иноземного происхождения, которые колонизировали Халдею, и жили они без порядка, как животные. Но в первый год" (имеется в виду первый год нового порядка вещей, новой диспенсации) "появилось из Эритрейского моря (древнегреческое название Персидского залива), где оно граничит с Вавилонией, животное, наделенное разумом, которое называлось Оаннес. Все тело животного было похоже на рыбе, но под головой у него была другая голова, а внизу, из рыбьего хвоста, росли ноги, похожие на человеческие, а также человеческая речь, и его облик сохранился до сих пор. Это существо проводило целый день среди людей, не принимая никакой пищи, и давало им представление о письме, науках и всякого рода искусствах; учило их основывать города, строить храмы, вводить законы и измерять землю; показывало им, как сеять семена и

собирать урожай; словом, наставляло их во всем, что смягчает нравы и составляет цивилизацию, так что с тех пор никто не изобрел ничего нового. Затем, когда заходило солнце, этот чудовищный Оаннес погружался обратно в море и проводил ночь среди безбрежных волн, ибо он был земноводным".

2. Вопрос "*Кто* был основателем этой развитой цивилизации?" вызвал множество разногласий среди самых выдающихся ученых. Предлагаются два решения. Оба они основаны на многих и серьезных основаниях и подкреплены известными именами, а вопрос еще далек от разрешения, поэтому будет справедливо изложить их оба. Два величайших немецких ассириолога, профессора Эберхард Шрадер и Фридрих Делицш, и немецкая школа, признающая их лидерами, считают, что носителями новой и более совершенной цивилизации были семиты - потомки Шема, то есть..., В то время как покойный Франсуа Ленорман и его последователи утверждают, что в первую очередь они были кушитами, то есть принадлежали к той важной семье народов, которую мы находим в главе X Бытия под именем Куша, сына Хама, и что семитская иммиграция была второй. Поскольку последняя гипотеза выдвигает, помимо прочих аргументов, авторитет библейских историков и, кроме того, затрагивает судьбы очень многочисленной и чрезвычайно важной ветви древнего человечества, мы уступим ей право первенства.

"Chaldean Genesis".)

3. Имя "Хам" означает "коричневый, темный" (не "черный"). Поэтому говорить о некоторых народах как о "сыновьях Хама" - значит утверждать, что они принадлежали к "темной расе". Однако изначально эта большая часть потомства Ноя была такой же белой, как и две другие. По-видимому, она впервые возникла как отдельная раса в регионе, не очень удаленном от высокогорных столовых земель Центральной Азии, вероятной первой колыбели человечества. То разделение этой большой части, которая снова отделилась и стала расой Куша, похоже, было направлено на юг по причинам, которые, конечно, невозможно установить. Легче предположить, что они должны были двигаться вдоль Гиндукуша, [АН] горной цепи, которая должна была стать для них барьером на западе, и которая соединяется с западным концом Хималаи, самой могучей горной цепи в мире. Разрыв между Гиндукушем и Хималаей образует горный проход, как раз в том месте, где река Инд (скорее всего, Пишон из Бытия, гл. II) круто поворачивает на юг, чтобы оросить богатые равнины Индии. Через этот проход и следуя по течению реки, кушитские отряды должны были проникнуть на этот обширный и привлекательный полуостров, даже на юг его, где они нашли население, в основном принадлежащее к черной ветви человечества, которую так упорно игнорирует автор гл. X. Сотни лет, проведенные в тропическом климате, и браки с неграми-туземцами изменили не только цвет их кожи, но и форму их черт. Поэтому, когда кушитские племена с беспокойным миграционным духом, столь характерным для всех ранних эпох, начали прокладывать себе путь то на север, то на запад, вдоль берегов Индийского океана и Персидского залива, они были темнокожими и толстогубыми, с явной тенденцией к негритянскому типу, меньшей или большей в зависимости от степени смешения с низшей расой. То, что этот тип был им чужд, доказывается той легкостью, с которой их черты лица приобретали более благородные черты белых рас, где бы они ни оставались достаточно долго среди них, как это было в Халдее, в Аравии, в странах Ханаана, где многие из этих племен странствовали в разное время.

4. Некоторые кушитские отряды, достигшие Баб-эль-Мандебского пролива, переправились в Африку и, поселившись там среди варварских негритянских племен, образовали народ, который стал известен своим северным соседям, египтянам, евреям и всему древнему Востоку под своим собственным именем Куш, и чьи внешние характеристики со временем настолько приблизились к чисто негритянскому типу, что едва ли были узнаваемы от него. Это тот самый народ, который нам, современным людям, более известен под именем эфиопов, данным ему греками, а также под названием восточного подразделения той же расы. Сами египтяне были другой ветвью той же великой части человечества, представленной в родословии гл. X по имени Мизраим, второй сын Хама. Они должны были прийти с востока вдоль Персидского залива, затем через Северную Аравию и Суэцкий перешеек. В цвете кожи и чертах лица египтян также заметно смешение с черными расами, но не настолько, чтобы уничтожить красоту и выразительность первоначального типа, во всяком случае, гораздо меньше, чем у их южных соседей, эфиопов, с которыми, к тому же, они были в самых худших отношениях, которых они ненавидели и неизменно обозначали именем "мерзкий Куш".

5. Третья и очень важная ветвь хамитского рода, ханаанеи, достигнув Персидского залива и, вероятно, прожив там некоторое время, распространилась не на юг, а на запад, по равнинам Сирии, через горную цепь Ливана и до самого края Средиземного моря, заняв всю землю, которая позже стала Палестиной, а также на северо-запад, вплоть до горной цепи Тавра. Эта группа была очень многочисленной и разбилась на множество народов, как мы можем судить по списку народов, названных в гл. X (ст. 15-18) "сынами Ханаана". В своих миграциях

по этому сравнительно северному региону Ханаан встретил и вытеснил не чернокожих туземцев, а туранские кочевые племена, которые свободно кочевали по травянистым пустыням и песчаным пустошам и, возможно, считаются представителями той части расы, которую библейский историк воплотил в пастушеских именах Иавал и Иувал - (Быт. iv, 20-22) - "отец тех, кто живет в шатрах и имеет скот" и "отец всех тех, кто играет на арфе и дудке". В таком случае туранские поселенцы и строители городов отвечали бы Тубалкаину, кузнецу и ремесленнику. Таким образом, ханаанеи - это те из хамитов, кто по цвету кожи и чертам лица меньше всего отличался от родственной им белой расы, хотя и был достаточно бронзовым, чтобы носить имя "сынов Хама", то есть "принадлежащих к темнокожей расе".

6. Мигрирующие расы не пересекают континенты с такой же быстротой, как марширующие армии. Продвижение медленное, станций много. Каждая станция становится поселением, иногда началом новой нации - так много ориентиров на пути. И расстояние между начальной точкой и самой дальней точкой, достигнутой гонкой, измеряется не только тысячами миль, но и сотнями и сотнями лет; только пространство можно реально измерить, а время можно вычислить лишь предположительно. Маршрут с юга Индии, вдоль берега Малабара, Персидского залива, через аравийские пустыни, затем вниз по Красному морю и через проливы в Африку, имеет такую огромную протяженность, что поселения, которые кушитская раса оставила разбросанными вдоль него, должны были быть более чем обычно многочисленными. Согласно сторонникам кушитской колонизации Халдеи, один важный отряд, по-видимому, завладел небольшими островами вдоль восточного берега Персидского залива и оставался там в течение нескольких столетий, вероятно, выбрав эти островные жилища из-за их уединенности и безопасности от вторжения. Там, вдали от посторонних глаз, они могли развивать дух абстрактного умозрения, к которому их склоняла природа. Они были прекрасными звездочетами и калькуляторами - два вкуса, которые хорошо сочетаются, ведь астрономия не может существовать без математики. Но наблюдение за звездами также способствует мечтательности, а у жителей Кушитских островов было время для мечтаний. Мысли о небесных вещах занимали их очень сильно; они разработали религию, прекрасную во многих отношениях и полную глубокого смысла; их жрецы жили в общинах или колледжах, вероятно, по одному на каждом острове, и проводили время не только в научных исследованиях и религиозном созерцании, но и в более практическом искусстве управления, поскольку среди них, похоже, еще не было царей.

7. Но наступило время, когда маленькие острова оказались переполнены увеличившимся населением, и отряды стали пересекать воду и высаживаться в самой дальней точке Залива, в стране великих рек. Здесь они обнаружили народ, не искушенный в нескольких примитивных искусствах и обладающий некоторыми важными фундаментальными изобретениями - письменностью, ирригацией с помощью каналов, - но прискорбно отсталый в духовном развитии и совершенно варварский в присутствии совершенно более высокой культуры. Кушиты быстро распространились по землям Шумира и Аккада, обучая людей, с которыми они потом, как обычно, смешивались, пока оба не образовали один народ с той разницей, что на севере Халдеи кушитский элемент стал преобладающим, а на юге численность осталась на стороне туранцев. Был ли этот результат достигнут полностью мирным путем или ему предшествовал период сопротивления и борьбы, мы не имеем возможности установить. Если такой период и был, то он не мог длиться долго, так как интеллект был на стороне новоприбывших, а это сила, которая вскоре побеждает. В любом случае, окончательное слияние должно было быть полным и дружественным, поскольку старая национальная легенда, о которой сообщает Берос, ловко сочетает оба элемента, приписывая роль учителя и открывателя любимому божеству Шумиро-Аккада - Ка, и не

исключено, что она намекает на приход кушитов, заставляя амфибию Оаннес подняться из Персидского залива, "где он граничит с Халдеей". Далее в легенде говорится, что Оаннес записал свои откровения в книгах, которые передал на хранение людям, и что еще несколько божественных животных того же вида продолжали появляться через большие промежутки времени. Кто знает, может быть, последняя странная деталь была призвана фантастическим образом намекнуть на появление последовательных кушитских колоний? С течением времени, конечно, весь этот смысл был бы забыт, и легенда осталась бы как чудесное и необъяснимое происшествие.

8. Напрасно пытаться установить какие-либо даты событий, происходивших в столь отдаленной древности, в отсутствие каких-либо свидетельств или документов, за которые можно было бы ухватиться. Тем не менее, путем тщательного изучения фактов, кропотливого и изобретательного сопоставления более поздних текстов, каждого клочка свидетельств, предоставленных памятниками, информации, содержащейся во фрагментах Бероза и других писателей, в основном греческих, удалось, с должной осторожностью, прийти к некоторым приблизительным датам, которые, в конце концов, являются всем, что необходимо для классификации вещей в порядке, понятном и правильном в основном. Даже если дальнейшие открытия и исследования приведут к более точным результатам, выигрыш будет сравнительно небольшим. На таком расстоянии различия в пару столетий не имеют большого значения. Когда мы смотрим на длинную линию домов или деревьев, более отдаленные из них кажутся бегущими друг за другом, и мы не всегда видим, где она заканчивается, но прекрасно можем проследить ее направление. То же самое и с так называемыми двойными звездами в астрономии: это звезды, которые, хотя на самом деле их разделяют тысячи миль, кажутся одним целым из-за огромного расстояния между ними и нашим глазом, и только самые сильные линзы телескопа показывают, что они являются отдельными телами, хотя и близко друг к другу. Однако этого достаточно, чтобы они заняли свое место на карте небес настолько правильно, что не мешают расчетам, в которые их включают. Подобная перспектива применима и к истории далекой древности. По мере того как мрак, покрывавший ее так долго, медленно отступает перед светом научных исследований, мы начинаем различать очертания и ориентиры, сначала столь тусклые и колеблющиеся, что скорее вводят в заблуждение, чем наставляют; но вскоре глаз искателя, отточенный практикой, фиксирует их в достаточной степени, чтобы привести их в связь с более поздними и более полно освещенными частями вечно разворачивающейся картины. Случайность, которой так обязаны все первооткрыватели, часто дает такой ориентир, а время от времени настолько прочный и четкий, что он становится надежным центром для целой группы.

9. Летописи ассирийского царя Асшурбанипала (основателя великой библиотеки в Ниневии), несомненно, установили первую положительную дату, которая была зафиксирована для истории Халдеи. Этот царь долгое время воевал с соседним царством Элам, и в конце концов завоевал и разрушил его столицу Шушан (Сузы), унеся все богатства из царского дворца и все статуи из великого храма. Это произошло в 645 году до нашей эры. В надписях, в которых он описывает это событие, царь сообщает, что в этом храме он нашел статую халдейской богини Наны, которая была унесена из ее собственного храма в городе Урух (Эрех, ныне Варка) эламским царем по имени Худур-Нанхунди, который вторгся в землю Аккада за 1635 лет до этого, и что он, Асшурбанипал, по прямому повелению богини, взял ее из места, где она обитала в Эламе, "не предназначенного ей места", и восстановил ее в ее собственном святилище, "которое она облюбовала". 1635 год, прибавленный к 645, составляет 2280 год, дату, которую нельзя оспаривать. Если успешное вторжение эламитов в 2280 году нашло в Халдее знаменитые святилища для осквернения, то религия, к которой

принадлежали эти святилища, религия кушитских, или семитских колонистов, должна была утвердиться в стране уже несколько, если не много, веков назад. Действительно, недавние открытия показывают, что это было значительно более тысячи лет назад, так что мы не можем принять более позднюю дату, чем 4000 г. до н.э., для иностранной иммиграции. Шумиро-аккадская культура была тогда слишком прочно укоренена и слишком полно отработана - насколько это было возможно, - чтобы допустить менее 1000 лет для ее становления. Таким образом, мы получаем 5000 лет до н. э. - довольно приличная цифра, особенно если вспомнить о том, какой временной простор открывается за ней, и в чем расчеты нас совершенно не убеждают. Ведь если туранские поселенцы принесли зачатки этой культуры с высокогорий Элама, то как долго они прожили там, прежде чем спуститься на равнину? И сколько времени им потребовалось, чтобы добраться до этой станции по пути от горной родины расы на крайнем северо-востоке, в долинах Алтая?

10. Как бы то ни было, 5000 лет до н. э. - умеренная и вероятная дата. Но древние народы не довольствовались этим, когда пытались найти и классифицировать свои собственные истоки. Будучи неизбежно туманными и лишь смутно очерченными в традициях, которые становились все более причудливыми и теряли свою правдоподобность с каждым последующим поколением, принимавшим их и передававшим следующим, они любили возвеличивать их, окутывая тайной бесчисленных веков. Чем ужаснее фигуры, тем больше славы. Так, из некоторых фрагментов Бероса мы узнаем, что, согласно национальной халдейской традиции, между первым появлением Оаннеса и первым царем прошел интервал более 259 000 лет. Затем следуют десять последующих царей, каждый из которых правит не менее экстравагантное количество лет (один 36 000, другой 43 000, даже 64 000; 10 800 - самая скромная цифра), пока совокупность всех этих различных периодов не составляет в сумме 691 200 лет, которые, как предполагается, прошли от первого появления Оаннеса до потопа. Представить себе такое огромное количество лет или соотнести его с чем-то реальным настолько невозможно, что мы с таким же успехом можем заменить эту цифру более простым "очень-очень давно" или, еще лучше, одобренным сказочным началом "Жили-были...". Оно передает столь же определенное представление, и в таком случае было бы более уместным, что все самые чудесные традиции, самые сказочные легенды народа естественным образом помещаются в те потрясающе далекие века, до которых не могут добраться никакие записи, никакой опыт. И хотя в этих преданиях и легендах, как правило, присутствовала определенная доля истины и смутно припоминаемых фактов, которые могли оставаться очевидными для немногих ученых и культурных людей, невежественные народные массы проглатывали их целиком, как реальную историю, и легко верили в то, что признавалось невозможным, по той простой причине, что "это было так давно!" Халдей времен Александра, конечно, не ожидал встретить божественного человека-рыбу во время прогулки по морскому берегу, но ведь неизвестно, что могло произойти семьсот тысяч лет назад, а что нет! В легенде о шести последовательных явлениях при первых десяти долгоживущих царях он не уловил бы того простого смысла, который так доходчиво изложил г-н Масперо, один из самых выдающихся французских востоковедов: "Времена, предшествовавшие потопу, представляли собой экспериментальный период, в течение которого человечество, будучи еще варварским, нуждалось в божественной помощи для преодоления трудностей, с которыми оно было окружено. Эти времена были наполнены шестью проявлениями божества, несомненно, соответствующими числу священных книг, в которых жрецы видели наиболее полное выражение открытого закона." [AI] Это представляет собой другое и более вероятное объяснение легенды, чем предложенное выше, (конец § 7); но фактических *доказательств* того, что одно из них верно, не больше, чем другое.

11. Если в последующие времена Халдея была ареной битвы народов, то вначале она была яслями и ульем народов. Различные расы в своих миграциях обязательно должны были быть привлечены и задержаны чрезмерным плодородием ее почвы, которая, как говорят, во времена ее наивысшего расцвета и при надлежащих условиях орошения, давала двухсоткратную отдачу за полученное зерно. Поселения должны были следовать за поселениями в быстрой последовательности. Но кочевой элемент еще долгое время оставался очень распространенным, и бок о бок со строителями городов и земледельцами пастушьи племена мирно бродили по лицу земли, терпимые и неослабные к постоянному населению, с которым они смешивались, но осторожно, время от времени временно оседая и переноса свои поселения, когда того требовала безопасность или выгода, - или вовсе уходя с общего места стоянки то на север, то на запад, то на юго-запад. Отсюда становится понятным, почему Халдея названа землей, где произошло смешение языков и второе разделение рас.

12. Из этих преимущественно кочевых племен большая часть принадлежала, подобно кушитам или ханаанеям, не потомкам Хама, "темного", а потомкам Шема, чье имя, означающее "слава, слава", делает его одноименным родоначальником той расы, которая всегда твердо верила в свою избранность Богом. Они были семитами. Когда они прибыли на равнины Халдеи, то уступали по уровню цивилизации тем людям, среди которых они поселились. Они ничего не знали о городских искусствах, и им предстояло всему научиться. И они научились, ибо высшая культура всегда заявляет о себе, вплоть до языка кушитских поселенцев, который последние быстро заменили грубым и бедным туранским идиомом Шумира и Аккада. Этот язык, вернее, различные его диалекты, был общим для большинства хамитских и семитских племен, среди которых то, от которого произошли евреи, довело его до наибольшего совершенства. Остальные переработали его в различные родственные диалекты - ассирийский, арамейский или сирийский, арабский - в соответствии со своими особенностями. Финикийцы на морском побережье и все ханаанейские народы также говорили на языках, принадлежащих к той же семье, и поэтому их относят к так называемым семитским языкам. Таким образом, получилось, что филология, или наука о языках, приняла неправильное название для всей этой группы, называя языки, принадлежащие к ней, "семитскими", в то время как на самом деле они изначально являются "хамитскими". Причина в том, что хамитское происхождение тех важных языков, которые в последние столетия называются семитскими, было обнаружено лишь недавно, и изменение названия сейчас привело бы к значительной путанице.

13. Большинство семитских племен, обитавших в Халдее, переняли не только кушитский язык, но и кушитскую культуру и религию. Асшур перенес все три эти культуры на север, где из нескольких вавилонских колоний возникло Ассирийское царство, и Арам - на запад, в земли, которые впоследствии были названы Южной Сирией, и где долгое время процветал и до сих пор существует великий город Дамаск. Но было одно племя, обладавшее более высокими духовными дарами, чем остальные. Оно было немногочисленным, так как на протяжении многих поколений состояло только из одной большой семьи, управляемой старшим вождем или патриархом. Правда, такая семья с детьми патриарха и детьми детей, с богатым поголовьем лошадей, верблюдов, отар овец, с множеством слуг и рабов, мужчин и женщин, представляла собой довольно солидную силу; Авраам мог собрать триста восемнадцать вооруженных и обученных слуг, которые родились в его собственном доме. Это конкретное племя, по-видимому, некоторое время скиталось по окраинам Халдеи и в самой земле, на что указывает имя, данное его эпониму в гл. X.: Арфаксад (правильнее Арфакшад), искаженное от Ареф-Касдим, что означает "граничащие с халдеями" или, возможно, "границы" - в смысле "земли" - халдеев. Поколение за поколением продвигалось

все дальше на запад, пересекло землю Шинар, переправилось через Евфрат и достигло города Ур, в котором племя прожило много лет или рядом с ним.

14. В то время Ур был величайшим городом Южной Халдеи. В нем жили самые ранние из известных царей Шумира, и, кроме того, это был главный торговый центр страны. Ибо, как ни странно это может показаться при взгляде на современную карту, Ур, руины которого сейчас находятся в 150 милях от моря, в то время был морским городом, с гаванью и корабельными доками. Воды Персидского залива простирались гораздо дальше вглубь страны, чем сейчас. Между устьями Тигра и Евфрата тогда было расстояние в много миль, а Ур лежал совсем недалеко от устья последней реки. Как и все торговые и приморские города, он был местом отдыха не только представителей различных рас, населявших саму землю, но и иностранных торговцев. Активная интеллектуальная жизнь столицы, которая в то же время была великим религиозным центром и резиденцией могущественного священства, неизбежно должна была способствовать обмену идеями и оказывать влияние на то семитское племя, о котором Библия рассказывает, что оно "вышло из Ура Халдейского в землю Ханаанскую" под предводительством патриарха Тераха и его сына Авраама (Бытие xi. 31). Историк Бытия здесь, как и на протяжении всего повествования, не называет никакой даты события, о котором он рассказывает, и не намекает на причину этого переселения. На первый из этих пунктов изучение халдейских клинописных памятников бросает значительный свет, в то время как последний не допускает ничего, кроме предположений, о которых речь пойдет ниже.

15. Таков общий и беглый набросок теории, согласно которой кушитские иммиграции предшествовали приходу семитов в земли Шумира и Аккада. Сторонники этой теории приводят несколько доводов в пользу своего мнения, например, что в Библии несколько раз упоминается Куш, расположенный на Востоке и явно отличающийся от Куша, который был идентифицирован как Эфиопия; что в гл. X. Бытия (8-12) Нимрод, легендарный герой, чья империя сначала находилась в "земле Шинар", и который, как говорят, "вышел из той земли в Ассирию", назван сыном Куша; что древнейшие греческие поэты знали об "эфиопах" на дальнем Востоке в отличие от тех, кто жил на юге, и многое другое. Те ученые, которые выступают против этой теории, отвергают ее с порога. Они не признают существования кушитского элемента или миграции на Востоке вообще, а выражения в Библии считают простыми ошибками писателей или переписчиков. По их мнению, на земле Шумира и Аккада была только одна иммиграция - иммиграция семитов, происходившая на протяжении многих веков и в несколько этапов. Язык, вытеснивший древний шумиро-аккадский идиом, является для них семитским в самом прямом и исключительном смысле; культура, привитая более раннему населению, называется ими чисто "семитской"; в то время как их оппоненты часто используют сложное обозначение "кушито-семитская", чтобы указать на два различных элемента, из которых, по их мнению, она состоит. Следует признать, что антикушитское мнение набирает силу. Однако кушитскую теорию нельзя считать отвергнутой, она лишь "не доказана" - или недостаточно доказана, а потому отложена и находится в некоторой опале. С этой оговоркой мы примем слово "семитский", как более простое и общеупотребительное.

16. Только с появлением семитской культуры в Южной Месопотамии мы вступаем в период, который, каким бы отдаленным, туманным и полным пробелов он ни был, все же может быть в какой-то мере назван "историческим", поскольку существует определенное количество фактов, о которых современные памятники дают положительные свидетельства. Правда, связь между этими фактами часто не очевидна; их причины и следствия часто не могут быть выяснены иначе, как с помощью более или менее смелых предположений; но все же есть многочисленные вехи доказанного факта, и с них начинается настоящая история. Неважно,

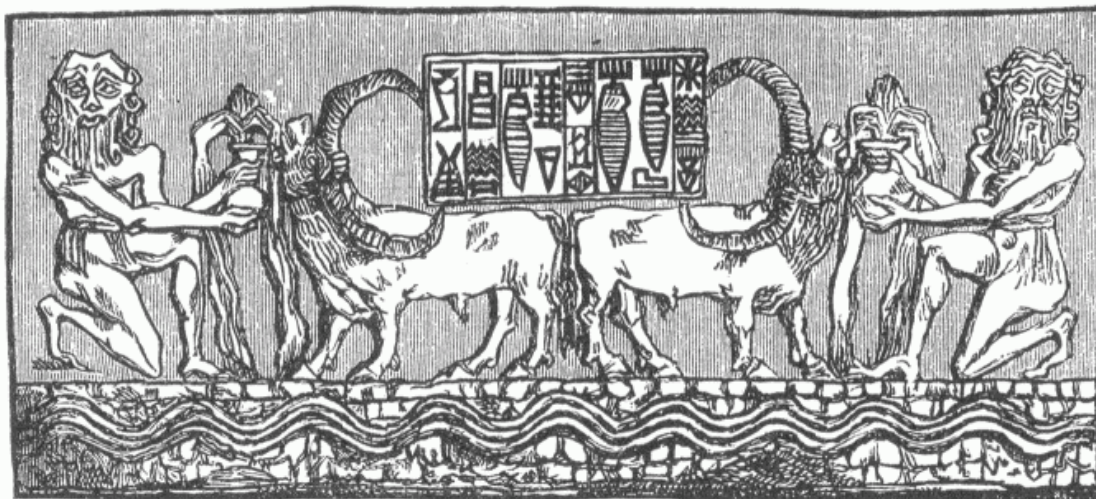
приходится ли оставлять широкие пробелы открытыми или временно заполнять их догадками. Почти ежедневно появляются новые открытия, надписи, тексты, которые неожиданно здесь дают недостающее звено, там подтверждают или разрушают догадки, устанавливают или исправляют даты, которые долгое время оставались загадками или предполагались на недостаточном основании. Короче говоря, подробности пока сообщаются скупно и скупно, но общий план состояния Халдеи можно составить уже за сорок веков до нашей эры.

17. В одном не может быть сомнений: самое раннее представление о политическом состоянии Халдеи показывает нам страну, разделенную на множество мелких государств, во главе каждого из которых стоит большой город, прославленный и могущественный благодаря святилищу или храму какого-либо божества, а правит им *патеси* - титул, который, как теперь считается, означает "жрец-царь", то есть жрец и царь в одном лице. Не приходится сомневаться в том, что начало городу положил храм с его коллегией жрецов-служителей, а окружающее его поселение постепенно формировалось из паломников и верующих. То, что царская власть развилась из священства, также более чем вероятно, и, следовательно, на первом этапе она должна была быть формой священнического правления и в значительной степени подчиняться священническому влиянию. Наступает время, когда титул *патеси* заменяется титулом просто "царь" - изменение, которое, вполне возможно, указывает на принятие царями более независимого отношения к классу, из которого первоначально исходила их власть. Примечательно, что различие между пришлыми семитскими племенами и коренными шумиро-аккадцами еще долго прослеживается в именах царских храмостроителей, даже после того, как новый семитский идиом, который мы называем ассирийским, полностью вытеснил старый язык - процесс, который должен был занять значительное время. Ведь, судя по всему, и в самом деле разумно, что новоприбывшие, чтобы заручиться желаемым влиянием и распространить свою культуру, сначала не только научились понимать, но и сами использовали язык народа, среди которого они пришли, по крайней мере, в своих публичных документах. Именно этим объясняется тот факт, что многие надписи и таблички, хотя и написаны на диалекте Шумира или Аккада, являются семитскими по духу и по уровню культуры, которую они выдают. Более того, даже поверхностное наблюдение показывает, что старый язык и старые имена дольше всего сохранились в Шумире, на юге. Из этого факта можно с большой долей вероятности сделать вывод, что север, земля Аккада, была раньше семитизирована, что семитские иммигранты основали свои первые штаб-квартиры в этой части страны, что их власть и влияние распространились затем на юг.

18. В полном соответствии с этими признаками, первой великой исторической фигурой, которая встречает нас на пороге халдейской истории, туманной от веков и сказочных преданий, но безошибочно реальной, является семит Шаррукин, царь Аккада - или Агаде, как стали называть великий северный город - более известный в истории под современным искаженным чтением Саргон, и называемый Саргоном I, "Первым", чтобы отличить его от другого монарха с тем же именем, который, как было установлено, царствовал много веков спустя. Что касается города Агаде, то это не что иное, как город Аккад, упомянутый в Бытие х., 10. Он был расположен недалеко от Евфрата на широком канале прямо напротив Сиппара, так что со временем эти два города стали считаться одним двойным городом, и евреи всегда называли его "два Сиппара" - Сефарваим, о котором часто говорится в Библии. Именно там установил свое правление Шаррукин, и впоследствии ему была воздвигнута статуя, надпись на которой, заставляя его говорить, как обычно, от первого лица, начинается с гордого заявления: "Шаррукин, могучий царь, царь Агадека, это я". И хотя его реформы и завоевания имели непреходящее значение, а сам он остался одним из любимых героев халдейской

традиции, он, похоже, был авантюристом и узурпатором. Возможно, именно по этой причине он был тем более дорог народному воображению, которое, в отсутствие положительных фактов о его рождении и происхождении, соткало вокруг них ореол романтики и рассказало о нем историю, которая, должно быть, почти так же стара, как и человечество, поскольку ее рассказывали снова и снова, в разных странах и эпохах, о великом множестве знаменитых царей и героев. Эта история Шаррукина - самая древняя из известных, и надпись на его статуе вкладывает ее в уста самого царя. В ней он говорит, что не знал своего отца, что мать, принцесса, родила его в укромном месте (или "недоступном месте"), недалеко от Евфрата, но что его семья была правителем страны. "Она положила меня в корзину из камыша, - рассказывает далее царь, - и закрыла битумом дверь моего ковчега. Она пустила меня по реке, и я не утонул. Река понесла меня; к Акки, водоносу, она меня принесла. Акки, водонос, в нежности своего сердца поднял меня. Акки, водонос, как собственное дитя, поднял меня на ноги. Акки, водонос, сделал меня своим садовником. И в садоводстве моем полюбила меня богиня Иштар....".

19. Каково бы ни было его происхождение и как бы он ни получил царскую власть, Саргон был великим монархом. Говорят, что он предпринял успешные экспедиции в Сирию и поход в Элам; что пленниками из покоренных рас он частично заселил свою новую столицу, Агадек, где построил дворец и великолепный храм; что однажды он отсутствовал три года, в течение которых он продвинулся до самых берегов Средиземного моря, которое он называет "морем заходящего солнца", и где он оставил памятные записи о своих деяниях, и вернулся домой с триумфом, принес с собой огромные трофеи. Надпись на сайте содержит лишь следующее весьма скромное упоминание о его военной карьере: "Сорок пять лет я правил королевством. И расой черноголовых (аккадцев) я управлял. На множестве бронзовых колесниц я проехал по пересеченной местности. Я управлял верхними странами. Трижды к берегам (Персидского) моря я продвигался...." [AJ]

58.- ЦИЛИНДР

САРГОНА, ОТ AGADÊ.

(Hommel, "Gesch. Babyloniens u. Assyriens.")

20. Этого Шаррукина не следует путать с другим царем того же имени, который также царствовал в Агаде, примерно 1800 лет спустя (около 2000 г. до н.э.), и при котором была завершена и обрела определенную форму обширная религиозная реформа, которая медленно развивалась с тех пор, как семитские и аккадские элементы начали смешиваться в вопросах духовного умозрения и поклонения. О том, каким был результат этого слияния,

пойдет речь в следующей главе. Здесь же достаточно сказать, что религия Халдеи в той форме, которую она приняла при втором Шаррукине, осталась навсегда, и когда говорят о вавилонской религии, подразумевают именно то, что понимают под этим именем. Великий богословский труд потребовал не менее великой литературной работы. Нужно было собрать и привести в порядок заклинания и магические формы первого, чисто туранского, периода, а также гимны и молитвы второго периода, созданные под влиянием более высокого и духовного религиозного чувства. Но вся эта литература была на языке старшего населения, в то время как правящий класс - царские дома и священство - становились почти исключительно семитскими. Поэтому было необходимо, чтобы они изучили старый язык и овладели им настолько основательно, чтобы не только понимать и читать, но и уметь пользоваться им в устной и письменной речи. Для этого Саргон не только приказал переписать древние тексты, собранные и отсортированные, на глиняные таблички с переводом - либо между строк, либо на противоположные колонки - на современный семитский язык, который мы с тем же успехом можем называть привычным именем - ассирийский, но и дал указания по составлению грамматик и словарей - тех самых трудов, которые позволили ученым наших дней прийти к пониманию этого невероятно древнего языка, который без такой помощи должен был навсегда остаться запечатанной книгой.

21. Таково происхождение великого собрания в трех книгах и двухстах табличках, содержание которого стало темой предыдущей главы. К этому следует добавить еще один большой труд на семидесяти табличках на ассирийском языке, посвященный астрологии, то есть предполагаемому влиянию небесных тел, в соответствии с их положениями и соединениями, на судьбы народов и отдельных людей и на ход событий на земле в целом - влиянию, в которое твердо верили; и, вероятно, еще третий труд, посвященный знаменам, прорицаниям и гаданиям. Чтобы осуществить эти обширные литературные труды и достойно и безопасно хранить их результаты, Саргон II основал или значительно расширил библиотеку жреческого колледжа в Урухе (Эрех), так что этот город стал называться "городом книг". Это хранилище стало самым важным во всей Халдее, и когда четырнадцать веков спустя ассириец Ассурбанипал разослал своих писцов по всей стране, чтобы собрать копии древних, священных и научных текстов для своей царской библиотеки в Ниневии, именно в Эрехе они собрали самый обильный урожай, будучи особо благосклонны к жрецам, которые были в прекрасных отношениях с царем после того, как он привез из Шушана и вернул им статую их богини Наны. Таким образом, Агадек стал штаб-квартирой семитского влияния и реформ, которые распространились затем на юг, образуя противоток культуре Шумира, которая неуклонно продвигалась от Персидского залива на север.

22. Вполне возможно, что в коллекцию Саргона могла входить и литература более легкого характера, чем эти громоздкие труды по магии и астрологии. По крайней мере, найдено сочинение по сельскому хозяйству, которое, как полагают, было составлено для библиотеки того же царя [АК] и содержит фрагменты народной поэзии (афоризмы, загадки, короткие крестьянские песни) того типа, который сейчас называют "фольклором". Правильность этого предположения пока не имеет абсолютных доказательств, но поскольку некоторые из этих фрагментов, которых, к сожалению, удалось восстановить совсем немного, очень интересны и красивы в своем роде, это, пожалуй, лучшее место для их размещения. Следующие четыре изречения можно назвать "Максимами", и первое из них отличается особой остротой и силой выражения.

1. Как печь старая

Против врагов твоих будь тверд и силен.

2. Пусть он отомстит,
Пусть оно вернется к нему,
кто спровоцировал.
3. Если зло творишь ты,
В вечное море
- Ты непременно уйдешь.
4. Ты пошел, ты разорил
Землю врага,
Ибо враг пришел и испортил
землю твою, даже твою.

23. Следует заметить, что только № 3 выражает нравственное чувство высокого уровня и имеет ярко выраженный семитский дух, тот же самый дух, который выражен в более возвышенной и чисто религиозной форме, а также в более поэтическом виде в одном из "Покаянных псалмов", где говорится

5. Кто не боится своего бога, тот будет отсечен, как тростник.
6. Кто не чтит богиню - его телесная сила иссякнет;
7. Как звезда небесная, свет его угаснет; как воды ночные, он исчезнет".

Некоторые фрагменты можно представить себе как пение крестьянина за работой своей пахотной бригаде, от лица которой он иногда выступает:

8. 5. Телка я, - к корове я привязан;
Ручка плуга крепка - подними ее, подними ее!
9. 6. Мои колени маршируют, мои ноги не отдыхают;
Не имея богатства своего - зерно ты производишь для меня. [\[AL\]](#)

24. Большой дополнительный интерес к старшему Саргону Агадскому в последнее время был вызван связанным с ним необычным открытием, которое произвело поразительный переворот в до сих пор принятой халдейской хронологии. Вопрос о датах всегда является наиболее запутанным и головоломным при работе с древними восточными народами, потому что они не датировали свои годы от какого-то конкретного события, как это делаем мы, и как это делали магометане, греки и римляне. В надписях говорится о том, что произошло в такой-то год правления такого-то царя. Куда поместить этого царя - следующий вопрос, на который невозможно ответить, если только, как это, к счастью, чаще всего и бывает, не дать какую-то подсказку, заимствуя юридический термин, с помощью косвенных доказательств. Так, если упоминается затмение, то время его наступления легко определить с помощью астрономии, которая может рассчитывать как вперед, так и назад. Или же упоминается событие или человек, принадлежащий к другой стране, и если они известны нам из других источников, это очень помогает. Такое совпадение (которое называется

синхронизмом) очень ценно, а даты, установленные с помощью синхронизмов, как правило, надежны. К счастью для нас, ассирийские и вавилонские цари позднего периода, чьи даты установлены и доказаны без сомнения, имели обыкновение в своих исторических надписях упоминать о событиях, произошедших до их времени, и указывать количество прошедших лет, а часто и царя, при котором произошло это событие, каким бы оно ни было. Это самая ценная подсказка из всех, поскольку она безошибочна и, кроме того, что устанавливает один момент, дает твердую опору, позволяющую прийти ко многим другим. Знаменитый меморандум Асшурбанипала, на который уже так часто ссылались, о переносе богини Наны (т.е. ее статуи) из ее храма в Эрехе - свидетельство такого рода. Любые даты, предложенные без каких-либо из этих подсказок в качестве основы, по необходимости не заслуживают доверия, и ни один настоящий ученый не мечтает предложить какую-либо такую дату, кроме как в качестве временного предположения, ожидающего подтверждения или отмены в результате последующих исследований. Так было и с Саргоном I Агадским. Не было никаких положительных указаний на время его жизни, кроме того, что он не мог жить позже 2000 года до н. э. Поэтому ученые согласились назначить ему эту дату, приблизительно - чуть больше или меньше - думая, что они не могут сильно ошибиться при этом. Поэтому большой переполох вызвало обнаружение цилиндра Набонида, последнего вавилонского царя (датируемого 550 г. до н.э.), в котором он рассказывает о ремонте, проведенном им в великом храме Солнца в Сиппаре, и заявляет, что глубоко копал в его фундаменте в поисках цилиндров основателя, описывая свой успех: "Шамаш (бог Солнца), великий владыка... позволил мне увидеть фундамент-цилиндр Нарам-сина, сына Шаррукина, который в течение трех тысяч и двухсот лет не видел ни один из царей, живших до меня". Простое сложение $3200 + 550$ дает 3750 год до н. э. как дату Нарам-Сина и 3800 год как дату его отца Саргона, что позволяет учесть долгое правление последнего! Перемещение сцены на 1800 лет в одном слайде казалось чем-то настолько поразительным, что было много колебаний в принятии доказательств, неопровержимых, как казалось, и возможность ошибки гравера была серьезно рассмотрена. Однако независимо друг от друга и в разных местах были найдены некоторые другие документы, подтверждающие слова на цилиндре Набонида, и невероятно древняя дата 3800 г. до н. э. теперь обычно считается датой Саргона Агадского - возможно, самой отдаленной *достоверной* датой, к которой еще не пришли в истории.

25. Когда мы осматриваем и пытаемся понять и классифицировать материалы, которыми мы располагаем для ранней "Истории Халдеи", кажется почти самонадеянным украшать столь неубедительную попытку столь амбициозным названием. Вехи так малочисленны и далеки друг от друга, так не связаны между собой, и в них так много неопределенности, особенно в их расположении. Опыт работы с Саргоном Агадским не способствует предположительной хронологии, но во многих случаях приходится довольствоваться тем, что есть, пока не появятся более удачные находки, которые помогут нам исправить положение. Каково, например, место Гудеа, *патеси* Сир-бурлы (также читается как Сир-гулла или Сиртилла, а в последнее время - как Зирлаба), чьи великолепные статуи г-н де Сарсек нашел в главном зале храма, на кирпичях которого стоит его печать? (См. с. 217.) Титул "*патеси*" (не "царь") указывает на большую древность, и, по общему мнению, он жил где-то между 4000 и 3000 гг. до н. э. То, что он был не семитом, а аккадским принцем, следует заключить не только из языка его надписей и письма, которое является самым архаичным - т. е. древним и старомодным - шрифтом, но и по тому факту, что голова, найденная вместе со статуями, поразительно туранская по форме и чертам, к тому же выбрита и покрыта тюрбаном по моде, которая до сих пор используется в Центральной Азии. В целом ее легко можно принять за голову современного монгола или татарина. [AM] Открытие этого строителя и покровителя искусства значительно затмило славу несколько более позднего правителя, Ур-Ка, царя Ура, [AN] который долгое время пользовался репутацией самого раннего известного

храмостроителя. В любом случае он остается первым могущественным монархом, о котором мы читаем в Южной Халдее, где Ур, по-видимому, был в какой-то степени столицей, по крайней мере, в той степени, в которой он имел определенное превосходство над другими большими городами Шумира.

26. В Шумире было много таких городов, еще более почтенных по возрасту и святости, чем аккадские. Ибо юг был родиной древней расы и древнейшей культуры, а затем и то и другое продвинулось на север. Поэтому старая раса была там выносливее, дольше сохраняла свой язык, религию и национальность и медленнее поддавалась семитскому встречному течению расы и культуры, которое, как естественное следствие, раньше и сильнее укрепилось на севере, а оттуда распространилось по всей Месопотамии. Там был Эриду, у моря "в устье рек", вечное святилище Ка; там был Сир-Гулла, так недавно неизвестный, а теперь самый многообещающий рудник для исследований; был Ларсам, прославленный славой своего "Дома Солнца" (*К-Баббара* на старом языке), соперник Ура, города Лунного Бога, чьи цари Ур-ка и его сын Дунги, похоже, первыми приняли амбициозный титул "Царей Шумира и Аккада" и "Царей Четырех Регионов". Что касается Вавилона, гордого Вавилона, который мы так долго привыкли считать самым началом государственной жизни и политического правления в Халдее, то он, возможно, еще не был построен вовсе или лишь скромно начинал свое существование под аккадским названием Тин-тир-ки ("Место жизни") или, несколько позже, Ка-Димирра ("Врата бога"), когда уже названные выше города и еще несколько имели каждый свой знаменитый храм со службой жрецов и, возможно, библиотекой, и каждый своего царя. Но политическая власть долгое время была сосредоточена в Уре. Первыми достоверно известными нам царями Ура являются Ур-Ка и его сын Дунги, которые оставили обильные следы своего существования в многочисленных храмах, построенных ими не только в Уре, но и в большинстве других городов. Их кирпичи были обнаружены в Ларсаме (Сенкерех) и, похоже, в Сир-бурле (Тель-Лох), в Нипуре (Ниффер) и в Урухе (Эрех, Варка), а поскольку два последних города принадлежали Аккаду, они, по-видимому, правили по крайней мере частью этой страны и, таким образом, были вправе носить свой громкий титул.

59.- СТАТУЯ ГУДЕА С
НАДПИСЬЮ; ИЗ ТЕЛ-ЛОХА, (СИР-БУРЛА ИЛИ СИР-ГУЛЛА). КОЛЛЕКЦИЯ САРЗЕКА.
(Хоммель).

27. Было замечено, что кирпичи с именем Ур-êа "встречаются в более низком положении, чем другие, у самого фундамента зданий"; что "они грубого и грубого изготовления, разных размеров и плохо подогнаны друг к другу"; что обожженные кирпичи среди них редкость; что они держатся вместе с помощью самых старых заменителей раствора - грязи и битума, и что надписи на них любопытно грубые и несовершенные. [АО] Но чего бы ни не хватало архитектурным работам короля Ур-ка в совершенстве, они, несомненно, восполняют это в размерах и количестве. Те из них, которые он не завершил, продолжил его сын Дунги. Примечательно, что эти великие строители, похоже, посвятили свою энергию исключительно религиозным целям; кроме того, хотя их имена шумиро-аккадские, а надписи часто сделаны на этом языке, построенные ими храмы были посвящены различным божествам новой, или, скорее, реформированной религии. Когда мы видим, что принцы Юга, по гениальному замечанию г-на Ленорманта, начинают своего рода практическую проповедь семитизированной религии, мы можем воспринимать это как знамение времени, как безошибочное доказательство влияния Севера, как политического, так и религиозного. Была найдена очень любопытная реликвия короля Ур-Ка - его собственный цилиндр с печатью, который был утерян в результате несчастного случая, затем снова найден и теперь находится в Британском музее. На нем изображен бог Луны, восседающий на троне, - как и положено царю особого города бога Луны, - со жрецами, представляющими поклонников. Конечно, нельзя точно определить дату, когда Ур-ка и важная эпоха халдейской истории, которую он представляет. Но очень вероятная приблизительная дата может быть установлена благодаря подсказке, которую дал тот самый Набонид, последний царь Вавилона, который так неожиданно для нас решил вопрос с Саргоном. Этот монарх был таким же ревностным ремонтником храмов, каким его предшественники были ревностными строителями. У него были свои причины добиваться популярности, и он не мог придумать ничего лучше, чем восстановить проверенные временем святыни страны. Среди прочих он отремонтировал храм Солнца (К-Баббара) в Ларсаме, о чем нас должным образом информирует специальный цилиндр. В нем он сообщает потомкам, что нашел цилиндр царя Хаммурапи нетронутым в его камере под угловым камнем, в котором говорится, что храм был основан за 700 лет до времени Хаммурапи; поскольку основателем был Ур-ка, остается только определить дату последнего царя, чтобы узнать дату предыдущего. [AP] Здесь, к сожалению, ученые расходятся, не имея пока никакого решающего авторитета, на который можно было бы опереться. Одни помещают Хаммурапи до 2000 года до н.э., другие - немного позже. Поэтому, пожалуй, безопаснее всего предположить, что Ур-Ка вряд ли мог жить намного раньше 2800 или намного позже 2500 года до н. э. В любом случае, он должен был жить несколько раньше 2300 года до н. э., поскольку примерно в этом последнем году произошло эламское вторжение, о котором пишет Асшурбанипал, вторжение, которое, как прямо упоминает этот царь, опустошило землю Аккада и осквернило ее храмы - очевидно, те самые, которые Ур-Ка и Дунги так благочестиво строили. Это не было мимолетным вторжением или набегом горцев, жаждущих добычи. Это было настоящее завоевание. Худур-Нанхунди и его преемники остались в Южной Халдее, называли себя царями страны и стали править, причем несколько раз подряд, так что эта череда иноземных правителей стала известна в истории как "эламская династия". В то время не было места для мощной и храмостроительной национальной династии, подобной династии царей Ура.

28. Здесь мы впервые встречаем подлинные монументальные записи о стране, которой было суждено течение следующих шестнадцати веков находиться в постоянном контакте, в основном враждебном, как с Вавилонией, так и с ее северной соперницей Ассирией, вплоть до окончательного уничтожения последней. Его столицей был Шушан (впоследствии иностранцы произносили его как "Суза"), а его собственное первоначальное название - Шушинак. Его жители принадлежали к туранскому племени, а язык был почти схож с

шумирским и аккадским. Но в то или иное время в Шушинак пришли и поселились семиты. Хотя их было слишком мало, чтобы изменить язык или обычаи страны, превосходство их расы заявило о себе. Они стали знатью страны, правящей аристократией, из которой выводились цари, генералы и высшие чиновники. То, что туранская масса населения находилась в подчинении и на нее смотрели свысока, а семитская знать избегала с ними скрещиваться, весьма вероятно; иначе было бы трудно объяснить разницу в типах между этими двумя классами, как показано в изображениях пленников и воинов, принадлежащих к обоим классам, на ассирийских скульптурах. Общее стадо пленников, занятых на общественных работах и управляемых надсмотрщиками с палками, имеет безошибочно туранский тип черт - высокие скулы, широкое, приплюснутое лицо и т.д., в то время как генералы, министры и вельможи обладают всем достоинством и красотой красивейшего еврейского типа. "Элам, название, под которым страна наиболее известна как по Библии, так и по более поздним памятникам, - это туранское слово, означающее, как и "Аккад", "нагорье". Это единственное имя, под которым историк из гл. X Бытия включает ее в свой список народов, и, последовательно следуя своей системе игнорирования всех представителей великой желтой расы, он принимает во внимание только семитскую аристократию и делает из Элама сына Шема, брата Асхура и Арфакшада. (Быт. х. 22.)

29. Один из следующих преемников Худур-Нанхунди, Худур-Лагамар, не удовлетворился присоединением Халдеи к своему царству Элам. Он обладал амбициями прирожденного завоевателя и полководческим талантом. Глава XIV книги Бытия, в которой он назван Хедорлаомером, - единственный документ, описывающий военную карьеру этого царя, и очень яркая картина, которую он дает, достаточна, чтобы показать нам, что мы имеем дело с весьма примечательным персонажем. Опираясь на трех союзных и, вероятно, даннических царей, Шумира (Шинейра), Ларсама (Элассара) и Гоима (в непересмотренном переводе Библии "царь народов"), т.е. Худур-Лагамар прошел с войском 1200 миль по пустыне в плодородные, богатые и многолюдные долины Иордана и озера или моря Сиддим, впоследствии названного Мертвым морем, где пять великих городов - Содом, Гоморра и три других - управлялись столькими же царями. Он не только покориł этих царей и навязал им свое правление, но и сумел, даже вернувшись в Персидский залив, держать их под такой твердой рукой, что в течение двенадцати лет они "служили" ему, то есть регулярно платили дань, и только на тринадцатый год, ободренные его длительным отсутствием, решились на восстание. Но они недооценили бдительность и активность Худур-Лагамара. Уже на следующий год он снова был среди них, вместе с тремя своими верными союзниками, столкнулся с ними в долине Сиддим и победил их, так что все они обратились в бегство. Это была битва "четырех царей с пятью". Что касается обращения, которому победитель подверг завоеванную страну, то оно описано очень кратко, но ясно: "И взяли все имущество Содома и Гоморры, и все съестные припасы их, и пошли своим путем".

30. В Содоме же жил человек иноземного рода и большого богатства, Лот, племянник Авраама. Авраам и его племя больше не жили в халдейском Уре. Смена хозяев и, вполне вероятно, более суровое правление, если не сказать, угнетение, последовавшее за завоеванием эламитов, изгнали их оттуда. Тогда они отправились в землю Ханаанскую во главе с Терахом и его сыном Авраамом, а когда Терах умер, Авраам стал патриархом и вождем племени, которое с этого времени стало называться в Библии "Евреями", от одноименного предка, Гебера или Эбера, чье имя указывает на прохождение Евфрата, или, возможно, в более широком смысле, на прохождение племени через землю Халдеи. [AQ] В течение многих лет племя кочевало без разделения, от пастбища к пастбищу, по обширной

земле, где жили ханаанеи, хорошо видимые и даже благосклонные к ним, в Египет и снова из него, пока не произошла ссора между пастухами Авраама и Лота (см. Бытие, гл. XIII.), и разделения, когда Лот избрал равнину Иордана и поставил свой шатер в сторону Содома, а Авраам, как и прежде, жил в земле Ханаанской со своей семьей, слугами и скотом на равнине Мамре. И вот, когда он жил там в дружбе и тесном союзе с князьями земли, один из них, спасшийся от битвы в долине Сиддим, пришел к Аврааму и рассказал ему, что среди пленников, которых Худур-Лагамар увел из Содома, был Лот, сын его брата, со всем его имуществом. Тогда Авраам вооружил своих обученных слуг, рожденных в его собственном доме, триста восемнадцать человек, взял с собой своих друзей, Мамре и его братьев, с их юношами, и пустился в погоню за победоносным войском, которое теперь беспечно шло домой в пустыню со своим длинным обозом пленников и добычи, Настиг его ночью близ Дамаска, когда его малочисленность не могла быть обнаружена, и внезапным и энергичным натиском произвел такую панику, что обратил его в бегство и не только спас своего племянника Лота с его имуществом и женщинами, но и привел все захваченное имущество и людей. И вышел царь Содома встречать его по возвращении, и благодарил его, и хотел, чтобы он оставил все товары себе, а людей только вернул. Авраам согласился, чтобы должная доля спасенного досталась его друзьям и их юношам, но от всех подарков, предложенных самому себе, отказался с надменными словами: "Я поднял руку мою к Господу, Богу Всевышнему, Владыке неба и земли, что не возьму ни одной нитки, даже до башмачного шнурка, и не возьму ничего твоего, чтобы ты не сказал, что я сделал Авраама богатым".

31. Худур-Лагамар, о котором в пылком библейском повествовании дана столь жизненная зарисовка, жил, по самым вероятным подсчетам, около 2200 года до н. э. Среди немногих смутных форм, чьи расплывчатые очертания вырисовываются в сумерках тех туманных и сомнительных веков, он - второй, обладающий реальностью из плоти и крови, возможно, первый завоеватель, о котором мир имеет достоверные свидетельства. Ведь Египет, единственная страна, соперничающая в древности с первобытными государствами Месопотамии, хотя и достигшая в это время вершины своей культуры и процветания, был еще ограничен своими правителями строго долиной Нила и не вступил в ту полосу внешних войн и завоеваний, которые несколько тысяч лет спустя сделали его ужасом от Средиземного моря до Персидского залива.

32. Эламитское вторжение не было мимолетным набегом. Это было настоящее завоевание, установившее тяжелое иноземное правление в процветающей и цветущей стране, которое продолжалось, судя по всему, около трехсот лет. О том, что народ страдал от него и был либо мрачно уныл, либо гневно мятежен, пока оно длилось, есть множество свидетельств в позднейшей литературе. Считается даже, и с большой моральной вероятностью, что особая ветвь религиозной поэзии, получившая название "Покаянные псалмы", возникла из страданий этого долгого периода национального рабства и унижения, и если, как кажется, доказывают некоторые недавно обнаруженные интересные фрагменты текстов, эти псалмы пелись столетия спустя в ассирийских храмах по скорбным или очень торжественным общественным поводам, они должны были увековечить память о великом национальном бедствии, обрушившемся на страну-мать, так же неизгладимо, как древнееврейские псалмы, образцом для которых они послужили, увековечили память о странствиях царя Давида и несчастьях Израиля.

33. Но, похоже, был один семитский царский дом, который сохранил определенную независимость и спокойно собирал силы до лучших времен. Для этого они должны были скрытничать и оказывать победоносным варварам столько почестей, сколько могло

обеспечить их безопасность и послужить слепком, пока они укрепляли свое домашнее правление. Этой династией, предназначенной для славной задачи восстановления независимости страны и основания новой национальной монархии, была династия Тин-тирки, или Ка-димирра - имя, уже переведенное на семитский язык Баб-илу ("Врата Бога"); они правили большим и важным округом Кардуньяш, важным из-за его центрального положения и из-за того, что он, кажется, не принадлежал ни Аккаду, ни Шумиру, а был политически независимым, поскольку всегда упоминается сам по себе. Тем не менее, для евреев Вавилон лежал в земле Шинар, и существует сильное предположение, что "Ам рафель, царь Шинара", который вместе с Худур-Лагамаром, как своим союзником, выступил против пяти царей Иордана и Мертвого моря, был не кто иной, как царь Вавилона, одно из имен которого читается как Амарпал, а "Ариох из Элласара" был эламитом Эри-аку, братом или двоюродным братом Худур-Лагамара и царем Ларсама, где завоеватели основали могущественную династию, тесно связанную по крови с главной, которая сделала своим штабом почтенный Ур. Этот Амарпал, чаще упоминаемый под другим именем - Син-Мубаллит, считается отцом Хаммурапи, освободителя Халдеи и основателя новой империи.

34. Надписи, оставленные Хаммурапи, многочисленны и дают нам возможность судить о его величии как воина, государственного деятеля и администратора. За свое долгое пятидесятипятнадцатилетнее правление он, действительно, успел многого добиться, но то, чего он добился, было очень даже для столь долгого правления. Каким образом он изгнал чужеземцев, нам не известно, но ясно, что решающей была победа, которую он одержал над эламским царем Ларсамом. Вероятно, именно изгнав ненавистную расу поочередно из всех районов, которые они занимали, Хаммурапи собрал всю землю в свои руки и смог удержать ее вместе и сварить в единую империю, включающую и Аккад, и Шумир со всеми их освященными временем городами и святилищами, сделав свой родовой город, Вавилон, главой и столицей всех их. Этот царь был во всех отношениях великим и мудрым правителем, так как, освободив и объединив страну, он очень заботился о ее благе и следил за ее сельскохозяйственными интересами. Как и все другие цари, он восстановил множество храмов и построил несколько новых. Но он также посвятил много сил общественным работам более полезного характера. В первую часть его правления наводнения, похоже, были частыми и катастрофическими, возможно, из-за того, что каналы и гидротехнические сооружения были заброшены во время деспотичного иностранного правления. В надписях говорится о городе, разрушенном "великим наводнением", и упоминается "великая стена вдоль Тигра" - вероятно, насыпь, построенная Хаммурапи для защиты от реки. Но, вероятно, сочтя это средство недостаточным, он предпринял и завершил одну из величайших общественных работ, когда-либо проводившихся в любой стране: вырыл гигантский канал, который назвал своим именем, но который впоследствии прославился под названием "Вавилонский царский канал". От него отходили бесчисленные ответвления, которые несли оплодотворяющие воды по всей стране. Он был и остался величайшим произведением подобного рода и спустя пятнадцать веков стал предметом удивления иностранцев, посещавших Вавилон. Его строитель не преувеличивал благодеяний, когда писал в надписи, которую едва ли можно назвать хвастливой: "Я вырыл Нахр-Хаммурапи, благословение для жителей Шумира и Аккада. Я направил воды его ветвей над пустынными равнинами; я заставил их течь в сухих руслах и тем самым дал неизменные воды людям пле.... Я превратил пустынные равнины в хорошо орошаемые земли. Я дал им плодородие и изобилие и сделал их обителью счастья".

35. Существуют надписи сына Хаммурапи. Но после него Халдею, по-видимому, постигла новая катастрофа. Его сменяет череда иноземных царей, которые, видимо, овладели страной путем завоевания. Это были князья свирепой и воинственной горной расы, касси,

жившие в высокогорьях, занимающих всю северо-западную часть Элама, где им, вероятно, стало тесно. Этот же народ поздние греческие географы называли казахами или циссианами, и он более известен под любым из этих имен. Их язык, от которого сохранилось очень мало образцов, еще не понят; но многое ясно, что он сильно отличается как от семитского языка Вавилона, так и от языка Шумира и Аккада, так что имена касситских князей легко отличить от всех остальных. Однако за этим завоеванием не последовало никакого расчленения империи, если это вообще было завоевание. Цари новой династии, похоже, достаточно мирно сменяли друг друга в Вавилоне. Но дни завоеваний Халдеи закончились. Мы больше не читаем о походах на равнины Сирии и к "морю заходящего солнца". На северо-западе поднималась держава, которая быстро превратилась в грозного соперника: на протяжении многих веков Ассирия держала правителей Южного царства слишком занятыми охраной своих границ и отражением вторжений, чтобы они могли думать о внешних завоеваниях.

ССЫЛКИ:

[АН] Названия часто обманчивы. Считается, что название "Индус-Куш" означает "Убийцы индусов", вероятно, в связи с разбойничьими племенами гор, и не имеет ничего общего с кушитской расой.

[AI] "Histoire Ancienne des Peuples de l'Orient", 1878, p. 160.

[AJ] Перевод профессора А. Х. Сайса.

[AK] А. Н. Sayce.

[AL] Переведено А. Х. Сэйсом в его статье "Вавилонский фольклор" в "Folk-lore Journal", том I, январь, 1883.

[AM] См. рис. 44 и 45, с. 101.

[AN] Это название сначала читалось как Урух, затем Ликбаби, затем Ликбагаш, затем Урбагаш, затем Урба'у, а теперь профессор Фридр. Делицш объявляет, что окончательное и правильное чтение, по всей вероятности, либо Ur-ea, либо Arad-ea.

[AO] Гео. Роулинсон, "Пять великих монархий древневосточного мира" (1862), том I, стр. 198 и далее.

[AP] Гео. Смит, в "Записях о прошлом", том V, стр. 75. Fritz Hommel, "Die Semiten", p. 210 и прим. 101.

[AQ] Следует отметить, однако, что в последнее время ученые склонны видеть в этом названии намек на переход через Иордан во время завоевания Ханаана Израилем после египетского рабства.

V.

БАВИЛОНСКАЯ РЕЛИГИЯ.

1. Рассказывая легенду о божественном человеке-рыбе, вышедшем из залива, за которым через определенные промежутки времени последовало еще несколько подобных существ, Берос уверяет нас, что он "научил людей всему, что составляет цивилизацию", так что "после этого уже не изобреталось ничего нового". Но если, как предполагается, "этот чудовищный Оаннес" действительно олицетворяет чужеземцев, которые пришли в страну и, обладая более высокой культурой, стали учить туранское население, то первая часть этого утверждения является таким же явным преувеличением, как и вторая. У народа, который изобрел письменность, умел строить, проводить каналы, обрабатывать металлы и вышел из первой и самой грубой стадии религиозных представлений, можно было бы многому научиться, но, конечно, не всему. То, чему научили их пришлые - будь то кушиты или семиты, - было более упорядоченным способом организации общества и управления им с помощью законов и установленного правительства, и, прежде всего, астрономия и математика - науки, в которых шумиро-аккады были мало сведущи, в то время как более поздний и смешанный народ, халдеи, достиг них очень высокого совершенства, так что многие их открытия и первые принципы, заложенные ими, дошли до нас как окончательно принятые факты, подтвержденные последующей наукой. Так, им было знакомо деление года на двенадцать месяцев, соответствующих стольким же созвездиям, известное как "двенадцать знаков Зодиака". Они также выяснили деление года на двенадцать месяцев, только все их месяцы состояли из тридцати дней. Поэтому они были вынуждены каждые шесть лет добавлять дополнительный месяц - интеркалярный месяц, как гласит научный термин, - чтобы снова сравняться с солнцем, ибо они знали, где кроется ошибка в их отсчете. Этим вещам чужеземцы, вероятно, научили шумиро-аккадцев, а заодно позаимствовали у них их способ счета. Туранские расы и по сей день имеют ту особенность, что они не заботятся о десятичной системе в арифметике, а считают десятками и шестидесятыми, предпочитая числа, которые можно разделить на двенадцать и шестьдесят. Китайцы и сейчас измеряют время не веками или периодами в сто лет, а циклом или периодом в шестьдесят лет. Вероятно, отсюда произошло принятое в Вавилонии деление хода солнца на 360 равных частей или градусов, а дня - на двенадцать "касбу" или двойных часов, поскольку касбу соответствовал двум нашим часам и делился на шестьдесят частей, которые мы могли бы назвать "двойными минутами", а те, в свою очередь, состояли из шестидесяти "двойных секунд". Естественное деление года на двенадцать месяцев сделало эту так называемую "доценальную" и "секстагесимальную" систему исчисления особенно удобной, и она применялась ко всему - к измерениям веса, расстояния, вместимости и размера, а также времени.

2. Астрономия - удивительно увлекательная наука, имеющая два совершенно разных и, казалось бы, противоречивых аспекта, в равной степени способных выработать привычку к напряженному мышлению и мечтательным рассуждениям. Ведь если, с одной стороны,

изучение математики, без которой астрономия не может существовать, дисциплинирует ум и приучает его к точным и сложным операциям, то, с другой стороны, наблюдение за звездами в одиночестве и тишине южной ночи непреодолимо влечет его в высший мир, где поэтические стремления, догадки и мечты занимают место цифр с их демонстрациями и доказательствами. Вероятно, именно этим привычным созерцаниям поздние халдеи обязаны тем более высоким тоном религиозной мысли, который отличал их от туранских предшественников. Они искали божество на небе, а не на земле. Они не трусились и не трепетали перед сонмом злобных гоблинов, порождением испуганного воображения. Духи, которым они поклонялись, населяли и управляли теми прекрасными светлыми мирами, за гармоничным, согласованным движением которых они наблюдали с восхищением и благоговением, могли правильно рассчитать, но не понимали их. Звезды вообще стали для них видимыми проявлениями и проводниками божественной силы, особенно семь наиболее заметных небесных тел: Луна, которую они особенно почитали как властительницу ночи и измерительницу времени, Солнце и пять известных тогда планет, которые мы называем Сатурном, Юпитером, Марсом, Венерой и Меркурием. Справедливо по отношению к Шумиро-Аккадам сказать, что восприятие божественного в красоте звезд не было им чуждо. Это убедительно доказывает тот факт, что в их древнейшей письменности знак звезды используется для выражения идеи не какого-то конкретного бога или богини, а божественного принципа, божества в целом. Имени каждого божества предшествует звезда, означающая "бог такой-то и такой-то". Когда знак использовался таким образом, на старом языке он читался как "Дингир" - "бог, божество". Семитский язык Вавилонии, который мы называем "ассирийским", приспособив древнее письмо к своим нуждам, сохранил это использование знака "звезда" и читал его как *ilu*, "бог". Это слово - Илу или Эль - мы находим во всех семитских языках, как древних, так и современных, в именах, которые они дают Богу: в арабском Аллах, а также в еврейском Элохим.

3. Эта религия, основанная и сосредоточенная на поклонении небесным телам, называется *сабеизмом* и была характерна для большинства семитских рас, чья примитивная кочевая жизнь в пустыне и на широких, плоских пастбищах, с ночными часами, необходимыми для ухода за огромными стадами, склоняла их к созерцанию и наблюдению за звездами. Следует отметить, что семиты отдавали первое место Солнцу, а не, как шумиро-аккады, Луне, возможно, из чувства, сродни ужасу, испытывая на себе его разрушительную силу в условиях частых засух и изнуряющего зноя пустыни. [AR].

4. Очень заметной чертой нового порядка вещей была огромная власть и значение жречества. Для успешного занятия наукой необходимы две вещи: интеллектуальное превосходство и досуг для учебы, то есть свобода от повседневных забот о том, как добыть необходимое для жизни. В очень древние времена люди в целом были готовы признать превосходство тех, кто знал больше, чем они, кто мог научить их и помочь им мудрым советом; они также были готовы поддерживать таких людей добровольными пожертвованиями, чтобы обеспечить им необходимый досуг. То, что раса, для которой наука и религия были едины, должна почитать людей, посвященных и сведущих в небесных вещах, и позволять им оказывать большое влияние на частные и государственные дела, полагая, что они находятся в непосредственном общении с божественными силами, было вполне естественно; а от этого до того, чтобы позволить им взять на себя все управление страной в качестве установленных правителей, был всего лишь один шаг. Было и еще одно обстоятельство, которое способствовало такому результату. Халдеи были набожными верующими в астрологию - форму суеверия, в которую астрономическая религия, подобная сабеизму, очень склонна вырождаться. Ведь если принять как данность, что звезды - это божественные существа, обладающие разумом, волей и силой, то что может быть

естественнее, чем представить, что они могут управлять судьбами людей и формировать их с помощью таинственного влияния? Предполагалось, что это влияние зависит от их движения, положения на небе, их постоянно меняющихся комбинаций и связей друг с другом; при таком предположении каждое движение звезды - ее восход, заход или пересечение пути другой, каждое малейшее изменение в облике небес, каждое необычное явление - например, затмение - должно иметь какой-то весомый смысл, предвещающий добро или зло людям, чья судьба должна быть постоянно написана на голубом небе так же четко, как в книге. Если бы только можно было выучить язык, прочесть символы! Считалось, что такие знания подвластны людям, но получить их могут лишь исключительно одаренные и образованные люди, а также те, кого они сочтут достойными того, чтобы передать их им. То, что эти немногие должны быть священниками, было само собой разумеющимся. Сами они горячо верили в астрологию, которую считали такой же настоящей наукой, как и астрономию, и которой посвящали себя столь же усердно. Таким образом, они становились признанными толкователями божественной воли, причастными, так сказать, к тайным небесным советам. Разумеется, такое положение значительно увеличивало их власть, и злоупотреблять им для укрепления своего влияния на общественное мнение и в угоду собственным честолюбивым замыслам было не в человеческой природе. Более того, будучи самыми умными и учеными в народе, они действительно были в то время самыми подходящими для управления им - и они управляли им. Когда семитская культура распространилась по Шумиру, куда она постепенно проникала с севера, то есть из земли Аккад, в каждом большом городе - Уре, Эриду, Ларсаме, Эреке - возник могущественный храм со своими жрецами, библиотекой, *зиккуратом* или обсерваторией. Города и принадлежащие им территории управлялись соответствующими коллегиями. А когда со временем власть стала сосредотачиваться в руках одного человека, это все равно были цари-жрецы, *патесисы*, чья царская власть должна была быть сильно затруднена и ограничена авторитетом их коллег-жрецов. Такая форма правления известна под названием *теократии*, состоящей из двух греческих слов и означающей "божественное правление".

5. Эта религиозная реформа представляет собой полную, хотя, вероятно, и мирную революцию в состоянии "Земли между реками". Новая и более высокая культура основательно заявила о себе как о преобладающей в обеих ее великих провинциях, и ни в чем так сильно, как в национальной религии, которая, соприкасаясь с представлениями семитов, была затронута неким более благородным духовным напряжением, более чистым моральным чувством, которое, кажется, было более специфически семитским, хотя ему суждено было быть доведенным до своего высшего совершенства только в древнееврейской ветви расы. Нравственный тон - это тонкое влияние, и он прокладывает себе путь в сердца и мысли людей гораздо увереннее и неотразимее, чем любые проповеди и наставления, ибо люди естественным образом тянутся к тому, что хорошо и красиво, когда оно предстает перед ними. Так, старые поселенцы этой земли, Шумиро-Аккады, которым их грубое и мрачное вероучение гоблинов не могло принести большого утешения, не замедлили ощутить это облагораживающее и благотворное влияние, и, несомненно, именно ему мы обязаны прекрасными молитвами и гимнами, которыми отмечена высшая стадия их религии. Осознание греха, чувство раскаяния, зависимость от оскорбленной, но милосердной божественной силы, столь ярко выраженные в так называемых "Покаянных псалмах" (см. с. 178), прекрасная поэзия в некоторых поздних гимнах, например, в гимне Солнцу (см. с. 171), - черты, столь характерные для семитских народов, что они поражают нас своим сходством с некоторыми фрагментами Библии. С другой стороны, народ никогда не забывает и не отказывается от своего родного вероучения и религиозных обрядов. Мудрые жреческие правители Шумира и Аккада не пытались принудить народ к этому, но, даже внедряя и распространяя новую религию, позволяли ему продолжать верить в своих злых духов и

немногих благодетельных, колдовать, прорицать, произносить и снимать заклинания и чары. И даже больше. Со временем, когда ученые жрецы стали более внимательно изучать древние верования и идеи, они были поражены красотой некоторых из их концепций - в частности, вечно благосклонного, вечно бдительного Духа Земли Ка и его сына Меридуга, посредника, друга людей. Эти представления, эти и некоторые другие любимые национальные божества, они посчитали достойными того, чтобы быть принятыми ими и воплощенными в их собственной религиозной системе, которая с каждым днем становилась все сложнее, все изощреннее, а огромной массе духов и демонов они также отводили в ней место, в ранге низших "Духов неба" и "Духов земли", которые легкомысленно классифицировались вместе и исчислялись сотнями. К тому времени, как прошла тысяча лет, слияние стало настолько полным, что действительно была и новая религия, и новый народ, результат долгой работы по слиянию. Шумиро-аккадцев чистой, но низкой расы больше не было, как не было и семитов, сохранивших отдельное существование; они слились в один народ смешанной расы, который в более поздний период стал известен под общим названием халдеев, чья религия, воспринимаемая с благоговением из-за ее огромной древности, все же была сравнительно недавней, являясь результатом сочетания двух бесконечно более древних верований, как мы только что видели. Когда Хаммурапи основал свою резиденцию в Вавилоне, городе, который совсем недавно приобрел большое значение, он сделал его столицей империи, впервые полностью объединенной под его властью (см. с. 226), поэтому название Вавилония дается древними писателями старой земле Шумира и Аккада даже чаще, чем Халдея, а государственная религия называется безразлично вавилонской или халдейской, и нередко халдео-вавилонской.

6. Эта религия, как она была определенно установлена и передавалась без изменений в течение двадцати и более веков, имела двоякий характер, который необходимо хорошо усвоить, чтобы понять ее общее направление и смысл. С одной стороны, поскольку она допускала существование многих божественных сил, которые делили между собой управление миром, она была явно политеистической - "религией многих богов". С другой стороны, уже было достигнуто смутное представление, возможно, благодаря наблюдению за строго регулируемым движением звезд, о присутствии одной верховной управляющей и направляющей силы. Ведь люди, изучавшие астрономию, не могли не понять, что все эти яркие Существа, которые они считали столь божественными и могущественными, не были абсолютно независимыми; что их движения и сочетания были слишком регулярными, слишком строго рассчитанными по времени, слишком одинаковыми в своем постоянно повторяющемся повторении, чтобы быть полностью добровольными; что, следовательно, они *подчинялись* Закону, Силе над и вне их, вне самих небес, невидимой, непостижимой, недоступной человеческой мысли или глазам. Такое восприятие было, конечно, шагом в правильном направлении, к монотеизму, то есть к вере в единого Бога. Но это восприятие было слишком смутным и отдаленным, чтобы его можно было полностью осознать и последовательно воплотить в жизнь. Жрецы, которые благодаря долгому обучению абстрактному мышлению и созерцанию, вероятно, могли смотреть глубже и приближаться к истине, чем другие люди, стремились выразить свой смысл языком и образами, которые в итоге затушевывали первоначальную идею и почти скрывали ее от глаз, вместо того чтобы сделать ее более ясной. Кроме того, они представляли себе мир не как *созданный* Богом, сотворенный актом его воли, а как его форму, проявление, часть его самого, его собственной субстанции. Поэтому в великой вселенной и в каждой ее части, в таинственных силах, действующих в ней, - свете и тепле, жизни и росте - они восхищались и благоговели не перед силой Бога, а перед самим его присутствием; одной из бесчисленных и бесконечно разнообразных форм, в которых он делает себя известным и видимым для людей, проявляет себя перед ними - короче говоря, *эманацией Бога*. Слово "эманация" было выбрано как

единственное, которое в определенной степени передает эту очень тонкую и сложную идею. Эманация - это не совсем вещь, но ее часть, которая выходит из нее и отделяется от нее, но не может существовать без нее. Так, аромат цветка - это не сам цветок, не его рост или развитие, но цветок дает его, и он не может существовать сам по себе, без цветка - это эманация цветка. То же самое можно сказать и о тумане, который летним вечером заметно поднимается от теплой земли в низких и влажных местах, - он является эманацией земли.

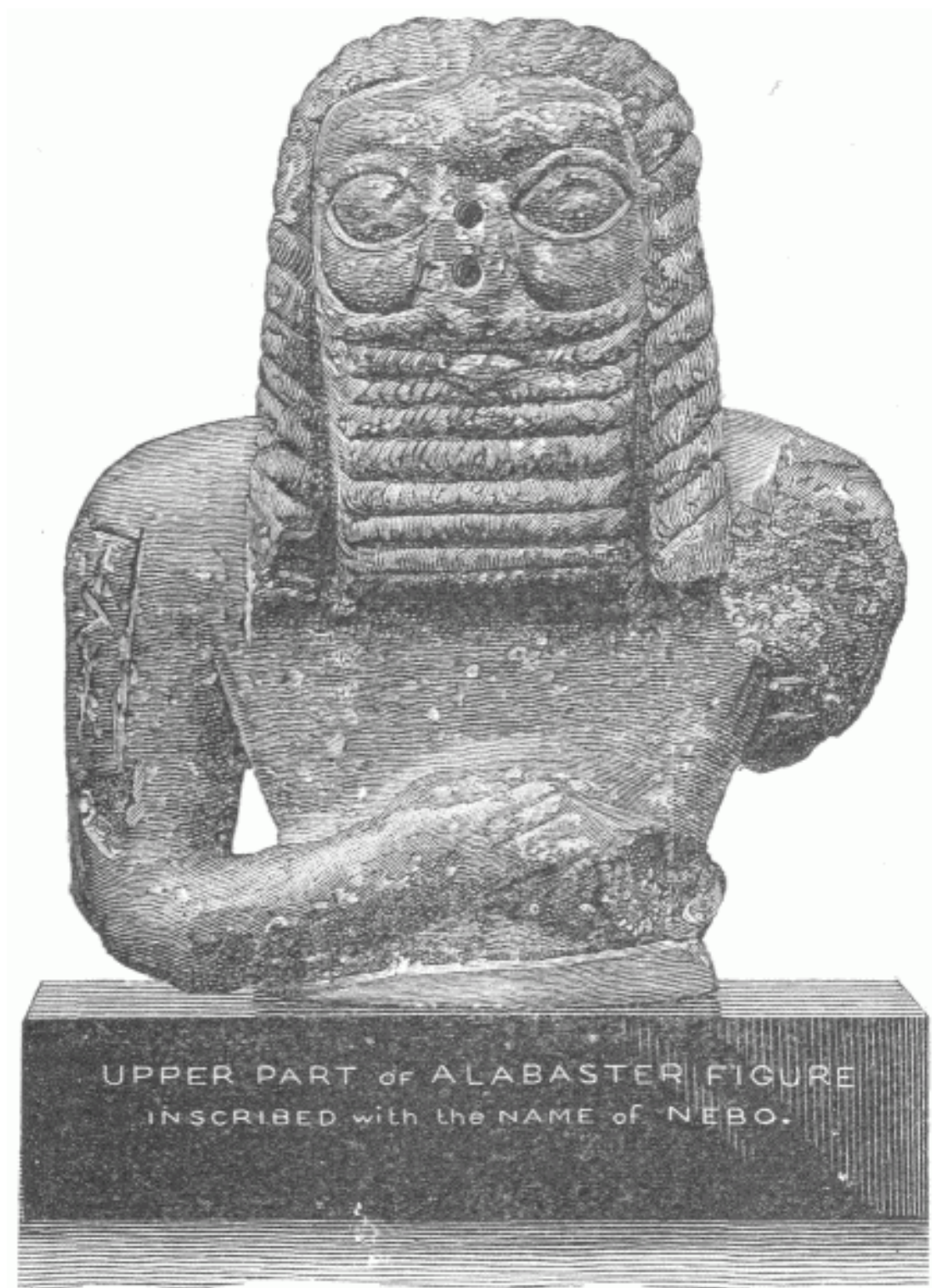
7. Халдейско-вавилонские жрецы знали множество таких божественных эманаций, которые, давая им имена и приписывая им определенные функции, они превращали во множество отдельных божественных личностей. Некоторые из них занимали более высокое положение, а некоторые - более низкое, что иногда выражалось человеческим словом "отец и сын". Они были упорядочены в группы, очень научно организованные. Над всеми остальными располагались две триады, или "группы по три". Первая триада состояла из Ану, Ка и Бэла, верховных богов - все три сохранились из старого шумиро-аккадского списка божеств. Ану - это Ана, "Небо", и фамилии или эпитеты, которыми его наделяют в разных текстах, достаточно ясно показывают, какое представление о нем сложилось: его называют "владыкой звездных небес", "владыкой тьмы", "первородным, старейшим, отцом богов". Ка, сохранивший свои древние атрибуты "Владыки глубин", , исключительно мудрый и благодетельный дух, представляет божественный разум, основатель и хранитель порядка и гармонии, в то время как реальная задача разделения элементов хаоса и формирования их в формы, из которых состоит мир, каким мы его знаем, а также упорядочивание небесных тел, назначение им их пути и направление их по нему, была возложена на третье лицо триады, Бэла, сына Ка. Бел - семитское имя, которое означает просто "господин".

8. Из ее характера и атрибуций ясно, что эта триада должна была быть связана с определенной неясностью и отдаленностью. Совсем иначе обстояло дело со второй триадой, в которой Божество проявляло себя как стоящее в самом близком и непосредственном отношении к человеку и оказывающее на него самое непосредственное влияние в его повседневной жизни. Лицами этой триады были Луна, Солнце и Сила Атмосферы - Син, Шамаш и Раман, семитские названия шумиро-аккадских Уру-Ки или Наннар, Уд или Баббар и Им или Мермер. Очень характерно, что Сина часто называют "богом Тридцати", ссылаясь на его функции измерителя времени, управляющего месяцем. О том, с какими чувствами относились к Солнцу и какие благодетельные и великолепные качества ему приписывали, мы достаточно знаем из прекрасных гимнов, процитированных в гл. III. (см. с. 172). Что касается бога Рамана, которого часто изображали на табличках и цилиндрах с его характерным знаком, двойным или тройным болтом-молнией, то его значение как подателя дождя, повелителя вихря и бури делало его очень популярным, объектом как страха, так и благодарности; А поскольку урожай зависел от подачи воды из каналов, а они опять же не могли быть полными без обильных дождей, неудивительно, что его стали называть "защитником или повелителем каналов", дарителем изобилия и "повелителем плодovitости". В своем более ужасном качестве он описывается следующим образом: "Его стандартные титулы - "министр неба и земли", "повелитель воздуха", "тот, кто заставляет бурю бушевать". Его считают уничтожителем урожая, выкорчевывателем деревьев, расхитителем урожая. Голод, скудость и даже их последствия, мор, приписываются ему. Говорят, что в руке у него "пламенный меч", которым он совершает свои разрушительные действия, и этот "пламенный меч, который, вероятно, представляет собой молнию, становится его эмблемой на скрижалях и цилиндрах". [AS].

9. Астрономические тенденции новой религии полностью проявляются в третьей группе божеств. Это просто пять планет, известных в то время и отождествляемых с различными

божествами старого вероисповедания, которым они, так сказать, приписаны в качестве их собственных конкретных провинций. Так, Нин-дар (также называемый Нинип или Нинеб), первоначально другое имя или форма Солнца (см. с. 172), становится правителем самой отдаленной планеты, той, которую мы сейчас называем Сатурном; старый фаворит, Меридуг, под семитизированным именем Мардук, правит планетой Юпитер. Именно его поздние древнееврейские писатели называли Меродахом, это имя мы находим в Библии. Планета Марс принадлежит богу-воину Нергалу, Меркурий - Небо, правильное Набу, "вестнику богов" и особому покровителю астрономии, а планета Венера находится под властью женского божества, богини Иштар, одной из самых важных и популярных в этом списке. Но о ней подробнее позже. Она подводит нас к рассмотрению очень существенной и характерной черты халдео-вавилонской религии, общей, впрочем, для всех восточных языческих религий, особенно семитских.

10. Существует различие - различие полов, - которое проходит через всю одушевленную природу, разделяя все, что имеет жизнь, на две отдельные половины - мужскую и женскую - половинки, самые разные по своим качествам, часто противоположные, почти враждебные, но вечно зависимые друг от друга, ни одна из которых не является полной или совершенной, или вообще не может существовать без другой. Разделенные контрастом, но притянутые друг к другу непреодолимой симпатией, которая приводит к самому тесному союзу - любви и привязанности, - оба пола все же идут по жизни вместе, вместе выполняют работу в мире. То, чего нет или недостаточно у одного, он находит в своем противоположном, и только их союз делает мир цельным, полным, округлым, гармоничным. Мужская природа, активная, сильная и несколько суровая, даже когда она милосердна и щедра, склонна к буйству и насилию, а часто и к жестокости, хорошо компенсируется, а точнее, дополняется и умеряется женской природой, не менее активной, но более спокойной, распространяющей мягкие влияния, открытой для более мягких настроений, более равномерно мягкой в чувствах и манерах.

60.- БЮСТ С

ИМЕНЕМ НЕБО.

(Британский музей.)

11. Ни в каких жизненных отношениях различие и в то же время гармония мужских и женских действий не проявляется так явно, как в отношениях между мужем и женой, отцом и матерью. Не требуется больших усилий воображения, чтобы перенести это различие за пределы одушевленной природы, в мир в целом. Людям, для которых каждая часть или сила вселенной была наделена частицей божественной природы и силы, многие вещи казались парными в контрастном, но совместном действии, подобном действию полов. Если великое

и далекое Небо представлялось им вселенским владыкой и повелителем, источником всего сущего - Отцом богов, как они выражались, - то прекрасную Землю, добрую кормилицу, питательницу и хранительницу всего живого, можно было назвать вселенской Матерью. Если на свирепое летнее и полуденное солнце можно смотреть как на непоколебимого завоевателя, грозного короля мира, держащего в своей руке смерть и болезни, то разве тихая, прекрасная Луна, мягкий и успокаивающий свет, приносящий прохладу и целебные росы, не является ее нежной королевой? Словом, нет такой силы или явления природы, которое не представляло бы поэтическому воображению двоякий аспект, отвечающий стандартным мужским и женским качествам и особенностям. Древние мыслители-жрецы, которые оформляли смутные догадки ищущего, мечтающего разума в схемы и системы глубокого смысла, выражали это ощущение двойственной природы вещей, поклоняясь двойному божественному существу или принципу, мужскому и женскому. Таким образом, каждый бог был снабжен женой, через всю серию божественных эманаций и проявлений. И как все боги в действительности были лишь различными именами и формами Высшего и Непостижимого Единого, так и все богини представляют собой лишь Белит, великий женский принцип природы - продуктивность, материнство, нежность - также содержащийся, как и все остальное, в этом Едином и исходящий от него бесконечной чередой. Отсюда следует, что богини халдео-вавилонской религии, хотя и разные по именам и, видимо, по атрибутам, при ближайшем рассмотрении оказываются удивительно похожими друг на друга. Все они в той или иной степени повторяют Белит, жену Бэла. Ее имя, которое является лишь женской формой имени бога и означает "госпожа", как Бел означает "господин", в достаточной степени показывает, что эти две богини действительно едины. Из других богинь наиболее заметны Анат или Нана (Земля), жена Ану (Небо), Анунит (Луна), жена Шамаша (Солнце), и, наконец, Иштар, правительница планеты Венера, и, безусловно, самая привлекательная и интересная из всего списка. Она была очень любима, ей поклонялись как царице любви и красоты, а также как королеве-воительнице, которая побуждает мужчин к отважным поступкам, вдохновляет и защищает их в бою - возможно, потому, что мужчины часто сражались и вели войны из-за любви женщин, а также потому, что планета Венера, ее собственная звезда, появляется не только вечером, вскоре после захода солнца, но и непосредственно перед рассветом, и поэтому кажется, что она призывает человеческий род к новым усилиям и деятельности. Иштар не могла стать исключением из общего принципа и остаться незамужней. Но ее муж, Думуз (имя Солнца), занимает по отношению к ней совершенно подчиненное положение, и, действительно, был бы малоизвестен, если бы не прекрасная история, рассказанная о них в одной очень древней поэме, которая займет свое место среди многих других в одной из следующих глав.

12. Было бы утомительно и ненужно перечислять здесь имена богов и богинь, хотя их довольно много, и все новые и новые становятся известны по мере обнаружения и прочтения новых табличек. Большинство из них в действительности являются лишь различными именами для одних и тех же понятий, и халдео-вавилонский пантеон - или собрание божественных личностей - очень хорошо представлен так называемыми "двенадцатью великими богами", которые, по всеобщему признанию, стояли во главе его, и имена которых мы здесь повторим: Ану, Ка и Бел, Син, Шамаш и Раман, Нин-дар, Марудук, Нергал, Небо, Белит и Иштар. У каждого из них было множество храмов по всей стране. Но в каждом великом городе был свой любимец, чей храм был самым древним, большим и роскошным, чьему поклонению он был особенно предан с незапамятных времен. Ка, самый любимый бог старого Шумира, имел свое главное святилище, которое он делил со своим сыном Меридугом, в Эриду (ныне Абу-Шахрейн), самом южном и почти самом древнем городе Шумира, расположенном недалеко от устья Евфрата, поскольку в 4000 году до н. э. Персидский залив простирался так же далеко вглубь страны, и это, несомненно, было

подходящим местом для великого "владыки глубин", бога рыб Оаннеса, который выходил из вод, чтобы наставлять человечество. Ур, как мы уже убедились, был проверенной временем резиденцией бога Луны. В Эрехе Ану и Анат или Нана - Небо и Земля - с глубокой древности пользовались особым почетом, им совместно поклонялись в храме, называемом "Дом Неба". Возможно, именно этим объясняется особая сакральность, приписываемая земле в окрестностях Эреха, о чем свидетельствует та исключительная постоянность, с которой люди на протяжении веков старались хоронить в ней своих умерших, как бы под непосредственной защитой богини Земли [AT] (см. гл. III "Введения"). Ларсам особо почитал Шамаша и славился своим очень древним "Домом Солнца". Солнце и Луна - Шамаш и Анунит - имели свои соперничающие святилища в Сиппаре на "Царском канале", который шел почти параллельно Евфрату, и Агаде, городе Саргона, расположенном прямо напротив, на другом берегу канала. Со временем название Агаде было утрачено, и оба города стали единым целым, а две части различались только добавлением "Сиппар Солнца" и "Сиппар Анунита". Евреи называли объединенный город "Два Сиппара" - Сефарваим, это название мы находим в Библии.

13. Местонахождение этого важного города долгое время оставалось под вопросом, но в 1881 году один из самых искусных и неутомимых искателей, мистер Ормузд Рассам, джентльмен, который начал свою карьеру в качестве помощника Лэйарда, сделал открытие, которое поставило точку в этом вопросе. Он копал в кургане, известном арабам под названием Абу-Хабба, и пробрался в апартаменты огромного сооружения, которое, как он знал, было храмом. Он переходил из комнаты в комнату, пока не попал в небольшую камеру, вымощенную асфальтом, которая, как он сразу понял, была архивной комнатой храма. "Раньше, - пишет в своем отчете г-н Рассам, - все ассирийские и вавилонские постройки были вымощены либо камнем, либо кирпичом, поэтому это новое открытие заставило меня вскрыть асфальт и исследовать его. При этом мы обнаружили в углу камеры, примерно в трех футах под поверхностью, глиняный сундук с надписью, внутри которого лежала каменная скрижаль....". Рассам действительно наткнулся на архив знаменитого храма Солнца, о чем свидетельствовала не только табличка, но и многочисленные документы, сопровождавшие ее и называвшие имена строителей и реставраторов храма. Что касается таблички, то это самое прекрасное и хорошо сохранившееся произведение искусства из всех, что были найдены. Она была положена около 880 года до н. э. по случаю реставрации и изображает самого бога, восседающего на троне и принимающего почести от поклонников, а над ним солнечный диск, подвешенный к небу на двух крепких шнурах, как гигантский светильник, поддерживаемый двумя существами-служителями, которые, вероятно, принадлежат к сонму Игиги или духов небес. Надпись, сделанная прекрасно четкими и отлично сохранившимися иероглифами, сообщает нам, что это "изображение Шамаша, великого владыки, который обитает в "Доме Солнца" (К-Баббара), находящемся в пределах города Сиппар". [AU] (См. фронтиспис.) Это была поистине великолепная находка, и кто знает, может быть, что-то столь же неожиданное и столь же убедительное обнаружится, чтобы установить для нас точное место храма Анунит, а следовательно, и почтенного города Агадек. Что касается Вавилона, то изначально он находился под божественной защитой, о чем свидетельствует его семитское имя Баб-илу, которое, как мы уже видели, означает "Врата Бога" и точно соответствует шумиро-аккадскому названию города (Ка-Дингирра, или Ка-Димирра); но позднее он избрал себе особого покровителя в лице Марудука, старого фаворита Меридуга. Когда Вавилон стал столицей объединенной монархии Шумира и Аккада, его божество-покровитель под именем Бел-Марудук ("владыка Марудук") поднялся на более высокий уровень, чем тот, который он занимал прежде; его храм затмил все остальные и стал чудом света по своему богатству и великолепию. У него был еще один, не менее великолепный, основанный самим Хаммурапи в Борсипе. Таким образом, религия была тесно связана с политикой. Ведь во времена,

предшествовавшие объединению великих городов под властью Хаммурапи, какой бы из них ни был в то время самым могущественным, его жрецы, естественно, претендовали на главенство своего местного божества даже за пределами своих владений. Так что тот факт, что старые цари Ура, Ур-Ка и его потомки, не ограничивались поклонением своему национальному богу Луне, а строили храмы во многих местах и многим богам, был, возможно, признаком примирительной общей политики в той же мере, что и либерального религиозного чувства.

14. Можно подумать, что столь совершенная система религии, основанная на столь высоком и благородном порядке идей, должна была полностью вытеснить грубый материализм и колдовские практики гоблинской породы примитивных туранских поселенцев. Однако это было далеко не так. Мы видели, что в новой религии нашлось место, возможно, несколько пренебрежительно, для духов старого вероисповедания, небрежно объединив их в своего рода полк, состоящий из трехсот Игиги, или духов неба, и шестисот Ануннаки, или духов земли. Колдуны и чародеи древности даже были приняты в жречество в неполном качестве, как некий низший орден, вероятно, скорее терпимый, чем поощряемый - терпимый по необходимости, поскольку люди придерживались своих древних верований и практик. Но если их официальное положение как жреческого сословия было подчиненным, их реальная власть была не менее велика, поскольку общественная благосклонность и доверие были на их стороне, и они, несомненно, пользовались большей популярностью, чем ученые и торжественные жрецы, советники и почти равные цари, чьи мысли обитали среди звезд, которые с благоговением искали на небе откровения божественной воли и мудрости и которые, используя точные наблюдения и математические расчеты вместе с самыми смелыми мечтами, превратили астрономию и астрологию в неразрывный клубок научной истины и фантастических домыслов, который мы видим в великом труде (в семидесяти табличках), подготовленном для библиотеки Саргона II. в Агаде. То, что древняя система колдовства и заклинаний оставалась в полной силе и повсеместном использовании, достаточно доказывается содержанием первых двух частей большого сборника в двести табличек, составленного в царствование того же царя, а также тщательностью, с которой этот труд копировался и переписывался, комментировался и переводился в последующие века, как мы видим из копии, сделанной для царской библиотеки в Ниневии, той, что дошла до нас.

15. Существовала еще третья отрасль так называемой "науки", которая очень занимала умы халдео-вавилонян с самых ранних времен и до последних дней их существования: это было искусство гадания, т.е. Гадание и предсказание будущих событий по знакам и предзнаменованиям, суеверие, порожденное старой верой в то, что каждый объект неживой природы одержим или населен духом, и более поздней верой в высшую силу, управляющую миром и человеческими делами до мельчайших деталей, и постоянно проявляющую себя через все вещи в природе, как через вторичные агенты, так что ничто не может произойти без какого-то более глубокого значения, которое может быть обнаружено и объяснено специально обученными и благосклонными людьми. В случае атмосферных пророчеств, касающихся погоды и урожая, связанных с появлением облаков, неба и луны, силой и направлением ветров и т. д., возможно, существовали какие-то реальные наблюдения, на которых они основывались. Но совершенно ясно, что такая концепция, если ее последовательно довести до крайности и применять без разбора ко всему, должна привести к вопиющей глупости. Так, несомненно, было с халдео-вавилонянами, которые не только тщательно отмечали и объясняли сны, тянули жребий в сомнительных случаях с помощью начертанных стрел, толковали шелест деревьев, плеск фонтанов и журчание ручьев, направление и форму молний, не только воображали, что могут видеть вещи в чашах с водой

и в изменчивых формах, которые принимало пламя, сжигавшее жертвы, и дым, поднимающийся от него, и что они могут воскрешать и вопрошать духов умерших, но извлекали предсказания и предзнаменования, добрые или злые, из полета птиц, вида печени, легких, сердца и кишок животных, принесенных в жертву и открытых для осмотра, из природных дефектов или уродств младенцев или молодых животных - словом, из всего, что они могли подвергнуть наблюдению.

16. Эти самые глупые из всех видов спекуляций были сведены в мельчайшую и очевидно научную систему довольно рано, как астрология и заклинания, и составляют предмет третьего сборника, насчитывающего около ста табличек и, вероятно, составленного теми же неутомимыми жрецами Агадака для Саргона, который, очевидно, отличался методичностью и стремился навсегда зафиксировать все традиции и результаты многовековых наблюдений и практического опыта, связанные с любой отраслью религиозной науки, в форме тщательно классифицированных правил для руководства жрецов на все последующие века. Этот сборник дошел до нас в еще более неполном и изуродованном состоянии, чем другие; Но сохранилось достаточно, чтобы показать нам, что здравомыслящий и религиозно настроенный халдео-вавилонянин должен был всю свою жизнь записывать самые абсурдные мелочи и расспрашивать о них прорицателей и жрецов, чтобы не попасть впросак, неправильно истолковав знаки и приняв их за благоприятное предзнаменование, предвещающее страшную беду, или наоборот, и таким образом совершить или оставить их не совершёнными в неподходящий момент и неподходящим образом. Что вызывает, пожалуй, еще большее удивление, так это полнейшая нелепость некоторых происшествий, которые серьезно описываются как влияющие на благосостояние не только отдельных людей, но и всей страны. Что мы скажем, например, о значении, которое придается разбирательству с бродячими собаками? Вот некоторые из них, приведенные г-ном Фр. Ленорманом в его ценнейшей и интереснейшей книге о халдейских гаданиях: - "Если серая собака войдет во дворец

"Если серая собака войдет во дворец, последний будет сожжен пламенем; - если желтая собака войдет во дворец, последний погибнет в жестокой катастрофе; - если рыжая собака войдет во дворец, мир будет заключен с врагами; - если собака войдет во дворец и не будет убита, мир во дворце будет нарушен.-Если собака войдет в храм, боги не помилуют землю.- Если белая собака войдет в храм, его фундамент устоит.-Если черная собака войдет в храм, его фундамент пошатнется.-Если серая собака войдет в храм, последний потеряет свои владения..... Если собаки соберутся в отряды и войдут в храм, никто не останется у власти.... Если собака извергнется в дом, то хозяин того дома умрет".

17. Глава о чудовищных рождениях обширна. В ней не только зафиксированы все возможные аномалии, от лишнего пальца на руке или ноге до уха, меньшего, чем другое, с соответствующими предвестиями добра или зла для страны, короля, армии, но и серьезно перечислены самые невозможные чудовища с указанием политических условий, признаками которых они, как предполагается, являются. Например, "Если женщина родит ребенка с львиными ушами, то могучий царь будет править страной... с птичьим клювом - будет мир в стране..... Если царица родит ребенка с лицом льва, у царя не будет соперника... если со змеей, царь будет могущественным.... Если кобыла родит жеребенка с львиной гривой, то владыка земли уничтожит своих врагов ... если собачьими лапами, то земля уменьшится ... если львиными лапами, то земля увеличится.... Если овца родит льва, будет война, у царя не будет соперника.... Если кобыла родит собаку, то будет бедствие и голод".

18. Три великие отрасли религиозной науки - астрология, заклинания и гадания - были представлены тремя соответствующими классами "мудрецов", принадлежавших в разной

степени к жречеству: звездочетами или астрологами, магами или колдунами и прорицателями или гадателями. Последние, в свою очередь, делились на множество более мелких классов в зависимости от конкретного вида гадания, которым они занимались. Одни посвящали себя толкованию снов, другие - полетам птиц, знакам атмосферы или случайным знакам и предзнаменованиям в целом. Все они пользовались постоянным спросом, к ним обращались как цари, так и частные лица, и все действовали в строгом соответствии с правилами и принципами, изложенными в трех великих трудах времен царя Саргона. Когда Вавилонская империя прекратила свое существование, а халдеи перестали быть народом, эти тайные искусства продолжали практиковаться ими, а название "халдей" стало нарицательным, синонимом "мудреца Востока" - астролога, мага или прорицателя. Они рассеялись по всему миру, неся с собой свою обманчивую науку, практикуя и преподавая ее, везде их принимали доверчивые и суеверные люди, часто высоко почитали и всегда богато платили. Таким образом, именно от халдеев и их предшественников Шумиро-Аккадов вера в астрологию, колдовство и всевозможные гадания перешла к народам Европы вместе с сопутствующими им практиками, многие из которых мы находим сохранившимися даже в наши дни среди менее образованных слоев населения. Сами слова "магия" и "маг", вероятно, являются наследием той далекой древности. Одним из слов, означающих "жрец", в старом туранском языке Шумира было *imga*, которое в более позднем семитском языке превратилось в *tag*. *Раб-маг* - "великий жрец" или, возможно, "главный колдун" - был высокопоставленным лицом при дворе ассирийских царей. Отсюда "magus", "магия", "маг" во всех европейских языках, начиная с латыни и ниже.

19. Нет сомнений, что у нас мало оснований быть благодарными за такую реликвию, как эта масса суеверий, которые породили столько зла в мире и до сих пор время от времени приносят немало бед. Но мы не должны забывать, что в сравнении с ней есть много прекрасных вещей, наиболее важных *dis coveries* в области астрономии и математики, которые пришли к нам из того же далекого источника. Древним халдеям-вавилонянам мы обязаны не только нашим делением времени, но и изобретением солнечных часов, а также недель из семи дней, посвященных последовательно Солнцу, Луне и пяти планетам, - и этот порядок сохраняется до сих пор, а названия наших дней - всего лишь перевод халдейских. Более того, еще во времена Саргона Агадского существовали дни, выделенные и священные, как дни отдыха; именно от семитов Вавилонии - возможно, от халдеев Ура - и название, и соблюдение перешли к еврейской ветви расы, племени Авраама. Джордж Смит нашел ассирийский календарь, в котором день под названием *Сабатту* или *Сабаттув* объясняется как "завершение работы, день отдыха для души". В этот день, оказывается, нельзя было готовить пищу, менять одежду, приносить жертву; царю запрещалось говорить публично, ездить на колеснице, исполнять любые военные или гражданские обязанности, даже принимать лекарства. [AV] Это, несомненно, настолько строгое соблюдение субботы, насколько может пожелать самый ортодоксальный иудей. Однако между ними есть существенные различия. Во-первых, вавилоняне соблюдали *пять* субботних дней в месяц, то есть больше одного в неделю; во-вторых, они приходились на определенные дни каждого месяца, независимо от дня недели: 7, 14, 19, 21 и 28 числа. Этот обычай, по-видимому, перешел к ассирийцам, и есть признаки, которые позволяют предположить, что его разделяли и другие народы, связанные с евреями, вавилонянами и ассирийцами, например, финикийцы.

ССЫЛКИ:

[AR] См. А. Н. Sayce, "The Ancient Empires of the East" (1883), p. 389.

[AS] Rawlinson's "Five Monarchies", Vol. I., p. 164.

[AT] Именно статуя этой богини Наны была унесена эламским завоевателем Худур-Нанхунди в 2280 году до н. э. и восстановлена на своем месте Ассурбанипалом в 645 году до н. э.

[AU] Три круга над богом представляют Луну-бога, Солнце-бога и Иштар. Об этом нам сообщают две строки надписи, которая шла над крышей.

[AV] Фридрих Делицш, "Beigaben" к немецкому переводу "Халдейского Бытия" Смита (1876), стр. 300. А. Х. Сайс, "Древние империи Востока" (1883), с. 402. В. Лотц, "Quæstiones de Historia Sabbati."

VI.

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ.

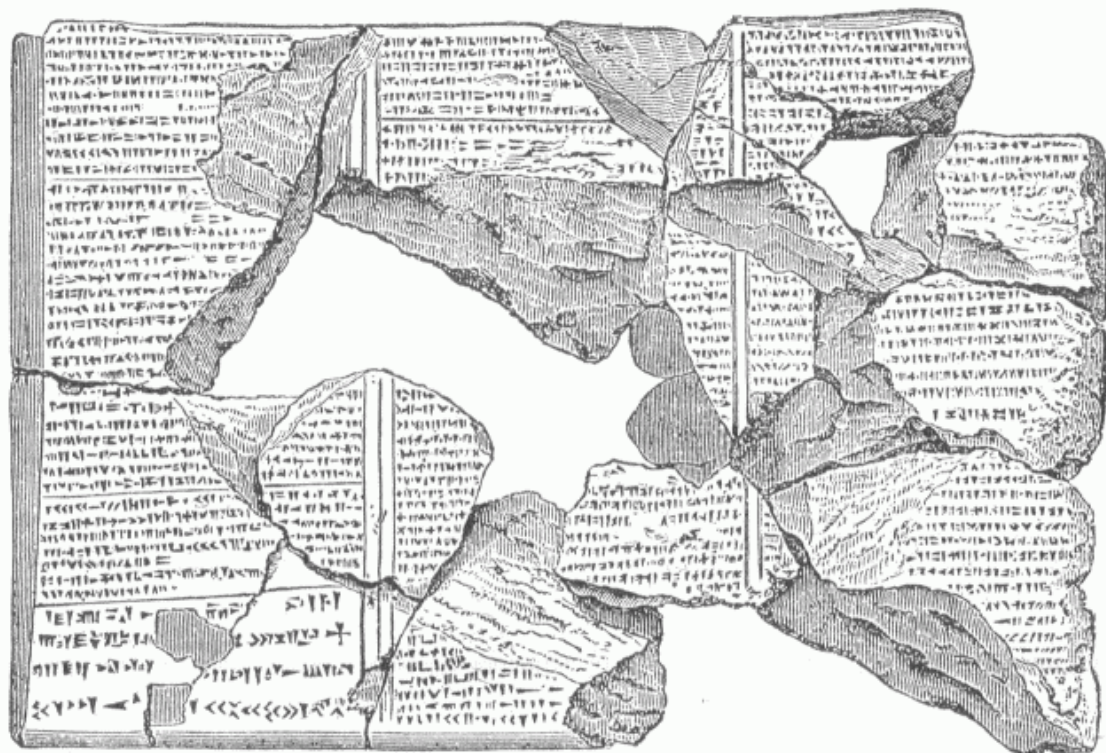
1. В жизни каждого ребенка наступает момент, когда он перестает воспринимать мир и все, что в нем происходит, как нечто само собой разумеющееся, когда он начинает удивляться и задавать вопросы. Первый, самый главный вопрос, естественно, звучит так: "Кто все это создал? Солнце, звезды, море, реки, цветы и деревья - откуда они взялись? Кто их создал?" И на этот вопрос мы готовы ответить: "Все это создал Бог". Единый, Всемогуший Бог сотворил мир и все, что в нем, по Своей собственной суверенной воле". Когда ребенок спрашивает: "Как Он это сделал?", мы читаем ему историю Сотворения, которая является началом Библии, нашей Священной Книги, либо без каких-либо замечаний по ней, либо с предупреждением, что для полного и правильного понимания ее необходимы годы и знания многих видов. Этими же вопросами во все века задавались и дети, и мужчины. С тех пор как человек существует на земле, с тех пор как он начал в перерывах между отдыхом, в тяжелом труде и борьбе за жизнь и конечности, за пищу и тепло поднимать голову и смотреть на окружающие его чудеса, он размышлял и задавал вопросы. И на этот вопрос каждый народ, следуя своим собственным представлениям, давал практически один и тот же ответ; один и тот же по сути и духу (потому что единственно возможный), признавая действие Божественной силы, наполняющей мир жизнью и устанавливающей законы природы, - но часто очень разный по форме, поскольку почти каждое вероучение не достигло высшей религиозной концепции - Единого Божества, неделимого и всемогущего, - и великое деяние приписывалось многим богам - "богам", а не Богу. Это, конечно, открывало путь для бесчисленных, более или менее изобретательных причуд и капризов относительно того, какую роль в этом сыграло то или иное конкретное божество. Таким образом, все расы, народы и даже племена выработали для себя собственную Космогонию, то есть свои представления о происхождении мира. Большинство из них, не достигнув высокой культуры или литературного мастерства, сохранили в памяти учения своих жрецов и передавали их из

уст в уста от отца к сыну; так происходит и сейчас у многих народов, о которых мы даже не подозреваем, - у всех коренных племен Африки, жителей островов Австралии и Тихого океана и некоторых других. Но народы, которые интеллектуально шли впереди человечества и влияли своими мыслями и учениями на длинный ряд грядущих рас, записывали в книгах выводы, к которым они пришли по великим вопросам, всегда волновавшим сердце и разум человека; они бережно хранились и время от времени переписывались для обучения каждого подрастающего поколения. Таким образом, многие великие народы древности обладали Священными Книгами, которые, будучи написаны в далекой древности их лучшими и мудрейшими людьми, почитались не только как нечто святое, но и как нечто выходящее за пределы неограниченных возможностей человеческого интеллекта, как нечто переданное, открытое непосредственно самим божеством, и поэтому должны были быть приняты, не подвергаясь сомнению, как абсолютная истина. Понятно, что в интересах жрецов, хранителей и учителей всех религиозных знаний, было поощрять и поддерживать в широких слоях населения эту беспрекословную веру.

2. Из всех известных нам книг такого рода ни одна не представляет большего интереса и важности, чем священные книги Древней Вавилонии. Не только потому, что они являются самыми древними из известных, поскольку хранились в жреческих библиотеках Агаде, Сиппара, Кутха и т. д. в невероятно ранние времена, но главным образом потому, что предки евреев во время своего долгого пребывания в земле Шинар усвоили содержащиеся в них легенды и истории и, переработав их в соответствии со своими собственными высшими религиозными представлениями, переделали их в повествование, которое было записано много веков спустя как часть Книги Бытия.

3. Первоначальные священные книги приписывались самому богу Ка, олицетворению Божественного Разума и учителю человечества в виде первого человека-рыбы, Оаннеса (это имя - лишь греческое искажение аккадского Ка-хана, "Ка-рыба") [AW] Так сообщает нам Беросус. Описав Оаннеса и его дела (см. с. 185), он добавляет, что "он написал Книгу о происхождении вещей и зарождении цивилизации и дал ее людям". Происхождение вещей" - это история сотворения мира, космогония. Соответственно, это то, что Беросус продолжает излагать, цитируя прямо из книги, ибо он начинает: "Было время, *говорит он* (имеется в виду Оаннес), когда все было тьмой и водой". Далее следует очень ценный фрагмент, но, к сожалению, только фрагмент, один из немногих, сохранившихся у поздних греческих писателей, которые цитировали старого вавилонского жреца в своих целях, в то время как сама работа была каким-то образом уничтожена и утеряна. Правда, эти фрагменты содержат краткие наброски нескольких наиболее важных легенд; но все же, какими бы ценными они ни были, они передают лишь информацию из вторых рук, собранную, действительно, из первоисточников ученым и добросовестным писателем, но для использования чужой расой, чрезвычайно сжатую, и, кроме того, с именами, измененными в соответствии с языком этой расы. Пока отсутствовали "первоисточники", в изучении Библии и вавилонской религии оставался пробел, который никакая изобретательность не могла заполнить. Поэтому велики были восторг и волнение как ассириологов, так и библеистов, когда Джордж Смит, сортируя тысячи фрагментов табличек, которые годами засоряли пол некоторых отдаленных комнат Британского музея, случайно наткнулся на некоторые, которые, очевидно, были частями оригинальных священных легенд, частично переведенных Берозом. Разыскать все доступные фрагменты драгоценных документов и собрать их воедино стало задачей всей жизни Смита. И поскольку почти все найденное им принадлежало копиям из Королевской библиотеки в Ниневии, именно для пополнения коллекции он предпринял свою первую экспедицию в ассирийские курганы, откуда ему посчастливилось привезти множество недостающих фрагментов, также принадлежащих разным копиям, так что одна часто

дополняла другую. Таким образом, древнейшие халдейские легенды были в значительной степени восстановлены, хотя, к сожалению, очень немногие таблички сохранились в достаточно хорошем состоянии, чтобы можно было составить полностью понятное и непрерывное повествование. Не только многие части все еще отсутствуют полностью, но и из тех, что были найдены, собраны по кусочкам, нет ни одной, в которой одна или несколько колонок не были бы повреждены таким образом, что либо начало, либо конец всех строк исчезли, либо целые строки вырваны или стерты, и лишь несколько слов остались тут и там. О том, насколько безнадежной порой казалась эта задача терпеливым работникам, можно судить по приведенному выше образцу, собранному из шестнадцати кусочков, который Geo. Смит в своей книге. Это одна из так называемых "табличек потопа", то есть тех, которые содержат халдейскую версию истории о потопе. К счастью, было найдено больше копий этой истории, чем всех остальных, иначе нам пришлось бы довольствоваться кратким наброском, сделанным Берозом.

61.-

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА ТАБЛИЧКИ С РАССКАЗОМ О ПОТОПЕ.

(Smith's "Chaldean Genesis").

4. Если, таким образом, древние вавилонские легенды о зарождении мира будут приведены здесь в связном виде, ради удобства и простоты, следует ясно понимать, что они не были сохранены для нас в таком виде, но являются результатом долгой и терпеливой работы по исследованию и восстановлению, работы, которая все еще продолжается; и каждый год, почти каждый месяц, приносит новые материалы, некоторые дополнения, некоторые исправления к старым. И все же, даже в том виде, в каком эта работа находится сейчас, она позволяет нам утверждать, что наши знания об этой чудесной древности полнее и достовернее, чем о многих других эпохах и народах, не столь отдаленных от нас по месту и расстоянию.

5. Космогоническое повествование, составляющее первую часть того, что Джео. Смит очень метко назвал "халдейским Бытием", содержится в нескольких табличках. Поскольку оно начинается словами "*Когда выше*", все они пронумерованы как № 1, или 3, или 5 "из серии

Когда выше". *Собственность Ассурбанипала, царя народов, царя Ассирии*". Первые строки целы: "Когда небо вверху и земля внизу были еще безымянны" (т.е, (то есть, согласно семитским представлениям, *не существовали*) - Апсу ("Бездна") и Мумму-Тиамат ("бурлящее море") были началом всех вещей; их воды смешивались и текли вместе; это был Первобытный Хаос; он содержал зародыши жизни, но "тьма не была поднята" с вод, и поэтому ничего не проросло и не росло - (ибо никакой рост или жизнь невозможны без света). Богов тоже не было; "они были еще безымянны и не управляли судьбами". Затем появились великие боги и божественное воинство неба и земли (Духи неба и земли). "И потянулись дни, и бог Ану (Небо)..." На этом текст резко обрывается; вероятно, однако, что в нем рассказывалось о том, как после долгого перерыва появились боги Ану, Ка и Бел, первая и верховная триада. Следующий фрагмент, который достаточно хорошо сохранился, чтобы можно было сделать связный перевод, рассказывает о создании небесных тел : "Он" (Ану, в чьем особом ведении находились высшие небеса, поэтому их часто называют "небесами Ану") "назначил жилища великих богов" (знаки Зодиака), установил звезды, упорядочил месяцы и год, определил их начало и конец; установил планеты, чтобы ни одна из них не отклонялась от отведенного ей пути; "он назначил жилища Бэла и Ка своими собственными; он также открыл великие небесные врата, крепко закрепив их засовы справа и слева" (восток и запад); он заставил Наннар (Луну) светить и выделил ему ночь, определив время его четвертей, которыми измеряются дни, и сказав ему: "Вставай и заходи, и будь подчинен этому закону". Другая табличка, из которой понятно только начало, рассказывает о том, как боги (на этот раз во множественном числе) создали живых существ, населяющих землю, скот полевой и городской, диких зверей полевых, гадов полевых и городских, словом, всех живых существ.

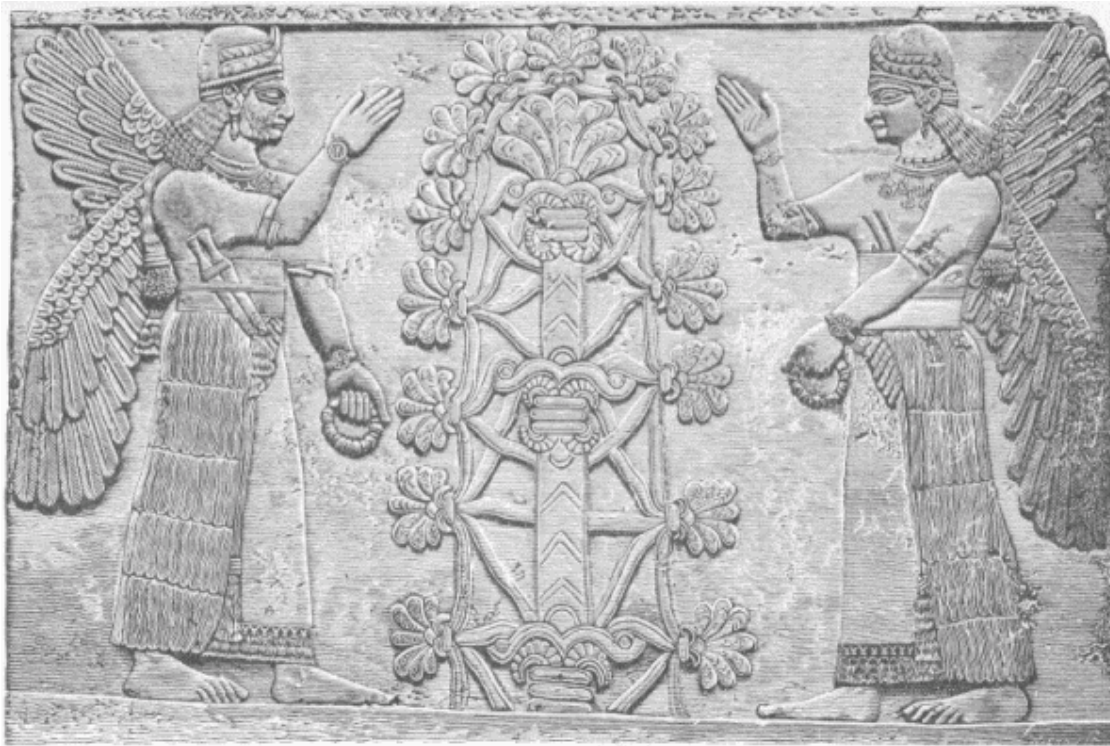
62.-

ВАВИЛОНСКИЙ ЦИЛИНДР, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ИЗОБРАЖАЮЩИЙ ИСКУШЕНИЕ И ГРЕХОПАДЕНИЕ.

6. Есть несколько табличек, на которых, как предполагается, рассказывается о сотворении человека и, возможно, приводится история его непослушания и грехопадения, соответствующая описанию в Бытие; но, к сожалению, они находятся в слишком изуродованном состоянии, чтобы можно было с уверенностью утверждать это, а других копий до сих пор не обнаружено. Однако вероятность того, что так было на самом деле, очень велика, и ее значительно повышает цилиндр очень древней вавилонской работы, который сейчас хранится в Британском музее и слишком важен, чтобы не его воспроизвести здесь. Дерево в центре, человеческая пара, протягивающая руки за плодами, змей, стоящий

позади женщины, можно сказать, шепчущий, - все это говорит само за себя. И авторитет этого художественного представления, так странно заполняющего пробел в письменном повествовании, удваивается тем, что гравюры на цилиндрах неизменно взяты из сюжетов, связанных с религией, или, по крайней мере, религиозными верованиями и традициями. Что касается сотворения человека, то недостающие детали мы можем частично извлечь из уже цитированного фрагмента Бероза. Он говорит нам - и столь осведомленный писатель, должно быть, говорил об этом с полным основанием, - что Бел дал свою кровь для замешивания глины, из которой были сформированы люди, и именно поэтому они наделены разумом и имеют в себе долю божественной природы - несомненно, самый гениальный способ выразить смешение земного и божественного элементов, которое сделало человеческую природу столь глубокой и головоломной проблемой для глубоких мыслителей всех веков.

7. Что касается остальной части творения, то рассказ Бероса (цитируемый по книге, которая, как говорят, была дана людям сказочным Оаннесом) согласуется с тем, что мы находим в оригинальных текстах, даже в том несовершенном виде, в каком они дошли до нас. Он говорит, что посреди Хаоса - в то время, когда все было тьмой и водой, - содержащийся в нем принцип жизни, беспокойно работая, но без порядка, сформировался в бесчисленные чудовищные образования: Были существа, похожие на людей, крылатые, с двумя головами, с ногами и рогами козлов, с задней частью лошадей; также быки с человеческими головами, собаки с четырьмя телами и хвостом рыбы, лошади с головами собак, словом, все отвратительные и фантастические сочетания животных форм, прежде чем Божественная Воля разделила их и привела в гармонию и порядок. Все эти чудовищные существа погибли в тот момент, когда Бел отделил небеса от земли, создав свет, - ведь они были порождениями тьмы и беззакония и не могли выдержать нового царствования света, закона и божественного разума. В память об этом разрушении старого хаотичного мира и создании нового, гармоничного и прекрасного, стены знаменитого храма Бел-Мардук в Вавилоне были покрыты росписями, изображающими бесконечное разнообразие чудовищных и смешанных форм, которыми буйная фантазия заселила первобытный хаос; Берос был жрецом этого храма, и он говорит об этих росписях, как о все еще существующих. Хотя в развалинах храма ничего не сохранилось, мы имеем изображения того же рода на многих цилиндрах, которые, используемые в качестве печатей, выполняли функции и личных значков - (почти соблазнительно сказать "гербов") - и талисманов, что подтверждается тем фактом, что такие цилиндры так часто находили на запястьях мертвых в гробницах.

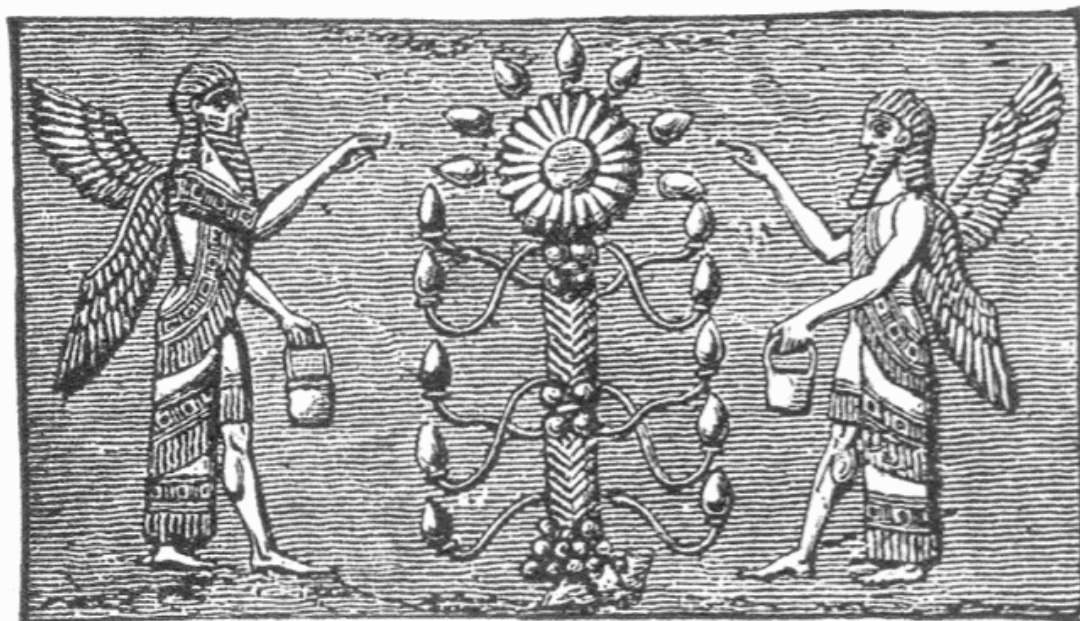
63.- ЖЕНСКИЕ

КРЫЛАТЫЕ ФИГУРЫ ПЕРЕД СВЯЩЕННЫМ ДЕРЕВОМ.

(По фотографии в Британском музее).

8. Замечательный цилиндр с человеческой парой и змеей подводит нас к рассмотрению важнейшего объекта в древней вавилонской или халдейской религии - священного дерева, Древа жизни. То, что это был очень священный символ, ясно из того, что он постоянно воспроизводился на цилиндрах и скульптурах. В этом конкретном цилиндре, как ни груб его дизайн, он имеет безошибочное сходство с настоящим деревом из хвойных пород, кипариса или пихты. Но искусство вскоре овладело им и начало нагружать его симметричными украшениями, пока не создало дерево совершенно обычного дизайна, как показано на следующих образцах, из которых первый склоняется больше к пальме, а второй кажется скорее хвойным. (Рис. № 63 и 65.) Вероятно, такие искусственные деревья, состоящие из ветвей, возможно, пальмы и кипариса, связанных вместе и переплетенных лентами (что-то вроде наших майских столбов), устанавливались в храмах как напоминание о священном символе, и, таким образом, породили фиксированный тип, который остается неизменным как в вавилонских произведениях искусства, которыми мы располагаем, так и на ассирийских скульптурах, где дерево или его часть появляется не только в бегущих орнаментах на стенах, но и на цилиндрах печатей и даже в вышивке на одеяниях царей. В последнем случае почти наверняка, исходя из веры в талисманы, которую ассирийцы унаследовали вместе со всей своей религией от халдейской родины, этот орнамент был выбран не только как соответствующий сакральности царской персоны, но и как посвящение и защита. О святости символа свидетельствуют и коленопреклоненная поза животных, которые иногда сопровождают его (см. рис. 22, с. 67), и поклонение человеческих фигур или крылатых духов, сопровождающих его, и преобладание священного числа семь в его составных частях, и тот факт, что он воспроизведен на многих из тех глазурованных глиняных гробов, которых так много в Варке (древний Эрех). Последний факт ясно показывает, что дерево-символ означало не только жизнь вообще, жизнь на земле, но и надежду на жизнь вечную, за гранью могилы, иначе зачем бы его дарили мертвым? Эти гробы в Варке, правда, относятся к позднему периоду, некоторые из них уже через пару сотен лет после Христа, но древние традиции и их значение, несомненно, сохранились.

Другой важной деталью является то, что конус часто можно увидеть в руках людей или духов, и образом, связанным с поклонением или благоприятной защитой; иногда он прижимается к ноздрям короля его сопровождающими духами-покровителями (известными по их крыльям); жест, имеющий несомненное значение, поскольку в древних языках "дыхание ноздрей" является синонимом "дыхания жизни".

ДУХИ ПЕРЕД СВЯЩЕННЫМ ДЕРЕВОМ.

(Smith's "Chaldea".)

64.- КРЫЛАТЫЕ

65.- САРГОН

АССИРИЙСКИЙ ПЕРЕД СВЯЩЕННЫМ ДЕРЕВОМ.

(Перро и Чипес.)

9. Не может быть более естественной ассоциации идей, чем ассоциация растительности, представленной деревом, с жизнью. Своим вечным ростом и развитием, богатством ветвей и листвы, цветением и плодоношением оно является благородной и яркой иллюстрацией мира в самом широком смысле - Вселенной, Космоса, а сок, который одинаково течет по стволу и по жилкам самого маленького листочка, втягивается непостижимым образом через невидимые корни из питающей земли, еще более убедительно указывает на тот таинственный принцип, Жизнь, который, *как нам кажется*, мы понимаем, поскольку видим

его действие и ощущаем в себе, но истоки которого никогда не будут достигнуты, как никогда не будет решена его проблема, ни пытливостью экспериментальной науки, ни размышлениями созерцательной спекуляции; жизнь вечная, ибо природа вечна, и дерево, которое сегодня черно и безжизненно, как мы знаем из долгого опыта, не умерло, а возродится в полноте времени, и распухнет, и вырастет, и принесет плоды снова. Все эти вещи, как *мы* знаем, являются следствиями законов; но древние приписывали их живым Силам, - Хтоническим Силам (от греческого слова Chthon, "земля, почва"), которые некоторые более поздние и мечтательные мыслители называли странно, но не без основания, "Матерями", таинственно работающими в глубинах тишины и тьмы, невидимыми, недостижимыми и неисчерпаемо плодотворными. Что может быть более совершенным символом или представителем этих сил, чем Дерево, означающее растительность, одно для всех, часть для целого? Оно настолько близко, что в более поздние времена его расширили, чтобы охватить всю вселенную, в величественной концепции Космического Древа, которое имеет корни на земле и небо для своей кроны, а его плоды - золотые яблоки - звезды, и Огонь - красная молния.

66.- ОРЛИНАЯ

ГОЛОВА ПЕРЕД СВЯЩЕННЫМ ДЕРЕВОМ.

(Смит "Халдея").

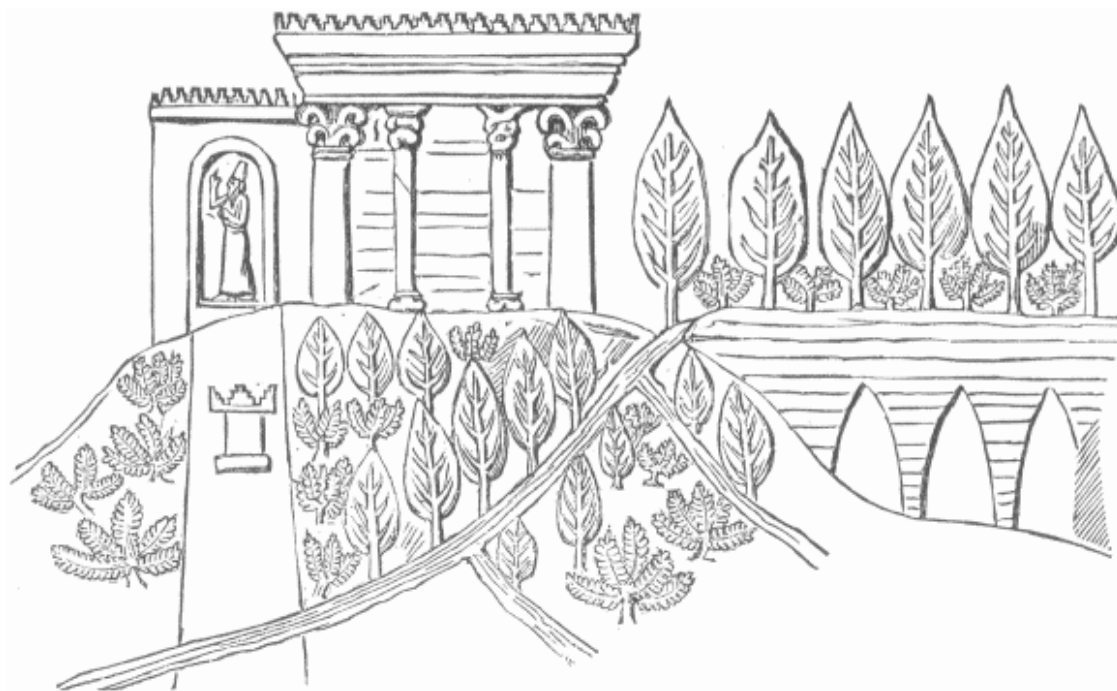
67.- ЧЕТЫРЕХКРЫЛАЯ

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ФИГУРА ПЕРЕД СВЯЩЕННЫМ ДЕРЕВОМ.

(Перро и Чипес.)

10. Все эти наводящие на размышления и поэтические фантазии сами по себе были бы достаточны, чтобы сделать дерево-символ любимым среди такого вдумчивого и глубокого народа, как древние халдеи. Но есть и нечто большее. Он тесно связан с другой традицией, в той или иной форме присущей всем народам, достигшим достаточно высокого уровня культуры, чтобы заявить о себе в мире, - традицией об изначальной обители предков, прекрасной, счастливой и отдаленной, о Рае. Обычно его представляют в виде огромной горы, орошаемой источниками, которые превращаются в великие реки, на которой растет одно или несколько деревьев, обладающих чудесными свойствами и священным

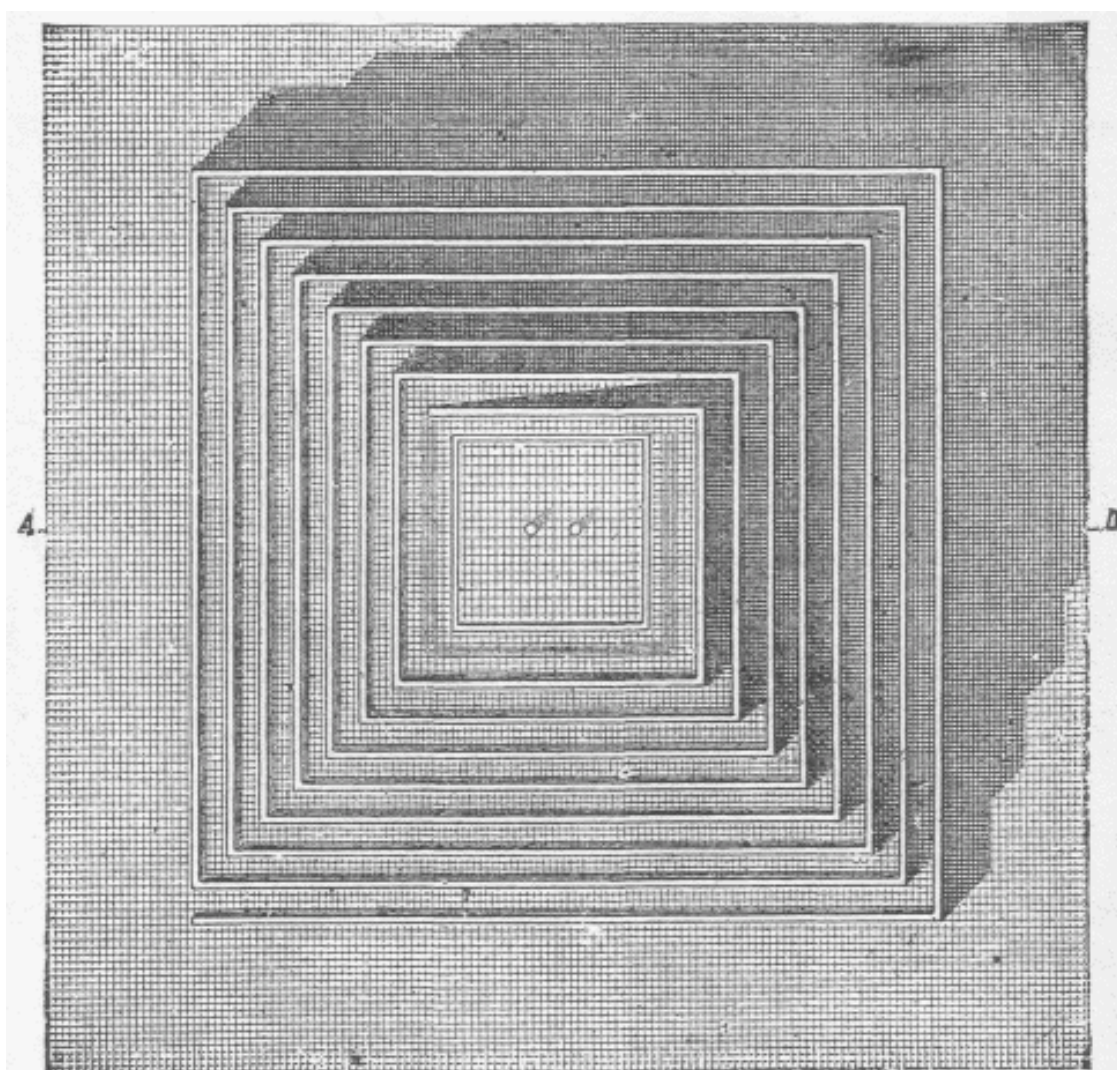
характером, и которая считается главной резиденцией богов. Каждый народ определяет его местонахождение в соответствии со своими географическими познаниями и смутными, полузабытыми воспоминаниями. Многие тексты, как на старом аккадском, так и на ассирийском языках, убедительно доказывают, что халдейская религия сохраняла отчетливое и благоговейное представление о такой горе и помещала ее крайнем севере или северо-востоке, называя ее "Отцом стран", что явно является намеком на первоначальное место обитания человека - "Гору стран" (т.е, "Главная гора мира"), а также Араллу, потому что там, где обитали боги, они также представляли вход в Арали как Землю мертвых. Там же герои и великие люди должны были вечно пребывать после смерти. Там есть земля с серебряным небом, земля, которая дает урожай без обработки, где благословения для еды и ликования, которые, как надеются, царь получит в награду за свое благочестие, насладившись при жизни всеми земными благами".[AX] В старом аккадском гимне священная гора, которая идентична той, которую представляли как столб, соединяющий небо и землю, столб, вокруг которого вращаются небесные сферы (см. с. 153), называется "горой Бэла, на востоке, чья двойная голова достигает небес; которая подобна могучему буйволу в покое, чей двойной рог сверкает, как солнечный луч, как звезда". Это представление было настолько ярким в народном сознании, и так велико было благоговение перед ним, что во дворцах царей и храмах богов пытались воспроизвести тип священной горы. Это одна из причин, почему они строили и то, и другое на искусственных холмах. В Британском музее хранится скульптура из Коюнджика, изображающая такой храм или, возможно, дворец на вершине кургана, превращенного в сад и орошаемого ручьем, вытекающим из "висячего сада" справа, который был выложен на платформе из каменной кладки, поднятой на арках; вода подводилась с помощью машин. Это прекрасный образец "рая", как называли эти искусственные парки греки, которые заимствовали это слово (означающее "парк" или "сад") у персов, которые, в свою очередь, позаимствовали его у ассирийцев и вавилонян, когда завоевали империю последних. *Зиккурат*, или ступенчатая пирамидальная конструкция с храмом или святилищем на вершине, также обязан своей особой формой той же первоначальной концепции: как боги обитали на вершине Горы Мира, так и их святилища должны были занимать положение, настолько похожее на их резиденцию, насколько позволяли слабые средства человека. То, что это не пустая фантазия, доказывает само название "Зиккурат", что означает "*горная вершина*", а также названия некоторых из этих храмов: один из старых *est* и самый известный, в городе Асшур, был назван "Дом Горы стран". Прекрасное изображение зиккурата, как он должен был выглядеть с окружающей его пальмовой рощей у реки, дано нам на скульптурной плите, также из Коюнджика. Оригинал, очевидно, небольшой, состоящий, вероятно, из пяти ступеней, помимо платформы, на которой он построен, с двумя симметричными дорожками для подъема. Некоторые, как, например, великий храм в Уре, имели только три ступени, другие - семь - всегда одно из трех священных чисел: три, соответствующее божественной триаде; пять - пяти планетам; семь - планетам, солнцу и луне. Знаменитый Храм Семи Сфер в Борсипе (Бирс-Нимруд), уже часто упоминавшийся и перестроенный Навуходоносором около 600 г. до н. э. из гораздо более древнего сооружения, как он объясняет в своей надписи (см. с. 72), был, вероятно, самым великолепным, поскольку был самым большим; кроме того, он единственный, о котором мы имеем подробные и достоверные описания и измерения, которые лучше всего привести в этом месте, почти полностью словами Джорджа Роулинсона: [AY]

68.- ХРАМ И

ВИСЯЧИЕ САДЫ В КОЮНДЖИКЕ.

(Британский музей.)

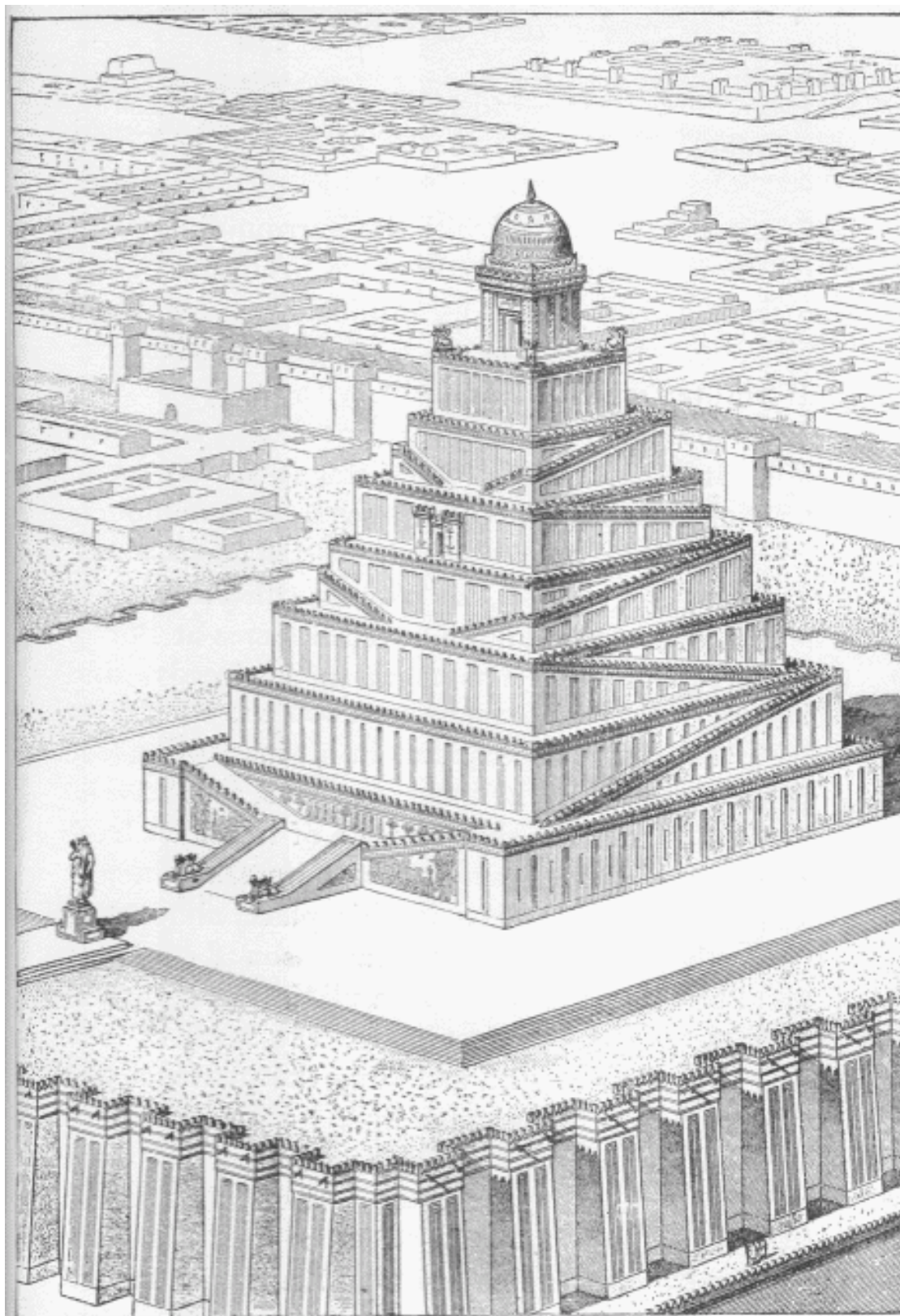

69.- ПЛАН

ЗИККУРАТА.

(Перро и Чипес.)

11. Храм возвышается на платформе, исключительно низкой - всего на несколько футов выше уровня равнины; вся высота, включая платформу, составляла 156 футов по перпендикулярной линии. Ступени, четыре верхних из которых были ниже первых трех, одинаково отступали друг от друга с трех сторон, но с четвертой стороны - вдвое больше, вероятно, для того, чтобы представить более внушительный фронт с равнины и облегчить подъем. "Орнамент здания был выполнен в основном с помощью цвета. Семь ступеней представляли собой семь сфер, в которых двигались, согласно древнехалдейской астрономии, семь планет. Каждой планете фантазия, отчасти опираясь на факты, издревле присваивала особый оттенок или тон. Солнце (Шамаш) было золотым, Луна (Син или Наннар) - серебряной, далекий Сатурн (Адар), находящийся почти за пределами видимости, - черным, Юпитер (Мардук) - оранжевым, огненный Марс (Нергал) - красным, Венера (Иштар) - бледно-желтой, Меркурий (Небо или Набу, чье святилище находилось на верхней ступени) - темно-синим. Семь ступеней башни давали зримое воплощение этим причудам. Цокольная ступень, посвященная Сатурну, была зачернена с помощью битума, нанесенного на лицевую сторону кладки; вторая ступень, посвященная Юпитеру, приобрела соответствующий оранжевый цвет с помощью облицовки из обожженных кирпичей этого оттенка; третья ступень, посвященная Марсу, была сделана кроваво-красной с помощью полуобожженных кирпичей из ярко-красной глины; четвертая ступень, посвященная Солнцу, кажется, была фактически покрыта тонкими пластинами золота; пятая, ступень Венеры, получила бледно-желтый оттенок благодаря использованию кирпичей такого оттенка; шестая, сфера Меркурия, получила лазурный оттенок благодаря стеклованию; после возведения вся ступень была подвергнута сильному нагреву, в результате чего составляющие ее кирпичи превратились в массу голубого шлака; седьмая ступень, Луна, вероятно, как и четвертая, была покрыта настоящими металлическими пластинами. Таким образом, здание поднималось вверх полосами разного цвета, расположенными почти так же, как хитрая рука природы располагает оттенки в радуге: сначала шли красные тона, затем широкая полоса желтого, за которой следовал синий. Над ними сияющая серебристая вершина перетекала в яркий блеск неба..... Башню следует рассматривать как обращенную на северо-восток, самую прохладную сторону, наименее подверженную воздействию солнечных лучей с того момента, как они стали гнетущими в Вавилонии. С этой стороны находился подъем, который, вероятно, состоял из широкой лестницы, протянувшейся вдоль всего фасада здания. Боковые площадки, во всяком случае, первой и второй ступеней, а возможно, и всех, были заняты рядом камер..... В них, несомненно, проживали жрецы и другие служители храма...."

70.- "ЗИККУРАТ"

ВОССТАНОВЛЕН. СОГЛАСНО ВЕРОЯТНОСТИ.

(Перро и Чипес.)

12. Интерес к этому храму, замечательному самому по себе, значительно усиливается тем обстоятельством, что его руины на протяжении многих веков рассматривались как руины идентичной Вавилонской башни из Библии. Еврейские литераторы, путешествовавшие по стране в Средние века, положили начало этой идее, которая быстро распространилась на

Западе. Предполагают, что на эту мысль натолкнули стеклообразные фрагменты внешнего покрытия шестой, голубой, ступени (Меркурия или Небо), состояние которых объяснялось ударом молнии в здание.

71.- БИРС-

НИМРУД (ДРЕВНИЙ БОРСИП).

(Перро и Чипес.)

13. То, что зиккураты Халдеи должны были использоваться не только как постаменты для возведения святынь, но и как обсерватории жрецами-астрономами и астрологами, вполне соответствовало сильной смеси поклонения звездам, привитой к более древней религии, и власти, приписываемой небесным телам над поступками и судьбами людей. Поэтому эти сооружения были приспособлены для астрономических целей, так как их углы были очень аккуратно размещены и указывали точно на четыре кардинальные точки - север, юг, восток и запад. Только два исключения были найдены из этого правила: одно в Вавилоне, и ассирийский зиккурат в Калахе (Нимруд), исследованный Лэйярдом, у которого стороны, а не углы, обращены к кардинальным точкам. Ассирийцы, которые перенесли всю свою культуру и религию на север со своей древней родины, также сохранили эту освященную форму архитектуры, с той разницей, что у них зиккураты не были храмом и обсерваторией в одном, а только обсерваториями, пристроенными к храмам, которые строились на более независимых принципах и в более широком масштабе, часто занимая такую же площадь, как и дворец.

14. Необычная ориентация халдейских зиккуратов (впоследствии сохраненная ассирийцами), т.е. способ их расположения, при котором они повернуты к кардинальным точкам своими углами, а не гранями, как египетские пирамиды, за единственным исключением, долгое время была загадкой, для решения которой не хватало астрономических соображений. Но совсем недавно, в 1883 году, мистер Пинчес, преемник Джео. Смита в Британском музее, нашел небольшую табличку, содержащую списки знаков, затмений и т.д., влияющих на различные страны, и содержащую следующее краткое географическое уведомление, иллюстрирующее положение, отведенное кардинальным точкам: "Юг - Элам, север - Аккад, восток - Суэдин и Гутиум, запад - Финикия. Справа - Аккад, слева - Элам, впереди - Финикия, позади - Суэдин и Гутиум". Чтобы понять, какое отношение эта топография имеет к рассматриваемому вопросу, мы должны изучить древнюю карту, и

тогда мы сразу поймем, что направление, указанное табличкой на юг (Элам), соответствует нашему юго-востоку; направление на север (Аккад) соответствует нашему северо-западу; а запад (Финикия, т.е. Запад (Финикия, т.е. побережье Средиземного моря почти до Египта) означает наш юго-запад, а восток (Гутиум, нагорье, где Армянские горы соединяются с Загросом, ныне Курдскими горами) - наш северо-восток. Если мы повернем карту так, чтобы Персидский залив проходил перпендикулярно Вавилону, мы получим желаемый эффект, и тогда нам станет ясно, что Зиккураты действительно были обращены своими сторонами к кардинальным точкам, согласно халдейской географии, и что открытие маленькой таблички, как было отмечено при ее изготовлении, "разрешает трудный вопрос о различии в ориентации между ассирийскими и египетскими памятниками". Далее было высказано предположение, что "две системы кардинальных точек, несомненно, происходят от двух разных рас, и их определение, вероятно, связано с географическим положением первобытного дома каждой расы". Теперь юго-запад называется "фронтом", "и миграции людей, таким образом, должны были происходить с северо-востока на юго-запад". [AZ] Это прекрасно согласуется с гипотезой или предположением о направлении, с которого Шумиро-Аккады спустились в низины у залива (см. стр. 146-8), и, кроме того, заставляет нас задаться вопросом, не связан ли тот факт, что великий Зиккурат Семи Сфер в Борсипе обращен своим фронтом на северо-восток, с той святостью, которая приписывается этому региону как изначальной родине расы и месту расположения той священной горы, которая так часто упоминается как "Великая Гора Стран" (см. с. 280), вдвойне священной, как место встречи богов и место входа в "Араллу" или Нижний Мир. [BA]

15. Следует отметить, что концепция божественной рощи или сада с его священным древом жизни иногда отделялась от концепции священной первозданной горы и переносилась традицией в более близкие и доступные окрестности. О том, что город и район Вавилона могли быть центром такой традиции, свидетельствует древнейшее аккадское название первого - Тин-тир-ки, что означает "Место жизни", а второй назывался Ган-Дуньяш или Кар-Дуньяш - "сад бога Дуньяша", (вероятно, одно из имен бога Ка) - название, которое этот район, хотя и расположенный в земле Аккад или Верхней Халдеи, сохранил до новейших времен как свое собственное. О другой священной роще говорится, что она находится в Эриду. Этот город, самый древний из всех, о которых мы имеем упоминания, находился в устье Евфрата, в самой глубокой и плоской низине, на границе земли и моря, и поэтому был очень уместно посвящен великому духу того и другого, богу Ка, земноводному Оаннесу. Она настолько отождествлялась с ним, что в шумирских гимнах и заклинаниях его сын Меридуг часто упоминается просто как "сын Эриду". Должно быть, это было древнейшее место поклонения духам и колдовского жречества, которое мы находим кристаллизированным в самых ранних шумиро-аккадских священных книгах. Эта невероятная древность относит нас примерно к 5000 году до нашей эры, что объясняет тот факт, что руины этого места, расположенного недалеко от современной арабской деревни Абу-Шахрейн, сейчас так далеко от моря, находясь на значительном расстоянии даже от слияния двух рек, где они образуют Шат-эль-Араб. Священная роща Эриду часто упоминается, и то, что она была связана с традицией о древе жизни, мы видим из фрагмента древнейшего гимна, в котором говорится о "черной сосне, растущей в Эриду, выросшей в чистом месте, с корнями из блестящего кристалла, простирающимися вниз, даже в глубину, отмечая центр земли, в темном лесу, в сердце которого не проникал человек". Не в этом ли причина того, что древесина сосны так часто использовалась в чарах и заклинаниях, как надежный оберег от злых влияний, а сама ее тень считалась благотворной и священной? Но вернемся к легендам о Сотворении и первобытном мире.

72.- БЕБЕЛ

СРАЖАЕТСЯ С ДРАКОНОМ-ТИАМАТОМ (АССИРИЙСКИЙ ЦИЛИНДР).

(Перро и Чипес.)

16. Мумму-Тиамат, олицетворение хаоса, сила тьмы и беззакония, не исчезает со сцены, когда Бел кладет конец ее правлению, уничтожает силой света и порядка ее отвратительное потомство чудовищ и освобождает из ее пут зародыши и зачаточные формы жизни, которые в новом божественном устройстве должны расшириться и объединиться в прекрасный разнообразный, но гармоничный мир, в котором мы живем. Тиамат становится заклятым врагом богов и их творения, великим принципом противостояния и разрушения. Когда обнаружатся пропавшие тексты - если они когда-нибудь обнаружатся, - то, вероятно, выяснится, что змей, искушающий женщину в знаменитом цилиндре, - это не что иное, как форма мятежной и мстительной Тиамат, которую называют то "драконом", то "великим змеем". В конце концов вражду невозможно игнорировать, и дело доходит до смертельной развязки. На совете богов решено, что один из них должен сразиться со злобным драконом; сам Ану изготавливает и демонстрирует полный комплект доспехов, главными элементами которого являются серповидный меч и красиво изогнутый лук. Именно Бел отваживается на эту авантюру и отправляется в путь на великолепной боевой колеснице, вооруженный мечом, луком и своим великим оружием - молнией, посылающей перед собой молнии и рассыпающей стрелы вокруг. Навстречу ему вышла Тиамат, морской дракон, вытянув свое огромное тело, несущее смерть и разрушение, и сопровождаемое своими последователями. Бог бросился на чудовище с такой силой, что повалил ее на землю и уже застегивал путы на ее конечностях, когда она издала великий крик, поднялась и набросилась на праведного вождя богов, а с обеих сторон были подняты знамена, как на битве. Меридуг выхватил меч и ранил ее; в то же время сильный ветер ударил ей в лицо. Она раскрыла пасть, чтобы проглотить Меридуга, но прежде чем она успела закрыть ее, он приказал ветру войти в ее тело. Он вошел в нее и наполнил ее своей жестокостью, потряс ее сердце, разорвал ее внутренности и покорил ее мужество. Тогда бог связал ее и положил конец ее делам, а ее последователи стояли в изумлении, затем сломали свои ряды и бежали, охваченные страхом, видя, что Тиамат, их предводительница, побеждена. Так она и лежала, оружие ее было сломано, сама она, как меч, брошена на землю, в темноте и узах, сознавая свое рабство и испытывая великую скорбь, ее могущество было внезапно сломлено страхом.

73.- БЕЛ

СРАЖАЕТСЯ С ДРАКОНОМ-ТИАМАТОМ (ВАВИЛОНСКИЙ ЦИЛИНДР).

17. Битва Бел-Мардука с драконом была излюбленным эпизодом в цикле халдейской традиции, если судить по количеству изображений, которые мы имеем на вавилонских цилиндрах и даже на ассирийских настенных скульптурах. Тексты, относящиеся к нему, однако, находятся в ужасающем состоянии повреждения, и только последний фрагмент, описывающий финальную битву, может быть прочитан и переведен с чем-то похожим на полноту. Этим заканчивается серия, посвященная Космогонии, или Началу мира. Но ее можно завершить еще несколькими легендами того же примитивного характера, сохранившимися на отдельных табличках, в двойном тексте, как обычно - аккадском и ассирийском. К ним относится поэма, повествующая о восстании, о котором уже упоминалось (см. с. 182), семи злых духов, первоначально посланников и тронотенителей богов, и об их войне против луны, причем все это, очевидно, было причудливой драмой о затмении. "Те злые боги, мятежные духи", из которых один уподобляется леопарду, другой - змее, а остальные - другим животным, что наводит на мысль о причудливых формах штормовых облаков, а один, как говорят, является яростным южным ветром, начали атаку "злой бурей, злобным ветром" и "от основания небес, как молния, метнули их". Нижняя часть неба превратилась в первобытный хаос, а боги собрались на тревожный совет. Бог луны (Син), бог солнца (Шамаш) и богиня Иштар были назначены управлять нижним небом и повелевать небесными воинствами; но когда на бога луны напали семь духов зла, его спутники подло оставили его: бог солнца отступил на свое место, а Иштар укрылась на самом высоком небе (небо Ану). Небо отправляется к Ка, который посылает своего сына Меридуга с таким наставлением: "Иди, сын мой Меридуг! Свет неба, сын мой, даже бог-луна, сильно померк на небе и в затмении с неба исчезает. Те семь злых богов, змеи смерти, которые не боятся, ведут неравную войну с трудящейся луной". Меридуг повинуетс я велению отца и низвергает семь сил тьмы. [ВВ]

74.- БИТВА

МЕЖДУ БЭЛОМ И ДРАКОНОМ (ТИАМАТ).

(Smith's "Chaldea".)

18. Из сохранившихся фрагментов Бероса известна еще одна обособленная легенда, также предположительно заимствованная из древних аккадских текстов: о великой башне и путанице языков. Один такой текст действительно был найден неутомимым Джорджем Смитом, но от него осталось достаточно, чтобы быть очень манящим и очень неудовлетворительным. Повествование в "Беросе" сводится к следующему: люди, став сверх меры гордыми и высокомерными, чтобы считать себя выше даже богов, предприняли строительство огромной башни, чтобы возвыситься над небом; боги, оскорбленные таким самомнением, послали сильные ветры, чтобы свергнуть сооружение, когда оно уже достигло большой высоты, и в то же время заставили людей говорить на разных языках, - вероятно, чтобы посеять среди них раздор и не позволить им когда-либо снова объединиться в общем предприятии, столь смелом и нечестивом. Место происшествия отождествлялось с Вавилоном, и так сильна была вера в эту легенду, что евреи впоследствии приняли ее без изменений, а спустя столетия, как мы видели выше, стали считать руины самого огромного из всех зиккуратов - Борсипа - руинами великой Башни Путаницы Языков. Несомненно, что эта традиция под всей своей причудливой оболочкой содержит весьма очевидную жилу исторического факта, поскольку именно с равнин Халдеи многие из основных народов древнего Востока, различных по расе и речи, разошлись на север, запад и юг, после того как жили там веками, как в общей колыбели, бок о бок, и даже в значительной степени как один народ.

ССЫЛКИ:

[AW] См. Fr. Lenormant, "Die Magie und Wahrsagekunst der Chaldäer," p. 377.

[AX] François Lenormant, "Origines de l'Histoire", Vol. II., p. 130.

[AY] "Пять монархий", том III, стр. 380-387.

[AZ] См. "Proceedings of the Society of Biblical Archæology", Feb., 1883, pp. 74-76, и "Journal of the Royal Asiatic Society", Vol. XVI., 1884, p. 302.

[BA] Единственным исключением из вышеупомянутого правила ориентации среди зиккуратов Халдеи является храм Бэла в Вавилоне (Э-Саггила на старом языке), который ориентирован обычным образом - его стороны обращены к *реальным* Северу, Югу, Востоку и Западу.

[BB] См. A. H. Sayce, "Babylonian Literature", p. 35.

VII.

МИФЫ - ГЕРОИ И МИФИЧЕСКИЙ ЭПОС.

1. Истории, с помощью которых народ пытается раскрыть тайны творения, объяснить происхождение мира, на научном языке называются космогоническими мифами. Слово "миф" постоянно употребляется в разговоре, но так неточно и неверно, что очень важно раз и навсегда определить его правильное значение. Оно означает просто *явление природы, представленное не как результат действия закона, а как действие божественных или, по крайней мере, сверхчеловеческих личностей, добрых или злых сил* (например, затмение Луны описывается как война против богов семи мятежных духов). Дальнейшее чтение и практика покажут, что существует множество видов мифов, различного происхождения; но нет ни одного, который, если его правильно разобрать на части, тщательно проследить и загнать в угол, не подпадал бы под это определение. Миф также определяется как легенда, связанная более или менее тесно с каким-либо религиозным верованием и в основных чертах передающаяся с доисторических времен. Есть только две вещи, которые могут предотвратить созерцание природы и рассуждения о ее тайнах от перехода в мифологию: знание физических законов природы, как это предлагает современная экспериментальная наука, и строгая, непоколебимая вера в единство Бога, абсолютное и нераздельное, как это утверждается и определяется Евреями в стольких местах их священных книг: "Господь есть Бог, и нет иного, кроме Него". "Господь есть Бог, и нет иного на небе вверху и на земле внизу". "Я Господь, и нет иного, и нет Бога рядом со Мною". "Я Бог, и нет иного". Но экспериментальная наука - вещь очень современная, ей едва ли несколько сотен лет, а монотеизм до распространения христианства исповедовал лишь один небольшой народ, евреи, хотя избранные мыслители других народов дошли до той же концепции во многих странах и во многие века. Огромная масса человечества всегда верила в личную индивидуальность всех сил природы, то есть во многих богов; все, что происходило в мире, было для них проявлением чувств, воли, действий этих богов - отсюда и мифы. Чем раньше, тем беспрекословнее вера и, как необходимое следствие, более пышное создание мифов.

2. Но боги и духи - не единственные действующие лица мифов. Наряду со священными преданиями о происхождении вещей, каждый народ хранит приятные, но смутные воспоминания о своем собственном происхождении - смутные как из-за их отдаленности, так и из-за того, что они не были зафиксированы в письменном виде, а значит, подвержены изменениям и расширениям, которые неизменно претерпевает история, когда ее много раз рассказывают и разные люди, то есть когда она передается из поколения в поколение по устной традиции. Эти воспоминания обычно сосредоточены вокруг нескольких великих имен, имен древнейших национальных героев, первых правителей, законодателей и завоевателей нации, людей, которые своим гением сделали ее нацией из свободного собрания племен или больших семей, дали ей социальный порядок и полезные искусства, обеспечили безопасность от соседей или, возможно, освободили ее от иностранных угнетателей. В своем благодарном восхищении этими героями, чьи деяния, естественно, становились все более и более чудесными с каждым поколением, рассказывающим о них, люди не могли поверить, что они должны были быть такими же несовершенными смертными, как и они сами, но настаивали на том, чтобы считать их непосредственно вдохновленными божеством в одном из тысячи обликов, которыми они его наделяли, или полубожествами своей собственной природы. Сознание несовершенства, присущего обычному человечеству, и ограниченности дарованных ему полномочий всегда побуждало к такому объяснению достижений необычайно одаренных личностей, в какой бы сфере деятельности ни проявлялись их исключительные дарования. Кроме того, если человеческому тщеславию противно подчиняться велениям высшего разума и верховенству высшей власти, воплощенной в простых людях из плоти и крови, то, напротив, тому же тщеславию очень льстит и успокаивает мысль о том, что его специально выделили в качестве объекта защиты и заботы божественных сил; эта мысль, во всяком случае, снимает острый укор с принуждения к повиновению. Поэтому каждый народ очень ревностно настаивал и благочестиво верил в божественное происхождение своих правителей и божественное установление своих законов и обычаев. Как только было признано, что мир кишит духами и богами, которые, не довольствуясь своими отдельными сферами и отделами, приходят и уходят по своему желанию, ходят по земле и непосредственно вмешиваются в человеческие дела, не было причин не верить *ни в одно* явление, каким бы чудесным оно ни было, при условии, что оно произошло очень, очень давно (см. с. 197).

3. Таким образом, в традициях каждого древнего народа между непроглядным мраком вечного прошлого и широким дневным светом запомнившейся, записанной истории лежит огромный и туманный отрезок времени, выраженный, если вообще выраженный, в цифрах ужасающей величины - сотни тысяч, а может быть, и миллионы лет. Там все теневое, гигантское, сверхчеловеческое. Там движутся боги, тусклые, но видимые, окутанные золотым облаком тайны и благоговения; Там, рядом с ними, вырисовываются другие фигуры, такие же тусклые, но более знакомые, человеческие, но более чем человеческие - герои, отцы рас, основатели наций, спутники, возлюбленные богов и богинь, а может быть, и их собственные дети, сами смертные, но совершающие такие смелые и могущественные поступки, на которые способны только бессмертные, связующее звено между ними и обычным человечеством - как та мрачная, неопределенная, изменчивая, но не совсем нереальная полоса времени, которая является пограничной зоной между Небом и Землей, очагом мифов, фантастики и романтики. Ведь о своих любимых героях люди стали рассказывать те же истории, что и о своих богах, в измененных формах, перенесенных в их собственное окружение и знакомые сцены. Вот одна из самых распространенных трансформаций: если бог-солнце вел войну с демонами тьмы и уничтожал их на небе (см. с. 171), то на земле герой охотился на диких зверей и чудовищ, разумеется, всегда победоносно. Эту одну тему народные поэты могли варьировать тысячей способов и сплетать в тысячу различных

историй, которые с полным правом можно отнести к "мифам". Так возник ряд так называемых героических мифов, которые, повторяясь, обрели определенную традиционную форму, подобно известным сказкам наших детских садов, которые везде одинаковы и рассказываются во всех странах почти без изменений. Как только искусство письма вошло во всеобщее употребление, эти любимые и проверенные временем истории, которые масса народа, вероятно, все еще принимала за буквальную правду, были записаны, и, поскольку эта работа, естественно, была возложена на жрецов и писарей, то есть людей образованных и более или менее литературных, часто самих поэтов, они были обработаны в процессе, связаны и переделаны в непрерывное целое. Отдельные мифы или приключения одного или нескольких конкретных героев, которые раньше читались по отдельности, в манере старых песен и баллад, часто становились многими главами или книгами в длинной, хорошо упорядоченной поэме, в которой они были введены и распределены, часто с искусством, и рассказаны с большой поэтической красотой. Такие поэмы, из которых до нас дошло несколько, называются эпическими поэмами, или просто эпосами. Вся масса фрагментарных материалов, из которых они складываются с течением времени, почти неразрывно сочетая историческую реальность с мифическим вымыслом, является национальным эпосом расы, ее величайшим интеллектуальным сокровищем, из которого черпает свою пищу вся ее поздняя поэзия и большая часть ее политических и религиозных чувств. Раса, у которой нет национального эпоса, лишена великой памяти, неспособна к высокой культуре и политическому развитию, и ни одна из них не заняла места среди ведущих рас мира. Все, кто занимал такое место в любой период мировой истории, имели свои мифические и героические века, полные чудес и причудливых творений.

4. Из этих замечаний ясно, что предыдущие две или три главы были посвящены тому, что можно правильно назвать религиозными и космогоническими мифами шумиро-аккадов и вавилонян. Настоящая глава будет посвящена их героическим мифам или мифическому эпосу, воплощенному в эпосе, который в значительной степени сохранился и является самым древним из известных в мире, датируемым, несомненно, 2000 г. до н. э., а возможно, и больше.

5. В немногих фрагментах Бероса, которыми мы располагаем, нет никаких указаний на эту поэму. В них говорится только о великом потопе, который произошел при последнем из той сказочной череды десяти царей, которая, как говорят, началась через 259 000 лет после явления божественного Человека-Рыбы, Оаннеса, и в общей сложности царствовала 432 000 лет. Это описание всегда вызывало большой интерес из-за его необычайного сходства с тем, что дано в Библии. Берос рассказывает, как Ксисутрос, последний из десяти сказочных царей, увидел сон, в котором божество объявило ему, что в определенный день все люди должны погибнуть в потопе вод, и приказало ему взять все священные писания и похоронить их в Сиппаре, городе Солнца, затем построить корабль, снабдить его достаточными запасами еды и питья и войти в него со своей семьей и самыми дорогими друзьями, а также животными, как птицами, так и четвероногими всех видов. Ксисутрос сделал все, как ему было велено. Когда наводнение стало стихать, на третий день после прекращения дождя он послал несколько птиц, чтобы посмотреть, не найдут ли они землю, но птицы, не найдя ни пищи, ни места для отдыха, вернулись на корабль. Через несколько дней Ксисутрос снова отправил птиц, но они опять вернулись к нему, на этот раз с грязными ногами. Когда их отправили в третий раз, они вообще не вернулись. Тогда Ксисутрос понял, что земля не покрыта; он проделал отверстие в крыше корабля и увидел, что тот застрял на вершине горы. Он вышел из корабля вместе с женой, дочерью и лоцманом, соорудил алтарь и принес жертву богам, после чего исчез вместе с ними. Когда его спутники вышли на его поиски, они не увидели его, но голос с небес сообщил им, что он был переведен среди богов, чтобы жить

вечно, в награду за его благочестие и праведность. Далее голос повелел оставшимся в живых вернуться в Вавилонию, раскопать священные письмена и сделать их известными людям. Они послушались и, более того, построили множество городов и восстановили Вавилон.

6. Как бы ни был интересен этот рассказ, он был получен из вторых рук и поэтому нуждался в подтверждении и более глубоком развитии. Кроме того, в таком виде оно не содержало никаких указаний, которые могли бы пролить свет на важный вопрос о том, какая из двух традиций - воспроизведенная Берозом или библейская - должна считаться древнейшей. И здесь Джорджу Смиту посчастливилось обнаружить оригинальное повествование (в 1872 году), когда он занимался просеиванием и сортировкой фрагментов табличек в Британском музее. Вот как это произошло: [BC] - "Смит нашел половину беловато-желтой глиняной таблички, которая, судя по всему, была разделена с каждой стороны на три колонки. В третьем столбце лицевой стороны он прочитал слова: "На горе Низир корабль остановился. Тогда я взял голубя и пустил его в полет. Голубка летала туда-сюда, но, не найдя места для отдыха, вернулась на корабль". Смит сразу же понял, что обнаружил фрагмент клинописного повествования о потопе. С неутомимым упорством он принялся за работу, чтобы найти новые фрагменты в тысячах ассирийских табличек, скопившихся в Британском музее. Его усилия увенчались успехом. Он не действительно нашел фрагмент, завершающий половину впервые обнаруженной таблички, но вместо этого он обнаружил фрагменты еще двух копий повествования, которые завершили текст самым изящным образом и предоставили несколько очень важных его вариаций. Один из этих дубликатов, собранный из шестнадцати маленьких кусочков (см. иллюстрацию на с. 262), имел внизу обычную надпись: "Собственность Асшурбанипала, царя Саваофа, царя земли Асшур" и содержал информацию о том, что повествование о потопе является одиннадцатой табличкой из серии, несколько фрагментов которой уже попадались Смит. С бесконечными усилиями он собрал все эти фрагменты воедино и обнаружил, что история о потопе была лишь эпизодом в великом героическом эпосе, поэме, написанной в двенадцати книгах, составляющих в общей сложности около трех тысяч строк, в которых воспевались деяния древнего царя Эреха."

7. Каждая книга или глава, естественно, занимала отдельную табличку. Все они сохранились далеко не одинаково хорошо. Некоторые части, действительно, отсутствуют, некоторые настолько изуродованы, что в повествовании образовались серьезные пробелы и разрывы, а первая скрижаль вообще не найдена. Однако, несмотря на все эти недостатки, вполне можно составить вполне внятное изложение всей истории, а одиннадцатая скрижаль, благодаря различным удачным дополнениям, появлявшимся время от времени, была восстановлена практически полностью.

8. Эпос переносит нас в те времена, когда Эрех был столицей Шумира, а земля находилась под властью эламских завоевателей, не пассивных и довольных, а упорно стремящихся к освобождению. Можно представить, что борьбу разделяли и возглавляли туземные цари, память о которых с благодарностью хранили последующие поколения, а подвиги, естественно, стали темой бытовых преданий и поэтических пересказов. Такова голая историческая основа поэмы. Ее легко отличить от богатой игры вымысла и чудесных приключений, постепенно вплетенных в нее из обширного фонда национальных мифов и легенд, которые собрались вокруг имени одного царя-героя, Гисдубара или Издубара, [BD] по словам Бероса, уроженца древнего города Марада и прямого потомка последнего допотопного царя Хасисадры, того самого, которого Берос называет Сисутросом.

9. Очень жаль, что первая табличка и верхняя часть второй отсутствуют, поскольку таким образом мы теряем начало поэмы, которое, вероятно, дало бы нам ценные исторические указания. На второй табличке изображен город Эрех, стонущий под тиранией эламских завоевателей. Эрехом управлял божественный Думузи, муж богини Иштар. Он безвременно и трагически погиб, и ему на смену пришла Иштар, которая, однако, не смогла противостоять иноземным захватчикам, или, как живописно выражается текст, "поднять голову против врага". Издубар, до сих пор известный только как сильный и неутомимый охотник, поселился в Эрехе, где ему приснился необычный сон. Ему показалось, что звезды на небе падают вниз и при падении ударяют его по спине, а над ним стоит ужасное существо со свирепым, угрожающим лицом и когтями, как у льва, вид которого парализовал его от страха.

10. Находясь под сильным впечатлением от этого сна, который, как ему показалось, предвещал странные события, Издубар отправился ко всем самым знаменитым прорицателям и мудрецам, обещая самую высокую награду тому, кто истолкует ему этот сон: он должен быть благодетельствован вместе со своей семьей; он должен занять почетное место на королевских пирах; он должен быть одет в драгоценности и золото; он должен иметь семь прекрасных жен и пользоваться всеми видами отличий. Но не нашлось мудреца, способного прочесть видение. Тогда он услышал о чудесном мудреце по имени Кабани, который славился "мудростью во всем и знанием всего видимого и скрытого", но жил отдельно от людей, в далекой пустыне, в пещере, среди лесных зверей.

"С газелями он ел свою пищу ночью, с полевыми зверями общался днем, с живыми существами вод радовалось его сердце".

Это странное существо всегда изображалось на вавилонских цилиндрах в виде человека-быка, с рогами на голове, бычьими ногами и хвостом. Он не был легкодоступен, и его нельзя было уговорить прийти в Эрех, хотя сам бог Солнца Шамаш "отверз уста свои и говорил с ним с небес", давая Издубару великие обещания: - "Они оденут тебя в одежду.

"Они оденут тебя в царские одежды, они сделают тебя великим; Издубар станет твоим другом и посадит тебя на роскошное место по левую руку от себя; цари земли будут целовать твои ноги; он обогатит тебя и заставит людей Эреха молчать перед тобой".

Отшельник не поддался честолюбию и отказался покинуть свою пустыню. Тогда послали за ним последователя Издубара, егеря Зайду; но он вернулся один и сообщил, что, когда подошел к пещере провидца, его охватил страх, и он не вошел в нее, а пополз назад, карабкаясь по крутому берегу на руках и ногах.

(БАРЕЛЬЕФ ИЗ ХОРСАБАДА).

(Smith's "Chaldea".)

11. Наконец Издубар решил послать служанок Иштар, Шамхату ("Милость") и Харимту ("Убеждение"), и они отправились в пустыню под конвоем Зайду. Шамхату первой подошла к отшельнику, но он не обратил на нее внимания; он повернулся к ее спутнице и сел у ее ног; и когда Харимту ("Убеждение") заговорила, склонив к нему лицо, он слушал и был внимателен. И сказала она ему:

"Знаменит ты, Кабани, даже как бог; зачем же тебе связываться с дикими тварями пустыни? Твое место - посреди Эреха, великого города, в храме, резиденции Ану и Иштар, во дворце Издубара, человека могучего, который возвышается среди вождей, как бык". "Она заговорила с ним, и перед ее словами мудрость его сердца улетучилась и исчезла".

Он ответил:

"Я пойду в Эрах, в храм, место Ану и Иштар, во дворец Издубара, человека могучего, который возвышается среди вождей, как бык. Я встречу с ним и увижу его мощь. Но я приведу в Эрах льва - пусть Издубар уничтожит его, если сможет. Он выращен в пустыне и очень силен".

76.- ИЗДУБАР И

ЛЕВ.

(Британский музей.)

Тогда Зайду и две женщины вернулись в Эрех, и Кабани пошел с ними, ведя за собой своего льва. Начальники города приняли его с большими почестями и устроили великолепное развлечение в знак ликования.

12. Очевидно, именно по этому случаю Издубар завоевывает уважение провидца, сразив и убив льва, после чего герой и мудрец заключают торжественный договор о дружбе. Но третья табличка, содержащая эту часть истории, настолько изуродована, что многое из сути остается лишь догадками, а все детали и толкование сна, которое, вероятно, было дано, утеряны. То же самое, к сожалению, происходит с четвертой и пятой табличками, из которых мы можем узнать только, что Издубар и Кабани, ставшие неразлучными, отправляются в поход против эламского тирана Хумбабы, который держит свой двор в мрачном лесу из кедров и кипарисов, входят в его дворец, настигают его врасплох и убивают, оставляя тело на растерзание и пожирание хищным птицам, после чего Издубар, как и предсказывал ему его друг, провозглашается царем в Эрехе. Шестая табличка сохранилась гораздо лучше и дает нам одно из самых интересных происшествий почти в полном объеме.

13. После победы Издубара его слава и могущество были велики, и богиня Иштар смотрела на него благосклонно и желала его любви.

"Издубар, - сказала она, - будь моим мужем, а я буду твоей женой; поклянись мне в верности. Ты будешь ездить на колеснице из золота и драгоценных камней, дни твои будут отмечены завоеваниями; цари, князья и владыки будут подчиняться тебе и целовать твои ноги; они будут приносить тебе дань с гор и долин, стада и отары твои умножатся вдвое, мулы твои будут быстроходны, а волы твои сильны под ярмом. Не будет у тебя соперника".

Но Издубар в своей гордыне отверг любовь богини; он оскорблял ее и насмехался над тем, что она любила Думузи и других до него. Велика была ярость Иштар; она вознеслась на небо и предстала перед своим отцом Ану:

"Отец мой, Издубар оскорбил меня. Издубар презирает мою красоту и отвергает мою любовь".

77.- ИЗДУБАР И

КАБАНИ СРАЖАЮТСЯ С БЫКОМ ИШТАР.- ИЗДУБАР СРАЖАЕТСЯ СО ЛЬВОМ КАБАНИ (ВАВИЛОНСКИЙ ЦИЛИНДР).

(Smith's "Chaldea".)

Она потребовала удовлетворения, и Ану по ее просьбе создал чудовищного быка, которого послал против города Эрах. Но Издубар и его друг вышли сразиться с быком и убили его. Кабани ухватился за его хвост и рога, а Издубар нанес ему смертельный удар. Они вытащили сердце из его тела и принесли его в жертву Шамашу. Затем Иштар поднялась на стену города и, стоя там, прокляла Издубара. Она собрала вокруг себя своих служанок, и они стали громко оплакивать смерть божественного быка. Но Издубар созвал своих людей, велел им поднять тело, отнести его к алтарю Шамаша и положить перед богом. Затем они омыли руки в Евфрате и вернулись в город, где устроили праздник ликования и веселились до глубокой ночи, а на улицах раздавалось воззвание к народу Эреха, начинавшееся с победных слов:

"Кто искусен среди вождей? Кто велик среди людей? Издубар - искусный среди вождей; Издубар - великий среди людей".

78.- ИЗДУБАР И

КАБАНИ (ВАВИЛОНСКИЙ ЦИЛИНДР).

(Перро и Чипес.)

14. Но месть оскорбленной богини не должна была быть так легко побеждена. Теперь она обрушилась на героя более прямым и личным образом. Мать Иштар, богиня Анату, поразила Кабани внезапной смертью, а Издубара - страшной болезнью, похоже, проказами. Оплакивая друга, лишенный сил и мучимый нестерпимыми болями, он видел видения и сны, которые угнетали и пугали его, и не было теперь рядом мудрого, знакомого голоса, который мог бы успокоить и посоветовать ему. Тогда он решил обратиться к своему предку Хасисадре, который жил далеко, "в устье рек", и был бессмертен, и спросить у него, как ему обрести исцеление и силу. Он отправился в путь один и пришел в странную страну, где встретил гигантских, чудовищных существ, наполовину людей, наполовину скорпионов: ноги их были под землей, а головы касались небесных врат; они были стражами солнца и следили за его восходом и заходом. Они говорили друг другу: "Кто это пришел к нам со знаком божественного гнева на теле?" Издубар рассказал им о себе и о своем поручении; тогда они дали ему указания, как достичь земли благословенных в устье рек, но предупредили, что путь этот долог и полон трудностей. Он снова отправился в путь и пересек огромную страну, где не было ничего, кроме песка, ни одного возделанного поля; он шел все дальше и дальше, не оглядываясь, пока не пришел к прекрасной роще на берегу моря, где деревья плодоносили изумрудом и другими драгоценными камнями; эту рощу охраняли две прекрасные девы, Сидури и Сабиту, но они с недоверием смотрели на чужеземца со знаком богов на теле и закрыли от него свое жилище.

79.- ЛЮДИ-СКОРПИОНЫ.

(Smith's "Chaldea".)

15. И вот Издубар стоял на берегу Вод Смерти, широких и глубоких, отделяющих землю живых от земли блаженных и бессмертных мертвых. Здесь он встретил паромщика Урубела; ему он открыл свое сердце и рассказал о друге, которого любил и потерял, и Урубел взял его в свой корабль. Один месяц и пятнадцать дней плыли они по Водам Смерти, пока не достигли той далекой земли у устья рек, где Издубар наконец встретился лицом к лицу со своим прославленным предком, и, хотя он молил его о совете и помощи, вполне естественное чувство любопытства побудило его спросить, "как он был переведен живым в собрание богов". Хасисадра с величайшей любезностью ответил на вопрос своего потомка, подробно рассказал ему о потопе и о своей собственной доле в этом событии, после чего сообщил, каким образом он может освободиться от проклятия, наложенного на него богами. Затем он обратился к паромщику:

"Урубел, человек, которого ты привел сюда, вот, болезнь покрыла его тело, хворь уничтожила силу его конечностей. Возьми его с собой, Урубел, и очисти его в водах, чтобы болезнь его сменилась красотой, чтобы он сбросил с себя болезнь, и воды унесли ее, чтобы здоровье покрыло его кожу, и волосы его головы были восстановлены и спустились струящимися локонами до его одежды, чтобы он мог пройти свой путь и вернуться в свою страну".

80.- КАМЕННЫЙ ПРЕДМЕТ, НАЙДЕННЫЙ В АБУ-ХАББЕ (СИППАР) Г-НОМ Х. РАССАМОМ. Х. РАССАМА,

ИЗОБРАЖАЮЩИЙ, СРЕДИ ПРОЧИХ МИФИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ, ШАМАША И ЕГО СТРАЖНИКА, ЧЕЛОВЕКА-СКОРПИОНА.

16. Когда все было сделано в соответствии с указаниями Хасисадры, Издубар, восстановив здоровье и силы, отклонялся своему предку и, снова войдя в корабль, был перенесен на берег живых дружелюбным Урубекком, который сопровождал его до самого Эреха. Но когда они приблизились к городу, по лицу героя потекли слезы, а сердце его отяжелело от тоски по погибшему другу, и он снова возвысил голос, оплакивая его:

"Ты не принимаешь участия в благородном пире; на собрание тебя не зовут; ты не поднимаешь лук с земли; то, что поражает лук, не для тебя; рука твоя не хватает булаву и не поражает добычу, и не простерт твой враг мертвым на земле. Жену, которую ты любишь, ты не целуешь; жену, которую ты ненавидишь, ты не бьешь. Ребенка, которого ты любишь, ты не целуешь; ребенка, которого ты ненавидишь, ты не бьешь. Мощь земли поглотила тебя. О Тьма, Тьма, Мать Тьма! Ты окутала его, как мантией; как глубокий колодец ты заключила его!"

Так оплакивал Издубар своего друга, и вошел в храм Бэла, и не переставал оплакивать и взывать к богам, пока Ка не снизошел к его молитве и не послал своего сына Меридуга вывести дух Кабани из темного мира теней в страну блаженных, чтобы он вечно жил среди героев древности, возлежа на роскошных диванах и пил чистую воду из вечных источников. Поэма заканчивается ярким описанием похорон воина:

"Я вижу убитого в бою. Отец и мать держат его голову, жена плачет над ним, друзья стоят вокруг, добыча лежит на земле, никем не прикрытая и не услышанная. За ним идут побежденные пленники; еда, приготовленная в шатрах, съедена".

17. Инцидент с потопом, который был лишь упомянут выше, чтобы не прерывать повествование из-за его непропорциональной длины (одиннадцатая табличка - самая хорошо сохранившаяся из всех), слишком важен, чтобы не привести его полностью. [BE]

"Я расскажу тебе, Издубар, как я спасся от потопа, - начинает Хасисадра в ответ на вопрос своего потомка, - а также поведаю тебе о постановлении великих богов. Ты знаешь Сурипак, город, который находится у Евфрата. Этот город был уже очень древним, когда боги, движимые своими сердцами, решили устроить великий потоп, все они, их отец Ану, их советник воинственный Бел, их престолонаследник Ниниб, их вождь Эннуги. Владыка непостижимой мудрости, бог Ка, был с ними и сообщил мне их решение. Слушай, - сказал он, - и присутствуй! Человек из Суриппака, сын Убаратуту, [BF] выйди из дома твоего и построй себе корабль. Им угодно уничтожить семя жизни, а ты сохрани его и введи в корабль семя всякого рода жизни. Корабль, который ты построишь, пусть будет ... в длину, и ... в ширину, и в высоту, [B] и покрой его палубой". Услышав это, я обратился к Ка, моему господину: "Если я построю корабль так, как ты велел, господин, то народ и его старейшины будут смеяться надо мной". Но Ка снова отверз уста свои и сказал мне, слуге своему: "Люди восстали против меня, и я произведу суд над ними, высокими и низкими. Но не закрывай дверь корабля, когда придет время и я скажу тебе об этом. Тогда войди в корабль и введи в него запасы зерна твои, все имущество твое, семью твою, рабов твоих и рабынь твоих, и женщин твоих, и ближайших родственников твоих. Скот полевой и диких зверей полевых я сам пошлю к тебе, чтобы они были в безопасности за дверью твоей." - Тогда я построил корабль и снабдил его запасами еды и питья; я разделил внутренность на... отсеки. [BG] Я увидел щели и заполнил их; я залил битумом его внешнюю сторону и внутреннюю сторону. Все, чем я владел, я собрал и положил в корабль; все, что у меня было из золота, серебра, семени жизни всякого рода; всех моих слуг-мужчин и слуг-женщин, скот полевой, диких зверей полевых, а также моих ближайших друзей. Когда Шамаш приблизил назначенное

время, голос сказал мне: "Сегодня вечером небеса прольют дождь разрушения, поэтому иди в корабль и закрой дверь твою". Пришло назначенное время, - говорил голос, - этим вечером небеса прольют дождь разрушения". И сильно я боялся заката того дня, дня, в который я должен был начать свое плавание. Я очень боялся. И все же я вошел в корабль и закрыл за собой дверь, чтобы отгородиться от него. И вверил я большой корабль лоцману со всем его грузом... И вот из глубины небес поднимается огромная черная туча, и Раман гремит посреди нее, а Небо и Нергал сталкиваются друг с другом, и Престолонаследники идут по горам и долинам. Могущественный бог моровой язвы пускает вихри; Ниниб непрерывно заставляет переполняться каналы; ануннаки поднимают потопа из глубин земли, которая содрогается от их буйства. Масса вод Рамана поднимается даже до небес; свет сменяется тьмой. Смятение и опустошение наполняют землю. Брат не смотрит за братом, люди не думают друг о друге. В небесах сами боги напуганы; они ищут убежища на самом высоком небе Ану; как собака в своем логове, боги жмутся к небесным перилам. Иштар плачет от горя: "Вот, все превратилось в грязь, как я и предсказывала богам! Я предсказала это бедствие и истребление моих созданий - людей. Но я не рождаю их, чтобы они наполнили море, как выводок рыб". Тогда боги заплакали вместе с ней и сели оплакивать ее на одном месте. Шесть дней и семь ночей господствовали ветер, потоп и буря; но на рассвете седьмого дня буря стихла, воды, сражавшиеся, как могучее воинство, умерили свою жестокость; море отступило, и буря и потоп прекратились. Я плыл по морю, сетуя на то, что жилища людей превратились в грязь. Трупы дрейфовали, как бревна. Я открыл отверстие в порту, и когда дневной свет упал на мое лицо, я задрожал, сел и заплакал. Я плыл над странами, которые теперь были страшным морем. Потом из воды поднялась земля. Корабль направился к земле Низир. Гора земли Низир держала корабль и не отпускала его. Так было в первый и во второй день, в третий и в четвертый, а также в пятый и шестой. На рассвете седьмого дня я достал голубя и послал его вперед. Голубь летал туда-сюда, но не нашел места для отдыха и вернулся. Тогда я выпустил ласточку и послал ее вперед. Ласточка летала туда-сюда, но не находила себе пристанища и возвращалась. Тогда я взял ворона и послал его. Ворон вышел вперед и, увидев, что воды утихли, снова приблизился, осторожно пробираясь по воде, но не вернулся. Тогда я выпустил всех животных к четырем ветрам небесным и принес жертву. Я воздвиг алтарь на самой высокой вершине горы, поставил на него священные сосуды семь на семь, разложил под ними тростник, кедровое дерево и сладкие травы. Боги почувствовали запах, боги почувствовали сладкий аромат; как мухи, они закружились вокруг жертвоприношения. И когда пришла богиня Иштар, она высоко подняла великие луки своего отца Ану: "Ожерелье на моей шее, - сказала она, - я буду помнить об этих днях, никогда не потеряю память о них! Пусть все боги придут к алтарю; один лишь Бел не придет, ибо он не сдержал своего гнева, устроил потоп и отдал моих людей на растерзание". Когда после этого Бел приблизился и увидел корабль, он пришел в смятение, и сердце его исполнилось гнева против богов и духов небесных: "Ни одна душа не спасется, - воскликнул он, - ни один человек не выйдет живым из гибели! Тогда бог Ниниб разомкнул уста и проговорил, обращаясь к воинственному Бэлу: "Кто, кроме Ка, мог сделать это? Ка знал и сообщил ему обо всем". Тогда Ка разомкнул уста и проговорил, обращаясь к воинственному Бэлу: "Ты - могущественный вождь богов, но почему ты поступил так безрассудно и навлек на себя этот потоп? Пусть грешник пострадает за свой грех, а злодей - за свои проступки; но к этому человеку будь милостив, чтобы он не погиб, и благосклонен к нему, чтобы он сохранился". И вместо того, чтобы вызвать новый потоп, пусть придут львы и гиены и заберут людей; пошли голод, чтобы обезлюдела земля; пусть бог моровой язвы уложит людей. Я не передавал Хасисадре решения великих богов: Я лишь послал ему сон, и он понял предупреждение". Тогда Бел пришел в себя. Он вошел в корабль, взял меня за руку и поднял; поднял он и мою жену и вложил ее руку в мою. Затем он повернулся к нам, встал между нами и произнес над

нами следующее благословение: "До сих пор Хасисадра был только человеком, но теперь он будет возведен в ранг богов вместе со своей женой. Он будет жить в далекой земле, у устья рек". Тогда они взяли меня и перевели в дальнюю землю, к устью рек".

18. Таков великий халдейский эпос, открытие которого произвело столь глубокую сенсацию, чтобы не сказать волнение, не только среди специальных ученых, но и в читающем мире в целом, в то время как все значение его в истории человеческой культуры еще не может быть осознано на этой ранней стадии наших исторических исследований, но будет проявляться все более и более ясно по мере того, как их ход приведет нас к более поздним народам и другим землям. Мы остановимся на этой поэме лишь настолько, чтобы оправдать и объяснить название, данное ей в заголовке этой главы, - "Мифический эпос".

19. Если бы герой Издубар был чисто человеческой личностью, было бы удивительно, как небольшое ядро исторического факта, которое содержит рассказ о его приключениях, переплелось и обросло таким несоразмерным количеством самого экстравагантного вымысла, зачастую просто чудовищного по своей причудливости. Но эта история намного древнее, чем история любого простого человеческого героя, и связана с кем-то гораздо более могущественным: Это история Солнца в его движении по году, прослеживающая его карьеру: возрастающее величие по мере продвижения весны к середине лета, пик его могущества, когда он достигает месяца, представленного в Зодиаке знаком Льва, затем упадок его сил, когда он бледнеет и болеет осенью, и, наконец, восстановление молодости и бодрости после прохождения Вод Смерти - Зимы, смерти года, сезона смертельного оцепенения природы, из которого солнце не имеет достаточно сил, чтобы пробудить ее, пока не вернется весна и круг не начнется снова. Изучение аккадского календаря, принятого более научно настроенными семитами, показывает, что названия большинства месяцев и знаки, которыми они обозначались на картах соответствующих созвездий Зодиака, прямо отвечают различным происшествиям поэмы, причем в том же порядке, что и соответствующие сезоны года, - которые, заметим, начинались с весны, в середине нашего месяца марта. Если мы сравним календарные месяцы с табличками поэмы, то обнаружим, что они почти во всех случаях соответствуют друг другу. Поскольку первая табличка, к сожалению, до сих пор отсутствует, мы не можем судить, насколько она могла соответствовать названию первого месяца - "Алтарь Бэла". Но второй месяц, называемый месяцем "Благосклонного быка" или "Дружелюбного быка", очень хорошо соответствует второй табличке, которая заканчивается тем, что Издубар посылает за провидцем Кабани, полубыком-получеловеком, а название и знак третьего, "Близнецы", явно намекает на узы дружбы, заключенные между двумя героями, которые стали неразлучны. Их победа над тираном Хумбабой в пятой табличке символизируется знаком, представляющим победу Льва над Быком, часто сокращенным до победы одного Льва. Этот знак достаточно ясно интерпретируется названием "Месяц огня", столь подходящим для самого жаркого и сухого времени года даже в умеренном климате - июля-августа. Что делает эту интерпретацию абсолютно убедительной, так это тот факт, что в символических образах всей поэзии Востока Лев представляет собой принцип тепла, огня. Седьмая табличка, содержащая историю ухаживания богини Иштар за героем, слишком ясно воспроизведена в названии соответствующего месяца - "Месяц послания Иштар", чтобы нуждаться в пояснениях. Знак также представляет собой женщину с луком - обычный способ изображения богини. Знак восьмого месяца, "Скорпион", напоминает о гигантских Стражах Солнца, наполовину людях, наполовину скорпионах, с которыми сталкивается Издубар, отправляясь в путешествие в страну мертвых. Девятый месяц называется "Облачный", что, несомненно, соответствует названию ноября-декабря и никак не согласуется с содержанием девятой таблички, на которой Издубар изображен путешествующим по "Водам смерти". В десятом месяце

(декабрь-январь) солнце достигает своей самой низкой точки - зимнего солнцестояния с его самыми короткими днями, отсюда и название "Месяц пещеры заходящего солнца", а десятая табличка рассказывает о том, как Издубар достиг цели своего путешествия - страны прославленных мертвых, в которую был переведен его великий предок. Одиннадцатому месяцу, "Месяцу проклятия дождя", со знаком Водяного, - (январь-февраль в низовьях двух рек - время самых сильных и продолжительных дождей) - отвечает одиннадцатая табличка с рассказом о потопе. Рыбы Ка" сопровождают солнце в двенадцатом месяце, последнем из темного сезона, когда оно выходит, очищенное и бодрое, чтобы возобновить свою триумфальную карьеру с началом нового года. Из контекста и последовательности мифа следует, что название первого месяца, "Алтарь Бэла", должно быть связано с примирением бога после потопа, с которого, как можно сказать, человечество взяло новое начало, что делает это название наиболее благоприятным для нового года, а знак - баран - может намекать на животное, приносимое в жертву на алтаре. Каждый месяц находится под покровительством определенного божества, и стоит отметить, что Ану и Бел являются покровителями первого месяца, Ка - второго (в связи с мудростью Кабани, который называется "созданием Ка"), в то время как Иштар управляет шестым ("Послание Иштар"), а Раман, бог атмосферы, дождя, бури и грома, - одиннадцатым ("Проклятие дождя").

20. Солнечный характер авантюрной карьеры, приписываемой любимому национальному герою Халдеи, который теперь признается всеми, был впервые отмечен сэром Генри Роулинсоном: но именно Франсуа Ленорман продолжил его и установил его в деталях. Его выводы по этому вопросу изложены таким ясным и убедительным языком, что я с удовольствием их воспроизведу: [ВН] - "1-е. У халдеев и вавилонян были мифы о двенадцати месяцах года, по большей части относящиеся к серии традиций, предшествовавших разделению великих рас человечества, спустившихся с высокогорий Памира, поскольку мы находим аналогичные мифы у чистых семитов и других народов. Еще в те времена, когда они жили на равнинах Тигра и Евфрата, они связывали эти мифы с различными эпохами года, но не с сельскохозяйственными занятиями, а в связи с великими периодическими явлениями в атмосфере и различными станциями в годовом ходе солнца, как они происходили в данном регионе; отсюда знаки, характеризующие двенадцать солнечных особняков в Зодиаке, и символические названия, данные месяцам аккадцами.2d. Именно эти мифы, собранные вместе в последовательном порядке, послужили основой для эпической истории об Издубаре, огненном и солнечном герое, а в поэме, которая была переписана в Эрехе по приказу Асшурбанипала, каждый из них стал темой одной из двенадцати табличек, составляющих число двенадцати отдельных книг или глав, отвечающих двенадцати месяцам года." - Несмотря на то, что доказательства, по-видимому, настолько полны, что не нуждаются в дальнейшем подтверждении, любопытно отметить, что знаки, составляющие имя Издубара, передают значение "масса огня", в то время как аккадское имя Хасисадры означает "солнце жизни", "утреннее солнце", а имя его отца, Убаратуту, переводится как "сияние заката".

21. Джордж Смит с негодованием отверг такое мифическое толкование подвигов героя и утверждал, что они носят строго исторический характер. Но мы видели, что эти два понятия отнюдь не противоречат друг другу, поскольку история, передаваемая из уст в уста на протяжении веков, подвержена многим превращениям при пересказе, и люди непременно организуют свои любимые и наиболее знакомые истории, мифическое значение которых давно забыто, вокруг центральной фигуры наиболее любимых ими героев, вокруг наиболее важных, но смутно вспоминаемых событий в их национальной жизни. Поэтому в разных народах и странах о героях рассказывали совершенно одинаковые истории, с небольшими локальными вариациями, ведь запас оригинальных, или, как можно сказать, первичных

мифов сравнительно невелик и одинаков для всех, восходя к тому времени, когда человечество еще не было разделено. В течение веков и мифов он изменялся, подобно богатой наследственной одежде, чтобы соответствовать и украшать многих и очень разных людей.

22. Один из самых красивых, древних и любимых всеми солнечными мифов - тот, в котором Солнце представлено божественным существом, юным и прекрасным, возлюбленным или женатым на столь же могущественной богине, но случайно встретившим преждевременную смерть и спустившимся в темную страну теней, откуда, однако, через некоторое время он возвращается таким же славным и прекрасным, как прежде. В этой поэтической фантазии страна теней символизирует оцепеневший и безжизненный период зимы так же метко, как воды смерти в эпосе Издубара, а кажущаяся смерть юного бога отвечает недомоганию героя в то угасающее время года, когда солнечные лучи теряют свою силу и побеждаются силами тьмы и холода. Богиня, которая любит прекрасного юного бога и оплакивает его со страстной скорбью, пока ее причитания и молитвы не выводят его из смертельного транса, - это сама Природа, любящая, щедрая, вечно плодovitая, но бледная, голая и бессильная в своем вдовстве, а бог-солнце, источник жизни, из которого она черпает свое существо, лежит в плену у их общего врага, мрачной Зимы, которая есть лишь форма самой Смерти. Их воссоединение при воскресении бога весной - это великий свадебный пир, праздник и веселье всего мира.

23. Этот простой и совершенно прозрачный миф был более или менее тщательно разработан во всех странах Востока и в той или иной форме вошел во все народы трех великих белых рас - Иафета, Шема и Хама, - но здесь опять-таки первенство по времени принадлежит более древней и примитивной - желтой или туранской расе; Ибо наиболее древней и, вероятно, первоначальной ее формой является та, которая была унаследована семитскими поселенцами Халдеи от их шумиро-аккадских предшественников, о чем свидетельствует аккадское имя молодого солнечного бога Думузи, "несчастливого мужа богини Иштар", как он назван в шестой табличке эпоса Издубара. Это имя переводится как "божественный отпрыск", но в более поздние времена оно утратило всякое значение, превратившись в Таммуза. В некоторых аккадских гимнах к нему обращаются как к "пастуху, владыке Думузи, любовнику Иштар". Кочевой и пастушеский народ вполне мог поэтически уподобить солнце пастуху, чья стада - это ворсистые облака, несущиеся по бескрайним небесным равнинам, или яркие, бесчисленные звезды. Это сравнение, столь же красивое, сколь и естественное, во все века и у всех народов сохраняло свою силу в народной фантазии, которая играла с ним бесконечным разнообразием изобретательных изменений, но только клинопись доказала, что оно может быть прослежено до самой ранней расы, чья культура оставила свой след в мире.

24. О трагической смерти Думузи ни один из расшифрованных до сих пор текстов, к сожалению, не сообщает подробностей. Лишь примечательный фрагмент о черной сосне Эриду, "отмечающей центр земли, в темном лесу, в сердце которого не проникал человек" (см. с. 287), маняще заканчивается этими наводящими на размышления словами: "Внутри него Dumuzi....". Ученые нашли основания предположить, что этот фрагмент был началом мифического повествования о смерти Думузи, которая должна была произойти в темном и священном лесу Эриду, - возможно, от рук дикого зверя, посланного против него ревнивой и враждебной силой, подобно тому, как бык, созданный Ану, был послан против Издубара.^[В] Одно, однако, несомненно: как в раннем (туранском), так и в более позднем (семитском) календаре Халдеи был месяц, выделенный в честь и для праздника Думузи. Это был месяц июнь-июль, начинающийся в день летнего солнцестояния, когда дни начинают

укорачиваться, а солнце опускается к своей нижней зимней точке - ретроградное движение, на которое гениально указывает зодиакальный знак этого месяца, Рак или Краб. Праздник Думузи длился в течение шести первых дней месяца, а процессии и церемонии носили два разных характера. Сначала поклонники собирались в образе скорбящих, с причитаниями и громкими стенаниями, разрыванием одежд и волос, как бы празднуя похороны юного бога, а на шестой день его воскрешение и воссоединение с Иштар отмечалось самыми шумными и экстравагантными демонстрациями ликования. Этот обычай упоминается в презрительном ответе Издубара на любовное послание Иштар, когда он говорит ей: "Ты возлюбила Ду музи, по которому скорбят из года в год", и был свидетелем того, как иудеи были уведены в плен в Вавилон в 600 году до н.э., о чем прямо говорит пророк Иезекииль во время плена: "Тогда он привел меня к дверям дома Господня, которые были к северу; и вот, там сидели женщины, плачущие по Таммузу". (Иезекииль, iii. 14.)

25. Любимой версией воскрешения Думузи была та, в которой рассказывалось, как сама Иштар последовала за ним в Нижний мир, чтобы забрать его у их общего врага, и таким образом на время отдала себя во власть своей соперницы, ужасной Царицы Мертвых, которая держала ее в плену и не освободила бы, если бы не прямое вмешательство великих богов. Это была богатая шахта эпического материала, из которой, должно быть, обильно текли песни и истории. Нам повезло, что мы обладаем коротким эпосом на эту тему в одной табличке, одной из главных жемчужин открытий неутомимого Джорджа Смита, - поэмой большой литературной красоты, почти полной до нескольких строк в конце, которые сильно повреждены и едва читаемы. Она известна под названием "Спуск Иштар", поскольку в ней рассказывается только об этом одном эпизоде мифа. Начальные строки непревзойденны по великолепию поэзии и мрачному величию в любой, даже самой передовой литературе.

26. "К земле, откуда нет возврата, к дому тления, обратила свой ум Иштар, дочь Сина... к жилищу, у которого есть вход, но нет выхода, к дороге, по которой можно пройти, но нельзя проехать, к залу, из которого закрыт свет дня, где голод питается пылью и грязью, где никогда не видно света, где тени мертвых обитают в темноте, одетые с крыльями, как птицы. На перекладине ворот и в замке скопилась пыль... Иштар, когда она достигла земли, откуда нет возврата, обратилась к хранителю ворот с повелением: "Хранитель, открой ворота твои, чтобы я могла пройти. Если ты не откроешь, и я не смогу войти, я выбью ворота и сломаю замок, я разрушу порог и войду силой; тогда я отпущу мертвых, чтобы они вернулись на землю, чтобы они жили и питались снова; я сделаю так, что воскресших мертвецов будет больше, чем живых". Привратник разомкнул уста и проговорил: "Успокойся, о госпожа, и позволь мне пойти и сообщить имя твое царице Аллат".

Далее следует несколько сильно пострадавших строк, смысл которых невозможно восстановить полностью. Суть в том, что привратник объявляет Аллат, что ее сестра Иштар пришла за Водой Жизни, которая хранится в дальнем уголке ее владений, и Аллат очень встревожена этой новостью. Но Иштар объявляет, что пришла не враждовать, а скорбеть: - "Я хочу плакать.

"Я хочу оплакать героев, оставивших своих жен. Я хочу плакать о женах, вырванных из объятий мужей. Я хочу оплакать единственного сына - (имя Думузи), - которого забрали раньше времени".

Тогда Аллат приказывает хранителю открыть ворота и провести Иштар через семикратную ограду, поступая с ней, как со всеми, кто приходит к этим воротам, то есть снимая с нее одежды по древнему обычаю.

Хранитель пошел и открыл ворота: "Войди, о госпожа, и пусть залы Страны, откуда нет возврата, будут радоваться твоему присутствию". У первых ворот он велел ей войти и возложил на нее руку; он снял с ее головы высокий головной убор: "Зачем, о хранитель, ты снимаешь с моей головы высокий головной убор?" - "Войди, о госпожа, таково повеление Аллат".

Та же сцена повторяется у каждого из семи ворот; стражник у каждого лишает Иштар какого-нибудь предмета ее наряда - серег, ожерелья, драгоценного пояса, браслетов на руках и браслетов на лодыжках, и, наконец, длинного струящегося одеяния. В каждом случае оба повторяют одни и те же слова. Когда Иштар вошла к Аллат, царица посмотрела на нее и стала насмехаться над ней в лицо: тогда Иштар не смогла сдержать свой гнев и прокляла ее. Аллат обратилась к своему главному министру Намтару, богу моровой язвы - слуге царицы мертвых, - который также является богом судьбы, и приказала ему увести Иштар и поразить ее шестьюдесятью страшными болезнями, - поразить ее голову и сердце, и глаза, и руки, и ноги, и все конечности. Так богиню увезли и держали в тоске и страданиях. Между тем ее отсутствие имело самые катастрофические последствия для верхнего мира. Вместе с ней из него ушли жизнь и любовь; не было больше ни браков, ни рождений, ни среди людей, ни среди животных; природа замерла. Великий переполох поднялся среди богов. Они послали к Ка вестника, чтобы изложить ему положение дел и, как обычно, попросить его совета и помощи. Ка, в своей бездонной мудрости, придумал план. Он создал фантом, Уддусунамира.

"Иди, - сказал он ему, - в страну, откуда нет возврата, направь свое лицо; семь ворот Араллу откроются перед тобой. Аллат увидит тебя и возрадуется твоему приходу, сердце ее успокоится, и гнев ее исчезнет. Заклинай ее именем великих богов, напряги шею и не отвлекайся на весну жизни. Пусть госпожа (Иштар) получит доступ к источнику жизни и выпьет его воды". Аллат, услышав это, била себя по груди и кусала пальцы от ярости. Согласившись, она против своей воли проговорила: "Иди, Уддусунамир! Пусть великий тюремщик заключит тебя в темницу! Пусть нечистоты городских канав станут твоей пищей, воды городских сточных канав - твоим питьем! Темная темница будет твоим жилищем, острый шест - твоим сиденьем!"

Тогда она приказала Намтару дать Иштар испить из источника жизни и унести ее с глаз долой. Намтар исполнил ее повеление и провел богиню через семь темниц, у каждого ворот возвращая ей ту часть ее одеяния, которая была взята при входе. У последних ворот он сказал ей:

"Ты не заплатила Аллат выкуп за свое освобождение; теперь вернись к Думузи, возлюбленному твоей юности; окропи его священными водами, одень его в великолепные одежды, укрась его драгоценными камнями".

26. Последние строки так сильно изуродованы, что никакие усилия пока не помогли сделать их смысл хоть сколько-нибудь неясным, и так должно оставаться, если не появятся новые копии. Тем не менее, очевидно, что в них говорится о воссоединении Иштар и ее молодого любовника. Таким образом, поэма сама по себе завершена; но некоторые считают, что она была введена в эпос Издубара как самостоятельный эпизод, по примеру повествования о потопе, и, если это так, то предполагается, что она была частью седьмой скрижали. Так ли это было на самом деле или нет, не имеет большого значения по сравнению с огромной важностью этих двух поэм как древнейших представлений в законченной литературной форме двух наиболее значимых и универсальных природных мифов - солнечного и хтонического (см. с. 272), поэтических фантазий, в которые первобытное человечество

облекало чудеса небес и тайны земли, довольствуясь восхищением и воображением там, где оно не могло постичь и объяснить. Мы будем постоянно возвращаться к этим, по сути, *первичным* мифам, ибо они не только послужили основой для многих из самых прекрасных поэтических произведений мира, но и подсказали некоторые из самых возвышенных и заветных религиозных концепций.

[* Метрическая версия профессора Дайера истории "Спуска Иштар" приведена в Приложении, с. 367].

ССЫЛКИ:

[BC] Paul Haupt, "Der Keilinschriftliche Sündfluthbericht", 1881.

[BD] Существуют трудности в чтении этого имени, и ученые не уверены, что это правильное произношение; но они сохраняют его, пока какое-нибудь новое открытие не поможет решить этот вопрос.

[BE] Перевод с немецкого Пауля Хаупта, "Der Keilinschriftliche Sündfluthbericht".

[BF] Девятый король в сказочном списке из десяти.

[BG] Цифры, к сожалению, стерты.

[BH] "Les Premières Civilisations", Vol. II., pp. 78 ff.

[BI] A. H. Sayce, "Babylonian Literature", p. 39; Fr. Lenormant, "Il Mito di Adone-Tammuz", pp. 12-13.

VIII.

РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ.- ИДОЛОПОКЛОНСТВО И АНТРОПОМОРФИЗМ.- ХАЛДЕЙСКИЕ ЛЕГЕНДЫ И КНИГА ГЕНЕЗИСА.- РЕТРОСПЕКТИВА.

1. Говоря о древних народах, слова "религия" и "мифология" обычно употребляются без разбора и конверсии. Однако понятия, которые они выражают, существенно и радикально отличаются друг от друга. Самое широкое различие и то, из которого вытекают все остальные, заключается в том, что одно из них - Религия - является предметом чувств, а другое - Мифология - предметом воображения. Другими словами, религия идет изнутри - из сознания ограниченности своих возможностей, из врожденной потребности в высшей помощи и руководстве, в терпении и прощении, из стремления к абсолютному добру и совершенству, которые составляют отличительный человеческий атрибут "религиозности",

тот атрибут, который, вместе со способностью к членораздельной речи, выделяет человека из всего остального одушевленного творения и ставит его выше. (Мифология, с другой стороны, полностью приходит извне. Она воплощает в себе впечатления, полученные органами чувств от внешнего мира и преобразованные поэтической способностью в образы и истории. (Профессор Макс Мюллер из Оксфорда первым в своем стандартном труде "Наука о языке" четко определил это радикальное различие между двумя концепциями, которое с тех пор не перестает звучать как лейтмотив в длинной серии его работ, посвященных изучению религий и мифологий различных народов. Несколько иллюстраций на примере одного народа, с которым мы до сих пор были знакомы, помогут раз и навсегда установить глубокое понимание этого вопроса, крайне важного для постижения работы человеческого разума и души на протяжении долгой череды борьбы, ошибок и триумфов, достижений и неудач, которые мы называем историей человечества.

2. Нет необходимости повторять здесь примеры шумиро-аккадских и халдейских мифов; последние три-четыре главы были наполнены ими. Но примеры религиозного чувства, хотя и разбросанные по тому же полю, должны быть тщательно выловлены и показаны, ибо они принадлежат к тому подводному течению души, которое незаметно идет своим путем и часто кажется потерянным под блестящей игрой поэтических фантазий. Но оно все же есть, и время от времени пробивает себе дорогу на поверхность, сияя поразительной чистотой и красотой. Когда аккадский поэт взывает к Господу, "который отличает ложь от правды", "который знает истину, что в душе человека", который "заставляет ложь исчезнуть", который "обращает злые козни к счастливому концу" - это религия, а не мифология, ибо это не *рассказ*, а выражение *чувства*. То, что "Господь", чье божественное всеведение и благодать прославляются таким образом, на самом деле является Солнцем, не имеет значения; *это* ошибка в суждениях, недостаток знаний, но религиозное чувство великолепно проявляется в этом обращении. Но когда в том же гимне Солнце описывается как "выходящее из поднебесья, отодвигающее засовы и открывающее врата блестящих небес, и поднимающее голову над землей" и т. д. (см. с. 172), что является лишь очень красивым, образным описанием великолепного природного явления - восхода солнца; это великолепная поэзия, религиозная в той мере, в какой солнце рассматривается как Существо, Божественная Личность, объект глубокого благочестивого и благодарного чувства; и все же это не религия, это мифология, поскольку она представляет уму материальный образ, который легко превратить в повествование, в *историю*, - что, собственно, и *предполагает* героя, царя и историю. Возьмем, к примеру, так называемые "Покаянные псалмы". К образцу, приведенному на с. 178, добавим для полноты картины следующие три примечательных фрагмента:

- I. "Бог, мой создатель, возьми меня за руки! Направь дыхание уст моих, руки мои направь, Владыка света".
- II. "Господи, не дай рабу твоему утонуть! Среди бурных вод возьми его за руку!"
- III. "Кто не боится Бога своего, тот будет отсечен, как тростник. Кто не чтит богиню свою, у того телесная сила иссякнет; как звезда небесная, померкнет блеск его; он исчезнет, как воды ночные".

3. Все это - религия, самая чистая, самая возвышенная, приносящая плоды добра, единственного настоящего испытания истинной религии. Глубокое смирение, доверчивый писк, чувство зависимости, сознание слабости, греха и жажда избавления от них - все это сильно отличается от напыщенных фраз пустой похвалы и бесплодного восхищения; это то, что идет от сердца, а не от фантазии, что облегчает его груз печали и самообвинения, освещает его надеждой и добрыми решениями, словом, делает его счастливее и лучше -

чего не может сделать никакая простая воображаемая поэзия, какой бы прекрасной она ни была.

4. Таким образом, радикальное различие между религиозным чувством и поэтической способностью мифического творчества легко установить и проследить. С другой стороны, они так постоянно смешиваются, так почти неразрывно переплетаются в священной поэзии древних, в их взглядах на жизнь и мир, в их поклонении, что неудивительно, что их так часто путают. Наиболее правильным будет, пожалуй, сказать, что древние религии - подразумевая под этим словом весь корпус священной поэзии и легенд, а также национальные формы поклонения - изначально состояли примерно в равных частях из религиозного чувства и мифологии. Во многих случаях буйство воображения брало верх, и происходил такой буйный рост мифических образов и историй, что религиозное чувство почти подавлялось ими. В других же случаях сами мифы наводили на мысль о религиозных идеях глубочайшего значения и возвышенности. Так было, в частности, с Солнечным и Хтоническим мифами - поэтическим изложением карьеры Солнца и Земли, связанным с доктриной бессмертия души.

5. Любопытное и важное наблюдение было сделано при раскопках самых древних могил в мире, так называемых "строителей курганов". Это название не относится к какой-либо определенной расе или нации, а дается без разбора всем тем народам, которые жили на любой части земного шара задолго до начала самых отдаленных времен, о которых сохранились памятники или надписи любого рода. Все, что мы знаем об этих народах, - это то, что они хоронили своих умерших - по крайней мере, особо известных или высокопоставленных - в глубоких и просторных выложенных камнем камерах, вырытых в земле, с такой же галереей, ведущей к ним, и покрытых насыпью земли, иногда гигантских размеров - очень большой холм. Отсюда и название. Об их жизни, степени цивилизованности, о том, что они думали и во что верили, мы не имеем ни малейшего представления, разве что содержимое могил дает нам некоторые указания. Ведь, подобно более поздним, историческим расам, могилы которых мы находим в Халдее и во всех других странах древнего мира, они хоронили вместе с умершими множество вещей: сосуды с едой и питьем, оружие, украшения, домашнюю утварь. Чем больше власть или известность умершего, тем полнее и роскошнее его погребальный наряд. Нередко можно встретить скелет великого вождя, окруженный скелетами нескольких женщин, а на почтительном расстоянии - еще больше скелетов, очевидно, рабов, чьи проломленные черепа более чем наводят на мысль об отвратительном обычае убивать жен и слуг, чтобы они оказывали честь знаменитому покойнику и составляли ему компанию в его тесном подземном особняке. Ничто, кроме веры в продолжение существования после смерти, не могло побудить к подобным действиям. Ведь какой смысл было давать ему жен и рабов, всевозможные предметы домашнего обихода, пищу и оружие, если только не для того, чтобы они служили ему и использовались во время его путешествия в неизвестную страну, где он должен был вступить на новую ступень существования, которую оставшиеся в живых не могли не представить себе как воспроизведение, в простых условиях и потребностях, той, которую он покидал? Нет ни одной расы людей, какой бы примитивной, какой бы необученной она ни была, в которой эта вера в бессмертие не была бы глубоко укоренена, положительна, непререкаема. Эта вера прививается человеку по *желанию*; она отвечает одному из самых настоятельных, неутолимых желаний человеческой природы. Ведь в той мере, в какой жизнь приятна и ценна, смерть отвратительна и отталкивающа. Мысль о полном уничтожении, о прекращении существования непереносима для разума; чувства восстают против нее, разум отказывается понять и признать ее. И все же смерть вполне реальна, она неизбежна, и все человеческие существа, которые приходят в этот мир, должны научиться сталкиваться с

мыслью о ней, а также с реальностью в других людях, прежде чем они лягут и примут ее для себя. Но что, если смерть - это *не* разрушение? Если она - лишь переход из этого мира в другой, далекий, неизвестный и поневоле таинственный, но все же определенный, мир, на пороге которого земное тело сбрасывается как ненужная одежда? Тогда смерть лишится половины своих ужасов. В самом деле, единственным неприятным моментом в ней были бы для тех, кто уходит, кратковременная боль и неопределенность того, к чему он идет; а для тех, кто остается, - разлука и отвратительные подробности - уродство, тление. Но все это скоро проходит, а разлука остается лишь на время; ведь все должны идти одним путем, и опоздавшие найдут, присоединятся к своим потерянным, ушедшим раньше. Конечно, так и должно быть! Слишком ужасно, если бы это было не так; так *должно быть* - так и есть! Процесс ощущения, который привел к такому выводу и затвердил его в абсолютную веру, очень прост, и каждый из нас может легко воспроизвести его в своей душе, независимо от тех наставлений, которые мы получаем с детства. Но разум по природе своей пытлив, и невольно возникает вопрос: это решение, такое прекрасное, такое приемлемое, такое универсальное, но такое абстрактное, - что его подсказало? Какая аналогия впервые привела к нему из материального мира чувств? На этот вопрос мы не найдем ответа в стольких словах, ибо он относится к тем, что уходят в самые корни нашего существа, а такие обычно остаются без ответа. Но в могилах, вырытых древними строителями курганов, есть одна необычная особенность, которая, кажется, почти указывает на ответ. Жилец погребальной камеры чаще всего лежит в скрюченном положении, прислонившись спиной к выложенной камнем стене, а его *лицо повернуто на запад, в сторону заходящего солнца.....* Вот она, аналогия! Карьера солнца очень похожа на карьеру человека. Его восход на востоке похож на рождение человека. В часы своей власти, которые мы называем днем, оно выполняет отведенную ему работу - дарит свет и тепло миру, то сияя и торжествуя на лазурном небе, то заслоняясь облаками, пробиваясь сквозь туман или одолевая бури. Как это похоже на превратности, которые сменяют друг друга в течение нескольких часов или дней, из которых складывается человеческая жизнь! Затем, когда истекает назначенный срок, он опускается вниз, ниже, ниже, и исчезает во тьме, умирает. Так и человек. Что такое эта ночь, смерть? Уничтожение ли это, или только отдых, или отсутствие? Во всяком случае, это *не* разрушение. Ибо как сегодня вечером мы видим, что солнце исчезает на западе, слабое и без лучей, так и завтра утром мы увидим, как оно вновь восходит на востоке, славное, энергичное и молодое. Что произойдет с ним за это время? Кто знает? Возможно, он спит, возможно, путешествует по неведомым нам странам и выполняет там другую работу; но одно можно сказать наверняка: он не умер, ибо завтра он снова восстанет. Почему бы человеку, чья карьера так похожа на карьеру Солнца в других отношениях, не походить на него и в этом? Так пусть же мертвых кладут лицом на запад в знак того, что их жизнь - это лишь закат, подобный солнечному, за которым последует новый восход, новое существование, хотя и в другом, неизвестном мире.

6. Все это - чистая поэзия и мифология. Но как велика его красота, как очевидна его обнадеживающая убедительность, если он мог обратиться к пытливым умам тех первобытных людей, древних строителей курганов, и заложить в них семя веры, которой все больше и больше придерживались, по мере того как человечество развивалось в духовной культуре! Ведь все самые благородные расы лелеяли и развивали миф о заходящем солнце самыми разнообразными способами, как символ бессмертия души. Поэты Древней Индии около трех тысяч лет назад сделали Солнце вождем и царем мертвых, который, по их словам, следовал туда же, куда и первый, "указывая путь многим". Египтяне, возможно, самые мудрые и духовные из всех древних народов, сделали этот миф краеугольным камнем всей своей религии и расположили все свои места погребения на западе, среди или за ливийской грядой холмов, за которыми солнце исчезало из глаз тех, кто жил в долине Нила. Греки представляли себе счастливую обитель для своих самых храбрых и мудрых, которую они

называли Островами Блаженных и располагали на самом дальнем западе, среди вод океана, в который солнце спускается для своего ночного отдыха.

7. Но путь солнца двоякий. Если он завершается - начинается и заканчивается - в течение определенного количества часов, составляющих день, то в более широком масштабе он повторяется в течение цикла месяцев, составляющих год. В нем представлены чередования молодости и возраста, триумфа и упадка, силы и немощи, которые регулярно сменяют друг друга в разные времена года. Но мораль, символ все тот же, что и в случае с окончательным бессмертием. Ибо если лето отвечает расцвету полудня, осень - более мягкому сиянию и угасанию вечера, а зима - безрадостной тоске ночи, то весна, как и утро, всегда возвращает бога, героя в совершенном великолепии славного воскресения. Именно миф о солнечном годе с его великолепным сопровождением астрономической феерии больше всего завладел воображением склонных к науке халдеев, и именно его мы находим воплощенным с такой восхитительной полнотой в их великом эпосе. Позже мы увидим, как более богатые воображением и поэтичностью расы отдают предпочтение карьере солнца как героя дня и делают несколько инцидентов мифа о солнечном дне предметом бесконечного разнообразия историй, блестящих или патетических, нежных или героических. Но в природе существует и другой порядок явлений, тесно связанных с фазами солнца и зависящих от них, то есть сезонов, но очень разных по своему индивидуальному характеру, хотя и указывающих тот же путь в отношении идеи воскрешения и бессмертия - это явления Земли и Семени. В более общем виде их можно описать как производительную силу природы, парализованную во время оцепенелого транса зимы, которая подобна сну смерти, когда семя лежит в земле, скрытое от глаз и холода, даже как мертвая вещь, но пробуждающуюся к новой жизни в благоприятное время весны, когда семя, в котором жизнь никогда не угасала, а только дремала, разрывает свои узы и прорывается в зеленую красоту и щедрые урожаи. В этом суть и смысл хтонического или земного мифа, столь же универсального, как и солнечный, но различные черты которого также были неравномерно развиты разными расами в соответствии с их индивидуальными наклонностями. В халдейской версии "Сошествия Иштар" конкретный случай с семенем отсутствует, разве что название месяца Думузи "Благословение семени" ("*Le Bienfait de la Semence*." Lenormant) можно рассматривать как намек на него. Это ее прекрасный молодой жених, прекрасный бог Солнца, которого оплакивает овдовевшая богиня природы и спускается на поиски среди мертвых. Этот аспект мифа почти исключительно развит в религиях большинства ханаанейских и семитских народов Востока, где мы будем встречаться с ним часто и много. И здесь можно заметить, не отступая и не предвосхищая, что во всем древнем мире солярный и хтонический циклы мифов были наиболее универсальными и важными, центром и основой многих древних мифических религий, и использовались как проводники более или менее возвышенных религиозных концепций, в зависимости от более или менее высокого духовного уровня поклоняющихся народов.

8. Надо признать, что среди народов Западной Азии этот уровень в целом был не очень высоким. Как хамитская, так и семитская расы, как правило, отличались чувственным характером; первая, к тому же, отличалась весьма определенно материальным складом ума. Кушиты, ветвь которых, возможно, составляла значительную часть смешанного населения Нижней Месопотамии, и особенно ханаанеи, расселившиеся по всей стране между великими реками и Западным морем - Средиземным - не были исключением из этого правила. Если их жрецы - их исповедуемые мыслители, люди, воспитанные поколениями для интеллектуальных занятий, - и прокладывали путь к восприятию единой Божественной силы, управляющей миром, они держали его при себе или, по крайней мере, вне поля зрения, за сложным набором космогонических мифов, мифов о природе, символов и притч, что

привело в Халдее к весьма искусственной системе, которая была набросана выше (см. главы [V](#) и [VI](#).) - система необычайно красивая и глубоко значимая, но масса людей не заботилась о том, чтобы разгадывать тонкие хитросплетения, довольствуясь тем, что принимала ее целиком, в самом буквальном духе, элементарных богов природы, астрономических абстракций, космогонических басен и всего остального, ни в чем не сомневаясь, с миром в душе и праведным самосознанием, если они приносили жертвы в различных освященных временем местных святилищах и соблюдали предписанные формы и церемонии. К этому они частным образом добавляли те бесчисленные практики колдовства и обряды, доставшиеся им в наследство от старых владык земли, которые, как мы видели, коллегии ученых священников были вынуждены терпеть и даже санкционировать, предоставляя им место, хотя и низшее, в своей собственной более благородной системе (см. с. [250](#)). Таким образом, если проблеск Истины слабо освещал святилище и его непосредственных служителей, народ в целом обитал во внешней тьме безнадежного многобожия и, что еще хуже, идолопоклонства. Ибо, склоняясь перед алтарями своих храмов и изображениями из дерева, камня или металла, в которых искусство стремилось выразить то, чему учили священные писания, неученые поклоняющиеся не задумывались о том, что это всего лишь произведения человеческого искусства, черпающие свою святость исключительно из предметов, к которым они относятся, и места, которое они украшают, и не старались удерживать свои мысли на невидимых Существах, представленных изображениями. Гораздо проще, легче и удобнее было адресовать свое поклонение тому, что было видимым и близким, тем формам, которые были так близко к их чувствам, которые, казалось, так непосредственно принимали их подношения и молитвы, которые стали такими дорогими и знакомыми от долгого общения. Основная масса халдейского народа долгое время оставалась туранской, и материалистическая грубость первоначальной шумиро-аккадской религии значительно усилила ее идолопоклоннические тенденции. Старая вера в талисманные свойства всех изображений (см. с. [162](#)) продолжала утверждаться и легко переносилась на изображения божеств более позднего и развитого культа. Предполагалось, что какая-то часть божественной субстанции или духа каким-то образом переходит в материальное изображение и обитает в нем. Это ясно из того, как в надписях говорится о статуях богов, как если бы они были личностями. Так, в знаменитом цилиндре ассирийского завоевателя Асшурбанипала рассказывается, как он вернул "богиню Нану" (то есть ее статую), которая во время великого эламского нашествия "ушла и поселилась в Эламе, в месте, не предназначенном для нее", и теперь говорил с ним, царем, говоря "Из среды Элама выведи меня и введи меня в Битанну" - ее собственное старое святилище в Эрехе, "которое она облюбовала". И снова ассирийские завоеватели особенно гордятся тем, что уносят с собой статуи богов покоренных ими народов, и не перестают фиксировать этот факт в таких словах: "Я унес *их богов*", несомненно, имея в виду, что таким образом они лишили своих врагов возможности получить помощь их божественных покровителей.

9. В населении Халдеи был сильно представлен семитский элемент. Вероятно, племена семитов приходили в страну через определенные промежутки времени, сменяя друг друга, и долгое время беспрепятственно кочевали со своими стадами, затем постепенно смешивались с поселенцами, которых они заставляли у себя, и чью культуру они перенимали, или же образовывали отдельные поселения, не теряя, однако, при этом своих пастушеских привычек. Так, еврейское племя, покинув Ур при Терахе и Аврааме (см. с. [121](#)), похоже, с величайшей готовностью и легкостью возобновило свою кочевую жизнь, прожив долгое время в этом популярном городе, главной столице Шумира, господствовавшего в то время на Юге, или рядом с ним. Было ли это племя изгнано из Ура, как считают некоторые, [\[BJ\]](#) или ушло по собственной воле, возможно, не слишком смело предположить, что причины их ухода были отчасти связаны с религиозными мотивами. Ведь только среди халдеев и всех

окружающих народов эта горстка семитов вычленила концепцию монотеизма из туманного богатства халдейской мифологии и крепко ухватилась за нее. По крайней мере, их вожди и старейшины, патриархи, пришли к убеждению, что Единый живой Бог - это Тот, Кого они называли "Господь", и они старались внушить своему народу ту же веру и отделить его от мифических представлений и идолопоклоннических обычаев, которые они переняли у тех, среди кого жили, и за которые цеплялись с упорством духовной слепоты и долгой привычки. Поздние евреи сами четко помнили, что их предки были языческими многобожниками, и их собственные историки, писавшие более чем через тысячу лет после времен Авраама, ясно излагают этот факт. В длинном обращении к собравшимся коленам Израиля, которое они вложили в уста Иисуса Навина, преемника Моисея, он говорит: "Отцы ваши жили по ту сторону потопа" (то есть Евфрата или, возможно, Иордана) "в давние времена, даже Терах, отец Авраама и отец Нахора, *и они служили другим богам*". И далее: " ... Отбросьте богов, *которым служили отцы ваши по ту сторону потопа* и в Египте, и служите Господу..... Изберите себе в сей день, кому вы будете служить, богам ли, которым служили отцы ваши, бывшие по ту сторону потопа, или богам Аморецев, в земле которых вы живете; что касается меня и дома моего, то мы будем служить Господу". (Что может быть вероятнее, чем то, что патриархи, Терах и Авраам, вывели свой народ из среды халдеев, из их великой столицы Ура, где находились одни из самых древних и знаменитых халдейских святилищ, и отправились в пустыню, отчасти с целью избавить их от развращающих связей. Во всяком случае, та часть еврейского племени, которая осталась в Месопотамии с Нахором, братом Авраама (см. Быт. xxiv. xxix. и далее), продолжала оставаться язычниками и идолопоклонниками, как мы видим из подробного рассказа в Быт. xxxi. о том, как Рахиль "украдала *изображения, принадлежавшие отцу ее*" (xxxi. 19), когда Иаков бежал из дома Лавана со своей семьей, скотом и всем своим имуществом. Не остается никаких сомнений в значении и смысле, придаваемом этим "изображениям", когда мы видим, как Лабан, догнав беглецов, упрекает Иакова в таких словах: "И теперь, хотя ты и хотел бы уйти, потому что ты тоскуешь по дому отца твоего, но зачем ты *украдел богов моих?*" (xxxi. 30). (xxxi. 30), на что Иаков, ничего не знающий о краже Рахили, отвечает: "С кем бы *ты ни нашел богов твоих*, пусть не живет" (xxxi. 32). Но "Рахиль взяла изображения и положила их на верблюжью мебель, и села на них. И обыскал Лабан весь шатер, но не нашел их" (xxxi. 34). Что могло побудить Рахиль совершить столь бесчестный и, более того, опасный поступок, как не мысль о том, что, унося эти изображения, домашних "богов" своей семьи, она обеспечит благословение и процветание себе и своему дому? То, что таким образом она, согласно представлениям язычников, лишит своего отца и старый дом того, что хотела бы получить сама (см. с. 344), похоже, ее не смущало. Отсюда ясно, что даже после свадьбы с единобожником Иаковом она оставалась язычницей и идолопоклонницей, хотя и скрывала от него этот факт.

10. С другой стороны, массовой эмиграции было недостаточно для устранения зла. Если бы это была действительно пустыня, неустроенная во всем своем объеме, в которую патриархи привели свой народ, им, возможно, удалось бы полностью отучить его от старых влияний. Но по ней были рассеяны и уже владели ею многочисленные ханаанские племена, богатые и могущественные при своих вождях - амориты, хивиты, хетты и многие другие. Говоря кратким и живописным библейским языком, "Хананеи были в земле" (Бытие, xii. 6), и Евреи постоянно вступали с ними в контакт, более того, зависели от их терпимости и большого гостеприимства, благодаря которым они могли свободно наслаждаться пастбищами "земли, где они были пришельцами", как часто и метко называют обширный регион, по которому они разбрелись. Будучи всего лишь горсткой людей, они должны были быть осторожными в своих делах и поддерживать хорошие отношения с людьми, среди которых они оказались. "Я странник и скиталец у вас", - признается Авраам, склоняясь перед жителями земли (племя хеттов близ Хеврона, к западу от Мертвого моря), когда предлагает купить у них поле, чтобы

устроить там семейное захоронение для себя и своего рода; Ибо он не имел законного права ни на одну из земель, так же как на гробницу для своего мертвеца, хотя "сыны Хета" относятся к нему с большим почтением и, обращаясь к нему, говорят: "господин мой" и "ты могущественный князь среди нас" (Бытие, ххiii.). Эта сделка, совершенная обеими сторонами в духе большой вежливости и либеральности, - не единственный пример дружелюбия, с которым ханаанейские владельцы земли относились к чужеземцам как при жизни Авраама, так и спустя долгое время после его смерти. Его внук, патриарх Иаков, и его сыновья находят такую же терпимость у хивитов из Шалема, которые так говорят между собой о них: "Эти люди мирны с нами; поэтому пусть живут в земле и торгуют в ней; ибо земля, вот, достаточно велика для них; возьмем дочерей их в жены и дадим им дочерей наших". И хивитский князь в таком смысле обращается к иудейскому вождю: "Душа сына моего тоскует по дочери твоей: Молю тебя, отдай ее ему в жены. И заключайте браки с нами, и отдавайте нам дочерей ваших, и берите дочерей наших к себе. И будете жить с нами, и земля будет перед вами; живите и торгуйте в ней, и приобретайте себе имущество в ней".

11. Но этот вопрос о браке всегда был самым неприятным; этот вопрос, как и все другие, строго ограничивал евреев в общении и добрососедстве; тем более упорно, что их народ по природе своей был склонен к таким союзам, поскольку они свободно приходили и уходили среди своих хозяев, а их дочери беспрепятственно выходили "посмотреть на дочерей земли". Теперь вся раса Ханаана придерживалась религий, очень похожих на халдейские, только еще более грубых в деталях и формах поклонения. Поэтому, чтобы старые идолопоклоннические привычки не вернулись к ним под влиянием языческой семьи, патриархи запрещали браки с женщинами тех стран, через которые они проходили и переходили со своими палатками и стадами, и сами воздерживались от них. Так, Авраам отправляет своего управляющего в Месопотамию искать жену для своего сына Исаака среди своих сородичей, которые остались там с его братом Нахором, и заставляет старого слугу торжественно поклясться "Господом, Богом неба и Богом земли": "Ты не должен брать жену сыну моему из дочерей Хананеев, среди которых я живу". А когда Исав, сын Исаака, взял двух жен из числа хеттеянок, прямо сказано, что они были "горем для Исаака и Ревекки"; и самое торжественное наставление Исаака другому своему сыну, Иакову, когда он посылает ему от себя свое благословение, гласит: "Не бери себе жены из дочерей Ханаанских". Куда бы ни приходили Евреи во время своих долгих странствий, длившихся многие века, на них налагался один и тот же двойной запрет: жениться на туземках - "ибо, - сказано им, - они обратят сердце ваше к богам своим" - и следовать идолопоклонническим религиям; этот запрет подкреплялся самыми суровыми наказаниями, вплоть до смерти. Но ничто не могло удержать их надолго от нарушения закона в обоих отношениях. Сама частота и акцент, с которым повторяется это повеление, жестокость обличений нарушителей, страшные наказания, которыми грозили, а часто и наказывали, в достаточной степени показывают, насколько несовершенно и неохотно его исполняли. Действительно, весь Ветхий Завет - одна сплошная иллюстрация того, с каким неослабевающим рвением мудрые и просвещенные люди Израиля - его законодатели, вожди, священники и пророки - выполняли свою трудную и часто почти безнадежную задачу: оградить свой народ от поклонения и практики, которые для них, осознавших ошибочность веры во многих богов, были самыми пагубными мерзостями. В этом духе и с этой целью они проповедовали, боролись, обещали, угрожали, наказывали, и в этом же духе в более поздние века они писали.

12. Только после того, как нация прочно укрепилась и наслаждается определенной мерой процветания, безопасности и сопутствующего им досуга, она начинает собирать свои традиции и воспоминания и излагать их по порядку, в виде непрерывного повествования. Так было и с евреями. Маленькое племя превратилось в народ, который прекратил свои скитания и завоевал для себя постоянное место на лице земли. Но для этого потребовались многие сотни лет, годы незабываемых приключений и превратностей, так что материал, накопленный для будущих историков в рассказах, преданиях, песнях, был обширен и разнообразен. Многие также должно было быть записано в сравнительно ранний период. *Насколько* ранним, остается неясным, поскольку, к сожалению, нет ничего, что могло бы показать, в какое время евреи научились искусству письма, а их символы, как и другие алфавиты, были заимствованы у финикийцев. Как бы то ни было, несомненно одно: различные книги, составляющие корпус еврейских Священных Писаний, который мы называем "Ветхим Заветом", были собраны из нескольких и различных источников и приведены в ту форму, в которой они дошли до нас, в очень поздний период, некоторые почти до рождения Христа. Первая книга из всех, Бытие, описывающая начало еврейского народа, - ("*Бытие*" - греческое слово, означающее "происхождение") - относится к более раннему времени. Она состоит в основном из двух повествований, различных и часто отличающихся по духу и даже по фактам. Позднейший составитель, имевший перед собой оба источника для окончательной обработки, относился к ним с большим уважением, чтобы изменить один из них, и обычно довольствовался тем, что давал их рядом (как в истории Агари, которая рассказывается дважды и по-разному, в гл. XVI и гл. XXI), или смешивал их воедино, так что требуется много внимания и усилий, чтобы разделить их (как в истории о Потопе, гл. VI-VIII). Эта последняя история почти идентична халдейской легенде о потопе, включенной в великий эпос Издубара, одиннадцатую скрижаль которого она составляет. (Действительно, каждый ребенок, сравнив халдейские космогонические и мифические легенды с первыми главами Книги Бытия, теми, что относятся к зарождению не столько еврейского народа, сколько человеческой расы и мира в целом, может убедиться, что и те и другие первоначально вытекали из одного и того же источника традиций и священнических преданий. Сходство слишком велико, близко, непрерывно, чтобы не исключить все рациональные предположения о случайных совпадениях. Различия же таковы, что наиболее ярко иллюстрируют трансформацию, которой может подвергнуться один и тот же материал при обработке двумя расами с разными моральными нормами и духовными наклонностями. Давайте вкратце рассмотрим оба варианта, бок о бок.

13. Начнем с сотворения мира. Описание первобытного хаоса - пустых вод, из которых "не поднималась тьма" (см. с. 261) - очень хорошо соответствует описанию в Бытие, i. 2: "И земля была бесформенна и пуста; и тьма была по лицу глубины". Создание небесных тел и сотворение животных также удивительно совпадают в обоих рассказах и даже происходят в одном и том же порядке (см. с. 264 и Бытие, i. 14-22). Знаменитый цилиндр из Британского музея (см. № 62, с. 266) является сильным свидетельством в пользу идентичности халдейской версии непослушания первой пары с библейской. Мы видели, какое важное место в халдейской религии занимал символ Священного Древа, которое, несомненно, соответствует Древу Жизни в Эдеме (см. с. 268), а также, вероятно, Древу Познания, а различные отрывки и имена, изобретательно собранные и сопоставленные учеными, не оставляют сомнений в том, что у халдеев была легенда об Эдеме, Божьем саде (см. с. 274). В любой день может быть найдена лучше сохранившаяся копия скрижалей Творения с отсутствующими отрывками, и нет причин сомневаться, что они окажутся столь же близкими к библейскому повествованию, как и те, что были найдены до сих пор. Но даже в том виде, в котором они есть сейчас, совершенно очевидно, что основа, материал, в обоих случаях один и тот же. Различается лишь способ, дух. В халдейском изложении политеизм буйствует.

Каждый элемент, каждая сила природы - Небо, Земля, Бездна, Атмосфера и т. д. - персонифицированы в отдельное божественное существо, активно и сурово участвующее в великой работе. Еврейское повествование строго монотеистично. В нем Бог делает все то, что "боги" между собой делают в другом. Любые поэтические или аллегорические обороты речи тщательно избегаются, чтобы они не привели к злым ошибкам народа-сестры. Символические мифы, такие как миф о том, что Бел смешивает свою кровь с глиной, из которой он лепит человека (см. с. 266), сурово отбрасываются по той же причине. Остается только одна: искушение змеем. Но поскольку змей явно олицетворял злой принцип, вечно живущий в душе человека, не было никакой опасности обожествления и поклонения ему; кроме того, рассказанная таким образом история очень живописно и ярко указывает на великий нравственный урок, восточная любовь к притчам и аллегориям в данном случае могла быть предоставлена свободе действий. Кроме того, древнееврейские авторы священных книг не выходили за рамки суеверий своей страны и эпохи, они сохраняли все, что не казалось им несовместимым с монотеизмом. Так, во всех книгах Ветхого Завета сохраняется и открыто исповедуется халдейская вера в колдовство, гадание по снам и другим знамениям, а сама астрология не осуждается, поскольку среди предназначений звезд упоминается и то, что они служат людям "для знамений": "И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, чтобы разделять день от ночи; и да будут они для знамений и для времен года, и для дней и годов" (Бытие, т. 14). Еще более явным является отрывок из триумфальной песни пророчицы Деборы, где, празднуя победу Израиля над Сисерой, она говорит: "Они сражались с неба: звезды в своих курсах сражались против Сисеры" (Судьи, ст. 20). Но вера в астрологию ни в коем случае не подразумевает признания существования нескольких богов. В одном или двух отрывках мы действительно находим выражение, которое, кажется, проскользнуло незаметно, как невольное воспоминание о первоначальном многобожии; это когда Бог, беседуя с самим собой о преступлении Адама, говорит: "Вот, человек стал *как один из нас*, чтобы знать добро и зло" (Быт. iii. 22). Еще более четкий след прослеживается в одном из двух имен, данных Богу. Эти имена - "Иегова" (правильнее "Яхве") и "Элохим". Последнее имя - это множественное число от *Эль*, "бог", и означает "боги". Если священные писатели сохранили его, то, конечно, не по небрежности или непреднамеренности. Когда они его используют, оно само по себе становится почти исповеданием веры. Кажется, что оно провозглашает Бога их религии как "Единого Бога, который есть все боги", в котором заключены и слиты все силы вселенной.

14. В библейском повествовании есть одна особенность, которая, на первый взгляд, выглядит как мифическая трактовка: это привычный способ, которым Бог представлен приходящим и уходящим, говорящим и действующим, как люди, особенно в таких отрывках, как эти: "И услышали они голос Господа Бога, *ходящего в саду в прохладе дня*" (Быт. iii. 8); или: "И сделал Господь Бог Адаму и жене его *одежды из шкур, и одел их*" (Быт. iii. 21). Но такое суждение было бы серьезной ошибкой. В этом нет ничего мифического; это лишь общая для всего человечества тенденция наделять Божество человеческими атрибутами формы, речи и действия всякий раз, когда делалась попытка приблизить его к пределу досягаемости их воображения. Эта тенденция настолько универсальна, что ее отнесли под особым названием к отличительным чертам человеческого разума. Ее называли антропоморфизмом (от двух греческих слов *Anthropos*, "человек", и *morphê*, "форма"), и от нее невозможно избавиться, потому что она является неотъемлемой частью нашей природы. Духовные стремления человека безграничны, его способности к восприятию ограничены. Его дух имеет пламенные крылья, которые могли бы поднять его и унести за бесконечность пространства в чистую абстракцию; его чувства имеют свинцовые подошвы, которые вечно тянут его вниз, к земле, которой он является и за которую он должен держаться, чтобы существовать вообще. Большим усилием он может *представить себе* абстрактную идею,

ускользающую от хватки органов чувств, не облеченных в материю; но *осознать*, *вообразить* он может только с помощью тех приспособлений, которыми снабжают его органы чувств. Поэтому, чем пылче он схватывает идею, чем теснее усваивает ее, тем больше она материализуется в его понимании, и когда он пытается воспроизвести ее из себя - вот! она принимает подобие себя или чего-то, что он видел, слышал, осязал, - духовность ее обретает плоть, как и она сама в себе. Это как бы воспроизведение в интеллектуальном мире вечной борьбы в физической природе между двумя противоположными силами притяжения и отталкивания, центробежной и центростремительной, конечным результатом которой является удержание каждого тела на своем месте, с четко определенным и ограниченным диапазоном движения, отведенным ему. Таким образом, каким бы чистым и духовным ни было представление о Божестве, человек, делая его реальным для себя, низводя его в пределы своей досягаемости и понимания, в святилище своего сердца, *будет и должен* сделать из него существо, человеческое не только по форме, но также по мысли и чувству. Как иначе он сможет постичь его? А аксессуары, которыми он окружит его, обязательно будут подсказаны его собственным опытом, скопированы с тех, среди которых он сам привычно перемещается. "Прогулка в саду в прохладный день" - это, по сути, восточный и южный вид отдыха, и он совершенно естественно пришел в голову писателю, живущему в стране, пропитанной солнцем и сердобольностью. Если бы писатель был северянином, жителем заснеженных равнин и скованных льдом рек, Господь, возможно, был бы представлен как приезжающий в быстрых санях на меховой подкладке. Антропоморфизм, таким образом, сам по себе не является ни мифологией, ни идолопоклонством; но совершенно очевидно, что он может с величайшей легкостью соскользнуть ни в то, ни в другое, лишь с небольшой помощью поэзии и, особенно, искусства, в его невинном стремлении закрепить в осязаемой форме смутные фантазии и нащупывания, которые слова часто являются лишь мимолетным и слабым воплощением. Отсюда изгнание всех материальных символов, абсолютный запрет на любые изображения в качестве аксессуара религиозного поклонения, который, наряду с признанием единого Бога, является краеугольным камнем еврейского закона: "Не должно быть у тебя других богов пред лицом Моим. Не делай себе никакого изображения и никакого подобия того, что на небе вверху, или что на земле внизу, или что в воде под землею; не поклоняйся им и не служи им" (Исход, хх. 3-5).

Но продолжим нашу параллель.

15. Десять доэдилувианских царей Бероса, сменивших явление божественного человека-рыбы Ка-Оаннеса (см. с. 196), имеют свой точный аналог в десяти доэдилувианских патриархах Бытия, ст. Как и халдейские цари, патриархи живут неестественное количество лет. Только экстравагантные фигуры халдейской традиции значительно сокращены в еврейской версии. Если первая отводит своим царям десятки тысяч лет (см. с. 196), то вторая сокращает их до сотен, и самое большее, что она позволяет любому из своих патриархов, - это девятьсот шестьдесят девять лет жизни (Мафусаил).

16. Сходство между двумя повествованиями о потопе настолько очевидно и постоянно, что нужно указывать не на него, а на различия. И здесь трезвый, строго монотеистический характер древнееврейского повествования разительно контрастирует с буйным политеизмом халдейского, в котором Небо, Солнце, Буря, Море и Дождь персонифицированы, обожествлены и последовательно играют свои соответствующие и наиболее драматичные роли в великом катаклизме, а сама Природа, как Великая Мать существ и покровительница жизни, представлена в лице Иштар, оплакивающей гибель людей (см. с. 327). Кроме этого фундаментального различия в духе, идентичность во всех существенных моментах поразительна, и различия встречаются только в мелких деталях.

Наиболее характерно то, что если халдейская версия описывает строительство и оснащение *корабля* со всей точностью, свойственной знатокам мореплавания, и не забывает даже назвать имя лоцмана, то еврейский автор, с неуклюжестью и невежеством в морских вопросах, естественными для внутреннего народа, незнакомого с морем и внешним видом кораблей, говорит только о *ковчеге* или *сундуке*. Самое большое расхождение - в продолжительности потопа, которая в халдейском тексте гораздо короче, чем в еврейском. Уже на седьмой день Хасисадра посылает голубя (см. с. 316). Но в самом библейском повествовании, состоящем, как было отмечено выше, из двух параллельных текстов, соединенных вместе, этот же момент приводится по-разному в разных местах. Согласно Бытию, vii. 12, "дождь шел на землю сорок дней и сорок ночей", в то время как стих 24 той же главы говорит нам, что "воды господствовали на земле сто пятьдесят дней". Опять же, в халдейском рассказе число спасенных гораздо больше: Хасисадра берет с собой в корабль всех своих слуг-мужчин, слуг-женщин и даже "ближайших друзей", в то время как Ной разрешено спасти только свою ближайшую семью: "сыновей своих, и жену свою, и жен сыновей своих" (Бытие, ст. 18). Затем по-другому рассказывается случай с птицами: Хасисадра посылает трех птиц - голубя, ласточку и ворона; Ной - только двух: сначала ворона, затем три раза подряд голубя. Но поразительно, что в обоих повествованиях неоднократно используются одни и те же слова. Так, древнееврейский писатель рассказывает, как Ной "послал ворона, который ходил туда-сюда", и как "голубь не нашел покоя для подошвы своей ноги и вернулся". Хасисадра рассказывает: "Я взял голубя и послал его. Голубь летал туда-сюда, но не нашел места для отдыха и вернулся". И далее, когда Хасисадра описывает жертвоприношение, которое он совершил на вершине горы Низир после того, как сошел с корабля, он говорит: "Боги почувствовали запах; боги почувствовали сладкий запах". "И Господь учуял сладкий аромат", - говорится в Бытие, VII. 21 о всеожожении Ноя. Этих нескольких замечаний должно быть достаточно, чтобы показать, насколько поучительно и увлекательно параллельное изучение двух повествований; лучше всего это сделать, внимательно читая оба рассказа по очереди и сравнивая их вместе, абзац за абзацем.

17. Легенда о Башне языков (см. выше, с. 293, и Бытие, xi. 3-9) - последняя в ряду параллельных халдейских и древнееврейских традиций. В Библии за ней сразу же следует подробная генеалогия евреев от Шема до Авраама. На этом, очевидно, заканчивается связь между двумя народами, которые навсегда разрываются с того момента, когда Авраам выходит со своим племенем из Ура Халдейского, вероятно, в царствование Амарпала (отца Хаммурапи), которого Библия называет Амрафелом, царем Синеавра. Правление Хаммурапи, как мы уже видели (см. с. 219), было процветающим и блестящим. Первоначально он был царем Тинтира (древнейшее название Вавилона), а когда он объединил под своей властью все города и местных правителей Халдеи, то выделил среди них первенство для своего собственного города, который он стал называть новым именем - Ка-димирра (по-аккадски "Врата Бога", что было переведено на семитский Баб-Ил). Этот царь во всех отношениях открывает новую главу в истории Халдеи. Кроме того, во всем регионе между Средиземным морем и Персидским заливом происходило великое движение; народы формировались и росли, а на севере постепенно набирал силу самый грозный соперник и будущий завоеватель Халдеи - Ассирия, свирепый молодой левенок. На этого новичка среди народов отныне будет в основном обращено наше внимание. Поэтому давайте остановимся на высоком месте, куда мы сейчас прибыли, и, бросив взгляд назад, бегло осмотрим пройденный нами путь.

18. Напряженными глазами вглядываясь в прошлое, тусклое и серое от едва развеивающегося тумана бесчисленных веков, мы видим, как наша отправная точка,

низменная земля у залива, Шумир, приобретает форму и цвет под властью туранских поселенцев, самой древней известной нации в мире. Они осушают и обрабатывают землю, делают кирпичи и строят города, процветают материально. Но дух их темен и живет в трусливом ужасе перед сотворенными ими самими демонами и злом, которые, как они верят, могут контролировать и подчинять себе. Поэтому их религия - это не поклонение и благодарение, а жуткое колдовство и заклинания, немыслимые суеверия и колдовство, невыносимая тоска, которую едва скрашивает проблеск более благородной веры в концепцию мудрого и благодетельного Ка и его вечно благосклонного сына, Меридуга. Но постепенно наступает перемена. Шумир поднимает свой взор ввысь, и по мере того, как он вбирает в себя все больше красоты и добра мира - Солнце, Луну и звезды, полезные воды и очищающий огонь, добрые и божественные силы - боги множатся, а сонмы элементарных духов, в основном злых, становятся второстепенными. Этому изменению в значительной степени способствует прибытие медитирующих, любующихся звездами чужеземцев, которые берут на вооружение поклонение природе и природные мифы, которые они находят у людей, к которым они пришли - более высокой и развитой расы - и переплетают их с собственным поклонением звездам и астрологическими преданиями в новую веру, религиозную систему, самым изобретательным образом объединенную, тщательно гармонизированную и полную глубочайшего смысла. Новая религия проповедуется не только на словах, но и в кирпиче и камне: по всей стране возникают храмы, возведенные *патесисами* - жрецами-царями разных городов, и библиотеки, в которых жреческие коллегии благоговейно хранят как свои собственные труды, так и более древние религиозные предания страны. Древние туранские имена богов постепенно переводятся на новый кушито-семитский язык; однако молитвы и гимны, а также заклинания все еще сохраняются на языке оригинала, поскольку туранский народ Шумира более многочисленный и должен управляться и примиряться, а не отчуждаться. Более северная область, Аккад, действительно, более малонаселенная; там племена семитов, которые теперь прибывают частыми партиями, распространяются быстро и беспрепятственно. Города Аккада с их храмами вскоре соперничают с городами Шумира и стремятся затмить их, а их *патесисы* стараются политически преобладать над южными. И поначалу победа остается за Севером; его главенство утверждается во времена Шаррукина Агадского, около 3800 года до н. э., но возобновляется Югом примерно тысячу лет спустя, когда могущественная династия (к которой принадлежат Ур-Ка и его сын Дунги) утверждается в Уре, а о Тинтире, будущем главе и центре объединенной земли Халдеи, великом Вавилоне, если он вообще существует, еще не слышно. Именно эти цари Ура впервые получают значимый титул "цари Шумира и Аккада". Тем временем действовали новые и более высокие моральные влияния; семитская иммиграция ускорила полумифическую, полуастрономическую религию более духовным элементом - горячим обожанием, молитвенным доверием, страстным раскаянием и самоуничижением в горьком сознании греха, - чуждым ей до сих пор, и породила новую и прекрасную религиозную литературу, которая знаменует собой третий и последний этап. К этому этапу относятся часто упоминаемые "Покаянные псалмы", семитские, а точнее, древнееврейские по духу, хотя и написанные на старом туранском языке (но на северном диалекте Аккада, что само по себе свидетельствует об их сравнительной поздности и местности, в которой они возникли), и слишком поразительно похожие на подобные песни золотого века древнееврейской поэзии по содержанию и форме, чтобы не быть образцами, из которых последняя, в силу своего рода бессознательной наследственности, черпала вдохновение. Затем следует великое эламское нашествие с разграблением городов, осквернением храмов и святилищ, за которым, вероятно, последовало еще несколько на протяжении не менее трехсот лет. Последнее, Худур-Лагамар, поскольку оно выдвигает на первый план основателя еврейского

народа, заслуживает особого упоминания историками этого народа, а поскольку оно совпадает с правлением Амарпала, царя Тинтира и отца Хаммурапи, то служит важной вехой в истории как евреев, так и Халдеи. Когда мы достигаем этой сравнительно поздней даты, туман в значительной степени рассеивается, и мы переходим от только что рассмотренных эпох к тем, которые еще лежат перед нами, история ведет нас более смелым шагом и показывает нам пейзаж в сумерках, которые, хотя все еще туманны и иногда вводят в заблуждение, все же являются сумерками наступающего дня, а не спускающейся ночи.

19. Когда мы пытаемся осознать непомерную обширность и удаленность открывшегося перед нами горизонта, нас охватывает чувство, сродни благоговению. Еще совсем недавно Египет мог похвастаться тем, что является самой древней страной в мире, т. е. своими летописями и памятниками восходит к более ранней дате, чем любая другая. Но открытия, которые постоянно совершаются в долине двух великих рек, навсегда заставили замолчать эту гордость. Халдея указывает на монументально зафиксированную дату почти 4000 лет до н.э. Это больше, чем может сделать Египет. Ее древнейшие подлинные памятники - великие пирамиды - значительно более поздние. Г-н Ф. Хоммель, один из лидеров ассириологии, убедительно выражает это чувство удивления в недавней публикации: [BK] "Если, - говорит он, - семиты уже были поселены в Северной Вавилонии (Аккаде) в начале четвертого тысячелетия до нашей эры, обладая полностью развитой шумиро-аккадской культурой, принятой ими, - культурой, более того, которая, похоже, проросла в Аккаде как отросток от Шумира, - то последняя, естественно, должна быть намного старше и существовать в своей завершенной форме в пятом тысячелетии до н.э. - в эпоху, к которой я теперь безоговорочно приписываю южноавилонские заклинания". Это дало бы нашему мысленному взору охват в шесть тысяч лет, довольно приличная цифра! Но если вспомнить, что эти первые известные поселенцы Шумира пришли откуда-то еще, и что они принесли с собой нечто большее, чем зачатки цивилизации, то мы сразу же отбрасываемся еще как минимум на пару тысяч лет назад. Ведь для того, чтобы пройти путь от жизни в пещерах и охоты на диких зверей до стадии культуры, включающей изобретение полной системы письма, знание и обработку металлов, вплоть до превращения меди и олова в бронзу, и мастерство в сельском хозяйстве, позволяющее не только обрабатывать, но и осушать землю, должно было потребоваться все это и даже больше. Если мы продолжим путь человечества - потеряв, наконец, всякий счет времени в годах или даже веках - назад, к его первоначальному отделению, к его первому появлению на земле, - если мы пойдем еще дальше и попытаемся вспомнить века за веками, в течение которых человек вообще не существовал, а земля существовала, и была прекрасна на вид - (если бы было на что смотреть), и хороша для существ, которым она была предоставлена сама по себе, - то у нас кружится голова перед бесконечностью времени, и мы отступаем назад, теряя сознание и потрясенные, как это бывает, когда астрономия запускает нас на тонкой нити фигур в бесконечность пространства. Шесть эпох по тысяче лет каждая - все, что наш разум может твердо усвоить, - кажутся нам очень бедной и ничтожной долей этой бесконечности, к которой мы склонны почти презрительно применить слова, сказанные поэтом стольких же лет: "Шесть веков! Шесть маленьких веков! Шесть капель времени!"

ССЫЛКИ:

[BJ] Maspero, "Histoire Ancienne", p. 173.

[BK] Ztschr. für Keilschriftforschung, "Zur altbabylonischen Chronologie," Heft I.

[BL] Мэтью Арнольд, в "Myserinus":

"Шесть лет! Шесть маленьких лет! Шесть капель времени!"

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ VII.

Профессор Луис Дайер посвятил некоторое время подготовке вольного метрического перевода "Спуска Иштар". К сожалению, в силу своей занятости он закончил только первую часть поэмы. Эту часть он любезно предоставил в наше распоряжение, разрешив представить ее нашим читателям.

ИШТАР В УРУГАЛЕ.

По мрачной аллее смерти В поисках страшной бездны Уругала, В вечный мрак, откуда никто не возвращается, Иштар, дочь лунного бога, решила И в ту сторону, больная печалью, обратила свой лик.

Дорога ведет вниз, но нет дороги назад Из царства Тьмы. Там царица Иркалла, Называемая также Нинкигаль, мать боли. Ее порталы навеки закрываются от гостей, и выхода нет, но все, кто входит, к дневному свету чужие, и радости неведомые, в ее бессолнечных воротах сдержанные должны оставаться. И там единственной пищей служит пыль, И слизью живут те, кто на земле умер. Золотой луч дня не приветствует никого, и царит тьма, где летают похожие на летучих мышей формы пернатых людей или заключенные в тюрьму птицы, похожие на людей. Тесные и покрытые пылью двери подземелья заперты на засовы с наросшей плесенью.

Любовью отвлеченной, хотя царица любви, Бледная Иштар, вниз устремилась к владениям смерти, И стремительно к этим воротам Уругала подошла, Потом остановилась в нетерпении у мрачных порталов; Ведь любовь, чью силу не сдерживают земные решетки, Не дает ключа, чтобы открыть двери Тьмы. Службой всех живых гордилась Иштар, не терпя сопротивления мертвых. Она позвала тюремщика, потом гнев сменился любовью, которая подгоняла ее на бездыханном пути, и с ее раздвинутых недержанием губ сорвалась речь, заставившая непреклонного стражника вздрогнуть.

"Быстрее, ключ ямы! Распахни пошире эти двери И быстро распахни их. Не медли! Ибо я пройду, даже войду. Не смейте отрицать, вы, не преграждайте мне путь, Иначе я сломаю ваши засовы и разнесу ваши ворота, Разобью эту перекладину и разнесу эти двери. Иначе я освобожу мертвецов, и верну ушедших в те края, которые они покинули, или попрошу голодных обитателей ямы подняться, чтобы снова жить и есть. И тогда мертвые мириады будут тяготить стонущую землю, а ее живые толпы останутся без них".

Любовница, овладевшая сильной ненавистью, Страж услышал и сначала удивился, а потом испугался, что говорит разгневанная богиня Иштар, и ответил разгневанной Иштар: "О царевна, замри, не ломай дверь, а останься здесь, пока я пойду к Нинкигаль и расскажу ей о твоём славном имени".

ПЛАЧ ИШТАР.

"Вся любовь из жизни земной со мной ушла, Со мной во вратах смерти осталась; Под солнцем небесным не греет больше сердце, И охлажденные, невеселые люди теперь медленно дышат.

"Я оставил в печали жизнь, которую отдал, Я от радости отвернулся и с горем шел, К живой смерти горем безвременным гоним, Я ищу Таммуза, которого суровая судьба низложила.

"По мрачной тропе над беспокойными водами Семи морей, что огибают владенья Смерти, я шел и за печальными дочерьми Земли, Оторванными от любимых и никогда не виденными вновь.

"Сюда должен я войти, здесь устроить себе жилище Вместе с Фаммузом в обители мертвых, Гонимый в дом Голода любовью непреодолимой И жаждой видеть эту дорогую голову.

"Над мужьями я буду плакать, которых смерть взяла, Которых судьба в силе мужественной из жизни унесла, Оставив на земле живых жен покинутыми, - Над ними со стонами горькими плакать буду.

"И я буду плакать о женах, чей короткий день кончился, Когда радостным потомством радовались глаза мужей; Вырванные из любимых объятий, они оставили своих господ без ухода, - Над ними поднимутся слезные причитания.

"И я буду плакать о младенцах, не оставивших братьев, О юных жизнях, которым надежда противопоказана, О сыновьях опечаленных отцов и слезливых матерей, О том, что жизнь на миг смертью вечной закрыта".

ПРИКАЗ НИНКИГАЛА СТРАЖНИКУ.

"Оставь это присутствие, раб, открой ворота; Раз уж в ее власти силой сюда войти, Пусть войдет она, как входят из жизни мертвые, Покоряясь законам владений Смерти. Поступай с ней так, как со всеми поступаешь ты".

Из-за недостатка места мы вынуждены ограничиться этими несколькими фрагментами, которых, несомненно, достаточно, чтобы заставить наших читателей пожелать, чтобы профессор Дайер уделил немного времени завершению своей работы.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

Стр. vii Введение Глава 4: исправлено на начало со стр. 94

Стр. ix, 92, 93, 214, 215, Иллюстрации 44, 59: Sirgulla стандартизировано до Sir-gulla

Страница xi: Содержание Глава VIII: Добавлен маркер § для раздела 12

Страница xiii: После слова sittliche Weltordnung добавлена точка (точка).

Страницы xiii-xv Основные работы: Нормализованы строчные прописные буквы в именах авторов

Страница xiv: Menant стандартизировано до Ménant

Страница 36: Thoroughly исправлено на thoroughly

Иллюстрация 9: Chippiez стандартизировано до Chipiez

Стр. 60: head-dress стандартизировано до headdress

Стр. 64: gate-ways стандартизировано на gateways

Страница 68: Sufficent исправлено на sufficient

Иллюстрация 33: в подписи после жалюзи добавлена полная точка (точка)

Стр. 104: life-time стандартизировано на lifetime

Стр. 105: Bibliothèque стандартизировано на Bibliothèque

Страница 116: Двойная кавычка добавлена перед ... В этом

Стр. 126: new-comers стандартизировано на newcomers

Стр. 131, 375: Иафет стандартизирован в Иафет

Стр. 147, 196, 371: Алтай стандартизирован как Алтай

Стр. 154, 397, 404: Zi-ki-a стандартизировано как Zi-kî-a

Страница 154: Стр. 154: Анунна-ки стандартизировано как Ануннаки

Страница 157: Уру-гал стандартизирован как Уругал

Страница 157: 'who may the rather' переведено как 'who may then rather'

Страница 160: Meri-dug стандартизирован в Meridug

Страница 163: Апостроф добавлен к пациентам

Страница 172: Mulge стандартизировано до Mul-ge

Страница 210: Дефис добавлен к противоток

Стр. 214, 215, 375 Иллюстрация 59: Sirburla стандартизировано как Sir-burla

Страница 218: Dovoted исправлено на devoted

Стр. 221, 360, 379: Shinear стандартизировано как Shineâr

Страница 225: Кадимирра исправлено на Ка-димирра

Стр. 228: Cossaeans стандартизировано на Cossæans

Сноска AN: Ur-ea как в оригинале (не стандартизировано в Ur-êa)

Страница 234: Полный стоп (точка) удален после слов "с севера"

Стр. 234: Курсив удален из i.e., чтобы соответствовать другим употреблениям

Стр. 241, 246: Nindar стандартизировано до Nin-dar

Стр. 249: Бабилу стандартизировано до Баб-илу

Стр. 254: Двойная кавычка добавлена после Например:--.

Сноска AT: Асшурбанипал стандартизировано до Асшурбанипал

Иллюстрация 70: номер иллюстрации добавлен к иллюстрации

Стр. 297: border-land стандартизировано до borderland

Страница 302: Добавлена двойная кавычка в конце параграфа 6

Иллюстрация 77: EABANI'S заменено на ÊABÂNI'S

Стр. 323: death-like стандартизировано на deathlike

Сноска BE: Sündflutbericht стандартизирован до Sündfluthbericht. Обратите внимание, что правильная современная форма - Der keilinschriftliche Sintfluthbericht

Страница 372: Asshurnazirpal стандартизировано до Asshur-nazir-pal

Страница 372: Баб-эль-Мандер стандартизировано до Баб-эль-Мандеб

Страница 374: Ариох стандартизирован в Ариох

Страница 374: Abu-Shahreiin стандартизировано в Abu-Shahrein

Страница 375: Himalaya стандартизировано в Himâlaya

Страница 376: Добавлен номер страницы 42 для индексной записи Kasr

Страница 379: Номер страницы 131 добавлен для индексной записи Seth

Общие сведения: Непоследовательное написание Мосул/Мосул сохранено
